№ 4 / 2024

ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

К.А. Чуйченко, Министр юстиции Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент, проректор по науке и инновациям Международного университета Кыргызской Республики (Киргизия);

Д.С. Жуйков, заместитель Министра юстиции Российской Федерации (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сыюань, кандидат филологических наук, доцент, начальник секретариата Центра обмена и сотрудничества при Комиссии по юридическим услугам для ШОС (Шанхайского политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор, первый заместитель директора, курирующий научно-методическую и образовательную деятельность Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

В.В. Ярков, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Председатель редакционной коллегии: доктор юридических наук, профессор, председатель Следственного комитета РФ, генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ
А.И. Бастрыкин (г. Москва)

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой административного, финансового и информационного права ВГУЮ (РПА Минюста России) **З.М. Казачкова** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);
М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Москва);
А.С. Автономов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
В.Н. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);
Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
А.Я. Кодинцев, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);
Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);
А.Н. Лёвушкин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
В.Ю. Панченко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саранск);
А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);
Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук (г. Москва)

№ 4 / 2024

HERALD
OF THE RUSSIAN LAW ACADEMY

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL
OF THE ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY
OF JUSTICE (RLA OF THE MINISTRY
OF JUSTICE OF RUSSIA)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

K.A. Chuichenko, Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology, Vice-Rector for Science and Innovations of International University of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Head of the Secretariat of the Center for Exchange and Cooperation under the Commission on Legal Services for the SCO (Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, First Deputy Director in Charge of Scientific, Methodological and Educational Activities of the Russian Federal Center for Forensic Science Under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow);

V.V. Yarkov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure of V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

D.S. Zhuikov, Deputy Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board: Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation **A.I. Bastrykin** (Moscow)

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative, Financial and Information Law of All-Russian State University of Justice **Z.M. Kazachkova** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);
M.B. Averin, PhD in Law, PhD in History (Moscow);
A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);
V.N. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);
N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);
E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);
S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);
K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);
E.V. Fomenko, Doctor of Law (Moscow);
O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);
A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg);
E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);
V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);
A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);
S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);
B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);
V.Yu. Panchenko, Doctor of Law (Moscow);
N.A. Podolny, Doctor of Law (Saransk);
A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);
B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor (Moscow);
A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);
Z.B. Soktoev, Doctor of Law, Professor (Moscow);
Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);
E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);
N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);
I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2024

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 Г. И МУРАВЬЕВСКАЯ КОМИССИЯ

Аверин М. Б.

Критика положений законопроектов, подготовленных Муравьевской комиссией, в отзывах генерал-губернаторов национальных окраин Российской империи 12

Бабенко В. Н.

Судебная реформа 1864 г. и особенности развития судоустройства и судопроизводства в Новороссии 23

Барзилова И. С.

Осмысление итогов Судебной реформы 1864 г. в рамках современной теории государства и права 33

Бибина Н. М., Цай Э. А.

Судебная реформа 1864 г.: исторический опыт и влияние на российское общество и государство 41

Ефремова Н. Н.

Роль Министерства юстиции Российской империи в трансформации суда в 70-е–80-е гг. XIX в. 49

Краковский К. П.

Планировал ли Н. В. Муравьев ликвидировать Судебные уставы? 57

Красильникова Т. К.

Судебная практика Сената как источник корпоративного права России XIX – начала XX вв. 67

Саттаров В. Д.

Патернализм и либерализм в контексте Судебной реформы 1864 г. 74

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Кирсанова Е. В.

Обоснование применения синергетического подхода в исследовании принципов организации нотариата на современном этапе 82

Красиков В. И., Оганесян Р. Г.

Онлайн-группы с радикальной политической риторикой в социальной сети «ВКонтакте»: региональный аспект 95

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Егоров Г. Г.

Международный опыт внедрения цифровых технологий в современном обществе 110

Морозова М. А.

Регулирование ускоренных и упрощенных форм рассмотрения споров в третейском суде 119

Нардина О. В.

Прекращение гражданства по основаниям, связанным с обеспечением национальной безопасности, на примере отдельных зарубежных стран 129

Полякова Т. А.

Правовое обеспечение государственного суверенитета и информационная безопасность: вопросы противодействия цифровым угрозам 145

Слепухин Ю. А.

Проблемы реализации принципа добросовестности в действиях родителей при защите прав ребенка в гражданском судопроизводстве 155

Таманцева А. В.

Судебная неустойка: правовая природа и функции 166

Шиповальникова Ю. Г.

Реализация принципа соотносимости при рассмотрении вопроса совершения исполнительных действий 178

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Гапоненко М. А.

Договорное регулирование создания научных
и научно-технических результатов 185

Мамедов Р. В.

К вопросу о понятии «институт развития» в законодательстве
Российской Федерации 195

Черемухин В. В.

Соглашение о соразмерности неустойки в рамках договора
аренды земельного участка 207

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Васягина М. М., Шигуров А. В., Шигурова Е. И.

Проблемы правового регулирования прекращения уголовного дела
(преследования) и освобождения от уголовной ответственности
в судебных стадиях уголовного процесса 216

Семелев В. Н.

Тактика взаимодействия следователя со специалистом при расследовании
обращения фальсифицированных, недоброкачественных
и незарегистрированных медицинских изделий 226

Сорочкин Р. А.

Проблемы доказывания обстоятельств, смягчающих наказание 237

Шестак В. А.

Противодействие незаконной международной миграции:
опыт стран Латиноамериканского региона 246

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Ушаков А. А.

Квалификация договора на изготовление вещей
путем 3D-печати 256

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Землянкин Е. В.

Обеспечение соблюдения интересов кредиторов и семьи должника в делах о банкротстве 267

Маренков А. С.

О соразмерности в исполнительном производстве по требованиям неимущественного характера 286

Тарасова Д. А.

Формы использования специальных знаний при расследовании уголовных дел о реабилитации нацизма, совершенной с использованием информационных технологий 299

Чулкова Е. А.

Разделение отпуска на части: проблемы и возможные пути решения 307

Ярыгин И. С.

Пенсионные накопления умерших застрахованных лиц как предмет спора в судебных органах 317

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Альбов А. П., Барзилова И. С., Дворянсков И. В., Милушева Т. В., Панченко В. Ю., Романовская О. В., Цыбулевская О. И., Чекушкина Е. Н.

Всероссийский научно-практический круглый стол «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы»: обзор пленарного заседания (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 18 января 2024 г.). Часть 2 326

Елдин М. А., Логинов А. В., Панченко В. Ю., Сатаров В. Д., Чекушкина Е. Н., Шишканов А. В.

Обзор Всероссийской научно-практической конференции в формате круглого стола «Проблемы происхождения и будущего государства и права в современных политико-правовых воззрениях», 18 ноября 2023 года, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске 342

CONTENT

THE JUDICIAL REFORM OF 1864 AND THE MURAVYEV COMMISSION

Mikhail B. Averin
Criticism of the Provisions of the Bills Prepared by the Muravyov Commission in the Reviews of the Governors-General of the National Outskirts of the Russian Empire 13

Vasily N. Babenko
The Judicial Reform of 1864 and the Peculiarities of the Development of the Judicial System and Judicial Proceedings in Novorossiya 24

Inna S. Barzilova
Understanding the Results of the Judicial Reform of 1864 in the Framework of the Modern Theory of State and Law 34

Natalia M. Bibina, Elina A. Tsay
The Judicial Reform of 1864: Historical Experience and Connection with the Present 42

Nadezhda N. Efremova
The Role of the Ministry of Justice of the Russian Empire in the Transformation of the Court in the 70s–80s of the 19th Century 50

Konstantin P. Krakovsky
Did N. V. Muravyov Plan to Eliminate the Judicial Statutes? 57

Tatyana K. Krasilnikova
Senate Judicial Practice as a Source of Corporate Law in Russia in the 19th – Early 20th Centuries 68

Vitaly D. Sattarov
Paternalism and Liberalism in the Context of the Judicial Reform of 1864 75

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Ekaterina V. Kirsanova
Substantiation of the Use of a Synergetic Approach in the Study of the Principles of Notary Organization at the Present Stage 83

Vladimir I. Krasikov, Roman G. Oganesyan
Online Groups with Radical Political Rhetoric in the Social Network "Vkontakte": Regional Aspect 96

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Gennady G. Egorov
International Experience in Implementing Digital Technologies in Modern Society 111

Maria A. Morozova
Regulation of Accelerated and Simplified Forms of Dispute Resolution in Arbitration 120

Oksana V. Nardina
Termination of Citizenship on Grounds Related to Ensuring National Security on the Example of Certain Foreign Countries 130

Tatyana A. Polyakova
Legal Support of State Sovereignty and Information Security: Issues of Countering Digital Threats 146

Yuri A. Slepukhin
Problems of Implementing the Principle of Good Faith in the Actions of Parents in Protecting the Rights of a Child in Civil Proceedings 156

Alina V. Tamantseva
The Judicial Penalty: Legal Nature and Functions 166

Yulia G. Shipovalnikova
Implementation of the Principle of Comparability When Considering the Issue of Performing Executive Actions 179

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Mikhail A. Gaponenko
Contractual Regulation of the Creation of Scientific and Scientific-Technical Results 186

Ruslan V. Mamedov
On the Concept of "Development Institute" in the Legislation of the Russian Federation 196

Vyacheslav V. Cheremukhin
Agreement on the Proportionality of the Penalty Under the Land Lease Agreement 208

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Marina M. Vasyagina, Alexander V. Shigurov, Elena I. Shigurova
The Concept of an Official Document as a Subject of Official Forgery: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement Practice 217

Vasily N. Semelev
Tactics of Interaction Between an Investigator and a Specialist in the Investigation of the Circulation of Falsified, Substandard and Unregistered Medical Devices 227

Roman A. Sorochkin
Problems of Proving Circumstances Mitigating Punishment 238

Victor A. Shestak
Combating Illegal International Migration: The Experience of the Latin American Region 247

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Andrey A. Ushakov
Qualification of a Contract for the Manufacture of Things by 3D Printing 257

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Egor V. Zemlyankin
Ensuring That the Interests of Creditors and the Debtor's Family Are Respected in Bankruptcy Cases 268

Alexander S. Marenkov
On Proportionality in Enforcement Proceedings on Non-Property Claims 287

Daria A. Tarasova
Forms of Using Special Knowledge in the Investigation of Criminal Cases on the Rehabilitation of Nazism Committed Using Information Technology 300

Ekaterina A. Chulkova
Splitting Vacations into Parts: Problems and Possible Solutions 308

Ivan S. Yarygin
Pension Savings of Deceased Insured Persons as a Subject of Dispute in the Judicial Authorities 318

REVIEWS, PERSONALITIES

Alexey P. Albov, Inna S. Barzilova, Ivan V. Dvoryanskov, Tatyana V. Milusheva, Vladislav Yu. Panchenko, Olga V. Romanovskaya, Olga I. Tsybulevskaya, Elena N. Chekushkina
All-Russian Scientific and Practical Round Table "Legal Conflictology: Problems and Prospects": Review of the Plenary Session (All-Russian State University of Justice, 18 January 2024). Part 2 328

Mikhail A. Eldin, Alexander V. Loginov, Vladislav Yu. Panchenko, Vitaly D. Sattarov, Elena N. Chekushkina, Andrey V. Shishkanov
Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference in a Round Table Format "Problems of the Origin and Future of State and Law in Modern Political and Legal Views", November 18, 2023, Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice in Saransk 344

Научная статья
УДК 340
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-12-22

КРИТИКА ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОПРОЕКТОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ МУРАВЬЕВСКОЙ КОМИССИЕЙ, В ОТЗЫВАХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Михаил Борисович Аверин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

averin.mb@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются критические замечания на отдельные положения проектов Судебных уставов, подготовленных Муравьевской комиссией, из отзывов генерал-губернаторов национальных окраин Российской империи. Целью работы выступает выявление общих и особенных черт данных замечаний, а также представлений генерал-губернаторов об эффективности применения на местной практике планируемых изменений судебных установлений. В работе используются сравнительно-правовой и историко-правовой методы исследования. Кроме того, делается вывод о том, что наличие сильной генерал-губернаторской власти на окраинах Империи сыграло положительную роль – относительно самостоятельные главные начальники губерний донесли в своих отзывах мысль о том, что идея унификации судебной системы Империи сталкивается с местными особенностями окраин, а потому требует определенных отступлений от общей модели.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 г.; Муравьевская комиссия; национальные окраины Российской империи.

Для цитирования: *Аверин М. Б.* Критика положений законопроектов, подготовленных Муравьевской комиссией, в отзывах генерал-губернаторов национальных окраин Российской империи // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 12–22. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-12-22

Research Article

CRITICISM OF THE PROVISIONS OF THE BILLS PREPARED BY THE MURAVYOV COMMISSION IN THE REVIEWS OF THE GOVERNORS-GENERAL OF THE NATIONAL OUTSKIRTS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Mikhail B. Averin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

averin.mb@yandex.ru

Abstract

The article analyzes critical remarks on certain provisions of the draft Judicial Statutes prepared by the Muravyov Commission from the reviews of the governors-general of the national outskirts of the Russian Empire. The purpose of the work is to identify the general and special features of these comments, as well as the views of the governors-General on the effectiveness of the planned changes in judicial regulations in local practice. The work uses comparative legal and historical-legal research methods. In addition, it is concluded that the presence of a strong governor-general's authority on the outskirts of the empire played a positive role – the relatively independent chief chiefs of the provinces conveyed in their reviews the idea that the idea of unifying the judicial system of the empire collides with the local characteristics of the outskirts, and therefore requires certain deviations from the general model.

Keywords: Judicial Reform of 1864; Muravyov Commission; national outskirts of the Russian Empire.

For citation: *Averin M. B.* Criticism of the Provisions of the Bills Prepared by the Muravyov Commission in the Reviews of the Governors-General of the National Outskirts of the Russian Empire. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 12–22. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-12-22

Введение

Создание и деятельность Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части (Муравьевской комиссии), учитывая масштаб задуманных преобразований и объем законоподготовительных работ, продолжают выступать предметом изучения со стороны отечественных исследователей. Работы М. В. Немытиной [1; 2], К. П. Краковского [3; 4] и некоторых других ученых [5–9],

безусловно, имеют важное значение для изучения данной проблемы. Они анализируют общие принципы задуманных преобразований Судебных уставов 1864 г., политическую направленность реформы, отношение юристов и общественности к результатам деятельности Комиссии, а также отдельные аспекты преобразований в области судоустройства и судопроизводства. Новейшие исследования, в отличие от советского периода, поддерживая критические взгляды современников планируемой реформы, тем не менее дают более взвешенную оценку деятельности Муравьевской комиссии, скрупулезно рассматривают причины ее неудачной деятельности [1, с. 296–299; 3, с. 22–24].

Обширное наследие Комиссии в виде материалов, отзывов, мнений и записок, идей, высказанных в ходе ее работы, становится по-настоящему бесценным источником по истории функционирования дореволюционной судебной системы, ее институтов и судопроизводства, позволяет получить представление об эффективности применения положений Судебных уставов, возможности их модернизации, приспособления к новым условиям быстро развивающегося российского общества.

Обширная территория Российской империи, наличие в ее составе национальных окраин, где существовали серьезные отступления от общей модели судоустройства и судопроизводства, также были в центре внимания в ходе деятельности комиссии. Сам Н. В. Муравьев отмечал необходимость большей унификации судебной системы Империи, которая на практике, например, при распространении Судебных уставов на Туркестанский и Степной край в самом конце XIX в. (когда работы по подготовки новых судебных уставов были уже близки к завершению) только продолжала обрастать местными особенностями.

Поэтому крайне важным, как нам представляется, может быть анализ отзывов на законопроекты, подготовленные Высочайше учрежденной комиссией, которые дали представители высшей имперской администрации окраин – генерал-губернаторы, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и финляндский министр статс-секретарь. Эти отзывы могут в некоторой мере пролить свет на состояние судебных институтов, определить общие проблемы и недостатки законоположений проектируемых Судебных уставов с точки зрения местных чиновников.

Необходимо отметить и то, что при подготовке работы комиссии в 1895 г. были собраны отзывы о состоянии судебной части из всеподданнейших отчетов губернаторов и генерал-губернаторов. Однако последние не входят в предмет настоящего исследования. Необходимо отметить, что в рамках данной работы анализируются лишь отдельные вопросы, попавшие в поле зрения отзывов главных начальников губерний.

1. «Уездные судьи и следственные судьи»

31 декабря 1899 г. и 29 февраля 1900 г. министр юстиции двумя отношениями посылает на отзыв главам центральных ведомств и генерал-губернаторам проекты Учреждения судебных установлений, Устава уголовного судопроизводства и Устава гражданского судопроизводства [10–12], ставшие результатом работы Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. Отзывы на проекты были собраны и опубликованы в 1901 г.

Относительной новеллой нового судоустройства было введение участковых судей, выступавших самой низшей инстанцией по малозначительным уголовным и гражданским делам. Округ каждого окружного суда теперь мог делиться на судебные, судебно-следственные и следственные участки. В первом случае там находились участковые судьи, которые выполняли лишь судебные функции, во втором – участковые судьи, которые судили и одновременно выполняли функции бывших судебных следователей, т.е. занимались предварительным расследованием теперь лишь по наиболее важным уголовным делам. В последнем случае – участковые судьи, которые вели исключительно предварительное следствие, именовались, как и во Франции, участковыми следственными судьями [12, с. 12–13]. Кроме того, из состава окружных судов министром юстиции могли назначить окружных следственных судей. Мировой выборный суд в проекте не предусматривался. Против такого положения возражали члены комиссии И. П. Закревский и А. Ф. Кони [12, с. 4].

Институт участковых судей в судебно-следственном варианте вызвал самый живой отклик в отзывах генерал-губернаторов. Исполняющий делами туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант А. И. Иванов в отзыве от 15 июля 1900 г. не мог не обратить внимание на то, что в проекте отсутствует требование согласия местного генерал-губернатора при назначении кандидатов на должность участкового судьи, т.е. судебного чиновника, личность которого (в отличие от чинов окружных судов) может быть известна и даже должна быть известна туркестанской администрации, так как кандидат должен быть знаком с местными условиями [13, с. 61].

Иванов решительно возражает против «соединения в одном лице следственных и судейских властей, с ограничением, в возможных пределах, случаев, требующих предварительного следствия» [13, с. 62]. Он критикует уже имеющуюся практику соединения в лице участкового мирового судьи на окраинах судейских и следственных обязанностей, пишет о том, что туркестанская судебная власть вынуждена в большинстве случаев выделять специальные следственные участки, закрепляя их за отдельными судьями, осуществляющими только следственные действия, т.е. существующая практика прямо расходилась с планируемыми преобразованиями [13, с. 62–63]. Из года в год растет загруженность судей. Поэтому предлагается для Туркестанского края оставить разделение и судебной, и следственной власти: «Задача, поставленная проектами, приблизить судебную власть к народу – вряд ли может быть достигнута путем соединения в одном лице судейской и следственной властей» [13, с. 64].

Близким по духу был отчет главноначальствующего гражданской частью на Кавказе кн. Г. С. Голицына. Пожалуй, из всех главных начальников окраин он подошел к подготовке отзыва наиболее серьезно. Кавказский край остро нуждался в административных преобразованиях, в усилении судебно-следственной власти, а Судебные уставы здесь начали действовать раньше других национальных окраин. Поэтому Голицын образовал особую Комиссию для рассмотрения проектируемых в Кавказском крае нововведений по судоустройству и судопроизводству под председательством тайного советника И. В. Мицкевича в составе: эриванского вице-губернатора кн. М. А. Накашидзе, юрисконсульта по судебным делам В. Н. Ефремова, правителя канцелярии Кутаисского военного губернатора В. П. Чернова [13, с. 284–297]. Результаты работы Комиссии обсуждались в Совете главноначальству-

ющего гражданской частью на Кавказе [13, с. 297–338]. В весьма представительный состав Совета входили старший председатель Тифлисской судебной палаты С. Б. Враский и сам Мицкевич. Содержание журналов, подготовленных по результатам деятельности совета и комиссии Мицкевича, стало предметом обсуждения большой статьи в либеральной газете «Право» [14; 15]. Кн. Голицын практически полностью (кроме вопроса о суде присяжных) согласился с мнением Совета и Комиссии Мицкевича, а газетная публикация усилила критику положений проектов Судебных уставов, предпринятую данными учреждениями.

В отзыве Голицына указывается на неудовлетворительный опыт соединения в лице участковых мировых судей судебных и следственных функций. Это происходит в том числе и по причине плохого состояния путей сообщения в крае. Кроме того, это сказывается на быстроте отправления правосудия судьей, постоянно находящимся в разъездах по следственным делам. Комиссия отметила, что на Кавказе действовало два варианта участковых мировых судей: со смешанными следственно-судебными полномочиями (следственно-мировые), где, однако, полномочия разделялись между мировым судьей и его помощником, и полностью судебно-мировые [13, с. 300]. И первый вариант полностью себя не оправдал. Судебные участки должны быть уменьшены в размерах. Самый простой вариант решения вопроса с предварительным следствием был очевиден – увеличение числа судебных следователей.

Далее главноначальствующий повторяет мысль туркестанского генерал-губернатора о том, что проект совершенно устраняет (в пользу министра юстиции) от процедуры назначения местных участковых судей и других низших судейских чиновников главноначальствующего и губернские власти. Такая практика не позволит учитывать местную «политическую» (этническую и конфессиональную) специфику [13, с. 279].

Исполняющий делами приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенант А. С. Беневский прежде всего указал на то, что в крае мировые судьи были введены лишь три года назад. У русских поселенцев, выходцев из европейской России, с «наименованием мирового судьи» связываются положительные представления о новых судебных учреждениях. «Участковый судья» скорее будет ассоциироваться у населения с дореформенными судебными порядками, о которых сохранилась «плохая память» [13, с. 345]. Предпочтительно было бы оставить старые наименования – «мировой судья» и «судебный следователь».

Соединение в руках участкового судьи судебных и следственных полномочий с точки зрения существующего опыта оказалось неудобным. Такое возможно только в совсем малонаселенных местностях, где можно на этом экономить, но не в городах и на территориях, прилегающих к железным дорогам.

Исполняющий делами степного генерал-губернатора генерал-лейтенант Н. И. Санников подобно своим коллегам в мягкой форме предлагает урегулировать вопрос о более тесной связи генерал-губернатора с судами [13, с. 360].

Иркутский генерал-губернатор генерал-лейтенант Пантелеев отмечает, что пятилетний опыт осуществления следственных действий мировыми судьями оказался неудовлетворительным, ведущим к замедлению производства дел [13, с. 892].

Местная специфика организации судебной системы Варшавского генерал-губернаторства и совершенно изолированная система судоустройства Великого княжества Финляндского стали причиной того, что местные генерал-губернаторы не были озабочены положением новых участковых судей и следственных участковых судей.

2. Реформа дознания и прокуратура

Статья 107 проектируемого Устава уголовного судопроизводства закрепляла, что теперь дознание, производимое полицейскими чинами, «состоит, независимо от розысков, в производстве по правилам, постановленным для предварительного следствия допросов свидетелей, осмотров, освидетельствований, обысков и выемок» [11, с. 29]. Такое дознание проводится по делам, где не было предусмотрено законом проведение предварительного следствия. Фактически полиция наделялась правом проведения предварительного расследования по значительному числу уголовных дел в несколько упрощенном порядке. Это нововведение Министерства юстиции и Муравьева, по своей сути верное, позволяющее решить проблему роста вала уголовных расследований и нехватки «дорогих» и квалифицированных судебных следователей, опередило свое время и могло работать лишь в более развитых странах. Советская и российская практика пошла именно по этому пути и не вызывала каких-либо нареканий.

В России рубежа XIX–XX вв. уровень подготовки полиции был пока еще весьма слабым, а создание специальной судебно-следственной полиции потребовало бы значительный финансовых затрат и столкнулось бы с кадровым голодом. На проведение дознания полицией было легче оказать давление. В. А. Желеховский, А. Ф. Кони, Н. А. Ливен, Н. Н. Мясоедов, В. К. Случевский и И. Я. Фойницкий допускали дознание в подобной форме лишь по неотложным делам [11, с. 30].

Подобные соображения повлияли и на отзывы отдельных генерал-губернаторов. Генерал-лейтенант А. И. Иванов отмечает, что количественный состав административно-полицейских сил в Туркестане крайне мал, а сельская полиция в крае вообще отсутствует, учитывая состав населения, не появится и в обозримом будущем, и проведение дознания – фактически предварительного следствия требует увеличения полицейского состава [13, с. 62].

Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе возражает против того, что полиция попадает, благодаря введению нового дознания под властью прокуратуры, под контроль прокуратуры (делают выговоры и замечания) и министра юстиции (последний может даже сделать поощрение) [13, с. 277].

Кроме того, полиция в Кавказском крае прежде всего пресекает преступления, преследует разбойников «почти в одинаковых условиях с полем военных действий», а потому от нее требуются иные качества. Полиция малочисленна, обременена множеством обязанностей [13, с. 276]. Комиссия Мицкевича прямо выступила против предполагаемого введения испытаний для полицейских чинов, привлекаемых к дознанию, в отношении урядников, а для околоточных надзирателей в состав экзаменационной комиссии должны входить представители местной администрации [13, с. 315].

Генерал-лейтенант А. С. Беневский отмечает, что полиция в Приамурском крае больше знакома с военными обязанностями, нежели с полицейской службой. Поэтому полицейские чины мало знакомы с уголовными законами и тонкостями дознания, а проектируемые меры возможны в крае лишь при условии усиления штатов, улучшения качества личного состава, а значит, потребуются дополнительные финансовые средства [13, с. 276].

Исполняющий делами степного генерал-губернатора генерал-лейтенант Н. И. Санников высказывает опасение за качество расследования полицией под руководством прокуратуры достаточно важных и сложных дел [13, с. 274–376].

Министр юстиции Н. В. Муравьев и отдельные представители данного ведомства, прошедшие прокурорскую школу, продолжали выступать за расширение области прокурорского надзора, введение фактически общего прокурорского надзора за государственными учреждениями. От этой весьма спорной модели прокурорского надзора, как и территориальной организации прокуратуры, разумно отказались составители Судебных уставов 1864 г. Затем сфера прокурорского надзора несколько расширилась. Статья 112 проекта Учреждения судебных установлений стала попыткой возрождения в определенной мере прежнего прокурорского надзора над административными учреждениями. Прокурорские чины, при исполнении обязанностей, предусмотренных законом, обнаружившие существенные от него отступления, были обязаны в порядке подведомственности сообщить об этом министру юстиции (как генерал-прокурору) [12, с. 41]. Поэтому трудно согласиться с мнением С. М. Казанцева о том, что Комиссия Муравьева лишь обсуждала проблему увеличения прав в области общего надзора [7, с. 153].

И дело было вовсе не в поддержании пресловутой законности. Представители местной власти не могли не обратить свое внимание на это положение, умалявшее их полномочия, ставившее местную администрацию под мелочный, избирательный контроль прокуратуры и министра юстиции. Подобные права дореформенной прокуратуры отнюдь не способствовали достижению должного уровня правопорядка.

Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе прямо пишет о том, что прокурорские чины, участвующие в качестве членов в заседаниях различных административных учреждений, теперь были обязаны доносить о нарушениях закона министру юстиции. Подобную практику кн. Голицын находил «совершенно неуместной» [13, с. 272], так как современная ему администрация, в отличие от дореформенной, действует на основе закона, многие служащие имеют высшее образование с приличной оплатой труда и надлежащим опытом работы. Корме того, имеется соответствующий административный надзор со стороны начальства. Поэтому проектируемое вторжение Министерства юстиции в дела иных ведомств приведет лишь «к бесконечным пререканиям между различными ведомствами и не дало бы в большинстве случаев практических результатов» [13, с. 272]. С этими словами трудно не согласиться, но для прокурорских чинов, Министерства юстиции и амбициозного генерал-прокурора, думается, важным было увеличение своего веса и влияния в системе органов государственной власти.

Желая обезопасить себя от лишних хлопот, Голицын выступает против подачи жалоб на неправильные действия служащих администрации, помимо непосредственного начальства, чинам прокуратуры.

Он отрицательно относится и к вполне разумной мере – праву прокурора «требовать от начальства должностного лица возбуждения против последнего преследования, а в некоторых случаях предлагать судье производить следствия, уведомив лишь о том начальство сего лица» [13, с. 273].

В отзыве главноначальствующего прямо говорится о том, что в проекте явно присутствует желание поднять значение прокурорского надзора, поставить его в начальственное положение в отношении полиции, вооружить его правом «награждать и карать» [13, с. 274].

3. Отзывы финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря

Финляндский генерал-губернатор генерал-адъютант Н. И. Бобриков был последовательным сторонником интеграции управления и правовой системы Великого княжества Финляндского в общеимперский государственный и правовой строй. Выступая ярым противником широкой финляндской государственной автономии, Бобриков проектировал соответствующие меры, направленные на унификацию управления и права края с Империей. В отчете, написанном в данном духе, поддерживается идея, высказанная Министерством финансов из области уголовного судопроизводства, о совместном рассмотрении дел соучастников, совершивших преступление в княжестве, в одном имперском суде, но с применением в необходимых случаях местных финляндских законов.

Данное правило должно распространяться на уголовные дела: если преступление совершается совместно должностными лицами Княжества и Империи; если в преступлении, совершенном в Княжестве, участвовали имперские подданные; когда местные уроженцы участвовали в преступлении по службе, совершенном в Княжестве, имперским должностным лицом [13, с. 51]. Генерал-губернатор отмечает, что комиссия отказалась включить это предложение в проект, опасаясь трудностей, связанных с применением финляндского законодательства. Бобриков считает такие опасения совершенно беспочвенными.

Полное государственное единство России, по мнению генерал-губернатора, должно поддерживаться существованием единых уголовных законов. Разница в уголовном законодательстве Империи и Княжества «является трудно объяснимой» [13, с. 58]. Особенные законы могут существовать в гражданско-правовой сфере, но не в уголовно-правовой. Так, например, «первым актом единенной (а не единой) Германской империи, состоявшейся, под одним общим главенством, из самостоятельных государств, различных по религии, нравам и обычаям, – было издание единого уголовного кодекса» [13, с. 53]. Кроме того, в Финляндии продолжает действовать устаревшее судоустройство и судопроизводство на инквизиционных началах, поэтому настоятельно требуется преобразование местного судебного строя на основе передовых имперских Судебных уставов.

Финляндский министр статс-секретарь представлял дела по местному управлению Великого княжества российскому монарху. В данный период этот пост занимал энергичный, жаждавший карьерного роста В. К. Плеве. Он выступал поборником популярного в верхах курса на сокращение автономных прав Финляндии.

В отзыве Плеве выступает за более детальное урегулирование вопроса о преступлениях финляндских и русских уроженцев, за непосредственные сношения

(а не через министра юстиции и министра статс-секретаря) между судами Империи и Княжества [13, с. 252]. Он также поддерживает идею комиссии возложить разрешение споров о подсудности между финляндскими и имперскими судебными установлениями на Общее собрание судебных департаментов Сената. Однако предлагает приглашать на такие заседания двух членов Императорского финляндского Сената [13, с. 257].

Заключение

М. В. Немытина назвала проекты новой редакции Судебных уставов «мертворожденными», указывая на то, что колоссальный труд Муравьевской комиссии оказался пустой тратой времени [1, с. 299]. Основная причина такого положения заключалась в том, что задачи, поставленные перед комиссией, носили противоречивый характер, а значительное переустройство судебной системы требовало иной материальной и кадровой базы. На эти трудности и обратили внимание в своих отзывах главные начальники губерний. Предварительное следствие и новое дознание, предусмотренные в проектах комиссии, явно плохо бы работали в тепличных условиях центральных губерний страны. Еще хуже, по справедливому мнению генерал-губернаторов, с этими институтами было бы в условиях окраин. Прекрасная идея о передаче части предварительного следствия полиции могла работать лишь в далеком будущем, когда количественный и качественный уровень полиции окажется на должной высоте. Идею вернуть общий надзор прокуратуры над административным аппаратом сразу же подверг критике самый «сильный» из главных начальников губерний – главноначальствующий гражданской частью на Кавказе. И он, защищая собственные полномочия, был в значительной мере прав в такой критике. Небольшое рациональное зерно в этой затее перевешивалось простым желанием министра юстиции увеличить свое влияние. Идея генерал-губернатора Бобрикова с интеграций в судебной сфере Великого княжества Финляндского в общегосударственный строй несколько запоздала (начало его бурной деятельности практически совпало с окончанием работ комиссии), да и не имела пока каких-либо серьезных конкретных предложений.

Надо сказать, что интересы управления национальными окраинами все же не находились в центре внимания работы комиссии, хотя, конечно, выступали предметом дискуссий. Наличие сильной генерал-губернаторской власти на окраинах Империи, которое подвергалось критике, в данном случае сыграло положительную роль – относительно самостоятельные главные начальники губерний еще раз донесли в своих отзывах мысль о том, что идея унификации судебной системы (как, впрочем, и администрации) Империи сталкивается с местными условиями окраин, а потому требует определенных отступлений от общей модели.

Пристатейный библиографический список

1. *Немытина М. В.* Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. … докт. юрид. наук. М., 1999.

2. *Немытина М. В.* Судебная реформа и комиссия Н. В. Муравьева : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1987.

3. *Краковский К. П.* Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4.

4. *Краковский К. П., Соломко З. В.* История суда и правосудия в России : в 9 т. Т. 5 : Судоустройство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года) / отв. ред. В. М. Сырых. М. : НОРМА, 2020.

5. *Горяинова Е. Ю.* Пересмотр уголовно-процессуального законодательства, возглавляемый Высочайше утвержденной комиссией под председательством Н. В. Муравьева // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44).

6. *Ефремова Н. Н.* Министерство юстиции Российской империи, 1802–1917 гг.: историко-правовое исследование. М. : Наука, 1983.

7. *Казанцев С. М.* История царской прокуратуры. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993.

8. *Сорокин А. А.* Вопрос о реформе местного суда Российской империи: власть и общество (1889–1912) : дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017.

9. *Щедрина Ю. В.* Вопросы правового обеспечения несменяемости судей в деятельности Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части // Genesis: исторические исследования. 2014. № 6.

10. Высочайше утвержденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. Т. 2. Ч. 1.2: Общие вопросы судоустройства. СПб. : Сенат. тип., 1900.

11. Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства, составленный Высочайше утвержденной комиссией для пересмотра законоположений по судебной части. СПб. : Сенат. тип., 1900.

12. Проект новой редакции Учреждения судебных установлений, составленный Высочайше утвержденной комиссией для пересмотра законоположений по судебной части. СПб. : Сенат. тип., 1900.

13. Высочайше утвержденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Свод отзывов ведомств по выработанным Комиссиею законопроектам. СПб. : Сенат. тип., 1901.

14. Право. 1901. № 25.

15. Право. 1901. № 26.

References

1. *Nemytina M. V.* Court in Russia: The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 1999. (In Russ.)

2. *Nemytina M. V.* Judicial Reform and the Commission of N. V. Muravyov: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 1987. (In Russ.)

3. *Krakovskii K. P.* Unfinished Judicial Counter-Reform: The Muravyov Commission (1894–1899). *North Caucasian Legal Bulletin*, 2018, no. 4. (In Russ.)

4. *Krakovskii K. P., Solomko Z. V.; Syrykh V. M. (ed.).* The History of Court and Justice in Russia. In 9 vols. Vol. 5: The Judicial System and Judicial Proceedings During the Counter-Reform Period and in the Era of Bourgeois Revolutions (1881 – October 1917). Moscow: Norma, 2020. (In Russ.)

5. *Goriainova E. Iu.* Revision of Criminal Procedure Legislation, Headed by a Highly Approved Commission Chaired by N. V. Muravyov. *Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 7 (44). (In Russ.)

6. *Efremova N. N.* Ministry of Justice of the Russian Empire, 1802–1917: Historical and Legal Research. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ.)

7. *Kazantsev S. M.* The History of the Tsarist Prosecutor's Office. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1993. (In Russ.)

8. *Sorokin A. A.* The Question of the Reform of the Local Court of the Russian Empire: Power and Society (1889–1912): Thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences. Nizhny Novgorod, 2017. (In Russ.)

9. *Shchedrina Iu. V.* Issues of Legal Support for the Irremovability of Judges in the Activities of the Highly Established Commission for the Revision of Legal Provisions on the Judicial Part. *Genesis: Historical Research*, 2014, no. 6. (In Russ.)

10. A Highly Approved Commission to Review the Legal Provisions on the Judicial Part. Explanatory Note to the Draft of the New Edition of the Institution of Judicial Institutions. Vol. 2. Part 1.2: General Issues of the Judicial System. St. Petersburg: Senate Printing House, 1900. (In Russ.)

11. The Draft of a New Edition of the Statute of Criminal Proceedings, Drawn up by the Highly Approved Commission for the Revision of Legal Provisions on the Judicial Part. St. Petersburg: Senate Printing House, 1900. (In Russ.)

12. The Draft of a New Edition of the Institution of Judicial Regulations, Drawn up by the Highly Approved Commission for the Revision of Legal Provisions on the Judicial Part. St. Petersburg: Senate Printing House, 1900. (In Russ.)

13. A Highly Approved Commission to Review the Legal Provisions on the Judicial Part. A Set of Reviews of Departments on Draft Laws Developed by the Commission. St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. (In Russ.)

14. *Law*, 1901, no. 25. (In Russ.)

15. *Law*, 1901, no. 26. (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. Б. Аверин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

M. B. Averin – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 28.10.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Научная статья
УДК 340
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-23-32

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г. И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СУДОУСТРОЙСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА В НОВОРОССИИ

Василий Николаевич Бабенко

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

vasbabenko@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы реализации основных положений Судебной реформы 1864 г. в Новороссии. Они были обусловлены прежде всего тем, что ее губернии вошли в состав Российской империи в основном во второй половине XVIII – начале XIX вв. Система судебных органов Новороссии в целом была унаследована от государств, в состав которых они до этого входили. Судебная реформа 1775 г. во многом способствовала их адаптации к российской судебной системе. Целью статьи является выявление особенностей организации функционирования судоустройства и судопроизводства в Новороссии во второй половине XIX в. Историко-правовой и сравнительно-правовой методы положены в основу исследования. Автор приходит к выводу, что наряду с проблемами, присущими судебным органам новороссийских губерний, их касались и особенности реализации положений Судебной реформы 1864 г., которые в той или иной мере возникали в других губерниях Российской империи. Результаты настоящей работы могут быть использованы при подготовке научных публикаций и учебных пособий в сфере истории государства и права России.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 г.; судебная система; Российская империя; Новороссия; судоустройство и судопроизводство; особенности.

Для цитирования: *Бабенко В. Н.* Судебная реформа 1864 г. и особенности развития судоустройства и судопроизводства в Новороссии // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 23–32. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-23-32

Research Article

THE JUDICIAL REFORM OF 1864 AND THE PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF THE JUDICIAL SYSTEM AND JUDICIAL PROCEEDINGS IN NOVOROSSIYA

Vasily N. Babenko

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

vasbabenko@mail.ru

Abstract

The article deals with the problems of implementing the main provisions of the Judicial Reform of 1864 in Novorossiya. They were primarily due to the fact that its provinces became part of the Russian Empire mainly in the second half of the 18th – early 19th century. The judicial system of Novorossiya as a whole was inherited from the states of which they had previously been a part. The judicial reform of 1775 greatly contributed to their adaptation to the Russian judicial system. The purpose of the article is to identify the features of the organization of the functioning of the judicial system and judicial proceedings in Novorossiya in the second half of the 19th century. Historical-legal and comparative-legal methods are the basis of the research. The author comes to the conclusion that along with the problems inherent in the judicial authorities of the Novorossiysk provinces, they were also concerned with the specifics of the implementation of the provisions of the Judicial Reform of 1864, which in one way or another arose in other provinces of the Russian Empire. The results of this work can be used in the preparation of scientific publications and textbooks in the field of the history of the state and law of Russia.

Keywords: Judicial Reform of 1864; judicial system; Russian Empire; Novorossiya; judicial system and judicial proceedings; features.

For citation: *Babenko V. N.* The Judicial Reform of 1864 and the Peculiarities of the Development of the Judicial System and Judicial Proceedings in Novorossiya. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 23–32. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-23-32

Введение

Новороссия представляла собой историческую область, которая входила в состав Российской империи. Она сформировалась в результате русско-турецких войн

в период с конца 30-х гг. XVIII в. и до 1812 г. Во второй половине XIX – начале XX вв. к Новороссии относились в основном территории Бессарабской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний. Иногда в состав Новороссии включали также земли Войска Донского, Кубанской области и Черноморской губернии. Следует отметить, что в Указе Александра I от 8 октября 1802 г. Новороссия была разделена на три губернии: Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую. В соответствии с данным Указом в этих губерниях создавались суды, функционировавшие еще на основании правового акта Екатерины II «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. Для выявления особенностей развития судоустройства и судопроизводства в Новороссии необходимо кратко охарактеризовать изменения, происходившие в судебной системе России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.

1. Проблемы деятельности судебных органов в Новороссии в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.

В период судебной реформы 1775 г. предпринималась попытка отделить суд от административных органов, а также решить эту задачу в рамках преобразования системы органов местного управления. До судебной реформы в России насчитывалось 23 губернии, 66 провинций и около 180 уездов. В соответствии с губернской реформой 1775 г. количество губерний в России увеличилось до пятидесяти. В основу нового административно-территориального деления страны был при этом положен количественный принцип: на территории каждой губернии должны были проживать около 400 тыс. человек, а в уезде – около 30 тыс. человек [1].

Губернская реформа 1775 г. привела к значительному укреплению власти губернаторов. Этому способствовали специальные полицейские и карательные органы, а также изменения в системе судоустройства и судопроизводства [1].

В соответствии с судебной реформой 1775 г. для дворян в уездах создавались земские суды, а в каждой губернии учреждался верхний земский суд, который являлся апелляционной инстанцией для уездных земских судов. Он подразделялся на два департамента: департамент по уголовным делам и департамент по гражданским делам. Верхний земский суд осуществлял контроль над деятельностью уездных судов [1].

Верхнему земскому суду подчинялись уездные суды, дворянские опеки и все земские суды, включенные в подведомственный ему округ. В него направлялись апелляционные дела из указанных судебных органов, гражданские и уголовные дела, а также дела, касавшиеся вотчин, завещаний, права наследования и привилегий представителей дворянского сословия.

Верхний земский суд мог принимать окончательные решения только по делам, стоимость иска которых была менее 100 руб. Другие дела передавались в вышестоящую судебную инстанцию – палаты гражданского и уголовного суда [2].

Следует отметить, что российская судебная система второй половины XVIII в. включала и системы так называемых нерусских регионов. Они имели свои особенности и существенно отличались от системы судоустройства и судопроизводства, сложившейся в стране. Так, в южных губерниях России до 1782 г. функционировала

система судов, во главе которой находился гетман. В то же время генеральный судья помогал ему в осуществлении правосудия. Гетман решал самые важные дела, а также дела высшего командного состава казацкого войска. Иные дела рассматривали полковники и полковые старшины. Рассмотрение незначительных дел относилось к ведению сотников. Решения гетмана и генерального судьи могли быть обжалованы в Малороссийской коллегии, подотчетной Сенату [2].

В регионах России, где проживали мусульмане, высшей судебной инстанцией был коронный суд. В частности, в некоторых уездах Таврической губернии он решал только важные уголовные дела, а также рассматривал споры, возникавшие между представителями русского и местного населения. Малозначительные уголовные и гражданские дела решали, например, татарские старшины и судьи (кадии и бии). Следует отметить, что дела в этих регионах рассматривались на основе норм шариата. Судебные решения обычно обжаловались в коронном суде как вышестоящей судебной инстанции [3, с. 102].

В целом в результате судебной реформы Екатерины II в России была предпринята попытка осуществить принцип отделения судебной власти от местной администрации. Это заключалось в создании параллельно функционировавших местных судебных и административных органов власти. Тем не менее за губернатором сохранялось право надзора за деятельностью судебных органов, а также возможность приостанавливать решения судов. А это существенно ограничивало самостоятельность местных судебных учреждений. В то же время функционирование единообразных судебных органов в губерниях способствовало организации более четкого порядка судопроизводства и созданию соответствующей иерархии судебных инстанций [1].

Таким образом, реформы 1775–1785 гг. содействовали укреплению сословной судебной системы в России. Однако новые судебные органы защищали прежде всего интересы дворян, получивших право осуществлять общее руководство судами и утверждать руководителей местных судебных органов. В результате судебной реформы 1775 г. в России были образованы общие суды, рассматривавшие дела трех важнейших категорий населения и начался процесс формирования региональных судебных подсистем, в которых отразились особенности и традиции местного сословного размежевания [1].

В конце XVIII – начале XIX вв. в судебную систему России были внесены незначительные изменения. В соответствии с ними были упразднены верхние земские суды, подсудность которых распространялась на дела дворян, верхние и нижние расправы, решавшие дела государственных крестьян и однодворцев, а также губернские магистраты, рассматривавшие дела городских жителей.

В Манифесте «Об общем учреждении министерств» 1802 г. Министерство юстиции получило в свое ведение управление судебной системой страны и осуществление общего надзора за деятельностью судебных органов, а также обеспечение охраны земельных прав дворянства.

После образования 1 января 1810 г. Государственного совета он стал дополнительной судебной инстанцией. Его департаменту гражданских и духовных дел было предоставлено право решать дела, поступавшие в качестве апелляции.

В первой половине XIX в. в России судебные органы не были отделены от административных учреждений. Они формировались на основе сословного принципа, а судебные полномочия осуществляли не только суды, но и органы местной власти. По действовавшему тогда законодательству решения губернских палат по уголовным и гражданским делам утверждались губернаторами, а городничие, частные приставы, квартальные надзиратели и становые приставы, представлявшие собой полицейские чины, решали дела о кражах, стоимость иска которых была менее 20 руб.

Для этого периода в сфере судопроизводства были характерны следующие особенности: 1) судебные заседания проходили тайно, при закрытых дверях; 2) на заседание суда не приглашались посторонние лица, а также стороны и свидетели; 3) дела решались судом на основании только письменных показаний; 4) устные свидетельские показания не принимались судом [3, с. 108].

Таким образом, суд выносил решения, основанные на письменных материалах следствия. Для получения собственного признания к обвиняемому часто применялись пытки. Основу приговора составляло не убеждение судей, а формальные факторы, зависевшие от числа свидетелей, высказавшихся «за» или «против».

Тем не менее еще более важной проблемой для российского правосудия являлось, как отмечал В. Бочкарев, «поголовное взяточничество, в котором повинны были решительно все, от мелкой приказной сошки до сильных высокопоставленных чиновников министерства юстиции» [4, с. 213].

В целом российская система судоустройства и судопроизводства в первой половине XIX в. имела незначительные отличия от судебной системы последней четверти XVIII в. Она включала особые суды для дворян, горожан, крестьян, коммерческие, совестные, межевые и другие судебные органы. Судебные полномочия, относившиеся к их ведению, напрямую зависели от таких административных органов, как губернские правления, управления полиции и др. Органы полиции проводили следствие и обеспечивали исполнение приговора, а также решали дела, связанные с малозначительными преступлениями. Судебный процесс носил тайный, закрытый характер. В то же время в судах широкое распространение получили взяточничество и волокита. Все это свидетельствовало о глубоком кризисе судебной системы Российской империи [1].

2. Особенности функционирования судоустройства и судопроизводства в Новороссии после Судебной реформы 1864 г.

Судебная реформа 1864 г. в России в основном решила указанные выше проблемы. В Судебных уставах 1864 г. вводились такие новые принципы судоустройства и судопроизводства, как независимость и отделение суда от администрации, создание всесословного суда, равенство всех перед судом, учреждение суда присяжных, установление прокурорского надзора и создание более четкой системы судебных инстанций [1].

В результате Судебной реформы в России создавались бессословные судебные органы двух типов: общие (коронные) и местные (мировые) суды. Общий (коронный) суд включал две инстанции: окружной суд, формировавшийся в каждой

губернии и составлявший судебный округ, а также судебную палату, подсудность которой распространялась на несколько судебных округов. Украинский автор С. А. Трофимчук считает, что Судебная реформа 1864 г. «стала важным этапом на пути к правовому государству в России и Украине», а также призывает не повторять «ошибок прошлого, критически отнестись к иностранному опыту и усвоить все лучшее, что выработала правовая культура человечества, – вот основные задачи судебной реформы» [5, с. 106]. Думается, что автор прав в том смысле, если он относит Судебную реформу 1864 г. к самому началу зарождения продолжительного процесса становления правового государства в Российской империи.

В целом «новый суд, безусловно, стал успешным в том, что касалось формирования особой профессиональной корпорации юристов – носителей этоса служения закону и обществу, а не власти или каким-либо частным интересам. И судейская, и адвокатская среда второй половине XIX в. дали множество хорошо известных образцов такого служения и высочайшего профессионализма, немыслимых в прежней обезличенной и формальной системе» [6, с. 116].

Действие Судебных уставов распространялось только на 44 губернии, которые составляли немногим более половины губерний России. Они не применялись, например, на территории Белоруссии, Сибири, Средней Азии, северных и некоторых северо-восточных губерний европейской части страны.

Новые судебные учреждения вводились поэтапно. Так, в 1866 г. было сформировано лишь два судебных округа в Москве и Петербурге. К началу 70-х гг. XIX в. судебные органы были созданы в 23 губерниях из 44, на которые распространялось действие Судебных уставов. В оставшихся губерниях образование новых судебных учреждений завершилось только к середине 90-х гг. XIX в. Аналогичные суды вводились также и на территории Новороссии.

В Новороссии в первой половине XIX в. действовали губернские палаты уголовного и гражданского суда, губернские совестные суды, коммерческие суды, городовые магистраты и городские ратуши, нижние земские суды и уездные суды. Кроме того, продолжали функционировать и специальные органы, обладавшие судебными полномочиями: военные, морские, духовные и др.

«В результате проведения судебной реформы 1864 года Таврическая губерния (в составе Симферопольского, Евпаторийского, Перекопского, Ялтинского, Феодосийского, Мелитопольского и Бердянского уездов) вошла, – как указывает А. С. Пуховская, – в округ Одесской судебной палаты, к которой также относились Херсонская, Одесская и Екатеринославская губернии» [7, с. 396].

В целом подготовительные работы по открытию новых судов на юге России в основном завершились в апреле 1869 г. Так, 16 ноября 1867 г. в Харькове начал функционировать Окружной суд. Затем в течение следующих трех недель «последовало, – как отмечает М. Ш. Киян, – открытие Старшим Председателем Харьковского Окружного суда бароном Торнау Окружных судов в Курске, Орле, Ельце, Воронеже, Острогозске, Сумах, Изюме» [8, с. 169]. С 5 июля 1868 г. начала свою работу Одесская судебная палата, а с 22 апреля 1869 г. – Симферопольский Окружной суд, компетенция которого «распространялась на Симферопольский, Евпаторийский, Перекопский, Ялтинский и Феодосийский уезды Таврической губернии (то есть фактически на весь полуостров Крым)» [8, с. 169].

Следует отметить, что в 1873 г. в Войске Донском были введены окружные суды в г. Новочеркасске и станице Усть-Медведицкой, а в 1880 г. – в г. Таганроге. «Эти суды были причислены, – указывает М. С. Савченко, – к округу Харьковской судебной палаты». К особенностям этого процесса можно отнести то, что «в казачьих войсках, помимо общих судебных учреждений и мировой юстиции существовал, – отмечает она, – также сословный станичный суд», которому «были подведомственны лица, не пользовавшиеся особыми правами состояния, проживающие на территории станичного общества» [9, с. 98].

О. В. Кузьменко считает, что «станичный суд в Войске Донском должен был строиться и функционировать аналогично волостному суду крестьян. По этой причине Комитет при главном управлении иррегулярных войск исключил из донского проекта все положения, которые не соответствовали законам о волостном суде» [10, с. 84].

Важное значение имела и проблема финансирования деятельности мировых судов в Новороссии, за которое несли ответственность земские учреждения. «Выявленные проблемы финансового и материально-технического обеспечения в деятельности института мировых судей в Таврической губернии, на наш взгляд, – указывает Т. В. Хутько, – имели объективные причины», так как «земские бюджеты не выдерживали той нагрузки, которую возложило на них Правительство» [11, с. 185]. Автор связывает это с тем, что выплаты земских сборов проводились несвоевременно и не в полном объеме. Т. В. Хутько справедливо считает, что «историко-правовой анализ материального обеспечения деятельности мировых судебных учреждений в Таврической губернии во второй половине XIX в. приводит нас к убеждению, что, являясь государственно-правовым институтом, мировой суд выполняет важнейшие функции государства и должен обеспечиваться за счет средств государственного бюджета» [11, с. 186].

Заключение

Отдельные украинские историки права до государственного переворота 2014 г. на Украине в основном положительно оценивали результаты Судебной реформы 1864 г., отмечая при этом некоторые ее недостатки.

Так, П. П. Музыченко указывает, что «особенностью проведения судебной реформы в Украине было то, что она проводилась здесь почти параллельно с введением в действие законов, которые ограничивали или отменяли значительную часть ее прогрессивных положений», отмечая при этом, что в Судебные уставы «в пореформенные годы было внесено более 700 изменений и поправок» [12, с. 250]. Можно было бы в целом согласиться с названным автором, если бы он не относил к Украине губернии, входившие в тот период в состав Российской империи еще за несколько десятилетий до образования первого украинского государства.

«Судебная реформа в Украине происходила медленнее, – отмечает Г. И. Трофанчук, – нежели в российских губерниях. В некоторых регионах судебную систему реформировали частично: общие суды, например, создавались не во всех украинских губерниях». В частности, на Правобережной Украине «мировые суды не избирались, их назначал министр юстиции» [13, с. 196].

Таким образом, к особенностям преобразования и деятельности судов в Новороссии после Судебной реформы 1864 г. следует отнести проблемы совершенствования системы управления губерний Новороссии, которые требовали изменений в плане взаимодействия с судебными органами. Это касалось прежде всего губерний, граничивших с соседними административно-территориальными единицами. Так, например, к подсудности Харьковской судебной палаты были отнесены три губернии: Полтавская, Екатеринославская и Земля Войска Донского с шестью судами, из которых Екатеринославский и Таганрогский были наиболее крупными в Российской империи. Изменения подсудности окружных судов Новороссии осуществлялись путем закрытия отдельных из них (например, Изюмского), а также создания новых (например, Лубенского). Это было часто обусловлено переводом некоторых уездов из подсудности одного окружного суда в другой. В то же время на территории Войска Донского после Судебной реформы 1864 г. продолжал действовать станичный суд, который по своему статусу приравнивался к волостному суду.

Кроме того, проблемы финансирования и материально-технического обеспечения учреждений мировой юстиции имели особый характер, связанный с нехваткой средств для организации нормального функционирования мировых судов в Новороссии.

В целом многие исследователи отмечают, что в новороссийских губерниях после Судебной реформы 1864 г. новые суды вводились медленнее, чем в основных губерниях Российской империи.

Пристатейный библиографический список

1. *Бабенко В. Н.* История отечественного государства и права : учебник. М. : Юстиция, 2016.

2. *Бабенко В. Н.* Проблемы становления и развития административно-судебных органов Древней Руси в отечественной историографии // История судебных учреждений России : сборник обзоров и рефератов. М. : ИНИОН, 2004.

3. *Бастрыкин А. И., Александрова О. И., Бабенко В. Н.* Система правосудия в России и проблемы ее совершенствования: история и современность. М. : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018.

4. *Бочкарев В.* Дореформенный суд // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1.

5. *Трофимчук С. А.* Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на формирование основ правового государства в России и Украине // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2005. Т. 18 (57). № 3.

6. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. Т. 3. М. : Политическая энциклопедия, 2016.

7. *Пуховская А. С.* Возникновение и становление органов судебной власти в Таврической губернии // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2010. Т. 23. № 1 (62).

8. *Киян М. Ш.* Историко-правовой анализ реализации судебной реформы 1864 года на юге России // Инновационная наука. 2015. № 10-2.

9. *Савченко М. С.* Реорганизация судебной системы казачьих войск юга России во второй половине XIX в. // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 1 (62).

10. *Кузьменко О. В.* Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на юге России и ее историко-правовой опыт : дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на Дону, 2005.

11. *Хутько Т. В.* Финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности мировых судебных учреждений в Таврической губернии (60–80-е гг. XIX в.) // Lex Russica. 2017. № 4 (125).

12. *Музыченко П. П.* История государства и права Украины : учебное пособие. Киев : Знання, 2006.

13. *Трофанчук Г. І.* Історія держави та права України : навч. посіб. Київ : Юрінком Інтер, 2011.

References

1. *Babenko V. N.* The History of the National State and Law: Textbook. Moscow: Iustitsiia, 2016. (In Russ.)

2. *Babenko V. N.* Problems of Formation and Development of Administrative and Judicial Bodies of Ancient Russia in Russian Historiography. In History of Judicial Institutions of Russia: Collection of Reviews and Abstracts. Moscow: INION, 2004. (In Russ.)

3. *Bastrykin A. I., Alexandrova O. I., Babenko V. N.* The Justice System in Russia and the Problems of its Improvement: History and Modernity. Moscow: All-Russian State University of Justice, 2018. (In Russ.)

4. *Bochkarev V.* Pre-Reform Court. Judicial Reform. Moscow, 1915. Vol. 1. (In Russ.)

5. *Trofimchuk S. A.* The Judicial Reform of 1864 and its Influence on the Formation of the Foundations of the Rule of Law in Russia and Ukraine. *Scientific Notes of Tauride National University named after V. I. Vernadskii. Series "Legal Sciences"*, 2005, vol. 18 (57), no. 3. (In Russ.)

6. Reforms in Russia from Ancient Times to the End of the 20th Century. In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2016. (In Russ.)

7. *Pukhovskaia A. S.* The Emergence and Formation of Judicial Authorities in the Tauride Province. *Scientific Notes of Tauride National University named after V. I. Vernadskii. Series "Legal Sciences"*, 2010, vol. 23, no. 1 (62). (In Russ.)

8. *Kiian M. Sh.* Historical and Legal Analysis of the Implementation of the Judicial Reform of 1864 in the South of Russia. *Innovative Science*, 2015, no. 10-2. (In Russ.)

9. *Savchenko M. S.* Reorganization of the Judicial System of the Cossack Troops of the South of Russia in the Second Half of the 19th Century. *Lawyer*, 2014, no. 1(62). (In Russ.)

10. *Kuzmenko O. V.* Features of the Judicial Reform of 1864 in the South of Russia and its Historical and Legal Experience: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Rostov-on-Don, 2005. (In Russ.)

11. *Khutko T. V.* Financial and Logistical Support of the Activities of Magistrate Judicial Institutions in the Tauride Province (60s–80s of the 19th Century). *Lex Russica*, 2017, no. 4 (125). (In Russ.)

12. *Muzychenko P. P.* History of the State and Law of Ukraine: Study Guide. Kiev: Znannia, 2006. (In Russ.)

13. *Trofanchuk G. I.* History of the State and Law of Ukraine: Study Guide. Kiev: Iurinkom Inter, 2011. (In Ukr.)

Сведения об авторе:
В. Н. Бабенко – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author:
V. N. Babenko – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 28.10.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Научная статья
УДК 340.12
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-33-40

ОСМЫСЛЕНИЕ ИТОГОВ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г. В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Инна Сергеевна Барзилова

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

isbarzilova@msal.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, посвященные изучению в рамках теории государства и права результатов Судебной реформы 1864 г. Особое внимание в работе уделено использованию новелл данной реформы для реформирования современного государства; реализации принципов гуманизма, справедливости, демократизма. На основе анализа итогов Судебной реформы делается вывод о необходимости применения ее законодательных новелл и в правовой системе современной России. Подчеркивается, что данная реформа заложила основы для понимания прав и свобод человека и гражданина, правового статуса личности, целей и задач юридической ответственности, правосубъектности, субъектов правовых отношений в рамках отечественной теории государства и права на современном этапе.

Ключевые слова: судебная реформа; судебная система; источники права; правовая система; принципы права; государство; механизм правового регулирования; правовой статус личности.

Для цитирования: *Барзилова И. С.* Осмысление итогов Судебной реформы 1864 г. в рамках современной теории государства и права // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 33–40. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-33-40

Research Article

UNDERSTANDING THE RESULTS OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864 IN THE FRAMEWORK OF THE MODERN THEORY OF STATE AND LAW

Inna S. Barzilova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9 Sadovaia-Kudrinskaia St., Moscow, 125993, Russia

isbarzilova@msal.ru

Abstract

The article examines issues related to the study of the results of the Judicial Reform of 1864 within the framework of the theory of state and law. Particular attention is paid to the use of the novelties of this reform for reforming the modern state; implementation of the principles of humanism, justice, and democracy. Based on the analysis of the results of the judicial reform, a conclusion is made about the need to apply its legislative novelties in the legal system of modern Russia. It is emphasized that this reform laid the foundation for understanding the rights and freedoms of man and citizen, the legal status of the individual, the goals and objectives of legal responsibility, legal capacity, and subjects of legal relations within the framework of the domestic theory of state and law at the present stage.

Keywords: judicial reform; judicial system; sources of law; legal system; principles of law; state; mechanism of legal regulation; legal status of the individual.

For citation: *Barzilova I. S.* Understanding the Results of the Judicial Reform of 1864 in the Framework of the Modern Theory of State and Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 33–40. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-33-40

Введение

Отечественная теория государства и права основывается на тех традициях, идеях и подходах, которые сложились за предыдущие столетия в истории развития нашего государства. Значимость Судебной реформы 1864 г., расширившей круг правоспособных субъектов среди населения Российской империи, учредившей суд присяжных, реорганизовавшей прокуратуру, адвокатуру, вводившей в судебный процесс состязательность сторон защиты и обвинения, недооценивать нельзя. Либеральные начала данных преобразований в дальнейшем оказали существенное

влияние на формирование судебной системы и основ правового регулирования в целом в 20-х гг. XX в. Основополагающие правовые принципы демократизма, справедливости, гуманизма имеют в своей основе и те преобразования, которые возникли в результате данной реформы.

Теория государства и права в настоящее время базируется на новеллах Судебной реформы 1864 г., связанных с расширением прав и свобод участников процесса, созданием условий, защищающих и гарантирующих их. Идеи данной реформы положены в основу современного понимания механизма правового регулирования, принципов юридической ответственности, конструкции правового статуса личности и т.д.

1. Значимость опыта Судебной реформы 1864 г. для реформирования механизма государства современной России

Интересен опыт Судебной реформы в контексте современных проблем государственного реформирования, изучаемых в рамках теории государства и права. Необходимо подчеркнуть, что государствоведческие тематики в последнее время в значительной степени «ушли» из поля зрения ученых-теоретиков, акцент был сделан на вопросах теории права. Возвращение же интереса к проблемам государства предполагает более глубокое осмысление проблем реформирования различных систем государственных органов на протяжении всей истории развития России. Поэтому осмысление идей, положенных в основу Судебной реформы 1864 г., для ученых-теоретиков представляет особый интерес. Теоретическая юридическая наука должна изучать и осмысливать исторический опыт России, ее правовые традиции, закономерности развития права и государства, правовые ценности и их генезис. Имея фундаментальное методологическое значение, теория государства и права в то же время как учебная дисциплина используется в подготовке будущих юридических кадров, формируя у них определенный уровень правового сознания и правовой культуры. Поэтому связь теории и истории, безусловно, очень важна.

Изучение исторического опыта необходимо и в контексте сохранения отечественных традиций. Непродуманное заимствование институтов и механизмов из иностранных правовых систем со всей очевидностью уже продемонстрировало недопустимость «ломки» сложившихся российских традиций в угоду сиюминутным «новомодным» веяниям.

Опыт XIX в. в плане государственного реформирования интересен, думается, для осмысления вопросов реконструирования государственного аппарата, преодоления ведомственной разобщенности, ликвидации дублирующих функций и полномочий в системе государственных органов уже в современном Российском государстве. Судебная реформа в XIX в. была направлена на унификацию деятельности системы судебных органов, придание ей единства и независимости, что позволило обеспечить «синхронность» в их деятельности. Ученые-теоретики находят это созвучным и в современном понимании функционирования механизма государства, что позволяет сэкономить управленческие ресурсы, придать системное единство всей сфере государственного управления, выявлять и ликвидировать существующие коллизии полномочий.

Реформа 1864 г. позволила придать системность судебной власти. Об этом свидетельствует анализ положений Судебных уставов, включавших Учреждения судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Принцип системности в организации государственного механизма должен, думается, применяться и сейчас. Это позволит, как представляется, на основе выявленных закономерностей в общественном развитии рационально выстраивать все звенья государственного механизма с учетом многообразных интегративных связей, возникающих в процессе осуществления государственной власти.

Интересны в контексте понимания вопросов механизма государства, принципов и подходов в его структурировании новеллы данной реформы, согласно которым была изменена система судоустройства Российской империи, отделены судебные органы от административных, что, по сути дела, свидетельствует об использовании специализации и дифференциации при построении системы государственных органов. Подобный подход используется и по сей день. Следует отметить, что проблемы специализации, унификации и дифференциации в теории государства относятся к одним из наиболее актуальных. Это касается и вопросов государственного суверенитета, поиска новых управленческих моделей, изменения форм и методов осуществления государственных функций, перераспределения полномочий в системе государственных органов, создания новых государственных структур и т.д.

Специализация в механизме государства касается проблем разграничения полномочий между органами государственной власти, устранения коллизий в полномочиях между различными органами, определения их правового статуса. На современном этапе это относится к одной из значимых государствоведческих тематик. Специализация связана с определением ресурсов и средств, которые могут быть использованы государственными органами при осуществлении ими своих полномочий, обозначением принципов деятельности. Примечательно, что Судебная реформа 1864 г. среди принципов осуществления судебной деятельности заложила, по сути дела, основы для использования принципа гуманизма, установив запрет на применение ряда телесных наказаний для мужчин (розг, плетей, клейм и т.д.) и всех видов наказаний для женщин. Значимость подобной новеллы можно проанализировать и в контексте понимания в дальнейшем цели юридической ответственности, заключающейся не в умалении чести и достоинства человека, причинении ему телесных и моральных страданий, а в перевоспитании.

Как известно, в подготовке Судебной реформы 1864 г. принимали участие виднейшие государственные деятели, такие как граф Д. Н. Блудов, статс-секретари Государственной канцелярии С. И. Зарудный, Н. И. Стояновский, обер-прокурор Сената Н. А. Буцковский, помощник обер-прокурора Синода К. П. Победоносцев и др. В этом мы находим проявление принципа профессионализма в государственном реформировании, значительно влияющего на результаты преобразований, поиска оптимальных средств и методов осуществления государственной деятельности с учетом тех проблем и задач, которые стоят перед обществом на определенном историческом этапе. По этому поводу А. Ф. Кони отмечал: «Эти Уставы были пло-

дом возвышенного труда, проникнутого сознанием ответственности составителей их перед Россией, жаждавшей правосудия в его действительном значении и проявлении. Это был труд сложный, самостоятельный и многосторонний, в одно и то же время критический и созидательный, – труд, исполненный доверия к духовным силам русского народа и его способности принять новые учреждения с живым сочувствием и непосредственным в них участием» [1, с. 1].

2. Повышение значимости закона как источника российского права – итог Судебной реформы второй половины XIX в.

Одной из задач Судебной реформы согласно позиции Александра II было утверждение в народе уважения к закону. Это созвучно с пониманием закона как одной из ведущих форм (источников) права в рамках современной российской правовой системы. Особенность используемых источников права, как известно, позволяет относить определенную правовую систему к той или иной правовой семье. Думается, что придание не только легальности, но и прежде всего легитимности закону позволило в дальнейшем использовать данную форму права в отечественной правовой системе в качестве основной. В рамках Судебной реформы 1864 г. обращалось внимание, что именно закон способствует общественному благосостоянию и без него оно невозможно. Демократический характер современного законотворческого процесса, безусловно, опирается на подходы к пониманию самого закона, его свойств, заложенных реформой 1864 г. Впоследствии ученый Б. Н. Топорнин отметит, что «посредством государства и права, через государство и право решаются вопросы преобразований всего общества, начиная с его экономической основы, через государство и право осуществляется управление всеми делами общества» [3, с. 11].

Среди важнейших принципов, связанных с данной реформой, думается, следует назвать принципы гласности, состязательности, независимости и несменяемости судей. Подобный подход используется и в настоящее время при организации работы органов судебной власти.

Судебная реформа 1864 г., как представляется, касалась и вопросов легитимности самой государственной власти. Подобные вопросы в той или иной степени поднимались учеными и в дальнейшем. Так, Н. М. Коркунов писал: «Государственная власть как сила, обусловленная сознанием гражданами их зависимости от государства, порождает в общественной жизни своеобразные явления и причем двоякого рода. Во-первых, она побуждает граждан совершать то, что они считают необходимым для государства, от которого сознают себя зависимыми. На этом основано чувство патриотизма, готовность приносить жертвы для отчизны, стремление к государственной деятельности и т.п., – словом, все то, что собственно сплачивает людей в одно государство и что служит конечной опорой его могущества» [2, с. 300].

Не следует забывать, что Судебная реформа была связана с отменой в 1861 г. крепостного права, большое количество населения Российской империи (крестьяне) уже не подпадали под суд помещиков, в отношении них тоже стали применяться принципы равенства, состязательности, что оказало существенное влияние на

понимание правового статуса участников процесса в целом. Принцип равенства на современном этапе со всей очевидностью можно отнести к числу национальных традиций, равенство превратилось уже в форму императивного долженствования и является в свою очередь основой, базой для формирования иных видов ценностно-должного в общей аксиологической системе императивного долженствования. Закрепление принципа равенства означало, что его признало не только население, но и власть, что оказало в позитивном направлении существенное влияние на общественное сознание.

Равенство всегда свидетельствует об уровне развития общества, его институтов; выступая ориентиром, оно показывает возможность использования правовых инструментов, устанавливает пределы «жесткости» правового регулирования, вмешательства публичной власти в частную жизнь граждан, степень ответственности самой власти. Равенство оценивается с политико-идеологической, социально-нравственной, юридической позиций, направлено на обеспечение идентичности субъектов в регулируемых отношениях. Равенство влияет на степень свободы индивидов, их активность, степень вовлеченности в социальную жизнь.

3. Формирование механизма защиты прав личности в рамках Судебной реформы 1864 г.

Современная конструкция прав личности, безусловно, имеет в своем основании новеллы Судебной реформы XIX в. С точки зрения своего содержания правовой статус, как известно, включает не только субъективные права и юридические обязанности, но и гарантии их осуществления, принципы права и др. Прослеживая дальнейшее развитие теории государства и права, основывавшейся на энциклопедии права, философии права, можно говорить о системе правовых ценностей, а именно ценности человеческой жизни, свобод, прав и законных интересов и т.д. Интерес подобная проблематика представляет в контексте этизации права, преобладания в российском праве именно морально-этических основ над организационными, развития в отечественном праве принципов справедливости, гуманизма и равенства.

Этизация права связана с повышением его потенциала, правовые возможности, выраженные в абстрактной форме с помощью морально-этических принципов, превращаются в возможности реальные, имеющие гарантии для своей реализации. В дальнейшем уже на конституционном уровне нашли закрепление права и свободы человека и гражданина, право на жизнь, личную неприкосновенность, право частной и других форм собственности и т.д.

Принципы равенства, состязательности, неприкосновенности судей как новеллы Судебной реформы 1864 г., как отражение либеральных реформ, проводимых в Российской империи, оказали влияние, думается, и на конструкцию правосубъектности, использовавшуюся в теории права в последующие годы. Правосубъектность предоставляет потенциальные возможности субъектам быть участниками отношений, само «право на право» является своеобразным «входным билетом в правовые отношения», свидетельствует, что отдельных индивидов право признает именно в качестве полноправных субъектов отношений. Для бывших кре-

постных крестьян в XIX в. это, безусловно, была возможность отстоять свои права, защитить себя и свои семьи.

«Равенство» – это категория прежде всего социальная, связанная с политическими, экономическими и иными процессами, происходящими в обществе. Она показывает имеющуюся конъюнктуру, расстановку политических сил, уровень развития общества, степень понимания в обществе социальных процессов, уровень сознания на групповом и индивидуальном уровнях и т.д. Равенство трансформируется в равноправие, в равенство прав и обязанностей – в рассмотрение участников правовых отношений как управомоченных и правообязанных и др. В российском обществе равенство рассматривалось как некая идеальная модель, индикатор его жизнеспособности и устойчивости. Потенциальное закрепление в праве одинаковых возможностей для изначально неравных людей является важнейшим шагом в развитии любого общества, ключевой вехой на пути отстаивания прав и свобод человека и гражданина.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, хотелось бы отметить, что потомки должны не только изучать опыт предшествующих поколений, но и сохранять лучшие традиции, идеи, принципы, подходы к пониманию и регулированию общественной жизни. Это, безусловно, можно отнести к правовой сфере. Новеллы Судебной реформы 1864 г. должны изучаться не только историками, но и учеными юристами-теоретиками, что позволит совершенствовать юридические конструкции, средства, способы, используемые в современном механизме правового регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы: (к пятидесятилетию судебных уставов): 1864 – 20 ноября – 1914. М. : Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1914.

2. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

3. *Топорнин Б. Н.* Сильное государство – объективная потребность времени // Вопросы философии. 2001. № 7.

References

1. *Koni A. F.* Fathers and Sons of Judicial Reform: (On the Fiftieth Anniversary of Judicial Charters): 1864 – November 20 – 1914. Moscow: I. D. Sytin's Partnership Publ., 1914. (In Russ.)

2. *Korkunov N. M.* Lectures on the General Theory of Law. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2004. (In Russ.)

3. *Topornin B. N.* A Strong State Is an Objective Need of the Time. *Issues of Philosophy*, 2001, no. 7. (In Russ.)

Сведения об авторе:
И. С. Барзилова – доктор юридических наук, профессор.

Information about author:
I. S. Barzilova – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 02.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 340
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-41-48

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Наталья Михайловна Бибина[1]

Элина Андреевна Цай[2]

[1,2] Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

[1] mouse.nata.84@mail.ru

[2] elinatsay.22200512@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются итоги проведения Судебной реформы 1864 г. в России. Авторы исследовали различные взгляды и мнения о содержании судебных преобразований во второй половине XIX в. Особое внимание уделено конституционному характеру и влиянию Судебной реформы 1864 г. на развитие уголовного судопроизводства. Судебные уставы 1864 г. (основополагающие документы судебной реформы) являются бесспорным достоянием не только русской, но и общеевропейской культуры.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 г.; прокуратура; прокурорский надзор; уголовное судопроизводство; конституционализм; судебная власть; правосудие.

Для цитирования: *Бибина Н. М., Цай Э. А.* Судебная реформа 1864 г.: исторический опыт и влияние на российское общество и государство // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 41–48. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-41-48

Research Article

THE JUDICIAL REFORM OF 1864: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONNECTION WITH THE PRESENT

Natalia M. Bibina[1]

Elina A. Tsay[2]

[1,2] Middle-Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

[1] mouse.nata.84@mail.ru

[2] elinatsay.22200512@gmail.com

Abstract

The article analyses the results of the Judicial Reform of 1864 in Russia. The authors investigated various views and opinions about the content of judicial reforms in the second half of the 19th century. Special attention is paid to the constitutional character and influence of the Judicial Reform of 1864 on the modern state of prosecution, criminal proceedings and principles of justice. Judicial Statutes of 1864 (fundamental documents of judicial reform) are undisputed heritage of Russian law.

Keywords: Judicial Reform of 1864; prosecutor's office; prosecutorial supervision; criminal proceedings; constitutionalism; judicial power; justice.

For citation: *Bibina N. M., Tsai E. A.* The Judicial Reform of 1864: Historical Experience and Connection with the Present. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 41–48. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-41-48

Введение

Преобразование судебной системы, осуществленное в 1864 г., стало следствием нарастающей необходимости реформирования устаревшей структуры, не соответствовавшей требованиям общества. Дореформенный суд характеризовался запутанными и многочисленными процессуальными требованиями, что затрудняло определение юрисдикции различных судебных органов [1, с. 114–116]. В некоторых случаях это приводило к длительным задержкам в рассмотрении дел.

Судебная система функционировала на основе сословного принципа, что предопределяло ее структуру и подходы. В дополнение к обычным судам существовало множество специализированных инстанций, таких как военные, духовные, коммерческие, совестные и межевые трибуналы. Исполнение судебных функций также возлагалось на административные структуры, включая губернские управле-

ния и полицейские органы. Одной из самых серьезных проблем дореформенной судебной системы было повсеместное взяточничество, которое достигло угрожающих масштабов и затронуло практически все уровни государственного аппарата. Попытки искоренить эту порочную практику оказались тщетными. Кроме того, законодательством не было установлено никаких требований к образованию судей, как в юридической, так и в общей сферах знания [2, с. 36–37].

Практика и опыт Судебной реформы, проведенной в России во второй половине XIX в., наглядно демонстрируют, как масштабные преобразования в сфере юстиции могут значительно изменить состояние общества в целом. Принципы и институты, которые внедрялись в других странах через разработку новых конституций, были интегрированы в российскую правовую действительность с принятием Судебных уставов 1864 г. Эти уставы не только нормативно закрепили прогрессивные элементы судопроизводства, но и сделали это в условиях сохраняющегося самодержавия, что стало своеобразным прорывом в развитии правовой системы России [3, с. 166–170].

1. Значение Судебной реформы 1864 г. и история судебной дореформенной системы

До середины XIX в. судебная система в России была неотъемлемо связана с административным аппаратом и, как правило, сильно зависела от него. Во многих случаях различия между административными и судебными мерами репрессии были едва заметны, затрагивая не только сферы политической юстиции [4, с. 16–31]. Судебные органы, занимающиеся уголовными и гражданскими делами, не обладали полной независимостью. Ярким подтверждением этого является высказывание министра внутренних дел С. С. Ланского, который заметил: «Администрация ездила верхом на юстиции». Эта фраза точно отражает реальное положение суда в условиях самодержавного правления в России.

В различных научных исследованиях, исторической литературе Судебная реформа 1864 г. представлена как самая последовательная. В первой половине XIX в. М. М. Сперанский предложил обширную программу реформирования судебной системы Российской империи. Предложение М. М. Сперанского и есть подтверждение длительной, тщательной подготовки к судебной реформе. Отправной точкой подготовки рассматриваемой реформы многие авторы считают лето 1857 г. В этот период в Государственный совет поступил проект Устава гражданского судопроизводства, который был подготовлен графом Д. Н. Блудовым.

2. Изменения, внесенные Судебной реформой 1864 г. в уголовное судопроизводство

Судебные преобразования 1864 г. стали важным шагом к формированию новых принципов и институтов правосудия в России, оказав значительное влияние на ключевые аспекты жизни общества. В рамках Судебных уставов, принятых в 1864 г., был официально закреплен принцип равенства всех российских граждан перед законом и судом. Данная инициатива существенно подорвала основы сословной системы, которая ранее обеспечивала привилегии и наложенные ог-

раничения, определяющие отношения внутри общества. Эти преобразования стали важным шагом на пути к более справедливой и демократичной правовой системе [5, с. 26–43].

Впервые была четко определена цель уголовного судопроизводства – охрана общества и государства от преступных посягательств. «Задача его [суда] – охранять общество от уголовных правонарушений, восстановлять по возможности нарушенный правовой порядок и взыскивать с виновного», «отсутствие суда как государственного учреждения вело бы за собою самосуд со стороны обвиняемого, самоуправу, т.е. создало бы анархию». Этим впервые подчеркивалось значение суда как особого органа государственной власти, необходимого в каждом государстве.

Существует ли в юридической науке краткое и однозначное название для модели уголовного процесса, имплементированной в России Уставом уголовного судопроизводства, представляющего собой современный, континентальный процесс? Западная доктрина никогда не ставила этот вопрос под сомнение, так же как и российская дореволюционная наука [6, с. 28–32]. Тем не менее в последние два десятилетия этот вопрос стал причиной ожесточенных дискуссий, фактически расколовших российскую уголовно-процессуальную науку на два противоборствующих лагеря.

Одним из таких обозначений является известный принцип материальной истины (франц. *vérité matérielle*; нем. *materiellen Wahrheit*), который охватывает все современные уголовно-процессуальные системы континентального типа, включая Францию, Германию, Бельгию и Швейцарию. В этом контексте невозможно представить уголовно-процессуальную систему, использующую институты, связанные с понятием «следствие» (например, предварительное следствие, судебное следствие, следователь и следственные действия), без опоры на принцип материальной истины.

В отличие от некоторых современных российских теорий ни один дореволюционный отечественный или западный исследователь, анализирующий уголовно-процессуальное право Франции, Германии или Швейцарии, не ставил под сомнение существование принципа материальной истины в этих системах. Этот принцип фактически обозначает тип процесса, и здесь нет предмета для спора – это истина, о которой не следует дискутировать [7, с. 2834–2840].

Хотя в Уставе уголовного судопроизводства формально не было определения принципа материальной истины, такой необходимости не существовало. Нормативное закрепление того или иного правила становится актуальным лишь тогда, когда имеется хотя бы гипотетическая альтернатива, чего в данной ситуации не было, учитывая технические аспекты уголовного процесса. Кроме того, Устав не имел специального раздела о принципах: мода на подобные определения пришла позднее, уже во второй половине XX в. Тем не менее термин «истина» был использован, например, в ст. 613, где утверждается, что председатель суда должен направлять «продвижение дела к такому порядку, который наиболее содействует раскрытию истины».

Объективная (материальная) истина в Уставе полностью отрицает формальную истину: «Суд есть достижение правды, и решение суда будет тогда только справед-

ливым, когда судьи при возникающем сомнении относительно факта могут сами лично или посредством заключения эксперта убедиться в действительности события, к которому они должны приложить закон и разрешить предмет спора на основании не формальной, но материальной истины».

Таким образом, в 1864 г. Россия внедрила современную модель уголовного процесса континентального типа, или, что одно и то же, уголовно-процессуальную систему, основанную на принципе материальной истины. Предполагалось, что эта модель будет эволюционно развиваться, как это происходило в других странах континентальной Европы (например, в Германии и Франции), и главным образом она заключалась в постепенном расширении прав участников уголовного судопроизводства в рамках континентальной логики. Иными словами, сохраняя фундаментальные архитектурные элементы, континентальный уголовный процесс аккуратно формировал правозащитную составляющую, предоставляя защитникам доступ к предварительному следствию, расширяя права потерпевших и принимая прочие меры для обеспечения прав личности [8, с. 123–130].

3. Мнение исследователей и правоведов: оценка исторического опыта

Судебная реформа, осуществленная Александром II, и возложенные на нее институциональные основы судоустройства и судопроизводства неизменно привлекают внимание историков российского права. Многие исследователи считают эту реформу наиболее прогрессивной среди преобразований, проведенных правительством Александра II, и эту точку зрения разделяли даже советские ученые, занимающиеся историей государства и права. В советский период Б. В. Веленский провел подробное исследование судебных преобразований 1864 г., однако его работа оказалась подверженной влиянию устоявшихся канонов советского мышления. В его анализе судебного переустройства самодержавия акцент делался на борьбе революционно-демократических сил против доминирующего класса. В то же время интересные мысли о причинах реформы высказывает М. Г. Коротких, который связывает необходимость изменений с кризисом «верхов», осознавших настоятельную потребность в переменах, а не с революционными выступлениями демократических кругов.

Согласно воспоминаниям государственного секретаря А. А. Половцова, император Александр III, оценивая итоги предшествующего царствования, утверждал, что Судебные уставы 1864 г. были приняты покойным государем под давлением тех, кто стремился навязать ему конституцию, и что это было лишь первым шагом на этом пути. Важно отметить, что принципы и институты, легшие в основу Судебной реформы, обладают ярко выраженным конституционным характером. Нам представляется вполне обоснованной идея, что император Александр II планировал поэтапное внедрение конституционных основ в российское законодательство и общественную жизнь. Досоветская историография также акцентировала внимание на конституционном аспекте преобразований, происходивших во второй половине XIX в. В. Фукс, например, подчеркивает, что новый суд должен был служить не только гарантией правильного разрешения уголовных и гражданских дел, но и мощным инструментом против произвола полиции и административных

посягательств на личные свободы граждан – своего рода политическим аналогом *habeas corpus* – основой для формирования полноценной системы конституционных порядков в будущем [9, с. 29–40].

Русский государственный деятель и правовед К. П. Победоносцев, который активно участвовал в подготовке Судебных уставов 1864 г., а потом стал главным теоретиком политики контрреформ, проводимой правительством Александра III, позднее говорил о новом суде следующее: «Такой суд не может быть опорою государства». Н. В. Муравьев (министр юстиции с 1894 г.) считал, что принципы и институты Судебной реформы второй половины XIX в. не соответствовали особенностям государственного и общественного быта России: «Одежда не по меркам».

Заключение

Анализируя итоги Судебной реформы в контексте мнений государственных чиновников о целостности государственного механизма в России, можно заключить, что организаторы судебных преобразований, успешно запустившие процесс реформирования, не имели права останавливаться на полпути. Начав реформу, ее следовало продолжать, стремясь к дальнейшему продвижению. Преобразователям судоустройства и судопроизводства в России важно было сохранять последовательность в осуществлении своих намерений [10, с. 138–149]. Опыт реализации судебной реформы в России наглядно показал, что в условиях отсутствия необходимых предпосылок для функционирования самостоятельного и независимого суда исполнительная власть всегда имеет возможность преобладать над судебной.

Судебная реформа 1864 г. в России кардинально изменила восприятие суда и правосудия в обществе. Эта реформа стала следствием настоятельной необходимости глубокой теоретической и практической переоценки русской судебной системы и процесса. Прогрессивный характер реформы заключался в ее способности положить начало новым юридическим институтам, а также в устранении хаоса с судебной системой и утверждении ее независимости. Хотя вскоре после реформы начали проявляться тенденции к отступлению от ее ключевых принципов, в ее фундамент были заложены демократические основы, которые и по сей день имеют актуальное значение. Судебная реформа привнесла в российскую правовую действительность принцип гласности, принцип состязательности, принцип равенства всех перед судом, понятие презумпции невиновности. Все это применяется и реализуется по сей день. Судебная реформа 1864 г. представляет собой либерально-буржуазное преобразование, инициированное царским правительством в отношении общей структуры и порядка уголовного и гражданского процессов в России.

Пристатейный библиографический список

1. *Агапова А. Р.* Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на развитие современной судебной власти // Вестник науки. 2021. № 1 (34).

2. *Головко Л. В.* Судебная реформа 1864 г. и современное развитие отечественного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. 2015. № 1.

3. *Нека Л. А.* Русское уголовное судопроизводство. Исторический взгляд на правовую реформу 1864 года // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2.

4. *Краковский К. П.* Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12.

5. *Филонов Г. А., Черных В. С.* Судебная реформа Александра II // Территория науки. 2015. № 4.

6. *Коваль С. В., Коноваленко П. Н.* Исторический опыт и влияние судебной реформы 1864 года на российское общество и государство // Вестник КГУ. 2018. № 3.

7. *Дудко Н. А.* Поэтапное введение суда присяжных в Российской империи по судебной реформе 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49).

8. *Климанов А. Ю.* Из отечественной истории реформирования судебной системы: судебная реформа 1864 года // Вестник Международного института экономики и права. 2017. № 1 (26).

9. *Карпачев М. Д.* Судебная реформа 1864 г. в России: шаг на пути к правовому государству // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3.

10. *Дорская А. А.* Роль министерства юстиции в подготовке и проведении первого этапа Судебной реформы 1864 г. // Вестник РГГУ. 2016. № 4.

References

1. *Agapova A. R.* The Judicial Reform of 1864 and its Influence on the Development of Modern Judicial Power. *Herald of the Science*, 2021, no. 1 (34). (In Russ.)

2. *Golovko L. V.* The Judicial Reform of 1864 and the Modern Development of Domestic Criminal Proceedings. *Herald of Moscow University*, 2015, no. 1. (In Russ.)

3. *Neka L. A.* Russian Criminal Proceedings. Historical View of the Legal Reform of 1864. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 2. (In Russ.)

4. *Krakovskii K. P.* The Judicial Reform of 1864: Significance and Historical and Legal Assessments. *Journal of Russian Law*, 2014, no. 12. (In Russ.)

5. *Filonov G. A., Chernykh V. S.* Judicial Reform of Alexander II. *Territory of Science*, 2015, no. 4. (In Russ.)

6. *Koval S. V., Konovalenko P. N.* Historical Experience and the Impact of the Judicial Reform of 1864 on the Russian Society and State. *Herald of KSU*, 2018, no. 3. (In Russ.)

7. *Dudko N. A.* Step-by-Step Introduction of Jury Trial in the Russian Empire Under the Judicial Reform of 1864. *Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 12 (49). (In Russ.)

8. *Klimanov A. Iu.* From the Domestic History of Reforming the Judicial System: Judicial Reform in 1864. *Herald of the International Institute of Economics and Law*, 2017, no. 1 (26). (In Russ.)

9. *Karpachev M. D.* The Judicial Reform of 1864 in Russia: A Step Towards the Rule of Law. *Judicial Power and Criminal Procedure*, 2014, no. 3. (In Russ.)

10. *Dorskaia A. A.* The Role of the Ministry of Justice in the Preparation and Implementation of the First Stage of the Judicial Reform of 1864. *Herald of Russian State University for the Humanities*, 2016, no. 4. (In Russ.)

Сведения об авторах:
Н. М. Бибина – кандидат исторических наук, доцент.
Э. А. Цай – стажер-исследователь.

Information about the authors:
N. M. Bibina – PhD in History, Associate Professor.
E. A. Tsai – Research Intern.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.
The article was submitted to the editorial office 02.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 340
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-49-56

РОЛЬ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ СУДА в 70-е–80-е гг. XIX в.

Надежда Николаевна Ефремова[1,2]

[1] Московский городской педагогический университет, 129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4

[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82

nadnike@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу деятельности Министерства юстиции Российской империи по проведению «Великой» судебной реформы 1864–1899 гг. Законодательную основу Судебной реформы составили Судебные уставы, утвержденные императором 20 ноября 1864 г. Их введение в действие было поручено Министерству юстиции Российской империи. Проведенный анализ инициированных и проведенных последним в этой связи мероприятий показал их разновекторность – как продвигающих новые ценности правосудия, так и тормозящих их, что было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами.

Ключевые слова: контрреформа; Министерство юстиции; судебная республика; судебная реформа; трансформация.

Для цитирования: *Ефремова Н. Н.* Роль Министерства юстиции Российской империи в трансформации суда в 70-е–80-е гг. XIX в. // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 49–56. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-49-56

Research Article

THE ROLE OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE TRANSFORMATION OF THE COURT IN THE 70S–80S OF THE 19TH CENTURY

Nadezhda N. Efremova[1,2]

[1] Moscow City Pedagogical University, 4 2nd Agricultural Psge., Moscow, 129226, Russia

[2] Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 82 Vernadskii Ave., Moscow, 119571, Russia

nadnike@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the activities of the Ministry of Justice of the Russian Empire in carrying out the "Great" Judicial Reform of 1864–1899. The legislative basis of the judicial reform was the Judicial Statutes approved by the Emperor on November 20, 1864. Their implementation was entrusted to the Ministry of Justice of the Russian Empire. The analysis of the measures initiated and carried out by the latter in this regard showed their diversity, both promoting.

Keywords: counter-reform; Ministry of Justice; judicial republic; judicial reform; transformation.

For citation: *Efremova N. N.* The Role of the Ministry of Justice of the Russian Empire in the Transformation of the Court in the 70s–80s of the 19th Century. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 49–56. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-49-56

Введение

Юбилейный 160-летний год с начала Великой судебной реформы отмечен актуализацией интереса специалистов к этому знаменательному событию в истории России в целом и проблемам ее проведения в частности. Время, когда это происходило, т.е. вторая половина XIX в., было весьма значимо для модернизации Российского государства в связи с проведением ряда либерально-демократических реформ, наиболее прогрессивной из которых являлась несомненно судебная. Вместе с тем это время было отмечено и мощным подъемом революционных сил, одним из наиболее драматичных эпизодов которого стало убийство после нескольких

пережитых им попыток царя Освободителя – Александра II, что не могло не сказаться, в частности, на судьбе Судебной реформы.

Нельзя не отметить, что в последующее время сложилась историография по теме Великой судебной реформы, включающая дореволюционные, советские и российские современные и зарубежные фундаментальные труды и публикации. Однако отдельные моменты в истории подготовки и проведения этой реформы неизменно привлекали и привлекают внимание специалистов вследствие как необходимости учета исторического опыта на следующих этапах преобразования отечественного правосудия в целом (к примеру, реформа российского судоустройства и судопроизводства в постсоветский период), так и полезности изучения концептуальных основ при создании или адаптации к сложившимся ситуациям и изменяющимся социально-экономическим и политико-идеологическим условиям при внедрении отдельных институтов юстиции (например, реформа органов судебного управления, создание отдельного института следствия и т.п.). Накопление новых юридических знаний об исторических процессах и явлениях, изучение их с новых методологических неклассовых позиций важны также для развития юриспруденции и информационного обогащения учебного процесса в юридических образовательных учреждениях. Тем более создание в Российской империи отечественной прогрессивной модели правосудия, в некоторой степени опередившей свое время, имеет и общепатриотическое и юридико-профессиональное воспитательное значение, на которое нас ориентируют новые образовательные стандарты. Присущие ей ценности надлежащей (а по словам Сергея Ивановича Зарудного, одного из «отцов» Судебной реформы, «правильной») организации правосудия и соответственно судебного права заслуживают признания и уважения не только будущих, но и действующих юристов и граждан в целом.

1. Политика Министерства юстиции в процессе проведения Судебной реформы

Переходя к содержательной части настоящей статьи, следует оговориться, что в ней не может быть отражена вся деятельность Министерства юстиции Российской империи по проведению Судебной реформы, которая на него была возложена императором, в первую очередь вследствие заданного для нее объема.

Однако автор предполагает привести несколько важных примеров из нее, определяющих изменения вектора ее направленности в связи со складывающейся конъюнктурой.

Введение новой судебной системы и новой формы судебного процесса началось в соответствии с намеченным планом и поэтапно, а окончательно завершилось лишь к 1 июля 1899 г., причем в национальных окраинах – с существенными отступлениями и изъятиями, что создало характерную для имперского устройства не единую судебную систему, прогрессивное ядро которой составляли суды, созданные в судебных округах на территориях коренных губерний и уездов и городских участках на основе Судебных уставов как общеимперские и общесословные. Однако и вводимые новые институты юстиции по мере их деятельности также претерпевали некоторую трансформацию под влиянием меняющейся социаль-

но-политической обстановки и проявления заметной несогласованности и несоответствия новой организации правосудия сохранявшейся архаичной организации всего механизма государственной власти.

Усилившееся с 70-х гг. XIX в. революционное движение и теракты народовольцев, как уже было отмечено выше, оказали влияние на судьбу Судебных уставов и привели к ряду отступлений от провозглашенных в них прогрессивных либерально-демократических принципов судоустройства и судопроизводства и изменению судебной политики Министерства юстиции, которая приобрела в связи с изменившейся социальной обстановкой реакционный консервативный характер. Вследствие этого Министерство юстиции сыграло заметную роль в разработке и принятии законов, вносивших изменения и противоречивших духу и букве Судебных уставов. По общему мнению исследователей, главной причиной отказа или искажения основных начал новой формирующейся юстиции в 70-е–80-е гг. XIX в. явились именно политические процессы, осуществленные новыми судами в эти годы на основании положений Судебных уставов. Их результаты и выносимые приговоры не удовлетворяли правительство и пугали его дальнейшим подъемом борьбы революционных сил с существующим государственным строем.

В 1871 г., в период расследования дела «нечаевцев», Министерством юстиции была составлена записка, в которой указывалось на неудовлетворительность сложившегося порядка расследований политических преступлений, а также на неопределенность выраженной в законе степени и роли в участии административной и судебной власти в делах о государственных преступлениях [1, с. 111]. В свою очередь шеф корпуса жандармов П. А. Шувалов еще в 1870 г. обращался в Министерство юстиции с письмом, в котором указывал на необходимость расширения прав жандармов по расследованию преступлений и предоставления им возможности оказывать содействие чинам прокуратуры в раскрытии политических и особо важных уголовных преступлений. Предложение П. А. Шувалова было одобрено министром юстиции Константином Ивановичем Паленом (1867–1878), сменившим на этом посту Дмитрия Николаевича Замятнина (1862–1867), активного сторонника Судебной реформы. По мнению А. А. Половцова, новый министр юстиции был ограниченным человеком, противившимся введению либерально-демократических начал в организацию правосудия. Граф Пален, впрочем, как и сам император, полагал, что такого рода приговоры обусловлены ненадлежащей судебной инстанцией, их рассматривавшей (судебная палата с сословными представителями, выносившая окончательный приговор), и следовало бы их передать в юрисдикцию Сената [1, с. 111–112]. Однако этот вариант показался дорогим и неудобным. Поэтому Законом от 9 мая 1878 г. был утвержден новый порядок рассмотрения дел о политических преступлениях: рассмотрение в судебных палатах составом, усиленным сословными представителями, а в случаях «Высочайшего повеления» – в Верховном уголовном суде или особом присутствии Сената также усиленным сословными представителями. Также Законом от 9 мая 1878 г. был ограничен круг дел, рассматривавшихся окружными судами с участием присяжных заседателей [1, с. 114]. Этот Закон был реакцией на оправдательный приговор, вынесенный в соответствии с оправдательным вердиктом присяжных заседателей по делу Веры Засулич. Таким решением был недоволен импе-

ратор, потребовавший от министра юстиции Палена объяснения; последний в свою очередь вызвал для того же А. Ф. Кони, под председательством которого проходил этот судебный процесс. Кроме того, в качестве реакции на решение «нечаевского» дела специально созданная в этой связи комиссия выработала «правила о порядке действий чинов жандармов по исследованию преступлений». После утверждения царем 19 мая 1971 г. эти правила стали законом, предоставлявшим административным органам возможность внесудебной расправы с политическими преступниками. Согласно Закону даже при отсутствии улик, дающих основания для передачи дел в суд, администрация могла применить к участнику революционного движения административные меры принуждения. По Закону от 19 мая 1871 г. правительству были вверены дела по государственным преступлениям, которые стали рассматриваться внесудебным порядком. Так, министр юстиции получил возможность рассматривать и разрешать дела по этим преступлениям по согласованию с шефом жандармов, в административном порядке. Отметим, что этот Закон, по сути, и стал началом наступления реакции на Судебную реформу, которая еще не была завершена, и уже частично изменил заданный изначально вектор ее продвижения [1, с. 111]. Другим законом, продолжившим наступление на новый суд, стал Указ от 9 августа 1878 г., передавший наиболее важные из данной категории дела на рассмотрение военных судов с применением законов военного времени. А следующим Законом от 8 апреля 1879 г. был расширен круг дел по государственным преступлениям, передаваемых в юрисдикцию военных судов [1, с. 115].

Вместе с тем представители реакционных кругов оставались недовольны деятельностью графа Палена на министерском посту и вынудили его подать в отставку, и 30 мая 1878 г. он был освобожден от должности министра юстиции [2, с. 145]. Это пост занял статс-секретарь Дмитрий Николаевич Набоков, бывший юристом по образованию, в отличие от предшественника. По замечанию Анатолия Федоровича Кони, Д. Н. Набоков занял пост в тяжелое для судьбы Судебной реформы время, однако он старался отстаивать прогрессивные принципы судоустройства и судопроизводства и, как мог, сопротивлялся реакционным попыткам консерваторов их отменить. Однако социально-политическая ситуация в России ухудшалась, а растущее революционное движение набирало силы, что, в частности, проявилось в убийстве императора Александра II. Следствием стала реакция правительства, которое продолжило постепенное внесение отдельных изменений в положения и ограничивало действие Судебных уставов, в частности, относительно определенных категорий дел: был установлен особый порядок расследования и рассмотрения политических преступлений. Так, дознание по государственному преступлению в 1871 г. было передано в ведение жандармских органов, позже, в 1872 г., – во вновь созданное Особое присутствие Правительствующего сената, а в 1878 г. – военно-окружным судам. К тому же был несколько ограничен принцип независимости и несменяемости судей: в соответствии с Законом от 20 мая 1885 г. было создано Высшее дисциплинарное присутствие для суждения о неблаговидных поступках судей, несовместимых с их служебным статусом. Правда, по мнению А. Ф. Кони, этот Закон можно лишь с большой натяжкой оценивать таким образом, поскольку он был призван прежде всего усилить дисциплинарную ответственность судей.

Была ограничена гласность суда, повышен ценз для присяжных заседателей, как уже было отмечено, сужена сфера деятельности присяжного суда и соответственно расширена компетенция судов с сословными представителями: в 1887 г. дела о должностных преступлениях и против должностных лиц были изъяты из ведения суда присяжных заседателей и переданы суду коронных судей с сословными представителями. А в 1889 г. на основании Положения от 12 июля о земских участковых начальниках была ликвидирована мировая юстиция (вместе с земскими собраниями в ряде уездов), за исключением столиц и Одессы, а ведение ранее подсудных дел передано в руки учрежденных с этой целью местных административных органов – земских начальников, а в городах – городским судьям, назначавшимся министром юстиции. Дела, ранее относившиеся к компетенции мировых судей, но выходившие за пределы компетенции земских начальников и городских судей, подлежали решению уездных членов окружных судов. Введение должности земских начальников означало, по сути, нарушение и даже отказ от принципа независимости судебной власти от административной как краеугольного камня в строительстве новой судебной системы. Вместе с тем мировая юстиция была восстановлена в 1912 г.

Во всех этих инициативах и их реализации активно участвовало Министерство юстиции, хотя справедливости ради следует отметить, что сменявшие друг друга в этот период министры юстиции все же по-разному проявили себя, что уже было продемонстрировано примерами из деятельности Палена и Набокова.

2. Проблема судебной контрреформы

Переходя к проблеме контрреформы, следует отметить, что этот термин не был введен в советской историографии, как полагает ряд исследователей Судебной реформы (в частности, он был употреблен А. А. Кизеветтером), вследствие чего его стали заменять на термин «трансформация». Полагаем уместным употреблять и тот и другой к тем изменениям, которые претерпели Судебные уставы. Контрреформа означает как полный откат на дореформенные позиции, так и частичные, но сущностные изменения основных начал реформы. Те изменения, которые были внесены в судоустройство и судопроизводство на основании Судебных уставов, а именно в принципы организации и деятельности отдельных новых институтов юстиции, что было показано выше, и соответствуют второму приведенному выше смыслу понимания термина «контрреформа». Что касается термина «трансформация», то он тоже означает преобразование или изменение, иллюстрацией чего является приспособление, адаптация новых принципов и институтов юстиции к старым, остававшимся архаичными звеньям государственного механизма и институтам материального права.

Также дискуссионной является проблема определения хронологических рамок так называемой контрреформы. В советской историографии было установлено два периода: первый – период Судебной реформы как 60-е–70-е гг. и второй – 80-е–90-е гг. XIX в. как контрреформа. Однако очевидно, и это показано в настоящей статье, что внесение соответствующих новелл в Судебные уставы 1864 г. началось уже с начала 1870-х гг., таким образом, поэтапное продолжение введения новых

институтов юстиции проходило с изменениями, направленными либо на адаптацию к существующему государственному аппарату, либо на снижение либерально-демократического их значения. Очевидно, что в ходе осуществления Судебной реформы у консервативной части правительства появился страх перед перспективой полностью реализовать Судебные уставы, построенные на прогрессивных либерально-демократических принципах судоустройства и судопроизводства, а более всего признания судебной власти самостоятельной и независимой, что, без сомнения, свидетельствовало о первом шаге к российскому конституционализму [3, с. 234–237]. По мнению идеологов консервативного, реакционно-охранительного курса политики, наметившегося в 70-е–80-е гг. XIX в., новый суд не соответствовал задаче быть опорой самодержавия. Неслучайно Михаил Никифорович Катков, хотя и иронично, назвал новую судебную организацию «судебной республикой». Это и привело к принятию правительством плана постепенного введения Судебных уставов, на что ушло долгих 35 лет. За это время сами Судебные уставы подверглись изменениям, причем причины для того были как объективные, так и субъективные.

Заключение

Во второй половине 90-х гг. XIX в. были предприняты попытки существенно пересмотреть Судебные уставы 1864 г., но подъем общественного движения помешал этому, и так называемая Муравьевская комиссия, созданная для изменения основополагающего источника судебного права в 1894 г., была закрыта в 1899 г. без утверждения результатов ее работы. Есть и другое мнение, не отрицающее первое, касающееся причины закрытия этой Комиссии: к тому моменту новеллы, внесенные в Судебные уставы и составившие отдельный 16-й том Свода законов Российской империи, в определенной степени адаптировали пореформенную судебную организацию к существующей государственно-правовой системе. Официальное завершение Судебной реформы было объявлено Николаем II в подписанном им Указе от 1 июля 1899 г.

Вместе с тем сложившаяся в результате проведения Судебной реформы новая организация правосудия, несомненно, осталась в целом прогрессивной и отвечающей вызовам времени, в чем есть и заслуга Министерства юстиции, несмотря на известные колебания в его судебной политике.

Пристатейный библиографический список

1. *Ефремова Н. Н.* Министерство юстиции Российской империи, 1802–1917 гг. Историко-правовое исследование. М. : Наука, 1983.

2. Министерство юстиции за сто лет, 1802–1902: Исторический очерк. СПб. : Сенат. тип., 1902.

3. *Ефремова Н. Н.* Исторические этапы становления принципа независимости судебной власти в Российской империи как базовой ценности правосудия // Образование и право. 2021. № 3.

References

1. *Efremova N. N.* Ministry of Justice of the Russian Empire, 1802–1917. Historical and Legal Research. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ.)

2. The Ministry of Justice for a Hundred Years, 1802–1902: Historical Essay. St. Petersburg: Senate Printing House, 1902. (In Russ.)

3. *Efremova N. N.* Historical Stages of the Formation of the Principle of Independence of the Judiciary in the Russian Empire as the Basic Value of Justice. *Education and Law*, 2021, no. 3. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Н. Н. Ефремова – кандидат юридических наук, профессор.

Information about the author:
N. N. Efremova – PhD in Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 22.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Научная статья
УДК 340
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-57-66

ПЛАНИРОВАЛ ЛИ Н. В. МУРАВЬЕВ ЛИКВИДИРОВАТЬ СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ?

Константин Петрович Краковский

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34

frelena@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу явных и скрытых мотивов, подходов, планов и их воплощения в деятельности Комиссии Н. В. Муравьева, причин провала проекта Комиссии. Особое внимание обращается на роль, взгляды руководителя Комиссии Николая Валериановича Муравьева.

Ключевые слова: судебная реформа и контрреформа; Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части; принципы Судебных уставов.

Для цитирования: *Краковский К. П.* Планировал ли Н. В. Муравьев ликвидировать Судебные уставы? // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 57–66. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-57-66

Research Article

DID N. V. MURAVYOV PLAN TO ELIMINATE THE JUDICIAL STATUTES?

Konstantin P. Krakovsky

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaia Cheremushkinskaia St., Moscow, 117218, Russia

frelena@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of explicit and hidden motives, approaches, plans and their implementation in the activities of the N. V. Muravyov Commission, the reasons for the failure of the Commission's project. Special attention is paid to the role and views of the head of the Commission Nikolai Valerianovich Muravyov.

Keywords: judicial reform and counter-reform; Commission for the revision of legal provisions on the judicial part; principles of Judicial Statutes.

For citation: *Krakovsky K. P.* Did N. V. Muravyov Plan to Eliminate the Judicial Statutes? *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 57–66. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-57-66

Введение

Если перефразировать известное высказывание В. И. Ленина («1861 год [т.е. отмена крепостного права, вернее, те недостатки, которые она содержала. – *К.К.*] породил 1905-й [первую Русскую революцию, крестьянскую, по сути. – *К.К.*]» [1, с. 177]), то можно с уверенностью сказать: 1864 год (содержание Судебных уставов) породил 1894-й (создание Комиссии по пересмотру законоположений по судебной части). Иными словами, недовольство власть предержащих содержанием Уставов вызвало к жизни Комиссию Н. В. Муравьева, хотя последний настаивал на мысли, что это не сами Уставы, а частичные и хаотичные их переделки вызвали необходимость их системного изменения. Признаем, что доля справедливости в этом заключении есть: частичные переделки обычно хуже решительного капитального ремонта.

Нам уже приходилось писать по разным поводам о работе Комиссии Н. В. Муравьева [2, с. 162–177; 3, с. 9–28; 4, с. 325–364; 5, с. 420–429], поэтому позволим себе не сосредотачиваться на анализе большого фактического материала, оставленного Комиссией, а остановиться на некоторых вопросах, связанных с личным вкладом Н. В. Муравьева в работу Комиссии, его взглядами на ее задачи, цели и т.п.

1. Почетный гражданин Оренбурга… (вехи биографии Н. В. Муравьева)

На небосклоне практической юриспруденции второй половины XIX в. лишь один человек мог приблизиться к славе А. Ф. Кони. Этим юристом был Н. В. Муравьев. Следует прежде всего отметить взаимную ревность к успехам визави (Кони и Муравьев). Кони не терпел конкурента на вершине юридической пирамиды, его отношение к Н. В. Муравьеву показывает написанный, но не опубликованный очерк о Муравьеве, хранящийся в личном фонде А. Ф. Кони в ГАРФе [6, p. 369–372].

В 1884–1891 гг. Н. В. Муравьев, прокурор Московской судебной палаты, выступал обвинителем по громким делам (например, Скопинского банка), показывал отменные ораторские способности. Назывался современниками (в паре с А. Ф. Кони) «классиком судебного красноречия». Одна из его современниц, журналист Е. И. Козлинина, подчеркивая его талант мастера судебной речи, утверждала: «Муравьев представлял собой в прокуратуре то же, что Плевако в адвокатуре» [7, с. 180].

У каждого из них были процессы, сделавшие их знаменитыми: для А. Ф. Кони это дело Веры Засулич, 1878 (судья), для Н. В. Муравьева – дело первомартовцев, 1881 (прокурор). В 1881 г. Николаю Валериановичу было доверено исполнять прокурорские обязанности по делу об убийстве императора Александра II. Грамотный, талантливый и задиристый судебный деятель подготовил блистательное обвинительное слово против подсудимых, которым был вынесен смертельный приговор. По иронии судьбы он был в детстве другом Софьи Перовской, и однажды маленькая Соня спасла жизнь своему будущему обвинителю, тонувшему в глубоком пруду. Этим судебным процессом Муравьев обратил на себя внимание императора и всей общественности.

Сам А. Ф. Кони, ревновавший Муравьева к славе, тем не менее признавал его «практическую подготовку, умение разобраться в научных материалах и несомненный дар слова», это видно из их любезной переписки. Впрочем, впоследствии свое мнение о нем изменил и в письмах знакомым использовал другую, ругательную лексику, касавшуюся Муравьева.

Впрочем, критично настроенный к отечественным бюрократам М. Е. Салтыков-Щедрин вывел Муравьева в образе надворного советника Сенечки из десятого «Письма к тетеньке» как мастера «щипать людскую корпию», хватать и судить хотя бы случайно попавшихся («на то война-с»), ибо, мол, все равно «довольно останется» [8, с. 373–395].

Муравьев, не оставляя пост прокурора, занимался преподавательской деятельностью, читая лекции в Московском университете (!); он открыл курс словами о том, что дальше нача́л, провозглашенных Судебными уставами, «нам незачем и некуда идти» [9, с. 587]. В иных публичных выступлениях он показывал себя горячим поклонником Судебных уставов [10, с. 222].

В 1892 г. Муравьев был назначен государственным секретарем, а уже в 1894 г., в возрасте всего 46 лет, он оказался на посту министра, что было весьма необычно для карьеры русского чиновника в это время. Но на этом посту проявились и худшие моральные качества этого, несомненно, талантливого человека: властолюбие, заносчивость, нетерпимость к чужому мнению и особенно лицемерие, угодливость, граничившая с холуйством перед высшим начальством.

К началу 1900-х гг. Николай Валерианович имел чин действительного тайного советника (второй в Табели о рангах; первый, высший, – канцлер – присваивался крайне редко), удостоился многих высших государственных наград – и российских, и зарубежных. Как показывает его формулярный список, хранящийся в РГИА, он был самым награждаемым министром в имперской истории [11]. Он был даже удостоен звания почетный гражданин Оренбурга и Петрозаводска.

2. Планы реформы суда в Комиссии

Итак, Комиссия по пересмотру Судебных уставов была создана 7 апреля 1894 г. Действительно, идейную платформу планов руководителя Комиссии Н. В. Муравьева составили намерения Александра III произвести *капитальный ремонт* судебной системы и их воплощение в известной программе К. П. Победоносцева (изложена в записке 30 октября 1885 г.) [12, с. 508–514].

Александр III вполне разделял взгляды Победоносцева и вообще считал, что «юристы от сенаторов до самого низа – доктринеры, почти революционеры и т.д.», но в юристе Н. В. Муравьеве он видел человека, «который понимает все, что есть неуместного и подлежащего отмене в судебных порядках» [13, с. 16].

Не сомневаемся, что многие идеи Муравьева коренились в предложениях и планах К. П. Победоносцева (в частности, о необходимости отмены несменяемости судей, усиления контроля за адвокатами, и др.). В личном фонде Н. В. Муравьева в РГИА хранится дело, относящееся к пересмотру судоустройства и судопроизводства [14]. Оно содержит записку Муравьева «О необходимости изменений судебных учреждений и судебных порядков» (лл. 1–18 – черновой набросок доклада царю 7 апреля 1894 г.) и анонимную записку по такой же теме (лл. 19–25). Авторство последней легко установить. Это аутентичная копия доклада К. П. Победоносцева Александру III 30 октября 1885 г., сутью которого является ключевое положение всесильного обер-прокурора Синода: «Бесконтрольная и обособленная юстиция несовместима с самодержавием».

Хотя Н. В. Муравьев и не был столь прямолинеен, как его старший коллега – К. П. Победоносцев, его «всеподданнейший» доклад 7 апреля 1894 г. весьма созвучен идеям этого консерватора. К началу 1890-х гг., отмечал Н. В. Муравьев, положение реформированной юстиции отнюдь не могло считаться упроченным и ясным; ее окружала смутная атмосфера колебания и шаткости; еще не определившиеся веяния, во всяком случае, не способствовавшие безмятежному ходу правосудия. Исходя из этого, новый министр юстиции полагал, что в основу предпринимаемой реформы должно быть положено начало незыблемого утверждения государственного характера и правительственного направления суда и судебного ведомства. При правильном устройстве суд должен быть прежде всего верным и верноподданным проводником и исполнителем самодержавной воли монарха, всегда направленной к охранению закона и правосудия [15, с. 65].

Царь полностью согласился с идеями доклада и наложил на него резолюцию: «Твердо уверен в необходимости всестороннего пересмотра наших Судебных уставов, чтобы, наконец, действительное правосудие царило в России» [15, с. 66].

Другое дело, каковы были *глубинные цели* этого пересмотра. Еще вступая на должность министра юстиции в самом начале 1894 г., он определили две важнейшие задачи ведомства:

1) сохранить и утвердить в отечественном суде те общепризнанные основные начала правильного судоустройства и судопроизводства, дарованные Судебной реформой 1864 г.;

2) укрепить государственное значение и правительственный характер суда и судебного ведомства, с разумным их единением в законных пределах с другими правительственными ведомствами [16, с. 3–4].

Подводя итоги работе Комиссии (1899 г.), Муравьев вновь повторил: «В суде, творимом по Указу Императорского Величества, все носит государственный характер, а потому и все судебное ведомство глубоко проникается безличным правительственным началом... Публичный принцип требует... чтобы все без изъятия должностные лица судебного ведомства назначались от правительства и находились под

бдительным и строгим его воздействием...» [17]. Именно механизмы обеспечения этого подхода волновали его больше всего (а не ликвидация Уставов).

В ряде своих выступлений уже во время работы Комиссии Н. В. Муравьев пояснял свое отношение к ключевым принципам, на которых должна была зиждиться «новая судебная реформа». То, что он стоит на почве принципов Судебных уставов, Муравьев подчеркнул в трех своих речах – на открытии в мае и июне 1894 г. Петрозаводского («о правде и милости»), Оренбургского («о суде скором, справедливом и равном для всех») и Уфимского («о возвышении и самостоятельности судебной власти, утверждающей уважение к закону») окружных судов. В анонимной статье (несомненно, принадлежащей перу самого министра), опубликованной в «Журнале Министерства юстиции» в 1897 г. и посвященной промежуточным итогам работы Комиссии, видимо, чтобы успокоить судейское (и шире – юридическое) сообщество России, были перечислены устои «судебного здания», которые должны быть *неприкосновенны*: устность, гласность, состязательность процесса, охрана прав личности перед судом, разделение судебных функций, решение дел по внутреннему убеждению совести, непоколебимость законной силы судебного приговора или решения, участие в суде общественного элемента, независимость суда и судей, ценз судебной службы и правильное соотношение не более двух судебных инстанций под главенством Правительствующего Сената [18, с. 49]. Иными словами, автор делал вывод, что результатом работы Комиссии должно быть улучшение, а не ломка и даже не реформа [18, с. 50].

Конкретные цели и задачи Комиссии Н. В. Муравьев установил в своей речи перед председателями судебных палат 18 декабря 1895 г. В концентрированном виде эти основные идеи Муравьева об улучшении суда определил Ф. К. Тарановский: «унификация, стандартизация и упрощение», упрощение процедуры для удешевления и ускорения, повышение зарплат судьям, подъем их морального облика [22, с. 166].

Н. В. Муравьев начал грандиозную работу по пересмотру Судебных уставов 1864 г., так как за время их действия набралось много законодательных актов, дополняющих или изменяющих этот закон. Эти поправки вносили путаницу в работу юристов, поэтому требовалось подготовить новые редакции уставов судопроизводства. Как отмечали современники, Муравьев не сказал нового – как программы на будущее, – а лишь подвел итог предшествующей политики. Он был противником паллиативов – многочисленные изменения в Уставах, около 700, независимо от целевого назначения, не согласовывались друг с другом: это были разрозненные бессистемные дополнения; поэтому он взялся за систематический пересмотр Судебных уставов – в принципе, на наш взгляд, это правильный подход.

3. Причины провала проекта Комиссии

То, что результаты работы Комиссии оказались не принятыми правительством, отразило, по мнению Ф. К. Тарановского, расстановку политических сил, особенно острое разделение в среде самой бюрократии. То, что было предложено, было слишком мало, и сделано это было слишком поздно – обычное дело для разлагающихся режимов. Один из современных исследователей (Йорг Баберовский) отмечает, что Муравьев стремился укрепить бюрократический надзор и усилить конт-

роль над судебной системой в результате эксперимента, который с самого начала пошел не в том направлении [19, с. 145–170].

М. В. Немытина в своей кандидатской диссертации, первом в отечественной историографии исследовании деятельности Комиссии Муравьева, назвала три обстоятельства, обусловившие неприятие ее проектов:

1) помешала революционная ситуация;

2) несостоятельность самих проектов;

3) реакционные преобразования в сфере суда были завершены еще до начала работы Комиссии в законодательстве 1870-х–1880-х гг.

Более того, она утверждала, что и в других, более благоприятных условиях работа Комиссии все равно была обречена на провал (так как судебная контрреформа была завершена в 1870-е–1880-е гг.) [20; 21, с. 160–199].

Не следует упускать из виду и сопротивление наиболее «радикально-консервативным» предложениям в самой Комиссии. Участие ряда либеральных юристов, поклонников духа и буквы Судебных уставов (например, А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, В. О. Люстиг и др.), сыграло свою роль в том, что проект оказался не столь разрушительным для Уставов. «Вы себе представить не можете, – писал А. Ф. Кони 12 июля 1899 г. публицисту П. Н. Обнинскому, – сколько я выстрадал за эти 5 лет в 300 с лишком заседаний, оставаясь по большей части один со своими мнениями и не встречая никакой поддержки в подтасованной комиссии… Ведь это все равно, что присутствовать при изнасиловании женщины, которая была вашей «первой любовью», без всякой реальной возможности ей помочь» [24, с. 151].

Нам представляется, что на Комиссию была возложена задача системного пересмотра Уставов 1864 г. Она же на самом деле подготовила проект новой судебной реформы, предусматривавший новую конструкцию судебной системы. Нужно ли было правительству в таких масштабах переустраивать судебную систему? Были ли на это силы и средства? Возможно, что министр юстиции вышел за пределы предоставленных ему полномочий и не смог соотнести реальные условия и возможности государства, общественные потребности с взятыми на себя обязательствами по переустройству суда. Судебная система в принципе устраивала и правительство, и общество. Переустройство ее повлекло бы колоссальные и совершенно неоправданные расходы для казны.

Более того, нам представляется, что изначально перед министром юстиции Муравьевым была поставлена неразрешимая задача – пересмотр Уставов 1864 г. на основе их формальной неприкосновенности. Лицемерие и двойственная позиция министра юстиции в ходе деятельности созданной и вдохновлявшейся им Комиссии объяснялись не столько его личными качествами, которые, по свидетельству современников, оставляли желать лучшего, сколько названной выше поставленной перед ним как министром и председателем Комиссии «сверху» задачей.

Н. В. Муравьев публично провозглашал незыблемость принципов и институтов Уставов 1864 г., на которые Комиссия якобы не собиралась покушаться, а в докладе, представленном Александру III, говорил не только об ограничении, но и об упразднении провозглашенных Судебными уставами основ – то, что хотел услышать царь. Муравьев – большой лицемер!!!

Итак, следует ли понимать высказывание Александра III о Н. В. Муравьеве как задачу *ликвидации* Уставов или *полный отказ* от их принципов? Полагаем, что, если бы Муравьевым ставились именно такие задачи, вряд ли бы он включил в состав Комиссии ряд выдающихся и, что особенно важно, принципиальных юристов, последовательных приверженцев Уставов. Н. В. Муравьев неоднократно заявлял, что не является *ни явным врагом, ни явным почитателем Уставов*.

В своей речи *в начале* работ Комиссии 30 апреля 1894 г. он сказал, что *базовые принципы Уставов признаны цивилизованным миром как лучшая гарантия правосудия и не подвергаются никакой критике*. В докладе царю (Николаю II) *по итогам* работы Комиссии он заявил, что *комиссия никогда не ставила задачи изменить «основы реформы» 1864 г.*, а лишь скоординировать и модифицировать существующую систему в свете опыта трех десятилетий.

Следует согласиться с Ф. К. Тарановским, первым исследователем работы Муравьевской комиссии, утверждавшим: «Муравьев понимал, что нет в империи ни одного ответственного юриста, который бы выступал за воскрешение дореформенной юстиции, или за создание юстиции на принципах, отличных от общепризнанных, что реформа воспринималась как conditio sine qua non современного европейского государства и попытка изменить это могло вызвать шквал сопротивления». Муравьев понимал, что разрушение Уставов могло бы стоить слишком много для его репутации и карьерных перспектив. Но он должен был сделать нечто впечатляющее, чтобы сохранить доверие императора [22, с. 166].

Выскажем тем не менее одну догадку. Определенные метаморфозы в подходах Н. В. Муравьева, на наш взгляд, имели место. Дело в том, что всего через полгода (1 ноября) после начала работы Комиссии Муравьева император Александр III умер. Возможно, именно здесь можно усмотреть некоторую корректировку жесткого курса министра, объявленного при ее открытии, на более сдержанный, в духе уважения принципов Уставов 1864 г. Проживи Александр III еще 4-5 лет, возможно, мы имели бы вторую, весьма консервативную судебную реформу.

После смерти Александра III у Муравьева оказались развязаны руки, так как Николай II «Никчемный» мало интересовался работой Комиссии. И он, Муравьев, честолюбиво возжелал войти в историю «вторым Замятниным и Бутковым», а остался первым и последним Муравьевым.

Иными словами, сначала это могла бы быть *реформа Александра III*, а вследствие его смерти получилась, вернее, не получилась, *реформа Муравьева*. Колоссальная работа, в которую были вовлечены сотни людей со всей России и которая заняла более пяти лет и стоила бюджету 100 000 руб., оказалась напрасной. Гора родила мышь...

Заключение

Важно отметить, что Муравьев параллельно с продвижением «государственных» идей в своей Комиссии приступил к осуществлению своих замыслов в практической деятельности, – по словам известного адвоката Н. П. Карабчевского, «начал первым развращать суд и судей, делая последних слепым орудием своих велений» [23, с. 35].

Обычно сдержанный, А. Ф. Кони в письме А. С. Суворину писал: «...мерзавец Муравьев, вовремя ушедший в кусты, совершенно исказил м(инистерст)во юстиции, развратив его состав и присоединив к нему тюремное ведомство... лишенное средств, людей, системы»; он же называл Муравьева «мазуриком и христопродавцем» [24, с. 147, 218–219, 242]. Даже С. Ю. Витте, весьма уважавший Муравьева, признавал, что тот «немного спустил флаг независимости юстиции» и в этом смысле в его министерстве были некоторые прегрешения [25, т. 1, с. 321], а также замечал: «Что касается нравственности – очень слаб. Если бы он был не Муравьев, а родился в семье какого-нибудь мещанина Иванова, то, конечно, давно бы кончил очень плохо» [25, т. 2, с. 337].

Впрочем, «кончил» свой жизненный путь Н. В. Муравьев совсем неплохо: в Италии, в должности посла Российской империи, в 1908 г.

Пристатейный библиографический список

1. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 20.
2. *Краковский К. П.* Политическая юстиция в России во второй половине XIX – начале XX вв. М. : Юрист, 2012.
3. *Краковский К. П.* Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4.
4. *Краковский К. П., Соломко З. В.* История суда и правосудия в России : в 9 т. Т. 5 : Судоустройство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года) / отв. ред. В. М. Сырых. М. : НОРМА, 2020.
5. *Шахрай С. М., Краковский К. П.* Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. М. : Кучково поле, 2014.
6. *Krakovskiy K. P.* Nikolai Valerianovich Muravyov (1850–1908) // Sudebnik. 2007. Vol. 12. Iss. 2.
7. *Козлинина Е. И.* За полвека. Записки старой русской журналистки (пятьдесят лет в стенах суда). 1962–1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.
8. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений : в 20 т. Т. 14. М. : Художественная литература, 1972.
9. *Муравьев Н. В.* Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб., 1900.
10. *Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб., 1905.
11. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 8895 (личное дело Н. В. Муравьева с его формулярным списком).
12. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полутом 2. М. ; Пг. : Гос. изд., 1923.
13. *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря : в 2 т. Т. 2 / под ред. П. А. Зайончковского. М. : Наука, 1966.
14. РГИА. Ф. 995 (личный фонд Н. В. Муравьева). Оп. 3. Д. 15.
15. Выс. учр. Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Т. 1 : Введение в главные основания предполагаемого судоустройства. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. СПб., 1900.

16. Министерство юстиции в первое десятилетие царствования императора Николая II. СПб., 1904.

17. Объявление министра юстиции о Высочайшем повелении о закрытии Комиссии по пересмотру судебного законодательства и записка об итогах работы Комиссий – «Главные основания оконченного пересмотра судебных законоположений» // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 30.

18. Работы по улучшению судебной части в 1894–1896 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 1.

19. *Wortman R.* Russian Monarchy and the Rule of Law: New Considerations of the Court Reform of 1864 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. Vol. 6. No. 1.

20. *Немытина М. В.* Комиссия Н. В. Муравьева : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1989.

21. *Немытина М. В.* Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов : СЮИ МВД РФ, 1999.

22. *Taranovski T.* The Aborted Counter-Reform: Murav'iev Commission and the Judicial Statutes of 1864 // Jahrbücher für Geschichte of Osteuropas. 1981. Bd. 29.

23. *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Берлин : Изд. Ольги Дьяковой и Ко, 1921.

24. *Кони А. Ф.* Собрание сочинений. Т. 8. М. : Юрид. лит., 1969.

25. *Витте С. Ю.* Воспоминания : в 3 т. М. : Соцэкгиз, 1961.

References

1. *Lenin V. I.* Complete Set of Works. Vol. 20. (In Russ.)

2. *Krakovskii K. P.* Political Justice in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Moscow: Iurist, 2012. (In Russ.)

3. *Krakovskii K. P.* Unfinished Judicial Counter-Reform: The Muravyov Commission (1894–1899). *North Caucasian Legal Bulletin*, 2018, no. 4. (In Russ.)

4. *Krakovskii K. P., Solomko Z. V.; Syrykh V. M. (ed.).* The History of Court and Justice in Russia. In 9 vols. Vol. 5: The Judicial System and Judicial Proceedings During the Counter-Reform Period and in the Era of Bourgeois Revolutions (1881 – October 1917). Moscow: Norma, 2020. (In Russ.)

5. *Shakhrai S. M., Krakovskii K. P.* The Court Is Swift, Right, Merciful and Equal for All. Moscow: Kuchkovo pole, 2014. (In Russ.)

6. *Krakovskiy K. P.* Nikolai Valerianovich Muravyov (1850–1908). *Sudebnik*, 2007, vol. 12, iss. 2. (In Russ.)

7. *Kozlinina E. I.* For Half a Century. Notes of an Old Russian Journalist (Fifty Years in the Walls of the Court). 1962–1912. Memoirs, Essays and Characteristics. Moscow, 1913. (In Russ.)

8. *Saltykov-Shchedrin M. E.* Set of Works. In 20 vols. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1972. (In Russ.)

9. *Muravyov N. V.* From Past Activities. Vol. 2. St. Petersburg, 1900. (In Russ.)

10. *Gessen I. V.* Judicial Reform. St. Petersburg, 1905. (In Russ.)

11. *Russian State Historical Archives*, f. 1405, op. 544, d. 8895 (N. V. Muravyov's personal file with his formulary list). (In Russ.)

12. K. P. Pobedonostsev and His Correspondents. Vol. 1. Half-vol. 2. Moscow; Petrograd: State Publishing House, 1923. (In Russ.)

13. *Polovtsov A. A.; Zaionchkovskii P. A. (ed.).* Diary of the Secretary of State. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ.)

14. *Russian State Historical Archives*, f. 995 (personal fund of N. V. Muravyov), op. 3, d. 15. (In Russ.)

15. Highly Established Commission to Review the Legal Provisions on the Judicial Part. Vol. 1: Introduction to the Main Grounds of the Proposed Judicial System. Explanatory Note to the Draft of the New Edition of the Institution of Judicial Institutions. St. Petersburg, 1900. (In Russ.)

16. The Ministry of Justice in the First Decade of the Reign of Emperor Nicholas. St. Petersburg, 1904. (In Russ.)

17. Announcement of the Minister of Justice on the Supreme Order to Close the Commission for the Revision of Judicial Legislation and a Note on the Results of the Work of the Commissions – "The Main Grounds for the Completed Revision of Judicial Regulations". *Russian State Historical Archives*, f. 1405, op. 539, d. 30. (In Russ.)

18. Work to Improve the Judicial Part in 1894–1896. *Journal of the Ministry of Justice*, 1897, no. 1. (In Russ.)

19. *Wortman R.* Russian Monarchy and the Rule of Law: New Considerations of the Court Reform of 1864. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2005, vol. 6, no. 1. (In Russ.)

20. *Nemytina M. V.* Commission of N. V. Muravyov: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 1989. (In Russ.)

21. *Nemytina M. V.* Court in Russia: The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. (In Russ.)

22. *Taranovski T.* The Aborted Counter-Reform: Murav'iev Commission and the Judicial Statutes of 1864. *Jahrbücher für Geschichte of Osteuropas*, 1981, bd. 29. (In Russ.)

23. *Karabchevskii N. P.* What My Eyes Saw. Berlin: Olga Dyakova and Co. Publ., 1921. (In Russ.)

24. *Koni A. F.* Collected Works. Vol. 8. Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1969. (In Russ.)

25. *Witte S. Iu.* Memoirs. In 3 vols. Moscow: Sotsekgiz, 1961. (In Russ.)

Сведения об авторе:
К. П. Краковский – доктор юридических наук.

Information about the author:
K. P. Krakovsky – Doctor of Law.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 12.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 11.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 340.1
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-67-73

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА СЕНАТА КАК ИСТОЧНИК КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Татьяна Константиновна Красильникова

Институт экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, 119017, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, стр. 10

kun_krasilnikova@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрена роль Сената в развитии корпоративного права России на протяжении XIX в. Вопрос о месте судебной практики в регулировании корпоративных отношений и разрешении корпоративных споров остается актуальным в силу постоянно меняющегося гражданского законодательства и развития арбитражной практики. В статье делается вывод о том, что своим утверждением уставов компаний Сенат мог определять государственную политику в сфере торгово-промышленного права, а со второй половины этого же столетия – и путем разъяснения законодательных норм применительно к корпоративной практике.

Ключевые слова: кассационные департаменты Сената; корпоративное право; корпоративное законодательство; устав; компания; корпорация; товарищество.

Для цитирования: *Красильникова Т. К.* Судебная практика Сената как источник корпоративного права России XIX – начала XX вв. // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 67–73. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-67-73

Research Article

SENATE JUDICIAL PRACTICE AS A SOURCE OF CORPORATE LAW IN RUSSIA IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tatyana K. Krasilnikova

Institute of Economics, Management and Law, Moscow City Pedagogical University, 16, Bldg. 10 Novokuznetskaia St., Moscow, 119017, Russia

kun_krasilnikova@mail.ru

Abstract

This article examines the role of the Senate in the development of corporate law in Russia throughout the 19th century. The question of the place of judicial practice in regulating corporate relations and resolving corporate disputes remains relevant due to the constantly changing civil legislation and the development of arbitration practice. The article concludes that by approving company charters, the Senate could determine state policy in the field of trade and industrial law, and from the second half of the same century – by clarifying legislative norms applicable to corporate practice.

Keywords: cassation departments of the Senate; corporate law; corporate legislation; charter; company; corporation; partnership.

For citation: *Krasilnikova T. K.* Senate Judicial Practice as a Source of Corporate Law in Russia in the 19th – Early 20th Centuries. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 67–73. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-67-73

Введение

Система законодательства о корпорациях стала формироваться как в России, так и в странах Западной Европы в XIX в. В силу того, что темпы развития гражданского оборота опережали развитие корпоративного законодательства, со стороны правительственных кругов Российской империи неоднократно предпринимались попытки его реформирования.

1. Особенности развития корпоративного права в Российской империи в XIX в.

Развитию корпоративного законодательства в определенной степени препятствовало предоставление отдельным компаниям со стороны российского правительства монопольных прав.

Торгово-промышленные товарищества попадали под действие Гражданского уложения, торговые товарищества – Устава торгового. При этом уставы паевых то-

вариществ, которые были утверждены императорской властью в период с 1826 по 1836 г., вплоть до принятия Закона об акционерных компаниях, входили в Полное собрание законов Российской империи.

Основным источником действующего права на протяжении всего XIX в. выступал Свод законов, в т. I которого под общим названием «Основные государственные законы» было записано: «Российская империя управляется на твердом основании законов и уставов, от самодержавной власти исходящих» [5, с. 3].

До Судебной реформы 1864 г. роль судебной практики в развитии корпоративного права была незначительной. Если судебный орган усматривал неясность или неполноту действующего Устава торгового или Гражданского уложения, то от него требовалось лишь об этом сообщить в вышестоящую судебную инстанцию, пока дело не доходило до Сената, а оттуда в Государственный совет, где оно уже решалось в законодательном порядке.

В силу того, что законодательство о торгово-промышленных корпорациях не регламентировало бóльшую часть отношений, возникающих на основе их деятельности, регулирование большинства таких отношений осуществлялось их уставами. Следует признать, что данный факт давал возможность, не изменяя законодательные нормы, вносить коррективы в торгово-промышленное право, что было обусловлено изменениями, возникающими в экономической системе Российской империи в связи с развитием промышленного переворота, появлением новых форм хозяйственной деятельности. Следствием этого стало изменение хозяйственной практики, что в определенной степени повлекло изменение в направлении развития торгово-промышленной политики российского самодержавия. Учредители корпораций могли включать в их уставы постановления, которые не только не содержались в т. X ч. 1 Свода законов Российской империи, но и даже могли идти вразрез с ними.

Все это можно было объяснить тем, что с помощью устава в отношении каждой компании отменялось действие многих ограничительных статей Свода законов. Такую позицию занимал и Гражданский кассационный департамент Сената в своих решениях [1, с. 112–132, 144–146].

Ни один из проектов акционерной реформы, начиная с проекта 1866 г., на протяжении всего XIX в. не получил осуществления, во многом этому способствовало признание судебной практикой всех отступлений уставов от Положения о компаниях на акциях 1836 г.

Потребность же гражданского оборота в новом корпоративном праве удовлетворялась путем внесения в уставы тех постановлений, которые отвечали новым условиям торгово-промышленного развития страны.

Уставами могли регулироваться вопросы, которые не были предусмотрены законодательным порядком, а также урегулированные в недостаточном объеме, прежде всего это касалось порядка формирования уставного капитала, организации управления компанией.

С помощью утверждаемых Сенатом уставов компаний на акциях правительство вносило коррективы в направленность своей политики относительно формы предпринимательских объединений, не утруждая себя внесением изменений в за-

кон. Примером тому являлись, во-первых, допускаемые Сенатом акции на предъявителя, тогда как закон дозволял только именные акции; во-вторых, Сенат допускал участие акционерных обществ в создании и деятельности других корпораций, вхождение их в состав других хозяйственных объединений, хотя это запрещалось тогда действующим законодательством об акционерных обществах; в-третьих, несмотря на то, что законодательно были предусмотрены лишь денежные вклады в уставной капитал акционерной компании, тем не менее акционерной практикой применялись и имущественные вклады.

2. Позиция Сената в отношении уставной практики компаний как источника корпоративного права России

Поддержка Сенатом уставной практики российских компаний можно было оценивать по-разному. С одной стороны, это негативно сказывалось на обеспечении действия принципа единства правового регулировании корпоративных отношений. Но, с другой стороны, во-первых, не законодательство, а именно практика деятельности компаний была более восприимчива к потребностям гражданского оборота. А во-вторых, утверждением Сенатом уставных документов компаний позволяло последним обходить ограничительные нормы закона (относительно их деятельности в некоторых губерниях Российской империи, участия в качестве учредителей и руководителей представителей отдельных национальностей, привлечения иностранного капитала).

Во многом распространению уставов как источника корпоративного права способствовала многолетняя публикация их через Сенат в Собрании узаконений и распоряжений правительства, а также в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях».

Уставная практика компаний была обобщена Сенатом и затем легла в основу законодательных предложений, вносимых от имени Сената в Государственный совет в процессе проведения акционерной реформы.

Силу закона за акционерным уставом признавали такие известные цивилисты России XIX в., как А. П. Башилов, Л. И. Петражицкий [2, с. 1–38; 5, с. 1–27]. Однако такого рода мнение можно было оспорить по следующим основаниям. Первый довод: в Российской империи до 1906 г – до начала работы Государственной думы – акты, утверждаемые императором после рассмотрения их в Государственном совете, приобретали силу законов. Иной порядок был предусмотрен для утверждения уставных актов. Уставы компаний, как правило, при наличии разрешительной (концессионной) системы их создания поступали на рассмотрение и утверждение соответствующего министерства, а затем в Сенат. И только те корпорации, которые ходатайствовали для себя какие-либо привилегии от правительства, должны были направлять свои уставы на рассмотрение Государственного совета, с дальнейшим их утверждением высочайшей властью.

При рассмотрении проекта устава правительственный орган принимал во внимание такие обстоятельства, как «соответствует ли он действующему законодательству, в достаточной ли степени защищаются им права и интересы всех участников корпоративных отношений и не нарушаются ли им права третьих лиц» [1, с. 76].

Вторым доводом следует признать тот факт, что только императорской властью можно было отменить или изменить закон, в то время как внесение изменений в устав или его отмена были прерогативой общего собрания акционеров компании.

Третьим доводом, подтверждающим, что устав не должен был рассматриваться как акт, имеющий силу закона, является тот факт, что если законы печатались в таких официальных печатных изданиях, как Полное собрание законов, Свод законов, то уставы – в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях».

3. Судебная реформа 1864 г. и изменение роли судебной практики Гражданского кассационного департамента Сената в регулировании корпоративных отношений, разрешении корпоративных споров

Судебная реформа 1864 г. привела к появлению независимого и от административной, и от законодательной власти суда. Хотя судам и давалось предписание «всякое дело решать на основании существующих законов» [3, с. 718], но при этом одновременно предоставлялось правомочие «не останавливать решения под предлогом неполноты, неясности, недостатка или противоречия законов» [3, с. 722].

С 60-х гг. XIX в. был увеличен объем полномочий кассационных департаментов Сената в праве толкования законов. Их решения признавались окончательными.

Сенат при выявлении неточностей, коллизий, пробелов в законе теперь сам мог их устранять или преодолевать, без обращения в Государственный совет. Исключением выступали те случаи, когда возникали серьезные, неустранимые разногласия между членами кассационных департаментов Сената «относительно квалификации спорного правоотношения или относительно смысла закона» [4, с. 227].

Многие судебные решения, имевшие значение прецедентного права, а также акты официального толкования закона, произведенные Сенатом, стали входить в Полное собрание законов Российской империи.

Начиная с 1868 г. Гражданский кассационный департамент Сената получил правомочие разъяснять достаточно сложные вопросы корпоративного права, не разрешенные тогда действующим законодательством, включая вопросы порядка создания и деятельности компаний, способов решения корпоративных споров. Такого рода разъяснения издавались в виде циркуляров Сената и спускались для руководства к действию нижестоящими судами. Таким образом, решения Сената стали руководящими правилами для судов, разъясняющими, а в некоторых случаях и дополняющими закон.

В свою очередь сам Гражданский кассационный департамент Сената признавал особую значимость своих решений, ссылаясь на ст. 815 Устава гражданского судопроизводства, согласно которой «кассационные решения Сената печатаются во всеобщее сведение для руководства к единообразному исполнению и применению законов» [6, с. 139–140]. По мнению Сената, его решения должны были иметь обязательную силу для прочих судов. Высший судебный орган Российской империи настаивал на том, чтобы решения судебных инстанций, которые не согласовывались с уже имеющимися разъяснениями его кассационных департаментов, считать поводом для осуществления кассации.

Однако такого рода понимание со стороны высшей судебной инстанции юридической силы ее решений подвергалось критике, прежде всего со стороны представителей школы юридического позитивизма. Доказательством тому являлись следующие доводы. Во-первых, циркулярные указы Сената порой противоречили друг другу, а во-вторых, они имели исключительно подведомственный характер: при рассмотрении судами гражданских дел обязательными были решения Гражданского кассационного департамента Сената, а для коммерческих судов, разрешающих хозяйственные споры между компаниями, – циркуляры Судебного департамента.

Важно было признать тот факт, что на протяжении всей второй половины XIX и начала XX вв. именно по принимаемым Сенатом решениям в отношении той категории дел, которые касались организации и деятельности объединений корпоративного типа, можно было судить о правительственной политике в данный период.

Подтверждением тому являлась судебная практика конца XIX – начала XX вв., которая определяла политику государства с различного рода злоупотреблениями, допускаемыми такими предпринимательскими союзами, как картели, синдикаты и тресты. Борьба со стороны государства была направлена не на сами предпринимательские объединения, а на то, чтобы устранить в деятельности этих союзов все то, что представлялось нежелательным с точки зрения народного хозяйства, применяя и нормы Уголовного уложения.

Гражданское законодательство не содержало специальных норм, касающихся предпринимательских ассоциаций и союзов, и потому к их соглашениям на практике применялись только те положения т. X Свода законов, которые признавали недействительными те договоры, цель которых была «противна законам, благочинию и общественному порядку» (ст. 1528 т. X ч. I Свода законов гражданских). По каждому такому случаю это устанавливалось в судебном порядке. Вышло предписание Сената о том, что регистрации окружными судами должны быть подвергнуты все товарищеские объединения, имеющие форму картели или синдиката.

Заключение

Таким образом, мы видим, что на всем протяжении XIX в. поэтапно шло увеличение роли Сената в регулировании корпоративных отношений, и если в первой половине этого столетия Гражданский кассационный департамент высшей судебной инстанции страны для этого использовал процедуру утверждения уставных актов компаний, то после Судебной реформы 1864 г. с помощью сенатских циркуляров, кассационных решений активно устранялись коллизии, неточности гражданского законодательства, осуществлялась модернизация всего корпоративного права.

Пристатейный библиографический список

1. Акционерные общества и товарищества на паях (ст. ст. 2139–2198 т. 10 ч. 1). По решениям Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената / сост. Г. В. Бертгольдт. М., 1904.

2. *Башилов А. П.* О торговых товариществах // Журнал Министерства юстиции. 1894. № 1.

3. Законы гражданские: (Свод законов Российской империи т. X, ч. 1, изд. 1914 года): с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов, извлеченными из научных и практических трудов по гражданскому праву и судопроизводству : в 2 т. Т. 1 / сост. И. М. Тютрюмов. 5-е изд., испр. и значит. доп. Пг. : Юрид. кн. маг. И. И. Зубкова «Законоведение», 1915.

4. К тридцатипятилетию деятельности кассационных департаментов Правительствующего Сената // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 8.

5. *Петражицкий Л. И.* Предстоящая реформа акционерного законодательства России // Русское экономическое обозрение. 1897. № 5.

6. Устав гражданского судопроизводства. Изд. 1883 г. / под ред. Д. А. Носенко. М. : Нобель Пресс, 2012.

References

1. *Bertholdt G. V. (comp.).* Joint-Stock Companies and Partnerships on Shares (Articles 2139–2198, Vol. 10, Part 1). According to Decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate. Moscow, 1904. (In Russ.)

2. *Bashilov A. P.* On Trading Partnerships. *Journal of the Ministry of Justice*, 1894, no. 1. (In Russ.)

3. *Tiutriumov I. M. (ed.).* Civil Laws: (Code of Laws of the Russian Empire, Vol. X, Part 1, Edition of 1914): With Explanations of the Governing Senate and Commentaries of Russian Lawyers, Extracted from Scientific and Practical Works on Civil Law and Legal Proceedings. In 2 vols. Vol. 1. 5th ed. Petrograd: I. I. Zubkov's Legal Bookstore "Zakonovedenie", 1915. (In Russ.)

4. On the Thirty-Fifth Anniversary of the Activities of the Cassation Departments of the Governing Senate. *Journal of the Ministry of Justice*, 1901, no. 8. (In Russ.)

5. *Petrazhitskii L. I.* The Upcoming Reform of the Joint-Stock Legislation of Russia. *Russian Economic Review*, 1897, no. 5. (In Russ.)

6. *Nosenko D. A. (ed.).* Charter of Civil Procedure. Edition of 1883. Moscow: Nobel Press, 2012. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Т. К. Красильникова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about author:

T. K. Krasilnikova – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 02.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 342.565
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-74-81

ПАТЕРНАЛИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г.

Виталий Данусович Саттаров

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125

sattarov_@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья включает в себя результат исследования и рассуждения автора относительно конкуренции патернализма и либерализма как важнейших общественно-правовых течений, получивших распространение на всех основных этапах существования Российского государства, особенно проявивших борьбу, противоречия в ходе Судебной реформы 1864 г. Автор проводит сравнение как между особенностями и идеологическими основаниями данных течений, так и между их отражением на характеризуемом историческом этапе и в современности. В завершение работы предлагается и обосновывается ряд выводов относительно закономерностей развития системы публичной власти в целом и судебной власти в частности при учете воздействия патерналистских и либеральных идей.

Ключевые слова: патернализм; либерализм; Судебная реформа 1864 г.; судопроизводство; судебная власть; исполнительная власть.

Для цитирования: *Саттаров В. Д.* Патернализм и либерализм в контексте Судебной реформы 1864 г. // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 74–81. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-74-81

Research Article

PATERNALISM AND LIBERALISM IN THE CONTEXT OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864

Vitaly D. Sattarov

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 125 Karpinskii St., Perm, 614012, Russia

sattarov_@mail.ru

Abstract

This article contains the results of the author's research and reasoning regarding the competition between paternalism and liberalism as the most important socio-legal trends. These currents have been widespread throughout all the main stages of the existence of the Russian state and entered into particularly intense competition during the Judicial Reform of 1864. The author makes a comparison between the characteristics and ideological foundations of these trends, their reflection at the historical stage being characterized and in modern times. The final part of the work contains a number of conclusions regarding the patterns of development of the public authority system in general and the judiciary in particular, taking into account the impact of paternalistic and liberal ideas.

Keywords: paternalism; liberalism; Judicial Reform of 1864; judicial proceedings; judicial authority; executive authority.

For citation: *Sattarov V. D.* Paternalism and Liberalism in the Context of the Judicial Reform of 1864. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 74–81. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-74-81

Введение

Судебная реформа 1864 г. является важной вехой в развитии российской юриспруденции. Преобразования обозначенного времени привели к созданию в России института присяжных заседателей, адвокатуры, системы мировых судей, к формированию процессуально независимых следственных органов. Указанное выступает только частью глобальной перестройки судебной системы, призванной обеспечить осуществление эффективного правосудия.

Несмотря на то что на этапе существования советской власти предыдущие достижения оказались забытыми, крушение социалистической системы послужило причиной возврата к положениям и принципам, получившим распространение в судах Российской империи в последние десятилетия XIX в.

Продолжающееся развитие отечественной судебной системы закономерно вызывает интерес к исследованию историко-правового аспекта заявленной темы, которое может быть реализовано исходя из различных исходных установок. Так, предполагаем, что определенную научную ценность может иметь сравнение хода реформы 1864 г. и современных тенденций в сфере судопроизводства с учетом аксиологического и идеологического аспекта данной довольно широкой, многогранной проблематики. Кроме того, не менее важной представляется попытка выявить и объяснить наиболее значимые, ключевые закономерности в рассматриваемой области, которые могут оказаться полезны для осознания прошлого, настоящего, будущего российской системы публичной власти в целом и судебной власти в частности.

1. Противопоставление патернализма и либерализма в Российской империи

Функционирование и реформирование судебной системы в XIX в., равно как и на современном этапе, происходило в условиях борьбы двух основных идеологических течений (патернализма и либерализма), каждому из которых свойственны собственные ценностные установки. Первое из данных течений, по своей сути, является традиционным для России феноменом, который уже ко времени производства судебной реформы глубоко укоренился в создании подданных Российской империи. В свою очередь либеральное течение является следствием заимствования западного (европейского) опыта устройства судебной власти, которое считалось более прогрессивным по сравнению с российским.

Необходимо отметить, что понятие «патернализм» обычно воспринимается в контексте системы отношений, возникающих между старшим (опекуном, в роли которого может выступать государство, государственная власть, его должностные лица) и младшим (опекаемым, отдельным индивидом или группой людей, включая народ в целом). Такая форма связи между субъектами возникает в том случае, если одна из сторон готова взять на себя «заботу» и «управление» над опекаемым субъектом, который взамен будет подчиняться своему «патрону» и действовать в рамках проводимой им политики.

Применение принципа патернализма к отношениям, возникающим между публичной властью и гражданами, может иметь как положительные, так и резко отрицательные последствия. Например, одним из следствий вышеизложенного становится широкое распространение убеждения в том, что государство должно заботиться о гражданах, их здоровье, морали, нравственности и удовлетворении потребностей. Настоящее основание предполагает в числе прочего бесплатную медицину, защиту традиционных ценностей, социальную поддержку населения, которые должны обеспечиваться согласованными усилиями органов публичной власти в интересах общества. Одновременно с этим патернализм влечет за собой формирование иждивенчества в системе взаимодействия государства и граждан, при которой последние могут избегать ответственности за собственную жизнь, стремясь переложить принятие решений на государственные органы.

Патернализм как устойчивая часть российского правосознания (правового менталитета граждан) может рассматриваться в качестве следствия историчес-

ки сложившихся стереотипов поведения, культурных традиций, психологических и теоретических воззрений [1, с. 126] либо через представление о составной части российского правового архетипа, в основе которого находится вера в «отеческую заботу государства» [2, с. 32], в позиционировании главы государства в качестве «отца» большой патриархальной семьи («царь-батюшка»).

Либерализм в свою очередь чаще всего позиционируется как идеология и общественно-политическое течение, основанное на идеях свободы (в латинском языке слово «*liberalis*» и означает «свободный»), парламентаризма, формального равенства индивидов, понимания прав и свобод граждан как высшей ценности, а также выраженное в обеспечении свободных рыночных отношений, при равном доступе к осуществлению предпринимательской деятельности.

Проникновение в российскую действительность либеральных политико-юридических установок, начавшееся в эпоху правления Петра Великого, на всем протяжении отечественной истории вступало в конфронтацию с идеей сильной власти главы государства, который обычно усматривал в ней посягательство на полноту собственных возможностей.

В вышеприведенных условиях представляется закономерным, что бóльшая часть изменений, в том числе и Судебная реформа 1864 г., выступали явлением вынужденным, обусловленным совокупностью экономических, политических и социальных факторов. Например, со слов К. П. Краковского, в «эпоху перемен», значительных социальных сдвигов для сохранения самодержавия Александру II и его правительству пришлось пойти на уступку («откупиться малым»), а именно ввести независимую судебную власть и суд присяжных [3, с. 22].

Представляется, что исследуемый момент российской истории выступает яркой, показательной демонстрацией борьбы сторонников двух вышеназванных общественно-правовых течений, которые и сегодня могут считаться основными векторами политико-правового развития.

Патернализм в Российской империи до реформ императора Александра II находил последовательное проявление как в общественной жизни, так и в рамках государственного управления. Применительно к первому важное значение имеет то, что помещики несли ответственность за крепостных крестьян и представляли их интересы в судах. Иными словами, они не только обладали набором привилегий в отношении вышеназванной группы населения, но и вынуждены были выполнять опекунские обязанности, заботиться об их благосостоянии.

Схожим образом органы исполнительной власти до реформы 1864 г., имея неограниченные возможности в части воздействия на власть судебную, должны были гарантировать результативное отправление правосудия, но, по оценкам как современных исследователей, так и современников этих событий, не справлялись с указанной задачей или вовсе не ставили ее перед собой. Например, по словам вышеупомянутого К. П. Краковского, где он ссылается на исследования американского историка Р. С. Уортмана, судебная власть никогда не ценилась в политической культуре самодержавия и рассматривалась как некий неказистый придаток величественной, грозной административной системы. При этом ничем не стесненное властвование являлось природной стихией российской монархии [3, с. 18; 4, с. 469].

Освобождение крестьян и появление значительного количества свободных подданных в Российской империи сделали невозможным дальнейшее сохранение старых патерналистских порядков и стали причиной решительной, кардинальной перестройки всей отечественной системы судопроизводства. Как отмечает М. Д. Карпачев, лидер юристов-реформаторов С. И. Зарудный и его сторонники после путешествия по зарубежным странам (среди которых Франция, Италия, Англия, Швейцария и ряд других государств) пришли к необходимости реформировать систему судопроизводства по западному образцу и с учетом ценностей, которые характерны в первую очередь для европейского демократического либерализма [5, с. 32–33].

В результате указанных преобразований можно было наблюдать довольно противоречивую картину, при которой монархическая власть с ее устремлением к патернализму на всех уровнях государственного управления была вынуждена примериться с либерализацией судебной власти как с первым шагом в переходе к конституционному государству.

Закономерно, что сохранение и обострение противоречий, в ходе которых либерально настроенная общественность вступала в конфликт с радикально или умеренно расположенными консерваторами, не могли привести ни к чему иному, кроме как к продолжению указанного противостояния, выразившегося в попытке осуществления контрреформы и возвращения контроля исполнительной власти по отношению к судам, судопроизводству. Этой попыткой справедливо считают деятельность «Муравьевской комиссии» в 1894–1899 гг., названной так по имени ее руководителя и вдохновителя Н. В. Муравьева.

Не вдаваясь в детали деятельности данной Комиссии, которая подробным образом охарактеризована в трудах юристов [6, с. 9–28; 7, с. 120–130], необходимо отметить, что ее итоги оказались противоречивыми и подверглись активной критике со стороны современников, особенно министра финансов С. Ю. Витте [6, с. 19]. Кроме того, Российская империя в последние десятилетия своего существования уже была не способна к новым масштабным переменам. Последовавшая революция вовсе поставила точку в любых спорах по рассматриваемой теме.

2. Патернализм и либерализм в современной эпохе

Крах Советского государства и историческое доказательство несостоятельности марксистско-ленинской идеологии стали причиной возврата судебной системы в то состояние, в котором она фактически находилась в конце XIX – начале XX вв., но с учетом современных конъюнктурных изменений. Например, признаком актуального судебного патернализма способна выступать действующая система отбора кандидатов на пост судьи, которая подразумевает участие представителей Президента РФ в квалификационных коллегиях судей.

При незыблемости либеральных ценностей в системе российских судов, в том числе формальной независимости судей, состязательности, гласности в ходе судопроизводства, равных прав, обязанностей сторон и т.д., нельзя отрицать и существование проблем, снижающих потенциал действующей сегодня системы правосудия. Например, Н. М. Добрынин утверждает, что в вопросах организации и функционирования судов все не так безоблачно, как это может представляться после прочтений

Конституции РФ. Настоящий факт находит подтверждение, в числе прочего, в крайне низкой доле (менее 1%) оправдательных приговоров, которые выносятся судами по уголовным делам без участия присяжных заседателей. Более того, по мнению этого ученого, сегодня в России существует опасная тенденция по «сращиванию между собой всех ветвей власти под эгидой единого «центра принятия решений» [8, с. 21–29]. Со слов Н. С. Бондаря, внешнеполитическая обстановка современной России, в том числе вызванная ее противостоянием, гибридной войной со странами Запада, «неизбежно потребует усиления мобилизационных начал национальной судебной системы» [9, с. 12–24]. Данная тенденция, на наш взгляд, не способна быть реализована без выработки единой политики исполнительной и судебной власти.

Критические высказывания относительно обеспечения самостоятельности и независимости судей после конституционной реформы 2020 г. содержатся и в работах других исследователей. Так, по верному замечанию Н. Г. Стеничкина, в результате конституционной поправки в российскую правовую систему впервые имплементирован механизм досрочного прекращения полномочий судей [10, с. 41–52], что потенциально может быть использовано как механизм влияния на названные органы (в условиях отсутствия процедуры обжалования решения о прекращении полномочий возможность такого влияния становится все более явной).

Следует предположить, что совокупность указанных обстоятельств может свидетельствовать об уменьшении степени независимости судей в современной России и усилении нового патернализма в системе публичной власти страны. По существу, борьба сторонников патернализма и либерализма с 90-х гг. XX в. возобновилась, хотя и приобрела менее выраженные, но не менее значимые для судьбы государства формы.

Несмотря на то что патернализм, в отличие от либеральных ценностей, не получил ни формального закрепления, ни публичного одобрения со стороны лиц, занимающих ключевые должности в современной системе публичной власти, на примере состояния судебной системы надлежит сделать вывод о существовании устойчивой тенденции в части усиления «опеки» исполнительной власти как по отношению к гражданам в целом, так и применительно к судам.

Не стремясь дать оценку изложенному и лишь констатируя наличие такой закономерности, нужно отметить, что либерализм традиционно лучше проявляет себя в условиях мирного и бесконфликтного развития общества и государства, в то время как внешние и внутренние угрозы способствуют стремлению к единению различных ветвей власти для решения назревших проблем.

Заключение

Подводя итоги вышеизложенному, следует предположить, что патернализм и либерализм представляют собой общественно-политические течения, противостояние которых является исторически присущим российскому социуму явлением.

Преобладание какого-либо из названных течений зависит от совокупности внешних и внутренних факторов, образующих конъюнктурные условия, которые непосредственно влияют на доминирующие предпочтения граждан, государства и его органов, должностных лиц.

Судебная реформа 1864 г. оказалась важной победой либерализма, которая и сегодня определяет облик судебной системы России. Одновременно с этим в обстоятельствах сохранения существенных противоречий и активной дискуссии между сторонниками и противниками либеральных преобразований почти сразу после реформы последовала попытка частичного отказа от нее и возврата к более традиционным формам ведения судопроизводства.

Образование Российской Федерации и отказ от советской идеологии, равно как и от присущей ей модели властвования, определили возврат к неразрешенным ранее проблемам, выраженным в несовместимости традиционного российского патернализма и заимствованных либеральных ценностей, принципов и способов организации публичной (в том числе судебной) власти.

Пристатейный библиографический список

1. *Вовк В. Н.* Патернализм в российском правовом менталитете // Юристъ-правовед. 2008. № 6.

2. *Скоробогатов А. В., Краснов А. В.* Российский правовой архетип: сущность и содержание // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5).

3. *Краковский К. П.* Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12.

4. *Уортман Р. С.* Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / пер. М. Д. Долбилова при уч. Ф. Л. Севастьянова. М. : Новое литературное обозрение, 2004.

5. *Карпачев М. Д.* Судебная реформа 1864 года в России: шаг на пути к правовому государству // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3.

6. *Краковский К. П.* Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4.

7. *Кодинцев А. Я.* Анатолий Федорович Кони и Муравьевская комиссия // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. № 4.

8. *Добрынин Н. М.* Конституционные поправки 2020 года: к вопросу о действительном авторитете и независимости судебной власти как ключевых гарантиях этико-правового обеспечения достоинства личности в России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 5.

9. *Бондарь Н. С.* Государственный суверенитет в координатах судебной власти: суверенна ли судебная власть? // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 7.

10. *Стеничкин Н. Г.* Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // Lex Russica. 2020. № 5.

References

1. *Vovk V. N.* Paternalism in the Russian Legal Mentality. *Lawyer*, 2008, no. 6. (In Russ.)

2. *Skorobogatov A. V., Krasnov A. V.* Russian Legal Archetype: Essence and Content. *Russian Journal of Legal Research*, 2015. no. 4 (5). (In Russ.)
3. *Krakovskii K. P.* The Judicial Reform of 1864: Significance and Historical and Legal Assessments. *Journal of Russian Law*, 2014, no. 12. (In Russ.)
4. *Wortman R. S.; Dolbilov M. D. (trans.).* Rulers and Judges: The Development of Legal Consciousness in Imperial Russia. Moscow: New Literary Review, 2004. (In Russ.)
5. *Karpachev M. D.* The Judicial Reform of 1864 in Russia: A Step Towards a State Based on the Rule of Law. *Judicial Power and Criminal Procedure*, 2014, no. 3. (In Russ.)
6. *Krakovskii K. P.* Unfinished Judicial Counter-Reform: The Muravyov Commission (1894–1899). *North Caucasian Legal Bulletin*, 2018, no. 4. (In Russ.)
7. *Kodintsev A. Ia.* Anatoly Fedorovich Koni and the Muravyov Commission. *Herald of the State and Municipal Administration*, 2022, no. 4. (In Russ.)
8. *Dobrynin N. M.* Constitutional Amendments of 2020: On the Real Authority and Independence of the Judiciary as Key Guarantees of Ethical and Legal Support for the Dignity of the Individual in Russia. *Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 5. (In Russ.)
9. *Bondar N. S.* State Sovereignty in the Coordinates of the Judiciary: Is the Judiciary Sovereign? *Constitutional and Municipal Law*, 2024, no. 7. (In Russ.)
10. *Stenichkin N. G.* Ensuring the Independence and Autonomy of the Judiciary in the Context of the 2020 Constitutional Reform. *Lex Russica*, 2020, no. 5. (In Russ.)

Сведения об авторе:
В. Д. Саттаров – кандидат юридических наук.

Information about author:
V. D. Sattarov – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.
The article was submitted to the editorial office 02.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 167; 347.961.1
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-82-94

ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ НОТАРИАТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Екатерина Васильевна Кирсанова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

rpamucni@gmail.com

Аннотация

Актуальность работы определяется необходимостью исследования новых принципов организации нотариата, не отраженных в нормах закона, с помощью новых методов и приемов, учитывая сложность и комплексность явлений и процессов. Цель – обоснование использования междисциплинарной методологии – синергетического подхода в исследовании принципов организации нотариата. Методологию исследования составляют общенаучные и частноправовые методы. В рамках синергетического подхода исследование принципов организации нотариата основывается на представлении о системе как целом, а не просто сумме отдельных элементов и эмерджентных свойств, которые возникают вследствие такого взаимодействия. Автор приходит к выводу об эвристической эффективности синергетической парадигмы при исследовании принципов организации нотариата на современном этапе.

Ключевые слова: синергия; синергетический подход; методология; метод научного познания; нотариат; принципы организации нотариата; система нотариата.

Для цитирования: *Кирсанова Е. В.* Обоснование применения синергетического подхода в исследовании принципов организации нотариата на современном этапе // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 82–94. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-82-94

Research Article

SUBSTANTIATION OF THE USE OF A SYNERGETIC APPROACH IN THE STUDY OF THE PRINCIPLES OF NOTARY ORGANIZATION AT THE PRESENT STAGE

Ekaterina V. Kirsanova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

rpamucni@gmail.com

Abstract

The relevance of the work is determined by the need to explore new principles of notary organization that are not reflected in the norms of the law, using new methods and techniques, taking into account the complexity and complexity of phenomena and processes. The purpose is to substantiate the use of an interdisciplinary methodology – a synergetic approach in the study of the principles of notary organization. The research methodology consists of general scientific and private law methods. Within the framework of the synergetic approach, the study of the principles of notary organization is based on the idea of the system as a whole, and not just the sum of individual elements and emergent properties that arise as a result of such interaction. The author comes to the conclusion about the heuristic effectiveness of the synergetic paradigm in the study of the principles of notary organization at the present stage.

Keywords: synergy; synergetic approach; methodology; method of scientific knowledge; notary office; principles of notary office organization; notary system.

For citation: *Kirsanova E. V*. Substantiation of the Use of a Synergetic Approach in the Study of the Principles of Notary Organization at the Present Stage. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 82–94. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-82-94

Введение

Познавательная деятельность является важным элементом научного познания. Наука – это сфера профессиональной деятельности, в которой осуществляется разработка и систематизация объективных знаний о действительности. Человек познает, обосновывает и доказывает уже полученное, используя многообразные методы, принципы и приемы научной деятельности. Причем, как отмечает А. Ю. Кузьмина, метод как способ познания объективной действительности является более сложной процедурой, нежели прием [1]. Проблематика методов в отечественной юридической науке разрабатывается давно.

Методология (греч. *μέθοδος* – путь исследования или познания, от *μετά-* + *ὁδός* «путь» и от греч. *λόγος* – слово, мысль, понятие) в самом общем виде можно представить как совокупность общих мировоззренческих положений и принципов, обуславливающих определенную позицию исследователей, а также научное обоснование методов познания исследуемых явлений и процессов объективной действительности [2].

По мнению Л. Л. Сабировой, «методология представляет собой систему способов и приемов, принципов, правил и ценностей, которые, сосуществуя совместно, определяют содержание, характер и общую направленность познавательных действий по получению и анализу обобщенных сведений, образующих предмет изучаемой науки» [3, с. 109–121].

А. В. Погодин рассматривает методологию в двух смыслах: «конкретную профессиональную методологию (субъекта в процессе исследования реализации норм права, либо практикующего юриста, действующего в сложной правореализационной ситуации) и объективированное знание о ней, сформулированное и закрепленное в научном тексте» [4, с. 21].

Нас интересует понятие методологии как раздел юридической науки, набор методов и описание их применения.

С помощью категорий и принципов, образующих конкретный метод исследования, осуществляется как научно-теоретическое, так и практически-прикладное познание [3]. Именно метод обеспечивает поиск истины и позволяет двигаться к намеченной цели самым коротким путем. Главная функция метода – регулирование познавательной деятельности. Метод существует и развивается в исключительно сложной диалектике субъективного и объективного при главенствующей роли последнего. В этом понимании любой метод объективен и содержателен, но он также и субъективен, так как является продолжением и завершением объективности, из которой он образован [2].

Как правило, в любом правовом исследовании используются общенаучные и частнонаучные методы исследования. К общенаучным методам относятся методы философского характера, которые определяют методологическую направленность исследования: диалектико-материалистический, объективного и субъективного идеализма, анализ, синтез, абстрагирование, индукция, дедукция, антология, исторический, системный [5, с. 49–52; 6, с. 18–19], синергетический и другие. Наряду с общенаучными методами в ходе исследования используются приемы и способы решения задач, которые относятся только к конкретной науке. Например, в исследованиях теории права используют такие методы, как метод конкретно-социологических исследований, метод моделирования, статистический метод, метод социально-правового эксперимента, метод сравнительного правоведения [7], метод межотраслевого исследования [8, с. 140–150], формально-юридический метод и другие.

1. Синергетический подход как междисциплинарная методология

В целях исследования проблематики принципов организации нотариата на современном этапе развития в России, учитывая сложность и комплексность яв-

лений и процессов, может быть использована междисциплинарная методология – синергетический подход.

Согласны с Е. В. Трофимовым, что в отсутствие развитой прогностической функции «юридическая наука движется за практикой, реплицируя с известными итерациями традиционную эмпирическую и методологическую базу» [9], что негативным образом оказывает влияние на процесс правотворчества.

Синергетический подход стал недавно использоваться при исследовании правовых явлений. Несмотря на то, что подход изначально применялся в области естествознания, в настоящее время интересным представляется использование при исследовании общественных наук. Нужно учитывать, что синергетические законы и особенности могут быть применены в юридических системах после определенной адаптации.

Согласны с утверждением Л. Л. Сабировой, что «синергетика возникла в процессе взаимодействия целого ряда наук и выступает в виде междисциплинарного направления исследований, общего как для математики и физики, так и для экономики и права и т.д. То есть синергетический метод является междисциплинарным методом, поскольку принципы, управляющие процессами самоорганизации, представляются одними и теми же, независимо от природы систем, и для их описания может быть пригоден общий математический аппарат» [3, с. 109–121].

Как справедливо констатирует А. В. Зырянов в своем диссертационном исследовании: «происшедший во второй половине и на исходе XX в. техногенно-информационный взрыв и радикальное изменение геополитического мира обрушили на человека потоки разноречивой информации, к конструктивному восприятию и продуктивному анализу которых традиционно сложившиеся общественные образования оказались не подготовлены» [10, с. 3].

Отметим, что синергетический подход важен в настоящих условиях перерастания науками предмета своего исследования, так как значимое место в синергетическом методе занимают идеи методологического плюрализма и синтеза. По мнению Л. Л. Сабировой, сущность синергетического подхода составляет анализ случайных факторов [3].

«Синергетика – новое научное направление, которое выступает в качестве методологической основы для раскрытия теории самоорганизации в современном праве», – отмечает В. В. Шишкин [11]. «Синергетика ориентирована на поиск неких универсальных законов эволюции и самоконструирования сложных правовых систем, законов эволюции открытых неравновесных систем любой природы», – продолжает В. В. Шишкин [7].

Методологическая основа синергетики проявляется в том, что она представляет собой совокупность средств, методов, используемых в процессе познания на общефилософском уровне осмысления и в частных науках [11].

Согласны с мнением Л. Л. Сабировой, «синергетика представляет методологию как область знания, которая изучает механизмы самоорганизации (самодезорганизации), их средства и предпосылки, а также принципы организации познавательной и практически преобразующей деятельности» [3].

В. В. Шишкин определяет предмет синергетики как «зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства

и отношения системных объектов, исследуемые с целью определения универсальных закономерностей самоорганизации (самодезорганизации) систем, факторов, на них влияющих, и общих условий протекания в данных ситуациях и обстоятельствах» [11].

Е. М. Николаева определяет принципы научной синергетики, среди которых отмечаются: «во-первых, предметом современной науки является не только общее, закономерное, но и случайное, индивидуальное, неповторимое. Во-вторых, естественному порядку мироздания присущи самодвижение и внутренняя активность; в направлении эволюционного процесса особую роль играют неустойчивости. В-третьих, взаимосвязи и взаимная определенность всех явлений и процессов не исключает случайностей. В-четвертых, развитие многовариантно и альтернативно как в перспективном, так и в ретроспективном плане. В-пятых, развитие происходит через неустойчивость, поэтому формируется новый взгляд на хаос, который может быть и разрушительным, и конструктивным. В-шестых, процесс развития сочетает в себе, с одной стороны, тенденции расхождения, дивергенции, роста разнообразия, а с другой – тенденции схождения, конвергенции, свертывания разнообразия, повышения избирательности, канализации развития. В-седьмых, развитие мира происходит по нелинейным законам, темп и направление развития не заданы однозначно» [12; 13].

Синергетика в процессе познания опирается на универсальные общие, специальные и частнонаучные методы, что в совокупности следует определить как синергетический подход.

Применительно к правовой науке синергетический подход включает систему приемов, способов познания бифуркационных явлений, процессов и состояний научно-правовой деятельности, направленных на вскрытие казусных явлений как в самой правовой науке, так и в юридической практике, на выведение законов, принципов протекания правовых процессов и их саморегулирования.

Синергетический подход позволяет по-новому взглянуть на вопросы преодоления и устранения противоречий в нормативных и других правовых актах. Специфика синергетического подхода заключается в дополнении его крупным блоком, изучающим закономерности несогласованности системы права. Именно поэтому внедрение и обоснование необходимости синергетического подхода в праве представляет важную и актуальную научную задачу. Кроме того, научный подход с использованием идей синергетики позволяет освоить качественно новую группу методов и принципов исследования. Синергетические идеи могут помочь «вскрыть» значительные резервы для повышения эффективности правового регулирования без особых затрат и, что весьма важно, минимизировать затраты ограниченных юридических средств и способов.

В отечественной науке предпосылки использования синергетического подхода в праве и основные направления исследований заложены в трудах С. Н. Братуся, В. А. Козлова, В. М. Костылева, В. В. Лазарева, С. В. Липеня, Г. С. Остроумова, В. М. Сырых, А. А. Фатуева, В. А. Шабалина.

2. Синергетическая методология в нотариате

Перед современным миром остро стоит задача выбора дальнейшего пути развития. Нотариат в целом и принципы организации нотариата в частности требуют определенного совершенствования в контексте развития современной научной мысли, в том числе «путем выстраивающиеся сквозь множество случайностей и отклонений в конкретные устойчивые тенденции» [10]. Эти тенденции являются внутренним источником саморазвития нотариата.

Для освещения принципов организации нотариата в Российской Федерации на современном этапе важно определить и объяснить основные характеристики нотариата, раскрыть тем самым его правовую природу. Познать его природу – значит выявить социальную ценность и назначение, т.е. понять нотариат в единстве всех многообразных и противоречивых свойств, сторон и форм как самостоятельное и целостное социальное явление.

Так, с позиции постнеклассического научного подхода, посредством синергетической методологии предполагается теоретически осмыслить правовую природу и целостность концепции нотариата как общественного, организационного явления, выявить его сущностные свойства и выработать адекватное современной действительности понимание принципов организации нотариата.

Синергетика в нотариате выступает в роли метода, реализуя свои идеи в исследовании его элементов. Синергетическая методология в нотариате актуальна в связи с ростом количества нормативных правовых актов, расширением их круга действия и закрепления в них разнородных, порой конфликтующих друг с другом, общественных интересов. Синергетическая методология в нотариате развивает концепцию самоорганизации нотариата, подчеркивая возрастающую опасность дезорганизации. Она указывает на причины непредсказуемой реакции субъектов при функционировании правоотношений.

Синергетический подход в нотариате характеризуется системой следующих существенных признаков:

во-первых, изучение нотариата и принципов организации нотариата, основанное на идеях совместного действия элементов системы и субъектов;

во-вторых, нотариат представляет собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных подходов в изучении нотариата и принципов организации нотариата, применяемых исходя из принципов самоорганизации нотариата;

в-третьих, система приемов при изучении нотариата и принципов организации нотариата имеет междисциплинарную направленность;

в-четвертых, применение синергетического подхода в сфере нотариата обусловлено определенной совокупностью факторов и предпосылок, в связи с которыми теоретически возможно рассматривать нотариат как синергетическую систему;

в-пятых, синергетический подход в нотариате выражается в ряде основных средств, благодаря которым имеющие место противоречивые явления становятся научно обоснованными, а не кажутся аномальными, т.е. неестественными, несогласующимися с общепринятыми правилами;

в-шестых, подход направлен на изучение взаимных связей и результатов взаимодействия между элементами нотариата, расположенными на различных уровнях.

Синергетический подход в нотариате содержит четыре основных элемента, которые составляют базу структурной связи:

1) правило открытой среды;

2) принцип нелинейного развития;

3) прием малых воздействий;

4) способ хаоса (хаотического моделирования).

Правило открытой среды в нотариате означает обоснованность представленного элемента в постоянном, непрерывающемся взаимообмене идей и принципов организации нотариата с иными научными направлениями и социальной средой.

Правило открытой среды нотариата – это подход в теоретическом и практическом познании предмета нотариата, при котором критериями изучения правовых процессов выступают закономерности функционирования правовой среды и ее элементов, основанные на бесконечности правовой среды, сложности составляющих элементов права, целостности элементов права, взаимозависимости права и социальной среды, компенсации затрат при взаимодействии права с социальной средой, получении «прибыли», дополнительных теоретических и практических данных элементами права от взаимодействия с социальной средой.

Здесь следует оговориться по поводу получения «прибыли». Нотариальная деятельность, согласно Основам о нотариате, не является предпринимательством и не преследует цели извлечения прибыли (ст. 1). Осуществляя публичные функции, нотариус действует исключительно в интересах лиц, которые к нему обратились, защищая их права и законные интересы. Но нотариус, занимающийся частной практикой, находится на самофинансировании. Источником его доходов является его профессиональная деятельность, поскольку за совершение нотариальных действий взимается нотариальный тариф в размерах, предусмотренных законодательством. Кроме того, при осуществлении нотариусом, занимающимся частной практикой, обязанностей и полномочий, предусмотренных законодательством в связи с совершением нотариального действия, нотариусу оплачиваются необходимые для осуществления этих обязанностей и полномочий расходы, в том числе расходы по оплате государственных пошлин, в связи с получением информации и документов, предоставляемых за плату, услуг оценщиков, аудиторов, экспертов, иных специалистов, услуг, связанных с передачей юридически значимых сообщений, если указанные расходы не были осуществлены заявителем или третьим лицом самостоятельно.

Систему нотариата можно представить как совокупность и взаимодействие следующих элементов – субъектов. С одной стороны – лица, уполномоченные совершать нотариальные действия (нотариусы, должностные лица консульских учреждений, органов местного самоуправления и иные лица, чьи действия приравниваются к нотариальным), квалифицированные лица (помощники, стажеры, секретари) и контролирующие субъекты (имеют двухуровневую иерархию – федеральный и уровень субъектов РФ; со стороны государства – Министерство юстиции РФ и управления юстиции субъектов РФ, со стороны нотариального сообщества – Федеральная нотариальная палата и нотариальные палаты субъектов РФ), а также иные субъекты – квазиэлементы. В качестве квазиэлементов можно выде-

лить организации, учредителем, которых является ФНП – Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Центр научно-методического обеспечения нотариальной деятельности», некоммерческие организации Фонд «Центр нотариальных исследований», Фонд развития правовой культуры, а также Фонд «Центр инноваций и информационных технологий».

Причем роль контролирующих субъектов необходимо рассматривать шире. Правовой статус нотариальных сообществ регламентирован Основами о нотариате [14]. Государство в свою очередь выступает полноценным участником нотариальных правоотношений. В настоящее время в рамках тесного взаимодействия между органами и организациями в условиях цифровизации минимизированы административные барьеры. Нотариат, выступая гарантом доверия со стороны государства, стал ближе к обществу.

С другой стороны, в систему нотариата необходимо включить лиц, обращающихся за совершение нотариальных действий. Это физические и юридические лица.

Объектом системы нотариата выступают нотариальные отношения между указанными субъектами, причем акцент должен быть сделан на лицах, обращающихся за нотариальными действиями.

Принцип нелинейности в нотариате опровергает сложившуюся концепцию строгой однонаправленности, абсолютизации выводов и точности результатов.

История развития научного прогресса практически сплошь состоит из примеров непрогнозируемого, нелинейного становления теорий, школ, направлений и правовых течений. По всей видимости, никогда не существовало и не будет существовать логико-гносеологической, морально-психологической либо организационно-науковедческой предопределенности в процессе познания права.

Принцип нелинейности в нотариате – это такой познавательный прием, при котором представляется возможным определить негативную и позитивную направленность юридических процессов и их состояние в открытой правовой среде, где процесс динамического развития научного познания проистекает в направлении наибольшей свободы выбора, сам процесс необратим, в него вступает вся система элементов нотариата целиком, и какой бы путь развития ни был избран, он всегда остается не зависимым от других модельных путей развития.

Обоснованность необходимости применения синергетического принципа нелинейности неоспорима в связи с постоянно возрастающими потребностями в исследовании тех или иных правовых явлений при относительно постоянной методологической базе. Качественная составляющая (например, при ревизии нормативно-правовой базы нотариата) никогда не ставилась в зависимость от количества применяемых приемов и принципов.

Так, не любые нормы, принятые в области нотариата, будут работать, т.е. иметь правоприменение.

Прием малых воздействий в нотариате обеспечивает экономию сил и средств в научном познании и в процессе формирования и развития юридических феноменов. Динамическое развитие в условиях открытой, нелинейной постоянно растущей правовой среды заставляет затрачивать все больше усилий на контроль и преобразование нормативной базы и основных элементов ее реализации.

Прием малых воздействий в нотариате – это подход, при котором минимальные затраты ограниченных юридических средств и способов помогают достичь наибольшей эффективности в познании предмета науки, действуют с определенной целью, учитывают постоянное возникновение неустойчивых элементов в правовой системе, всегда являются причиной вызванных их применением последствий.

Под малыми воздействиями в данном аспекте следует понимать реформирование законодательства о нотариате.

Теория хаоса (хаотического моделирования) в нотариате представляет собой элементы права как бессистемные структуры, находящиеся в состоянии динамического неравновесия, которые создают сложную систему (правовую конструкцию) в определенных целях.

Способ хаоса (хаотического моделирования) в нотариате – это подход синергетики, при котором право или его элементы формально приводятся в состояние хаоса, после чего начинается процесс динамического взаимодействия и развития структурных элементов права, их усложнения, обмена и увеличения объемов правовых средств с приведением права до момента внутренней сбалансированности и внешнего взаимовыгодного взаимодействия с социальной средой.

Соотношение случайности и необходимости синергетический подход объясняет через феномен бифуркации, т.е. пребывание системы в состоянии некой неопределенности, в точке разветвления различных вариантов дальнейшего развития. Это ситуация, в которой возрастает роль случайностей, т.е. неравновесное состояние и одновременный переход в равновесное состояние.

Такой точкой бифуркации в развитии нотариата послужил системный кризис в праве, наступивший в период распада СССР, который следует рассматривать не только как апогей дезорганизации государственного нотариата, но и одновременно как появление новой организации частного свободного нотариата латинского типа, борющейся с возникшей дезорганизацией, в единстве значений деструктивного и конструктивного движения. С принятием Основ о нотариате в 1993 г. [14] в России появился частный нотариат.

Таким образом, нотариат с учетом особенностей современного, постнеклассического этапа развития науки и рациональности, в частности синергетической парадигмы, представляет собой самоорганизованное, открытое, сложное, нелинейное, динамичное, системное правовое явление, претерпевшее качественные изменения при бифуркационных явлениях, которые проявились при переходе от государственного нотариата к частному свободному нотариату латинского типа в условиях бурно развивающейся цифровизации общества и государства.

Синергетический подход в исследовании принципов организации нотариата и их систематизации предполагает рассмотрение нотариата как сложной динамической системы, в которой взаимодействуют различные элементы и процессы.

В рамках синергетического подхода исследование принципов организации нотариата основывается на представлении о системе как целом, а не просто сумме отдельных элементов. Это позволяет учитывать взаимодействие между элементами системы и эмерджентные свойства, которые возникают вследствие такого взаимодействия.

Эмерджентные свойства нотариата – это свойства или характеристики, которые возникают в результате взаимодействия между различными элементами и процессами нотариальной системы. Они не могут быть объяснены или предсказаны на основе анализа отдельных элементов системы, и их появление является результатом синергетического эффекта.

Одним из примеров эмерджентных свойств нотариата является доверие общества к нотариальным действиям и нотариусам. Доверие возникает благодаря строгим принципам и процедурам, которые регулируют деятельность нотариусов, а также их независимости и профессионализму. Это эмерджентное свойство является результатом взаимодействия между нотариусами, обращающимися лицами и обществом в целом.

Еще одним эмерджентным свойством нотариата является его роль в обеспечении юридической стабильности и защите прав и интересов граждан. Нотариальные действия, такие как заверение документов или удостоверение сделок, создают основу для законных и правомерных отношений между сторонами. Это эмерджентное свойство возникает из взаимодействия между нотариусами, клиентами и государственными органами.

Также примером эмерджентного свойства нотариата является его роль в обеспечении безопасности и защиты от мошенничества. Нотариусы проверяют документы и сведения, представленные сторонами, и убеждаются в их достоверности перед совершением нотариальных действий. Это эмерджентное свойство возникает из взаимодействия между нотариусами, обращающимися лицами и правоохранительными органами.

Так, эмерджентные свойства нотариата являются результатом сложного взаимодействия между различными элементами и процессами нотариальной системы и играют важную роль в обеспечении правовой стабильности и защите интересов граждан.

Систематизация принципов организации нотариата в рамках синергетического подхода, учитывая эмерджентные свойства нотариата, позволяет учитывать взаимосвязь и взаимодействие между этими принципами, а также их влияние на функционирование нотариальной системы в целом. Это помогает создать более эффективную и устойчивую систему нотариата, способную эффективно защищать права и интересы граждан и юридических лиц.

Таким образом, обоснован синергетический подход к выявлению принципов организации нотариата. С позиции постнеклассического синергетического научного подхода теоретически осмыслена правовая природа и целостность концепции нотариата как общественного, организационного явления, выявлены его сущностные свойства и выработано понимание принципов организации нотариата и их место в общей классификации принципов нотариата.

Заключение

Использование синергетического подхода в нотариате показало свою эвристическую эффективность. Это позволило представить вопросы преодоления противоречий в нормативных и иных правовых актах в контексте системности и непрерывного развития нотариальной практики.

Актуальность синергетической методологии в исследованиях нотариата задана его сложносоставной природой, включающей в себя и большое количество нормативных правовых актов, в которых воплощены разнородные, часто конфликтующие интересы, и те правоотношения, которые еще не нашли своего выражения в правовых нормах, обосновывается и развивается концепция деятельностной самоорганизации нотариата.

Применение синергетического подхода обосновало выявление новых принципов организации нотариата на современном этапе, не отраженных в нормах закона.

Пристатейный библиографический список

1. *Кузьмина А. Ю.* Методология и методика научного исследования // Экономика и социум. 2017. № 3 (34).
2. *Медунецкий В. Н.* Методология научных исследований : учебно-методическое пособие. СПб. : НИУ ИТМО, 2016.
3. *Сабирова Л. Л.* Современные тенденции использования синергетического метода в исследовании теории права // Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований : материалы III Всероссийского круглого стола по общетеоретическим проблемам права. Казань, 2016.
4. *Погодин А. В.* Элементы теории правореализации : автореф. дис. … докт. юрид. наук. Казань, 2014.
5. *Воронин М. В.* Развитие современного системного подхода к праву // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый пермский международный конгресс ученых юристов : избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2014.
6. *Воронин М. В.* Развитие современного системного подхода к праву // Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. А. Кузнецова. Пермь, 2013.
7. *Бакулина Л. Т., Губайдуллин А. Р.* Теоретические основы сравнительного правоведения : учебное пособие. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014.
8. *Сафин З. Ф., Челышев М. Ю.* О методологии цивилистических исследований // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6.
9. *Трофимов Е. В.* Автоматизация анализа и качественной оценки правового регулирования с использованием интеллектуального анализа данных и машинного обучения : методологическое исследование на больших данных административного, уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства. СПб. : С.-Петербургский ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022.
10. *Зырянов А. В.* Синергетический подход в научно-правовых исследованиях государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
11. *Шишкин В. В.* Синергетический подход в теории права : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
12. *Николаева Е. М.* Социальная синергетика: учебное пособие. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014.

13. *Николаева Е. М.* Социализация личности как проблема социальной синергетики : дис. ... докт. филос. наук. Казань, 2006.

14. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-I) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Kuzmina A. Iu.* Methodology and Methodology of Scientific Research. *Economics and Society*, 2017, no. 3 (34). (In Russ.)

2. *Medunetskii V. N.* Methodology of Scientific Research: Textbook. St. Petersburg: National Research University ITMO, 2016. (In Russ.)

3. *Sabirova L. L.* Modern Trends in the Use of the Synergetic Method in the Study of the Theory of Law. In Current Trends in the Evolution of Legal Research Methodology: Proceedings of the III All-Russian Round Table on General Theoretical Problems of Law. Kazan, 2016. (In Russ.)

4. *Pogodin A. V.* Elements of the Theory of Legal Realization: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Kazan, 2014. (In Russ.)

5. *Voronin M. V.* The Development of a Modern Systematic Approach to Law. In *Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. (eds.)*. 20 Years of the Constitution of the Russian Federation: Actual Problems of Legal Science and Law Enforcement in the Context of Improving Russian Legislation: The Fourth Perm International Congress of Legal Scholars: Selected Materials. Moscow: Statut, 2014. (In Russ.)

6. *Voronin M. V.* Development of a Modern Systematic Approach to Law. In *Kuznetsova O. A. (ed.)*. The Fourth Perm International Congress of Legal Scientists: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Perm, 2013. (In Russ.)

7. *Bakulina L. T., Gubaidullin A. R.* Theoretical Foundations of Comparative Jurisprudence: Textbook. Kazan: Kazan University Publishing House, 2014. (In Russ.)

8. *Safin Z. F., Chelyshev M. Iu.* On the Methodology of Civil Studies. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*, 2011, no. 6. (In Russ.)

9. *Trofimov E. V.* Automation of Analysis and Qualitative Assessment of Legal Regulation Using Data Mining and Machine Learning: Methodological Study on Big Data in Administrative, Criminal, Civil and Arbitration Proceedings. St. Petersburg: St. Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 2022. (In Russ.)

10. *Zyrianov A. V.* The Synergetic Approach in Scientific and Legal Research of the State: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2010. (In Russ.)

11. *Shishkin V. V.* The Synergetic Approach in the Theory of Law: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. N. Novgorod, 2007. (In Russ.)

12. *Nikolaeva E. M.* Social Synergetics. Kazan: Kazan University Publishing House, 2014. (In Russ.)

13. *Nikolaeva E. M.* Socialization of Personality as a Problem of Social Synergetics: Thesis for a Doctor Degree in Philosophical Sciences. Kazan, 2006. (In Russ.)

14. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993 No. 4462-I) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
Е. В. Кирсанова – старший научный сотрудник.

Information about the author:
E. V. Kirsanova – Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 02.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 316.75
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-95-109

ОНЛАЙН-ГРУППЫ С РАДИКАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКОЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Владимир Иванович Красиков[1]

Роман Геворгович Оганесян[2]

[1,2] Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

[1] KrasVladIv@gmail.com

[2] rgo1994@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье мы ставим своей целью анализ региональной топографии онлайн-сообществ с радикальной политической риторикой в виртуальном пространстве социальной сети «ВКонтакте». Речь идет о 13 российских городах шести федеральных округов РФ. Это Ижевск, Иркутск, Казань, Калуга, Махачкала, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Сочи, Тула и Хабаровск. Методология, используемая в статье, включает в себя как эмпирические, так и аналитико-теоретические приемы исследования. Первые означают поиск радикального контента в социальной сети «ВК» с использованием парсеров «*Vktoppost*» – как в автоматическом режиме, так и в ручном – по ключевым словам определенного мировоззренческого тезауруса. Вторые – контент-анализ и классификация. Сопоставление результатов привело нас к следующим выводам: 1) полюса активности в рассмотренных городах: *max* – Санкт-Петербург и *min* – Махачкала; в основном же мы видим среднюю малоинтенсивную онлайн-активность местных групп с политической риторикой; 2) в противоположность четким организационным и идеологическим принципам общероссийских политических движений, местечковые онлайн-сообщества как левого, так и правого толка характеризуются большой эк-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00080, https://rscf.ru/project/23-28-00080/.

лектикой и мировоззренческой наивностью; 3) представленный анализ не может быть полным описанием политических предпочтений в отмеченных регионах, речь скорее должна идти о людях, испытывающих потребность в «местной привязке» и манифестации своей региональной политической определенности. Мы полагаем, что новизной нашего исследования является эмпирический и теоретический анализ регионального аспекта радикальной активности в виртуальном пространстве социальной сети «ВКонтакте». Данные и выводы статьи могут быть полезными для специалистов в области общественных наук.

Ключевые слова: онлайн-группы с радикальной политической риторикой; регионы в социальной сети «ВКонтакте».

Для цитирования: *Красиков В. И., Оганесян Р. Г.* Онлайн-группы с радикальной политической риторикой в социальной сети «ВКонтакте»: региональный аспект // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 95–109. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-95-109

Research Article

ONLINE GROUPS WITH RADICAL POLITICAL RHETORIC IN THE SOCIAL NETWORK "VKONTAKTE": REGIONAL ASPECT*

Vladimir I. Krasikov[1]

Roman G. Oganesyan[2]

[1,2] All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

[1] KrasVladIv@gmail.com

[2] rgo1994@mail.ru

In this article, we aim to analyze the regional topography of online communities with radical political rhetoric in the virtual space of the social network VKontakte. We are talking about 13 Russian cities of 6 federal districts of the Russian Federation. These are Izhevsk, Irkutsk, Kazan, Kaluga, Makhachkala, Petrozavodsk, Rostov-on-Don, St. Petersburg, Saransk, Saratov, Sochi, Tula and Khabarovsk. In the article, we use a methodology that includes both empirical and analytical-theoretical research methods. Firstly,

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00080, https://rscf.ru/project/23-28-00080/.

this is a search for radical content in the social network "VK" using "VKTOPPOST" parsers by keywords of a certain ideological thesaurus. Secondly, this is content analysis and classification. We compared the obtained results and came to the following conclusions, namely: 1) St. Petersburg is the city with the greatest political radical online activity, and Makhachkala is the city with the least activity; basically, we see average online activity of local groups with political rhetoric; 2) the worldviews of local online communities can be characterized as eclectic and naive; 3) we do not claim to describe all political preferences in these regions, and are talking rather about those people who feel the need for a "local identity" and the affirmation of their regional political certainty. We believe that the novelty of this study is the empirical and theoretical analysis of the regional aspect of radical activity in the virtual space of the social network "VKontakte". We hope that the data and conclusions of the article can be useful for specialists in the field of social sciences.

Keywords: online groups with radical political rhetoric; regions in the social network "VKontakte".

For citation: *Krasikov V. I., Oganesyan R. G.* Online Groups with Radical Political Rhetoric in the Social Network "Vkontakte": Regional Aspect. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 95–109. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-95-109

Введение

Имеющаяся письменная традиция повсеместно упоминает, что издревле отличительной конститутивной чертой психологии большинства молодых людей является склонность к радикальным взглядам и поведению, стремление к новизне и критическое отношение к сложившимся традициям, опыту старших поколений. Бунтарство, нигилизм и стремление к решительным изменениям с возрастом микшируются, и уже немолодые люди убеждаются в полезности, даже необходимости выработанных тысячелетиями форм жизни.

Ранее радикальные настроения молодежи находили свое выражение скорее в хулиганстве и драках в своей среде, традиционно максимализировавшихся в явлениях молодежного бандитизма. Однако Новое время и развитие новых технологий (книгопечатание, издательское дело, средства массовой информации) вместе с общественной институциализацией образования (особенно высшего), равно как и интересы идущих к власти новых социальных слоев, способствовали политизации этой специфической демографической категории населения. И в последние два века (после Великой французской революции) мы видим ее устойчивое присутствие во всякого рода радикальных общественных событиях. Ее восприимчивость к различного рода крайним взглядам подкреплялась в формирующихся массовых обществах такими же массовыми средствами распространения.

На место книг, журналов и газет, потом радио и телевидения в 90-е гг. XX в. приходит Интернет, а в первое десятилетие XXI в. – социальные сети. Именно социаль-

ные сети кардинально меняют характер распространения информации, ее модерацию и контроль. Появление веб-сетей второго поколения перестроило прежде иерархическую систему распространения информации. Платформы современных социальных сетей строятся на «экономике внимания», подстраиваясь под каждого потребителя, превращая его в точку отсчета, критерий отбора поставляемой ему же информации. Подобные своего рода «эго-алгоритмы» отбирают то, что нравится этому конкретному потребителю и, одновременно, творцу контента, сводят его с теми людьми, которые имеют схожие идеологические взгляды. Это быстро ведет к установлению связей с близкими по мировоззрению единомышленниками. Новые медиа создают своего рода «цифровые эхо-камеры», где в онлайн-группах доминируют самоподдерживающиеся и самоусиливающиеся общие мнения и блокируются иные [1; 2]. Потому здесь, в социальных сетях, взрывообразно и везде появляются почти невидимые, потому что находимы в киберпространстве и подключаемы мгновенно из любого места (с современных телефонов), бесконтрольные радикальные онлайн-группы самых разных спектров и оттенков. Они практически неуловимы, успешно ускользают от бдительного ока регламентирующих и контролирующих государственных, корпоративных или научных «интернет-дозоров» – как раз в силу своих новых организационных особенностей, вызывающих небывалые возможности, и столь же серьезные общественные озабоченности. Ведь прежде всего радикальные онлайн-сообщества создаваемы в молодежной среде и молодежью же – наиболее активными акторами, в первую очередь стремящимися к освоению и жизни в новой технологической среде, где, заметим, по всем опросам, в том числе и нашим, более трети молодых людей (16–20 лет) проводит в социальных сетях по 6–8 часов ежедневно. По сути, они живут там, и эту среду необходимо исследовать: наши дети, как оказывается, живут где-то, куда нам, взрослым, трудно попасть, чтобы выяснить, что же там происходит.

1. Контекст исследования (*Background*)

Лишь сравнительно недавно социальные сети и их радикализующая роль стали интенсивно изучаться специалистами разных дисциплин – за рубежом [3–9] и у нас [10–17]. В России особенно выделяется социальная сеть «ВКонтакте», ставшая любимым объектом анализа наших специалистов [18–23] – в силу ряда ее особенностей. Это крупнейшая социальная сеть у нас в стране, все остальные, в том числе и западного происхождения, просто несопоставимы по масштабам влияния. Российская компания (*Brand Analytics*), анализирующая социальные сети, называет цифру в 21,8 млн активных авторов (за июль 2024 г.), из них людей до 34 лет, т.е. молодежи, – 45,5% [24].

В 2023 г. в рамках поддержанного РНФ проекта № 23-28-00080 «Молодежные онлайн-сообщества с риторикой политической вражды в социальной сети «ВКонтакте»: классификация, исследование особенностей радикализации и потенциала влиятельности в студенческой среде» мы начали свое исследование соответствующим мониторингом (января 2023 г. – июнь 2023 г.). Он осуществлялся по разработанным тезаурусам – в виде ручного поиска радикальных пабликов – посредством парсера «Топ-1000 групп ВК» по г. Москве. Ожидания привычного

политического ландшафта: правые националисты, левые радикалы, радикальные либералы, политически озабоченный гендер (маскулисты и радикальные феминистски) и деструктивные культы – вполне подтвердились. В выявленных категориях онлайн-сообществ мы определили, руководствуясь определенными критериями, наиболее радикально-репрезентативные. Последние и стали моделями для автоматического поиска групп со схожей целевой аудиторией, используя другой парсер «*Vktoppost*», выявляющий группы со схожей аудиторией. В итоге мы получили списки пяти модулей онлайн-групп радикалов в виртуале «ВКонтакте», состоящие из 495 онлайн-сообществ (около 6,8 млн профилей): 158 праворадикальных; 152 леворадикальных; 102 гендерно-радикализованных; 51 радикально-либеральное; 42 радикально-религиозных (сатанистов) [25].

Проанализировав их идеологический репертуар, мы обрели нужные нам ориентиры для составления вопросов для запланированного в проекте опроса молодежи – для определения степени влиятельности радикалов в их среде. Тем более что именно их сверстники составляют большинство активистов радикальных онлайн-групп в социальной сети «ВКонтакте». Была подготовлена соответствующая анкета, и по ней были опрошены в конце сентября – первой половине октября 2023 г. 1430 молодых людей[1].

Выяснилось [26], что большинство из них все же слышали о радикалах в социальных сетях, но поверхностно: названия, какие-то общие сведения, однако какого-то интенсивного интереса к радикальным идеям не наблюдалось. Вместе с тем остался без ответа вопрос: знают ли представители молодого поколения радикально настроенных сверстников в их собственных городах. Ведь помимо Москвы общероссийская социальная сеть «ВКонтакте» разрешает создание местных региональных онлайн-сообществ – по тем же общим правилам, что и в центре. Тем более что в проекте прямо предусмотрены исследовательские усилия по решению этого поставленного вопроса.

2. Результаты исследования

Это предопределило продолжение мониторинга в социальной сети «ВКонтакте», который и был осуществлен в первой половине 2024 г. Мониторинг осуществлялся в виде ручного поиска, по тем же тезаурусам, что и год назад, однако на этот раз строго адресно – по 13 городским локациям парсера «Топ-1000 групп ВК». Результаты можно представить следующим образом.

Ижевск

Левый спектр Ижевска представлен 17 группами в «ВК», присутствуют все его цвета: три группы антифа, три группы анархистов, четыре группы социалистов, четыре группы коммунистов. Они небольшие, но среди тех, кто себя склонен идентифицировать как «социалисты» и «коммунисты», есть группы по 200–300 человек. Примечательно, однако, что они не активны в 2024 г. и последние их посты при-

[*] Ижевск, Иркутск, Казань, Калуга, Махачкала, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Сочи, Тула, Хабаровск.

ходятся на вторую половину 2023 г., а то и 2022 г. Напротив, активны филиалы общероссийских сил левой ориентации – типа Рабочей партии и нацболов («Другая Россия»). Самая большая левая группа – «Социалисты Ижевска» (1297 подписчиков, филиал «Российского социалистического движения», https://vk.com/rsd_izh).

Правый спектр Ижевска – пять активных сообществ в «ВК», самая большая группа «Русская Община Удмуртия» (1223, за несколько месяцев увеличилась в два раза, https://vk.com/club222765791), чьи взгляды можно охарактеризовать как государственнические (русские – государствообразующий народ РФ) и традиционалистские (возрождением общинности и русской культуры). Славянофильствующие и ориентированные на язычество мелкие группы имеют место быть (семь), но они в настоящее время не функционируют, т.е. последние записи годов до 2024.

Радикальные либералы – наиболее пострадавший, по-видимому, оппозиционный сектор в ижевском политикуме. Четыре неактуальные группы в «ВК» с «остановившимся» составом в 224 человека.

Политизированного гендера в Ижевской сети «ВК», похоже, практически нет, присутствует одна просроченная крайне злобная антифеминистская группа.

Иркутск

Левые в Иркутске, похоже, наиболее репрезентативный пример регионального состояния радикалов. Имеют место быть следующие тенденции. Раздробленность левых, много мелких групп (12), численностью от 18 до 218 человек, абсолютное большинство не проявляют в настоящее время признаков актуальной активности. Одно интернет-сообщество сторонников КПРФ в Иркутске, так сказать «системной оппозиции», институализированной и инкорпорированной в современной российской «вертикали власти», в пять раз больше (7793, https://vk.com/kprf_irk), чем 12 разношерстных мелких левых групп. Восемь из 12 групп – филиалы общероссийских структур: «Другой России Э. Лимонова», «Справедливой России», «Левого блока», «За новый социализм», «Рабочей партии России» и других более мелких структур. Причем действуют лишь иркутские нацболы и справедроссы.

Подобная же ситуация и среди правых радикалов. 11 групп, большинство из которых мелкие и утратившие актуальность. Однако здесь есть и пара многочисленных, актуальных сообществ, также иркутских филиалов общероссийских правых структур: «Евразийский Союз Молодежи. Иркутск» (1370, https://vk.com/irk_evrazia) и «Русская община. Иркутск» (1805, https://vk.com/obshina_irk).

Реликтовые следы в «ВК» (2018–2019 гг.) трех малых иркутских групп радикальных либералов. Аналогичные следы политизированного гендера – симметричные две группы сибирских феминисток и сторонников «мужского государства».

Казань

Левых групп в социальной сети «ВК» Казани 13, 11 из которых – «замемориализовавшиеся», т.е. отмечены прежними годами до 2024. Хотя, как показала практика, они в любое время могут «ожить» и актуализироваться. Та же история, что и в других исследуемых городах: много мелких невнятных (т.е. малограмотных) левых сообществ и те же филиалы «Рабочей партии России», «За новый социализм», прав-

да, также «нерабочих». Чемпионы, т.е. функционирующие, – «Левый фронт. Татарстан» (695, https://vk.com/club164519407) и «Другая Россия Э. В. Лимонова – Казань» (188, https://vk.com/public185019534?w=club185019534).

Правый сектор представлен одной довольно большой, но закрытой группой «Славянское Мировоззрение» (434, https://vk.com/thissworld) и актуальной, но маленькой «Патриоты Казань» (24, https://vk.com/public197335662).

Две сильно просроченные радикально-либеральные группы времен до СВО. Такие же две феминистские группы.

Калуга

Калуга, на удивление (ведь относили Калужскую область в 90-е гг. XX в. к так называемому красному поясу), малополитична в сравнении с другими городами. Семь левых групп: группы или закрытые, или же неактуальные. В основном те же филиалы.

То же самое и с правыми – четыре группы, три из которых неактуальны, одна актуальная (14, https://vk.com/public197185105) – скорее общепатриотическая. Групп радикальных либералов «ВК» нет, имеется одна неактуальная псевдофеминистская группа.

Махачкала

Если Калуга мало политична, то Махачкала – по критерию представленности наличия онлайн-групп с политической риторикой в «ВК» – вообще без политики. Мы не нашли здесь ни левых, ни правых, ни радикальных либералов, ни феминисток. Только ислам.

Петрозаводск

Левых групп здесь – 10, из них две актуальные: «Региональное отделение политической «Партии социальной защиты». Республика Карелия» (400, https://vk.com/psz10) и «Коммунисты Карелии – РКРП-Рот Фронт» (4831, https://vk.com/communist_karelia).

Две правые группы неактуальны, гендерно озабоченные группы в Петрозаводске отсутствуют, однако чудом сохранилась актуальная маленькая группа «навальнистов» (18, https://vk.com/club203705284).

Ростов-на-Дону

Мегаполис есть мегаполис – здесь резко возрастает политическая активность. Левые в Ростове в полном ассортименте, 10 групп: и анархисты, и антифа, и системные коммунисты, и внесистемные (филиалы общероссийских партий – «Левый блок», «ВКПб», «Марксистская тенденция» и др.) Четыре из них – актуальные и довольно многочисленные: «Левый фронт» (139, https://vk.com/public181669729), «Другая Россия Э. Лимонова» (384, https://vk.com/public96098725), «Коммунисты России» (107, https://vk.com/kommunistydona) и «ностальгирующие» – «Граждане СССР. Социализм» (135, https://vk.com/public191996682), «Красный Патриот» (442, https://vk.com/club192218098).

Правые – 10 групп, из них активных – пять, т.е. половина, с составом от сотни до 5 тыс.: «Российская империя» (484, https://vk.com/public198583088), «Правая Россия (г. Ростов-на-Дону)» (145, https://vk.com/club192641187), «Патриоты Великого Отечества Ростовская область» (5382, https://vk.com/pvo61) и др.

Две неактуальные группы радикальных либералов. И какой мегаполис без феминистских групп? Здесь мы встречаем четыре онлайн-группы, где две из них актуальные: «Матриархат 3000» (98, https://vk.com/club61538498), «Голос женщин/Феминистки Ростова-на-Дону» (446, https://vk.com/fem_rostov).

Санкт-Петербург

Вторая столица цветет «тысячью политических цветов», что и следовало ожидать.

Левый спектр представлен 19 группами в «ВК». Большинство из них (11) – группы анархистов. Создается впечатление, что среди левых здесь явное анархистское доминирование. Петербург – явно город анархический. Три группы антифа, две из них закрытые и восемь анархических-панковских групп, из них три – многотысячные и действующие: «Анархия» (25 091, https://vk.com/public177615404), «Авангард Люмпенпролетариата» (8530, https://vk.com/public184643859) и «Анархия» (3654, https://vk.com/club8531).

Собственно левых классического диапазона, т.е. на марксистской основе, от социалистов до коммунистов – семь групп, из которых пять – актуальные: «РКРП. Коммунисты. Марксисты. Ленинцы» (12 840, https://vk.com/party.rkrp), «Левый Фронт Ленинград» (1559, https://vk.com/leftpiter), «Пост-левый движ в схемах и мемах I пдсм» (3252, https://vk.com/public183416548), «Социалисты Петербурга» (1637, https://vk.com/readingmarx), «Философия марксизма и неомарксизма» (328, https://vk.com/readingmarx).

Правый сегмент в Санкт-Петербурге также представительный – 16 онлайн-сообществ. Из них яро антикоммунистических групп – три, крупнейшая из которых актуальная: «Мы против коммунизма» (982, https://vk.com/club3447812). Три «славянские» группы (по признаку «крови»), крупнейшая из которых, «Братья Славяне» (2168, https://vk.com/club10865791), – закрытая. Три «имперские» группы, две актуальные, самая большая из них озабочена возвращением «вѣличія Импѣріи» – «Российская империя» (21 010, https://vk.com/public200366085). Шесть групп, объявляющих консерватизм своей идеологией, три из которых актуальны и наибольшая из них – «Национально-Консервативный Фронт» (12 584, https://vk.com/public187772333).

Радикальным либералам в Питере комфортно. Шесть ярко антиправительственных антипутинских групп, причем три из них резвы и в этом году: «Я против существующей власти/власть врет…» (312, https://vk.com/club33114805), «Петербург в поддержку Алексея Навального» (213, https://vk.com/club52710873), «Против Путина!» (152, https://vk.com/club717132). Есть и три умеренно либеральные группы, в духе классики, две вполне жизнеспособные, самая крупная – «Либеральный мыслитель» (2979, https://vk.com/public204800551).

Ну как без питерских феминисток? Самая большая, локализованная в санкт-петербургском пространстве, группа с мелодраматическим названием «Феминизм навсегда: как правильно все запрещать» (6379, https://vk.com/public204543889) за

последние месяцы стремительно выросла на 700 соратниц. Столько же – в рядах двух групп маскулистов. Десятикратное превосходство прекрасного пола.

Саранск

Саранск, по всей видимости, город исключительно «красный». Левых групп мы насчитали здесь 11. Как и везде по регионам, здесь в основном филиалы: КПРФ, «Рот Фронта», «Левого блока», «Движения «За новый Социализм» Н. Н. Платошкина» и пр. Актуальных лишь четыре группы, крупнейшие из которых – «Дискуссионная группа КПРФ. Мордовия» (845, https://vk.com/kprf_mordovia) и «Ленинский Комсомол Респ. Мордовия» (4059, впечатляющий рост за несколько месяцев в 700 чел., https://vk.com/komsomolrm).

Зарегистрированных в «ВК» правых групп националистического толка в Саранске нет, как и радикальных либералов, а также радикалов по гендерным вопросам.

Саратов

На удивление, в Саратове, городе-«миллионнике», политическая жизнь, судя по сводкам «ВК», носит какой-то приглушенный, вялотекущий характер.

Левых групп в Саратове пять, из них актуальны в текущем году лишь две. Как и везде, представлены в основном филиалы общероссийских политических организаций, однако функционируют только сторонники С. Удальцова и Э. Лимонова: «Левый фронт Саратов» (135, https://vk.com/levfront_saratov) и «Другая Россия Э. В. Лимонова Саратов» (75, https://vk.com/public217230143).

Семь патриотических групп, однако ярко выраженного национализма не наблюдается. Из них лишь одна актуальная, другие не функционируют в последнее время.

Радикальные либералы отсутствуют, не считать же таковыми актуальную группу некоего В. Мальцева, прославившегося в свое время нелепым обещанием революции 5 ноября 2017 г., которое, однако, в то время сильно озаботило соответствующие органы, – «Мальцев против Путина» (263, https://vk.com/rssmsaratov). Три просроченных группы гендерно озабоченной публики: две феминистские, одна – сторонников мужского превосходства.

Сочи

Людей в Сочи политика волнует явно мало – разлагающее влияние климата, наверное. Три небольшие и неактуальные группы левых. Также четыре неактуальные, совсем небольшие онлайн-группы условно «славяно-русских». Радикальных либералов нет, как и гендерно озлобленных слоев населения.

Тула

Все-таки традиции – мощная сила. Тула издавна была, так сказать, пролетарской вотчиной, оружейной мастерской России, и здесь левые настроения всегда были сильны, что и подтвердилось.

В Туле семь левых групп, в основном структуры КПРФ, Левого фронта, Другой России Э. Лимонова и сообщество, вдохновленное идеями Н. Платошкина. Пять онлайн-объединений в рамках «ВК» активны, особо следует отметить большую груп-

пу партийной молодежи: «Ленинский комсомол Тульская область» (880, https://vk.com/lksm71).

Есть актуальные патриотические, не националистические группы, по крайней мере две: из них одна, «имперская», довольно большая – это «Российская империя» (13 883, https://vk.com/public84728188). О другой трудно сказать – она закрытая, однако имеет название «Сопротивление – Тульская губерния» (28, https://vk.com/club21385212) и озабочена в самоописании «уничтожением режима террора и преследований».

Радикально-либеральных групп в тульском «ВК» не зарегистрировано, как и объединений гендерно озабоченных граждан.

Хабаровск

В Хабаровске насчитывается восемь левых групп. По обыкновению, действуют те из них (три), которые имеют какое-то внешнее сопровождение, как правило, со стороны общероссийских левых, к примеру, в Хабаровске это филиалы «Российской коммунистической рабочей партии» («Коммунисты Хабаровского края РОТ ФРОНТ» (616, https://vk.com/komm27), «Революционной рабочей партии» – «Коммунисты Хабаровского края» (189, https://vk.com/rwp_xbk) и «Другой России Э. В. Лимонова (Хабаровск)» (28, https://vk.com/public218567875). Остальные группы не действуют в текущем году, и они маловнятной ориентации.

11 патриотических групп разного характера, из них активны лишь три, крупнейшая из которых – «Русская община (Хабаровск)» (780 пользователей, рост за последние месяцы почти в два раза, https://vk.com/obshina_rus27), желающая «возродить соборность и общинность русского народа».

Три «замороженных» сайта радикальных либералов и одна закрытая группа «Мужское государство. Хабаровск» (17, https://vk.com/patriarchat27).

Заключение

Что можно умозаключить по представленным результатам эмпирического исследования?

Первое. Полюса активности в 13 рассмотренных городах: *max* – это Санкт-Петербург и *min* – Махачкала. В первом мы видим интенсивную и разнообразную радикальную политическую жизнь, во втором же таковой не наблюдается вообще. В основном же мы наблюдаем среднюю малоинтенсивную онлайн-активность групп с политической риторикой. К Санкт-Петербургу – по активности и многообразию и с поправкой на разную федеральную значимость – можно добавить Ростов-на-Дону, Ижевск, Иркутск, Тулу и Хабаровск (опыт движения осени 2020 г. за восстановление бывшего губернатора С. Фургала, вероятно, сказывается).

Второе. Политическая активность в региональном онлайн-пространстве социальной сети «ВК» во многом зависит не то чтобы от размеров города, скорее от его федерального значения[1]. С Санкт-Петербургом, представляется, все ясно, но

[1] Под чем понимается довольно размытый, трудно рационализируемый смысл: традиции прежнего социального, культурного лидерства (мировые и федеральные успехи выходцев из этих мест), влиятельности местных элит, общий уровень самосознания населения этих городов.

Ростов-на-Дону и Саратов примерно равны по количеству населения («миллионники»), однако политическая активность совершенно разная. Ростов-на-Дону – на уровне мегаполиса, Саратов же – на уровне остальных рядовых областных центров с вялотекущей политико-мировоззренческой жизнью в онлайн-пространстве крупнейшей российской социальной сети.

Третье. Сильна филиальная структура общероссийских партий, они заинтересованы в региональной представленности, охвате – для своих политических притязаний на выборах. Поэтому, вероятно, либо своих эмиссаров в регионы направляют, либо стимулируют местных на организационную активность по продвижению своего бренда и политическое миссионерство. Соответственно, во всех городах мы видим наиболее устойчивые онлайн-сообщества – это именно региональные представительства. Особенно это характерно для левых партий, как наиболее исторически устойчивых в нашем отечестве. Относительным преимуществом также обладают структуры, имеющие или же ранее имевшие харизматических лидеров (С. Удальцова, Э. Лимонова, Н. Платошкина, П. Грудинина) или же просто чем-то «прославившихся» (как тот же В. Мальцев, пророчивший революцию 5 ноября 2017 г., или некто В. Дубов, чьей активностью живет правый национализм в Сочи).

Четвертое. В противоположность четким организационным и идеологическим принципам общероссийских политических движений, местечковые онлайн-сообщества, как левого, так и правого толка, характеризуются большой эклектикой и мировоззренческой наивностью. В настоящее время благодаря современным технологиям в коммуникативные процессы могут включаться практически все желающие («сам себе режиссер»), исчезло большинство его профессиональных (политологическое, историческое, журналистское образование) и властно-финансовых структур, которые ранее их фундировали (средства на издание и поддержание СМИ, бюджетные ассигнования). Поэтому и расцветают, так сказать, «тысячи цветов», а вернее чертополохов и сорняков невероятных разновидностей и расцветок. И каждая такая невероятная, по эклектике и мировоззренческим комбинациям (вернее «выкрутасам»), может привлекать известное количество столь же не обремененных знаниями и здравым смыслом людей, по современному технологическому правилу современных социальных медиа – «эхо-камеры».

И последнее, пятое. Надо отдавать себе отчет, что зарегистрированные онлайн-сообщества с явно политическими профилями в одной, пусть и наиболее крупной социальной сети вряд ли может быть полным описанием политических предпочтений в отмеченных регионах. Речь может идти лишь о самоидентифицированных на местном уровне активных гражданах, которые по каким-то причинам возжелали организовать политически активную группу по месту проживания. Ничего, однако, не мешает людям примыкать к общероссийским группам в «ВК», но уже в статусе «участников». Таким образом, речь скорее должна идти о людях, испытывающих потребность к «местной привязке» и манифестации своей региональной политической определенности. А это, конечно же, может говорить о степени политического самосознания и его специфического спектра – в том или ином регионе.

Пристатейный библиографический список

1. *Barberá P.* Social Media, Echo Chambers, and Political Polarization // Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform (SSRC Anxieties of Democracy) / Ed. by N. Persil, J. Tucker. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

2. *Бажанов В. А.* Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 4.

3. *Beadle S.* How Does the Internet Facilitate Radicalization. London: War Studies Department, King's College, 2017.

4. *Bastug M. et al.* Exploring the "Demand Side" of Online Radicalization: Evidence from the Canadian Context // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. Vol. 43. No. 7.

5. *Salminen J. et al.* Developing an Online Hate Classifier for Multiple Social Media Platforms // Human-Centric Computing and Information Sciences. 2020. Vol. 10. No. 1.

6. *Winter C. et al.* Online Extremism: Research Trends in Internet Activism, Radicalization, and Counter-Strategies // International Journal of Conflict and Violence. 2021. Vol. 14.

7. *Schröder C. et al.* Radicalization in Adolescence: The Identification of Vulnerable Groups // European Journal on Criminal Policy and Research. 2022. Vol. 28.

8. *Franc R., Pavlović T.* Inequality and Radicalisation: Systematic Review of Quantitative Studies // Terrorism and Political Violence. 2023. Vol. 35. No. 4.

9. *Mølmen G. et al.* Mechanisms of Online Radicalisation: How the Internet Affects the Radicalisation of Extreme-Right Lone Actor Terrorists // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2023. Vol. 15. No. 4.

10. *Федорченко С. Н.* Глобальное исследование политизации социальных сетей // Обозреватель. 2016. № 8 (319).

11. *Федорченко С. Н.* Политические идентичности в социальных сетях Интернета // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 2.

12. *Карпова А. Ю. и др.* Новые технологии выявления ультраправых экстремистских сообществ в социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52.

13. *Карпова А. Ю. и др.* Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3.

14. *Кузнецов С. А.* и др. Автоматизированное обнаружение перекрестных связей пользователей ультраправых сообществ в социальной сети // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 59.

15. *Кашпур В. В. и др.* Репрезентация радикальных сообществ в российских социальных медиа: специфика контента и индекс активности // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467.

16. *Мурадова А. Г. и др.* Социальные сети как инструмент для пропаганды терроризма и противодействие террористическим структурам в СМИ в странах СНГ // Постсоветские исследования. 2023. № 1 (6).

17. *Домбровская А. Ю., Азаров А. А.* Методология и методика изучения структуры дискурсов, плотности взаимодействия и пересечения аудиторий цифровых платформ политических сообществ // Власть. 2023. № 2.

18. *Суслов С. И.* Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ «ВКонтакте» // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2016. Вып. 4.

19. *Платонов К. А., Юдина Д. И.* Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5.

20. *Myagkov M*. et al. A Comparative Analysis of Right-Wing Radical and Islamist Communities' Strategies for Survival in Social Networks (Evidence from the Russian Social Network VKontakte) // Media, War & Conflict. 2020. Vol. 13. No. 4.

21. *Кашпур В. В. и др.* Способы репрезентации радикального контента в условиях государственной антиэкстремистской цензуры на материале социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. Вып. 1.

22. *Karpova A. Yu. et al.* An Online Scan of Extreme-Right Radicalization in Social Networks (the Case of the Russian Social Network Vkontakte) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. No. 15 (12).

23. *Ушкин С. Г., Сапон Н. В.* Протестные группы в социальной сети «ВКонтакте»: кластеризация пользователей и их типологические особенности // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 2.

24. Статистика социальных сетей. Возраст и пол авторов // Brand Analytics : сайт. URL: https://brandanalytics.ru/statistics/author/vk/202407 (дата обращения: 29.08.2024).

25. *Красиков В. И.* Топография онлайн-сообществ с риторикой политизированной вражды в виртуальном пространстве социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3.

26. *Красиков В. И., Фоменко Е. В., Слабоспицкий А. С., Оганесян Р. Г.* Российская студенческая молодежь и онлайн-сообщества с риторикой политической вражды в социальных сетях: узнаваемость и влиятельность // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 4.

References

1. *Barberá P.* Social Media, Echo Chambers, and Political Polarization. In *Persily N., Tucker J. (eds.).* Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform (SSRC Anxieties of Democracy). Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

2. *Bazhanov V. A.* Features of Cognitive Mechanisms in the Information Age: "Echo Bubbles" and "Echo Chambers". *Philosophy Journal*, 2022, vol. 15, no. 4. (In Russ.)

3. *Beadle S*. How Does the Internet Facilitate Radicalization. London: War Studies Department, King's College, 2017.

4. *Bastug M. et al*. Exploring the "Demand Side" of Online Radicalization: Evidence from the Canadian Context. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2020, vol. 43, no. 7.

5. *Salminen J. et al*. Developing an Online Hate Classifier for Multiple Social Media Platforms. *Human-Centric Computing and Information Sciences*, 2020, vol. 10, no. 1.

6. *Winter C. et al*. Online Extremism: Research Trends in Internet Activism, Radicalization, and Counter-Strategies. *International Journal of Conflict and Violence*, 2021, vol. 14.

7. *Schröder C. et al.* Radicalization in Adolescence: The Identification of Vulnerable Groups. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2022, vol. 28.

8. *Franc R., Pavlović T.* Inequality and Radicalisation: Systematic Review of Quantitative Studies. *Terrorism and Political Violence*, 2023, vol. 35, no. 4.

9. *Mølmen G. et al.* Mechanisms of Online Radicalisation: How the Internet Affects the Radicalisation of Extreme-Right Lone Actor Terrorists. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2023, vol. 15, no. 4.

10. *Fedorchenko S. N.* Global Study of the Politicization of Social Networks. *Observer*, 2016, no. 8 (319). (In Russ.)

11. *Fedorchenko S. N.* Political Identities in Social Networks of the Internet. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2017, no. 2. (In Russ.)

12. *Karpova A. Iu. et al.* New Technologies for Identifying Ultra-Right Extremist Communities in Social Media. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2019, no. 52. (In Russ.)

13. *Karpova A. Yu. et al.* Studying the Process of Online Radicalization of Youth in Social Media (Interdisciplinary Approach). *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 3. (In Russ.)

14. *Kuznetsov S. A. et al.* Automated Detection of Cross-Links of Users of Ultra-Right Communities in a Social Network. *Bulletin of Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political Science*, 2021, no. 59. (In Russ.)

15. *Kashpur V. V. et al.* Representation of Radical Communities in Russian Social Media: Content Specifics and Activity Index. *Bulletin of Tomsk State University*, 2021, no. 467. (In Russ.)

16. *Muradova A. G. et al.* Social Networks as a Tool for Promoting Terrorism and Countering Terrorist Structures in the Media in the CIS Countries. *Post-Soviet Studies*, 2023, no. 1 (6). (In Russ.)

17. *Dombrovskaia A. Iu., Azarov A. A*. Methodology and Methods for Studying the Structure of Discourses, the Density of Interaction and Intersection of Audiences of Digital Platforms of Political Communities. *Power*, 2023, no. 2. (In Russ.)

18. *Suslov S. I.* Clusters of St. Petersburg Political Online Communities "Vkontakte". *Bulletin of St. Petersburg State University. Series* 12. *Sociology*, 2016, iss. 4. (In Russ.)

19. *Platonov K. A., Iudina D. I.* Agenda of Protest Online Communities of St. Petersburg on Vkontakte. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, no. 5. (In Russ.)

20. *Myagkov M. et al.* A Comparative Analysis of Right-Wing Radical and Islamist Communities' Strategies for Survival in Social Networks (Evidence from the Russian Social Network VKontakte). *Media, War & Conflict*, 2020, no. 13 (4).

21. *Kashpur V. V. et al.* Methods of Representing Radical Content in the Context of State Anti-Extremist Censorship Based on the Material of the Social Network "Vkontakte". *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2022, vol. 6, iss. 1. (In Russ.)

22. *Karpova A. Yu. et al.* An Online Scan of Extreme-Right Radicalization in Social Networks (the Case of the Russian Social Network Vkontakte). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2022, no. 15 (12).

23. *Ushkin S. G., Sapon N. V.* Protest Groups in the Social Network "Vkontakte": Clustering of Users and Their Typological Features. *Scientific Result. Sociology and Management,* 2022, Vol. 8, no. 2. (In Russ.)

24. Social Media Statistics. Age and Gender of Authors. URL: https://brandanalytics.ru/statistics/author/vk/202407 (date of the application: 29.08.2024). (In Russ.)

25. *Krasikov V. I.* Topography of Online Communities with the Rhetoric of Politicized Hostility in the Virtual Space of the Social Network "Vkontakte". *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3. (In Russ.)

26. *Krasikov V. I., Fomenko E. V., Slabospitskii A. S., Oganesian R. G.* Russian Student Youth and Online Communities with the Rhetoric of Political Hatred in Social Networks: Recognition and Influence. *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2023, no. 4. (In Russ.)

Сведения об авторах:
В. И. Красиков – доктор философских наук, профессор.
Р. Г. Оганесян – младший научный сотрудник.

Information about the authors:
V. I. Krasikov – Doctor of Philosophy, Professor.
R. G. Oganesyan – Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 05.09.2024; approved after reviewing 14.11.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 342.53
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-110-118

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Геннадий Геннадьевич Егоров

Волжский филиал Волгоградского государственного университета,
404133, Россия, г. Волжский, ул. 40 лет Победы, д. 11

egorov@vgi.volsu.ru

Аннотация

Данное исследование направлено на систематизацию мирового опыта, основанного на рейтинговых показателях, формируемых на основе данных, собранных с крупнейших китайских платформ *Alibaba* и *Tencent*, определяющего эффективность системы социального доверия, выявление общих тенденций и специфических особенностей, а также определение перспектив развития цифрового общества, в том числе на примере опыта Камчатского края. Цель – анализ международного опыта внедрения цифровых технологий, выявление наиболее успешных практик и определение ключевых факторов, влияющих на эффективность цифровых трансформаций. В качестве методологических основ исследования для достижения поставленных целей использовался комплексный подход. В результате были определены следующие показатели: 1) выявлены основные тенденции развития цифровых технологий; 2) определены ключевые направления цифровизации; 3) идентифицированы основные барьеры цифровизации; 4) сравнены модели цифрового развития разных государств, выявлены их сильные и слабые стороны; 5) определены наиболее перспективные направления развития цифровых технологий; 6) оценено влияние цифровизации на различные аспекты жизни общества.

Ключевые слова: цифровые технологии; цифровая трансформация; международный опыт; цифровое общество; инновации; государственное управление.

Для цитирования: *Егоров Г. Г.* Международный опыт внедрения цифровых технологий в современном обществе // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 110–118. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-110-118

Research Article

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN IMPLEMENTING DIGITAL TECHNOLOGIES IN MODERN SOCIETY

Gennady G. Egorov

Volzhsky Branch of Volgograd State University, 11 40 years of Victory St., Volzhsky, 404133, Russia

egorov@vgi.volsu.ru

Abstract

This study is aimed at systematizing world experience based on rating indicators formed on the basis of data collected from the largest Chinese platforms Alibaba and Tencent, determining the effectiveness of the social trust system, identifying general trends and specific features, as well as determining the prospects for the development of a digital society, including the example of the Kamchatka Territory. The purpose is to analyze international experience in implementing digital technologies, identify the most successful practices and determine the key factors influencing the effectiveness of digital transformations. An integrated approach was used as a methodological basis for the study to achieve the goals. As a result, the following indicators were identified: 1) the main trends in the development of digital technologies were identified; 2) the key areas of digitalization were identified; 3) the main barriers to digitalization were identified; 4) the digital development models of different countries were compared, their strengths and weaknesses were identified; 5) the most promising areas for the development of digital technologies were identified; 6) the impact of digitalization on various aspects of society was assessed.

Keywords: digital technologies; digital transformation; international experience; digital society; innovation; public administration.

For citation: *Egorov G. G.* International Experience in Implementing Digital Technologies in Modern Society. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 110–118. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-110-118

Введение

По мере того, как цифровые технологии все глубже проникают в нашу жизнь, общество претерпевает значительные изменения, сталкиваясь с новыми вызовами. Одним из таких вызовов является развитие цифрового профилирования граждан через систему «социального доверия» [1], которая позволяет оценивать людей по различным параметрам и применять к ним меры поощрения или ограничения, например, при взаимодействии с правоохранительными органами.

1. Интеграции цифровых систем в образовательную среду РФ

В России активно развивается система цифрового профилирования, собирающая разнообразную информацию о гражданах и юридических лицах. Указ Президента РФ от 18 сентября 2023 г. № 695 значительно ускорил этот процесс, стимулируя использование цифровых технологий для идентификации личности [2]. В октябре 2023 г. в Российском государственном социальном университете началось тестирование платформы «Мы» [3], которая оценивает граждан по различным критериям и присваивает им социальный рейтинг, что еще больше актуализирует проблему цифрового профилирования.

В рамках данного проекта предлагается создать систему, которая будет связывать индивидуальный числовой код (скоринг-код) с персональными данными гражданина, включая СНИЛС, ИНН, паспортные данные и номер телефона. Этот код будет состоять из двух частей: первая часть отражает социальные достижения человека, а вторая – его потенциальное поведение с точки зрения государства [4].

Руководство университета убеждено, что их проект отвечает современным требованиям государственного управления и будет способствовать упорядочению процессов, особенно в области социальной поддержки населения. Однако это обстоятельство наталкивает на мысль о романе Евгения Замятина «Мы», написанном более века назад. В этом произведении изображено будущее общество, где каждый аспект жизни человека контролируется государством, вплоть до мыслей. Удивительно, что название проекта РГСУ так созвучно с названием этого антиутопического романа.

2. Особенности применения цифровых систем в иностранных государствах

Идея присвоения гражданам цифрового рейтинга, основанного на их поведении и характеристиках, напоминает систему социального кредита, успешно применяемую в Китае с 2021 г. [1]. Используя искусственный интеллект, китайские власти собирают и анализируют огромные объемы данных о гражданах, оценивая их по таким параметрам, как законопослушность, честность и потребительское поведение. Каждый гражданин и компания в Китае получает оценку по четырем основным направлениям: взаимодействие с государственными органами, коммерческая деятельность, социальное поведение и отношения с правоохранительными органами. Согласно государственной программе, каждый гражданин должен иметь подробный цифровой профиль, составленный из данных, собранных из различных источников.

Примечательно, что на повышение социального рейтинга в Китае существенно влияет покупательская активность гражданина: чем больше покупок он совершает, тем выше его ценность для государства. Этот рейтинг формируется на основе данных, собранных с крупнейших китайских платформ *Alibaba* и *Tencent* [5]. Система социального кредита направлена на стимулирование положительного поведения граждан, поскольку их рейтинг напрямую влияет на возможности в сфере трудоустройства, здравоохранения, образования и передвижения по стране. Рейтинг можно повысить, совершая социально значимые поступки, и снизить, проявляя безответственность.

Система социального доверия в Китае направлена не только на изучение поведения граждан, но и на его прогнозирование для предотвращения внутренних конфликтов и внешних угроз. Для этого государство использует «мягкую силу» в виде системы баллов, которые начисляются или вычитаются в зависимости от поведения гражданина. В Китае существует шесть категорий граждан: от AAA (самый высокий рейтинг) до D (самый низкий). Такая градация позволяет государству эффективно управлять обществом и мотивировать граждан к социально одобряемому поведению [5].

Граждане Китая с высоким социальным рейтингом получают значительные преимущества: приоритетный доступ к государственным должностям, свободу в сфере недвижимости, льготные кредиты, высококачественное медицинское обслуживание, бесплатный доступ к фитнес-центрам и другим услугам. По сути, высокий рейтинг открывает двери ко многим возможностям и привилегиям, делая жизнь таких граждан более комфортной и благополучной.

Граждане с низким социальным рейтингом сталкиваются с существенными ограничениями: им запрещен доступ в престижные медицинские учреждения, рестораны и отели. Путешествия за границу и даже поездки на самолете или высокоскоростном поезде становятся недоступными. Помимо этого, их возможности удовлетворять другие потребности значительно сужаются. Более того, такие граждане находятся под пристальным вниманием правоохранительных органов, поскольку их репутация вызывает подозрения, и они считаются потенциальной угрозой для общества.

Отличительная черта китайской системы социального кредита состоит в том, что последствия низкого рейтинга распространяются не только на самого человека, но и на его семью. Низкий социальный балл родителей негативно влияет на будущее их детей, лишая семью доступа к социальным благам. Таким образом, система стимулирует солидарное соблюдение правил всеми членами семьи. При этом система не предусматривает возможности удалить негативную информацию, оспорить рейтинг или пересмотреть ранее принятые решения, что делает ее крайне жесткой и негибкой.

Несмотря на то, что система социального кредита в Китае подвергается значительной критике со стороны европейских правозащитных организаций, некоторые западные страны уже начали проявлять интерес к ее отдельным элементам [6]. Так, такие государства, как Канада, Люксембург и Сингапур внедрили практику учета социального рейтинга китайских граждан при рассмотрении их заявок на получение виз. Это свидетельствует о том, что западные правительства видят в системе социального кредита не только инструмент тотального контроля, но и потенциальный источник информации, который может быть полезен при принятии решений в области миграционной политики. Южная Корея, Объединенные Арабские Эмираты, Бразилия и Мексика также проявляют активный интерес к этой системе и рассматривают возможность ее адаптации к национальным условиям. Следует отметить, что интерес этих стран вызывает не столько сама система социального кредита в целом, сколько отдельные ее компоненты, такие как использование больших данных для оценки надежности граждан и выявления потенциальных уг-

роз. Несмотря на всю неоднозначность системы социального кредита, она продолжает привлекать внимание мирового сообщества и оказывает существенное влияние на развитие технологий государственного управления и контроля [7].

3. Опыт интеграции цифровых модулей в регионах России

В Камчатском крае с начала 2022 г. реализуется уникальный социальный эксперимент, направленный на стимулирование активного участия граждан в жизни региона. Жители Камчатки имеют возможность добровольно зарегистрироваться в специальном мобильном приложении и принимать участие в программе накопления баллов за различные социально значимые действия. На сегодняшний день уже более 8,5 тыс. жителей Камчатского края стали участниками этого проекта, что свидетельствует о высоком уровне заинтересованности граждан [8]. За совершение таких действий, как регистрация на государственном портале услуг, сообщения о нарушениях правил дорожного движения, загрузка документов в электронном виде и участие в других социально полезных активностях, пользователи системы получают бонусы, которые могут быть обменяны на различные вознаграждения, например, бесплатные билеты в кино, дополнительные минуты мобильной связи и другие привлекательные предложения от партнеров проекта. Таким образом, создается система позитивной мотивации, которая стимулирует граждан к проявлению социальной активности, повышению уровня цифровой грамотности и укреплению чувства сопричастности к развитию своего региона.

В России наблюдается стремительное развитие цифровой трансформации в сфере физической культуры и спорта. Государство уделяет этому направлению приоритетное внимание, что нашло отражение в утверждении специальной стратегии развития цифровой среды в спортивной отрасли. Согласно этой стратегии, к 2030 г. планируется создание единой цифровой платформы, которая объединит в себе все федеральные и региональные информационные системы, задействованные в сфере физической культуры и спорта. В результате реализации этой масштабной инициативы будет создан удобный и многофункциональный цифровой инструмент, который позволит всем участникам спортивной отрасли, от профессиональных спортсменов до любителей, получать доступ к необходимой информации, взаимодействовать друг с другом и управлять спортивными процессами более эффективно. Единая цифровая среда позволит автоматизировать многие рутинные операции, оптимизировать процессы управления спортивными объектами и мероприятиями, а также повысить прозрачность и доступность информации о спортивных достижениях российских спортсменов. Кроме того, создание единой цифровой платформы будет способствовать развитию новых цифровых сервисов и продуктов, которые сделают занятия спортом более привлекательными и доступными для широких слоев населения. Цифровая трансформация сферы физической культуры и спорта является одним из ключевых направлений развития российской экономики и общества в целом [4].

Таким образом, в рамках цифровой трансформации сферы физической культуры и спорта в России каждый ребенок, желающий заниматься спортом в организованных группах или спортивных секциях, будет обязан создать персональный каби-

нет на едином государственном портале услуг. Для этого потребуется предоставить свой индивидуальный номер страхового пенсионного страхования (СНИЛС) и дать согласие на формирование электронного спортивного паспорта в Федеральной государственной информационной системе «Физкультура и спорт». Этот электронный спортивный паспорт будет представлять собой персонализированный цифровой профиль спортсмена, содержащий исчерпывающую информацию о ребенке, включая его антропометрические данные, историю занятий спортом, результаты соревнований, медицинские справки и другие сведения, необходимые для организации эффективного тренировочного процесса и обеспечения безопасности юных спортсменов. Внедрение электронных спортивных паспортов для детей позволит создать единую цифровую среду в сфере детского спорта, обеспечивающую прозрачность и доступность информации о каждом юном спортсмене, а также упростить процедуры регистрации, учета и контроля за спортивной деятельностью детей. Подобный подход уже давно применяется в профессиональном спорте для взрослых спортсменов и позволяет оптимизировать процессы управления спортивной карьерой, повысить эффективность тренировочного процесса и обеспечить равные возможности для всех спортсменов [4, с. 12–15].

Даже для сдачи обычных нормативов ГТО ребенку придется заполнить подробную анкету со всеми личными данными, создавая таким образом цифровой профиль спортсмена. Система будет оценивать этот профиль на основе результатов нормативов, присваивая ребенку метку «перспективный» или «неперспективный». Это означает, что с самого детства каждый ребенок будет оставлять цифровой след в спортивной системе, который может повлиять на его дальнейшее спортивное будущее.

С одной стороны, создание цифрового портфолио может дать ребенку определенные преимущества в будущем. С другой стороны, система оценки, где неудачные попытки остаются навсегда зафиксированными, может привести к психологическому давлению и формированию негативного образа себя у ребенка. Если такие проблемы будут возникать у детей с самого раннего возраста, это может привести к серьезным социальным последствиям в будущем, поскольку общество будет состоять из людей, выросших в условиях постоянной оценки и сравнения.

Таким образом, введение цифровой оценки поведения приведет к глубоким изменениям в жизни людей и традициях российского общества. В стремлении повысить социальный рейтинг, все более привлекательными становятся технологии, такие как генетическое редактирование, которые обещают улучшить умственные и физические способности человека.

Впервые технологию генетического редактирования человека применили в 2016 г., что вызвало широкий общественный резонанс. Подробнее эффект внедрения был рассмотрен учеными России еще в 2019 г. [4]. Важно отметить, что использование генетического редактирования может привести к серьезным этическим вопросам и обострить социальные конфликты. Роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» ярко иллюстрирует потенциальные опасности подобных технологий, описывая общество, где людей выращивают в пробирках и программируют на выполнение определенных социальных функций [9].

Уже в 1984 г. Джонатан Гловер в своей книге исследовал потенциал генетики и других технологий для создания более прозрачного общества. А в 2004 г. Джеймс Хьюз предложил идею «демократического трансгуманизма», сочетающую в себе развитие технологий, позволяющих людям модифицировать свое тело, с принципами социальной справедливости и демократии.

Заключение

Таким образом, внедрение цифрового профилирования в современную жизнь, особенно с использованием новейших технологий (нано, био, информационных и когнитивных), может привести к серьезным изменениям в обществе. Эти изменения могут быть как положительными, так и отрицательными, поскольку технологии могут быть использованы как для улучшения жизни людей, так и для манипулирования их поведением и создания новых форм социального контроля [10, с. 302–317]. Они позволят: 1) выявить основные тенденции развития цифровых технологий, такие как рост объемов данных, развитие искусственного интеллекта, интернета вещей, блокчейна и других инновационных технологий; 2) определить ключевые направления цифровизации, включая государственную поддержку, развитие инфраструктуры, инвестиции в человеческий капитал, инновационную экосистему; 3) идентифицировать основные барьеры цифровизации, такие как неравенство доступа к цифровым технологиям, киберугрозы, дефицит квалифицированных кадров, этические проблемы; 4) сравнить модели цифрового развития разных государств, выявить их сильные и слабые стороны; 5) определить наиболее перспективные направления развития цифровых технологий, такие как развитие умных городов, цифровое здравоохранение, электронное правительство, цифровая экономика; 6) оценить влияние цифровизации на различные аспекты жизни общества, включая экономический рост, социальное равенство, демократию, безопасность.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки национальных стратегий цифрового развития, оценки эффективности государственных программ в сфере цифровизации, а также для принятия управленческих решений на уровне организаций и предприятий.

Пристатейный библиографический список

1. Как работает система социального доверия в Китае // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5225841 (дата обращения: 15.09.2024).

2. Указ Президента РФ от 18 сентября 2023 г. № 695 «О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий» // Российская газета. 2023. 20 сент. № 211.

3. *Дризе Д.* Перспективы у «Мы» самые радужные // Коммерсант : сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6254083 (дата обращения: 15.09.2024).

4. *Степанов О.А.* Перспективы развития общества в условиях цифровой трансформации // Современное право. 2024. № 5.

5. Китайский социальный рейтинг: как это работает? // fishki.net : сайт. URL: https://fishki.net/4395849-kitajskij-socialynyj-rejting-kak-jeto-rabotaet.html (дата обращения: 15.09.2024).

6. *Егоров Г. Г.* Нормативно-правовой оборот цифровых прав в России // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. II Международ. науч.-практич. конф., г. Казань, 22 сентября 2023 г. : в 6 т. Т. 1 / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило [и др.]. Казань, 2023.

7. *Ларина Е., Овчинский В.* Китайская система социального кредита – традиции и технологии // Изборский клуб : сайт. URL: https://izborsk-club.ru/17650 (дата обращения: 18.09.2024).

8. За хорошее поведение – пряник. На Камчатке ввели систему социальных баллов // Накануне : сайт. URL: https://www.nakanune.ru/news/2023/10/13/22740921 (дата обращения: 15.09.2024).

9. *Бостром Н.* История трансгуманистической мысли // Телетайп : сайт. URL: https://teletype.in/@accelrnd/nick-bostrom-history (дата обращения: 15.09.2024).

10. *Егоров Г. Г., Вайнштейн Н. А.* Использование систем искусственного интеллекта в комплексах антикоррупционного контроля // Славянский форум. 2024. № 2 (44).

References

1. How the Social Trust System Works in China. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5225841 (date of the application: 15.09.2024). (In Russ.)

2. Decree of the President of the Russian Federation of September 18, 2023 No. 695 "On the Presentation of Information Contained in Identity Documents of a Citizen of the Russian Federation Using Information Technology". *Rossiiskaia Gazeta*, September 20, 2023, no. 211. (In Russ.)

3. *Driese D.* The Prospects for "We" Are the Most Rosy. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6254083 (date of the application: 15.09.2024). (In Russ.)

4. *Stepanov O. A.* Prospects for the Development of Society in the Context of Digital Transformation. *Modern Law*, 2024, no. 5. (In Russ.)

5. Chinese Social Rating: How Does It Work? URL: https://fishki.net/4395849-kitajskij-socialynyj-rejting-kak-jeto-rabotaet.html (date of the application: 15.09.2024). (In Russ.)

6. *Egorov G. G.* Regulatory and Legal Turnover of Digital Rights in Russia. In *Begishev I. R., Gromova E. A., Zaloilo M. V. (eds.).* Digital Technologies and Law: Collection of Scientific Papers in the II International. Scientific and Practical Conference, Kazan, September 22, 2023. In 6 vols. Vol. 1. Kazan, 2023. 356 p. (In Russ.)

7. *Larina E., Ovchinskii V.* The Chinese Social Credit System – Traditions and Technologies. URL: https://izborsk-club.ru/17650 (date of the application: 18.09.2024). (In Russ.)

8. For Good Behavior – A Carrot. Kamchatka Introduced a Social Points System. URL: https://www.nakanune.ru/news/2023/10/13/22740921 (date of the application: 15.09.2024). (In Russ.)

9. *Bostrom N.* History of Transhumanist Thought. URL: https://teletype.in/@accelrnd/nick-bostrom-history (date of the application: 15.09.2024). (In Russ.)

10. *Egorov G. G., Weinstein N. A.* The Use of Artificial Intelligence Systems in Anti-Corruption Control Complexes. *The Slavic Forum*, 2024, no. 2. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Г. Г. Егоров – кандидат юридических наук, доцент.

Information about authors:
G. G. Egorov – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.
The article was submitted to the editorial office 02.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 347
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-119-128

РЕГУЛИРОВАНИЕ УСКОРЕННЫХ И УПРОЩЕННЫХ ФОРМ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ В ТРЕТЕЙСКОМ СУДЕ

Мария Алексеевна Морозова

Министерство юстиции РФ, 119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1

mma032@yandex.ru

Аннотация

Варианты ускорения и упрощения процесса без потери процессуальных гарантий всегда интересовали ученых. В статье рассматриваются вопросы ускоренных и упрощенных форм рассмотрения споров в третейских судах. В связи с тем, что в большинстве регламентов данные процедуры выражены общими нормами, появляется место для вопросов, на которые наука ищет ответы. В статье исследуется проблема баланса интересов между сторонами, которые выбрали путь разрешения спора посредством частной юрисдикции, и арбитрами, которые должны учитывать сложность дела. При написании применялись такие методы, как анализ, сравнение, обобщение данных. Автор приходит к выводу, что разрешение спора должно в равной степени отвечать интересам арбитража и сторон.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж; третейское разбирательство; ускоренный арбитраж; упрощенный арбитраж; упрощенное производство; баланс интересов; стороны.

Для цитирования: *Морозова М. А.* Регулирование ускоренных и упрощенных форм рассмотрения споров в третейском суде // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 119–128. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-119-128

Research Article

REGULATION OF ACCELERATED AND SIMPLIFIED FORMS OF DISPUTE RESOLUTION IN ARBITRATION

Maria A. Morozova

Ministry of Justice of the Russian Federation, 14, Bldg. 1 Zhitnaia St., Moscow, 119991, Russia

mma032@yandex.ru

Abstract

The possibility of accelerating and simplifying the process without losing procedural guarantees has always interested scientists. The article examines the issues of accelerated and simplified forms of dispute resolution in arbitration. Due to the fact that arbitration procedure in most Rules is regulated by common norms, there is time for questions to which science seeks answers. The article raises the question of the balance of interests between the parties who have chosen to solve the dispute through private jurisdiction and arbitrators who must match the complexity of the case. The research methodology includes analysis, comparison, generalization of data. The author comes to the conclusion the resolution of the dispute should equally respect the interests of the arbitration and the parties.

Keywords: international commercial arbitration; arbitration proceedings; accelerated arbitration; simplified arbitration; simplified proceedings; balance of interests; parties.

For citation: *Morozova M. A.* Regulation of Accelerated and Simplified Forms of Dispute Resolution in Arbitration. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 119–128. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-119-128

Введение

Участники гражданского оборота вольны самостоятельно выбирать, какой способ разрешения спора для них актуален. Свобода упомянутых субъектов основана на возможности использования как государственной, так и частной юрисдикции [1, с. 219].

С каждым годом интерес к альтернативным способам рассмотрения и разрешения споров в нашей стране и за рубежом растет. Процедура рассмотрения споров в третейских судах, как и институт арбитража в целом, вызывает множество дискуссий, различных предложений по ее совершенствованию, в том числе с развитием и использованием ускоренных и упрощенных процедур.

В работе ставится цель определения значения и необходимости совершенствования ускоренных и упрощенных форм рассмотрения споров в третейских судах. Для достижения указанной цели необходимо выполнить следующие задачи: сформировать понятие ускоренных и упрощенных форм рассмотрения дел в арбитражах, а также определить возможность влияния таких процедур на интересы сторон и самого третейского суда.

1. Природа ускоренных и упрощенных форм рассмотрения споров в третейских судах

Арбитраж долгое время рассматривался лишь как альтернативная возможность разрешения коммерческих споров более понятным и быстрым способом. По прошествии времени третейское разбирательство все больше стало включать в себя усложнение материально-правовых отношений. Другими словами, сейчас арбитраж, наоборот, стал востребованным в наиболее сложных делах [2, с. 42]. Возрастающая нагрузка в судах, с которой, в том числе стараются бороться ученые, предлагая различные способы ускорения, упрощения процесса, стала одной из причин столь активного использования арбитража в современных реалиях.

Более того, зачастую высокая нагрузка на суды влечет за собой увеличение временных сроков рассмотрения и разрешения дел, что постепенно заставило искать «обходные пути», в которых будет возможность частично избегать формальности в процедурах и добавить процессу гибкости.

Арбитраж подтверждал свою эффективность, вызывал интерес и становился более актуальным и приемлемым для сложных споров также благодаря возможности сторон самостоятельно избирать арбитров, зафиксировав это в арбитражном соглашении или оговорке.

Думается, что все это в совокупности дает третейскому разбирательству как альтернативному способу разрешения споров возможность составить конкуренцию государственным судам, позволяет арбитражу развиваться, популяризироваться и подтверждать свою актуальность и необходимость совершенствования и изучения.

Под ускоренными и упрощенными процедурами в третейском разбирательстве в целом следует понимать процедуры, предоставляющие возможность третейскому суду и сторонам разрешать спор посредством использования более быстрых и менее затратных процессуальных действий.

Ускоренные формы подразумевают, в том числе сокращение сроков слушаний или третейского разбирательства. Упрощенные формы включают в себя, например, отсутствие устного слушания, установление особых правил избрания (назначения) состава третейского суда, ограничения по цене иска, использование только письменных доказательств, освобождение состава арбитража от необходимости подготовки мотивированного решения.

Важно отметить, что использование ускоренного арбитража не должно влиять на качество выносимого решения. Требования к его законности и обоснованности остаются такими же, как и при вынесении решения в рамках обычной процедуры.

В науке присутствует мнение, что благодаря упрощению как способу оптимизации процессуальной деятельности должно быть возможным получение результата с наименьшими потерями. Какое бы ни подразумевалось упрощение процесса, необходимо продумывать его гибкое и сбалансированное регулирование [3, с. 11].

Итак, упрощенные и ускоренные формы третейского разбирательства – это процессуальные действия в третейском суде, направленные на упрощение и сокращение процесса за счет определенных процессуальных действий, отвечающие интересам участников процесса, и негативно не влияющие на законность и обоснованность вынесенного решения.

Правосудие осуществляется исключительно государственным судом. В связи с этим именовать третейское разбирательство правосудием не предоставляется возможным. Тем не менее существует множество схожих аспектов между упрощенным производством в судах и упрощенных и ускоренных процедурах в арбитражах.

Думается, разрешение спора в государственных судах (в том числе в рамках ускоренной процедуры) и арбитражах (включая ускоренные и упрощенные процедуры) направлено на одну общую цель – вынесение справедливого, законного и обоснованного решения, защищающего или восстанавливающего права и свободы субъекта. Вместе с тем специфика арбитража заключается в том числе в разрешении сложных коммерческих споров, предполагающих субъектов, осознанно выбирающих данный альтернативный способ урегулирования.

Практическое же использование институтов привело их к разным задачам.

Упрощенное производство в судах в идеале должно способствовать облегчению доступа к правосудию и своевременному разрешению спора.

Ускоренная и упрощенная процедуры в третейском суде имеют дело с теми же субъектами, что и государственные суды. Вместе с тем можно отметить, что его восприятие в арбитражах несколько иное, что придает ему определенную специфику. Ускоренная и упрощенная процедуры в третейских судах в первую очередь нацелены на разрешение спора с минимальными финансовыми и временными (насколько это возможно) потерями. Предполагаем, что частная природа третейского разбирательства, в отличие от государственных судов, не закладывает социальных функций, а направлено исключительно на интересы сторон, избравших данную альтернативную процедуру.

Так, например, Д. И. Крымский поднимает вопрос сущности упрощенного производства, которая, по мнению автора, должна быть применима к основному массиву типичных повседневных дел [4, с. 33].

Вместе с тем ускоренные и упрощенные процедуры в арбитраже не могут взять на себя такой функции, так как частная юрисдикция не ставит перед собой цели справиться с большим объемом дел, а скорее идет навстречу сторонам, избравшим более быстрый и простой порядок разрешения своего спора.

Ускоренные и упрощенные формы в арбитраже, как правило, включают в себя рассмотрение дела исключительно на основе письменных доказательств, отсутствие проведения устного слушания, рассмотрение дела только одним арбитром вместо трех, а также установление определенной суммы иска, в рамках которой осуществляются указанные процедуры.

Вместе с тем регулирование упрощенного арбитража раскрыто не так детально. В связи с этим оценить данный институт представляется возможным с нескольких ракурсов. Оценка может быть как позитивной, так и негативной.

Позитивный взгляд на ускоренные и упрощенные формы в арбитраже проявляется в признании высокого уровня диспозитивности, дающего возможность осуществлять арбитраж таким, каким он будет считаться надлежащим, в том числе в отношении определения допустимости, относимости и значимости любого доказательства [5, с. 338].

Негативная оценка также связана с высоким уровнем диспозитивных норм в третейском разбирательстве, а именно с возможностью их интерпретации в сторону заинтересованной стороны. Другими словами, опираясь на негативную трактовку, следует отметить, что оценочные понятия могут также отрицательно влиять на процесс [6, с. 24].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что при использовании ускоренных и упрощенных форм рассмотрения споров в арбитраже необходимо соблюдение баланса интересов как сторон, так и третейского суда. Соблюдение интересов сторон при подобном разбирательстве заключается в вынесении законного и обоснованного решения в установленные сроки. Интересы третейского суда, арбитра в частности, заключаются в сохранении его репутации, сложившейся за счет высокого профессионализма и качества вынесенных решений.

2. Поиск баланса интересов при рассмотрении споров в упрощенных и ускоренных формах в третейских судах

Правоприменитель должен следить за установлением истины по делу, особенно в процессе, который основывается лишь на предоставлении суду письменных доказательств. В науке ставятся вопросы о вероятности упущения из виду обстоятельств, имеющих значение для дела, влияния на права третьих лиц. Таким образом, подчеркивается, что упрощенные процедуры не предоставляют права суду бездействовать и переложить всю деятельность на стороны [3, с. 11].

Другими словами, и судьи в государственных судах, и арбитры в третейских судах, несмотря на активность сторон и упрощение процесса за счет соответствующих процедур, также ответственны за вынесение законного и обоснованного решения, в том числе в целях сохранения репутации, сложившейся за счет профессионализма и качества вынесенных судебных актов.

Ускоренная процедура должна отвечать требованиям не только по вынесению такого же качественного рассмотрения и разрешения спора как это подразумевается в обычном процессе арбитража, но также стремиться к соблюдению баланса интересов между сторонами и третейским судом.

Обращаясь, например, к п. 4 ст. 1 Приложения по ускоренной процедуре Суда при Международной торговой палате следует отметить, что суд может в любой момент арбитражного разбирательства по собственной инициативе или по запросу стороны и после консультации, в том числе со сторонами принять решение о том, что Положения об ускоренной процедуре больше не применяются к данному делу. При таких обстоятельствах состав арбитров остается неизменным, если Суд не сочтет целесообразным изменить его [7].

Исходя из буквального толкования нормы можно отметить, что у третейского суда есть полномочие по собственной инициативе решить отказаться от применения ускоренных, упрощенных форм при рассмотрении дела.

В ст. 2 Приложения по ускоренной процедуре Суда при Международной торговой палате суд вправе императивно назначить единоличного арбитра, несмотря на любые спорные положения арбитражного соглашения [7].

Обращаясь к опыту Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии, стоит отметить, что в ст. 59 (гл. 4) установлена возможность применения упрощенной (ускоренной) процедуры при наличии соглашения сторон, а также в случае заявления одной стороны и письменного согласия другой [8].

Анализируя представленный опыт, можно сделать вывод, что нормы, которыми регулируются упрощенные процедуры в Китайской международной арбитражной комиссии, в большей степени направлены на интересы сторон, так как не представляют третейскому суду возможностей поставить под сомнение рассмотрение дела именно в таком порядке.

Тем не менее суд может решить, что изменение процедуры необходимо из-за появившейся сложности дела. Согласно ст. 66 Правил Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии изменение иска или подача встречного иска не влияют на проведение упрощенной процедуры. Если сумма спора по измененному иску или встречному иску превышает 5 млн юаней, упрощенная процедура продолжает применяться, за исключением случаев, если стороны или третейский суд не решили, что изменение процедуры является необходимым [8].

Говоря об интересах сторон, стоит отметить, что в научной литературе зачастую обсуждается вопрос о соответствии упрощенных процедур цели упрощения как таковой. Разумеется, стоит напомнить, что предметом данного анализа выступают упрощенные и ускоренные процедуры в третейских судах, тем не менее их правовая природа в большинстве аспектов схожа с упрощенными процедурами в государственных судах. Так, например, Г. А. Жилин настаивает на необходимости проведения подобных изменений лишь при наличии возможности обеспечения эффективной судебной защиты. Упрощение производства самого как такового должно быть также важной задачей, но второстепенной [9, с. 15].

Таким образом, Положение об ускоренной процедуре Суда при Международной торговой палате представляется ориентированным в большей степени на интересы третейского суда и арбитров. Нормы Китайской международной арбитражной комиссии по вопросам применения упрощенной процедуры более склонны к учету интересов сторон, чем самого третейского суда.

Представляется, что в данных регламентах не удалось выявить баланса интересов, который бы в равной степени был актуален как для сторон, так и для арбитража.

Если обратиться к Правилам Гонконгского международного арбитражного центра (ст. 42), то по запросу третейского суда или стороны в споре, а также после консультации со сторонами и арбитрами, принимая во внимание все возникшие обстоятельства при рассмотрении дела, у третейского суда есть возможность отменить ускоренную процедуру. Состав арбитров остается прежним, если нет оснований для его изменения [10].

Более того, опыт Гонконгского международного арбитражного центра свидетельствует о возможности ведения дела в рамках упрощенной (ускоренной) процедуры как тремя арбитрами, так и одним. Согласно Правилам данного арбитражного учреждения дело передается единоличному арбитру, если арбитражным соглашением (арбитражной оговоркой) не предусмотрено рассмотрение дела составом из трех арбитров. В случае если арбитражное соглашение (арбитражная оговорка) предусматривает рассмотрение спора в третейском суде составом из трех арбитров, арбитражное учреждение должно предложить сторонам договориться о передаче дела единоличному арбитру. В случае если стороны настаивают на правилах, зафиксированных в арбитражном соглашении (арбитражной оговорке) – о рассмотрении дела тремя арбитрами, то дело будет рассматриваться в том составе, на котором настаивают стороны.

В рамках Правил Гонконгского международного арбитражного центра сроки, установленные третейским судом, могут быть сокращены по его инициативе. Арбитры рассматривают дело только на основании письменных доказательств, если не будет установлена необходимость проведения одного или нескольких заседаний.

Третейский суд может изложить основания, повлиявшие на принятие того или иного решения в сокращенной форме, если стороны не договорились об отсутствии необходимости в указании мотивов принятого решения [10].

Опыт упрощенных процедур рассмотрения споров в Гонконгском международном арбитражном центре в большей степени показывает возможность создания баланса интересов, который относится как к сторонам, так и к арбитражу. С одной стороны, у арбитра есть возможность в процессе отменить действие правил ускоренной процедуры. С другой стороны, даже при требовании рассмотрения спора в указанном порядке единоличным арбитром у сторон есть возможность отойти от этого правила и заявить о желании рассмотрения спора составом из трех арбитров.

Таким образом, можно сделать вывод, что все исследуемые арбитражные учреждения объединяет возможность проведения ускоренных и упрощенных процедур. Возможность их использования предоставляется сторонам везде, но в каждом имеет свои тонкости и особенности реализации.

Суд при Международной торговой палате вводит и использует ускоренные и упрощенные процедуры, но в первую очередь учитывает свои интересы и интересы своих арбитров. Китайская международная арбитражная комиссия в большей степени учитывает интересы сторон и предоставляет для них больше возможностей. Золотой серединой между ними стал Гонконгский международный арбитражный центр, который учитывает интересы как самого арбитражного учреждения, так и сторон.

С правовой точки зрения достижение оптимального баланса интересов во всех арбитражных учреждениях на одном уровне является непростой задачей, так как каждый третейских суд руководствуется своими правилами. Зачастую арбитражи находятся в разных государствах и подчиняются разным юрисдикциям.

Вместе с тем активное использование упрощенных и ускоренных форм третейскими судами с согласия или по инициативе сторон должно в полной мере от-

ражать необходимость учета интересов как сторон, так и арбитражей. Большие возможности для сторон в ускоренных и упрощенных процедурах будут способствовать еще большему развитию и использованию третейских судов.

Заключение

Таким образом, ускоренные и упрощенные процедуры рассмотрения споров в арбитраже направлены, конечно же, на более быстрое и простое рассмотрение дела и вынесение решения. Стороны заинтересованы в использовании их в процессе, что показывает необходимость их дальнейшего развития и анализа. Более того, данная «скорость» не должна достигаться за счет качества и менее внимательного рассмотрения дела даже в случаях, когда спор подходит под формальные критерии.

Сложность и специфичность арбитража как альтернативного способа урегулирования споров заключается в невозможности создания единой системы правил, которые возможно было бы внедрить во все арбитражные учреждения за счет его частной, а не государственной природы. Вместе с тем это делает его еще более интересным для исследования.

В связи с этим при выборе арбитражного учреждения сторонам предлагается учитывать необходимость использования в будущем ускоренных и упрощенных форм при разрешении дела, подходить к этому вопросу, в том числе с учетом своих интересов в том или ином третейском суде в большей или меньшей степени.

Между третейским судом и сторонами должен существовать баланс интересов, который в равной степени учитывает все составляющие судебного разбирательства. Ведь совсем не случайно Н. А. Громошиной было сформировано правило для таких процедур, согласно которому упрощать явление можно в любых объемах, но при непременном сохранении сущности этого упрощаемого явления [11, с. 770].

Пристатейный библиографический список

1. *Курочкин С. А.* Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж как формы частного правоприменения // Правоприменение. 2017. № 2.

2. *Константинов А. А.* Взаимодействие состава арбитража со сторонами при ускоренном порядке разрешения споров в международном коммерческом арбитраже // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7.

3. *Зарубина М. Н.* Оправданные и неоправданные риски упрощения гражданской процессуальной формы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 1.

4. *Крымский Д. И.* Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

5. Альтернативное разрешение споров : учебник / под ред. Е. А. Борисовой. М. : Городец, 2019.

6. *Балашова И. Н.* Актуальные вопросы процедуры третейского разбирательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 4.

7. Арбитражный регламент Суда при Международной торговой палате // International Chamber of Commerce : сайт. URL: https://iccwbo.org/dispute-resolution/

dispute-resolution-services/arbitration/rules-procedure/2021-arbitration-rules/#block-accordion-72 (дата обращения: 04.06.2024).

8. Регламент Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии // China International Economic and Trade Arbitration Commission : сайт. URL: http://www.cietac.org/index.php?m=Page&a=index&id=531&l=en (дата обращения: 02.06.2024).

9. *Жилин Г. А.* Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000.

10. Правила Гонконгского международного арбитражного центра // The Hong Kong International Arbitration Centre : сайт. URL: https://www.hkiac.org/sites/default/files/ck_filebrowser/2024%20HKIAC%20ADMINISTERED%20ARBITRATION%20RULES%20-%20English.pdf (дата обращения: 09.06.2024).

11. *Громошина Н. А.* О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства // Lex Russica. 2010. № 4.

References

1. *Kurochkin S. A.* Internal and International Commercial Arbitration as a Private Form of Law Enforcement. *Law Enforcement Review*, 2017, no. 2. (In Russ.)

2. *Konstantinov A. A.* Interaction of the Arbitral Tribunal with the Parties in the Expedited Dispute Resolution Procedure in International Commercial Arbitration. *Arbitration and Civil Procedure*, 2021, no. 7. (In Russ.)

3. *Zarubina M. N.* Justified and Unjustified Risks of Simplification of the Civil Procedure Form. *Arbitration and Civil Procedure*, 2023, no. 1. (In Russ.)

4. *Krymskii D. I.* Simplified Proceedings in Civil Procedure of Foreign Countries: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2011. (In Russ.)

5. *Borisova E. A. (ed.).* Alternative Dispute Resolution: Textbook. Moscow: Gorodets, 2019. (In Russ.)

6. *Balashova I. N.* Current Issues of Arbitration Procedure. *Arbitration and Civil Procedure*, 2020, no. 4. (In Russ.)

7. International Chamber of Commerce Rules of Arbitration. URL: https://iccwbo.org/dispute-resolution/dispute-resolution-services/arbitration/rules-procedure/2021-arbitration-rules/#block-accordion-72 (date of the application: 04.06.2024).

8. China International Economic and Trade Arbitration Commission Current Arbitration Rules. URL: http://www.cietac.org/index.php?m=Page&a=index&id=531&l=en (date of the application: 02.06.2024).

9. *Zhilin G. A.* Objectives of Civil Proceedings and Their Implementation in the Court of First Instance: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2000. (In Russ.)

10. The Hong Kong International Arbitration Centre. Administrated Arbitration Rules. URL: https://www.hkiac.org/sites/default/files/ck_filebrowser/2024%20HKIAC%20ADMINISTERED%20ARBITRATION%20RULES%20-%20English.pdf (date of the application: 09.06.2024).

11. *Gromoshina N. A.* On the Procedural Form and Principles of Simplification of Civil Procedure. *Lex Russica*, 2010, no. 7. (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. А. Морозова – главный специалист-эксперт отдела законодательства об образовании, науке и культуре Департамента социального законодательства Минюста России.

Information about the author:

M. A. Morozova – Chief Specialist-Expert, Department of Legislation on Education, Science and Culture, Department of Social Legislation, Ministry of Justice of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 08.10.2024; approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 342.7
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-129-144

ПРЕКРАЩЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА ПО ОСНОВАНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Оксана Владимировна Нардина

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

nardina-oksana@yandex.ru

Аннотация

Гражданство является одним из наиболее значимых элементов правового статуса человека, поэтому его прекращение по инициативе государства должно быть основано на законе, исключать произвольность и предусматривать возможность обжалования. Целью статьи является исследование законодательства зарубежных стран и практики его применения по вопросам утраты гражданства по основаниям, связанным с обеспечением национальной безопасности, в том числе в контексте контртеррористических стратегий. Основным методом исследования является сравнительно-правовой. Используя его, автор сравнивает законодательство отдельных европейских стран с международными стандартами в области прав человека и приходит к выводу о наличии в национальном законодательстве Великобритании, Германии, Франции и других стран дискриминационных норм, отсутствии правовых гарантий и эффективных средств правовой защиты. Кроме того, представляет интерес рассмотренная автором практика Европейского суда по правам человека, которая в вопросах прекращения гражданства в связи с обеспечением антитеррористической безопасности является политизированной и противоречивой.

Ключевые слова: прекращение гражданства; состояние безгражданства; двойное гражданство; обеспечение безопасности; противодействие и борьба с терроризмом; права человека.

Для цитирования: *Нардина О. В.* Прекращение гражданства по основаниям, связанным с обеспечением национальной безопасности, на примере отдельных зарубежных стран // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 129–144. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-129-144

Research Article

TERMINATION OF CITIZENSHIP ON GROUNDS RELATED TO ENSURING NATIONAL SECURITY ON THE EXAMPLE OF CERTAIN FOREIGN COUNTRIES

Oksana V. Nardina

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

nardina-oksana@yandex.ru

Abstract

Citizenship is one of the most significant elements of a person's legal status, therefore, its termination on the initiative of the State should be based on the law, exclude arbitrariness and provide for the possibility of appeal. The purpose of the article is to study the legislation of foreign countries and the practice of its application on issues of loss of citizenship on grounds related to ensuring national security, including in the context of counter-terrorism strategies. The main method of research is comparative law. Using it, the author compares the legislation of individual European countries with international human rights standards and comes to the conclusion that there are discriminatory norms in the national legislation of Great Britain, Germany, France and other countries, the lack of legal guarantees and effective remedies. In addition, the author is interested in the practice of the European Court of Human Rights, which is politicized and contradictory in matters of termination of citizenship in connection with ensuring anti-terrorist security.

Keywords: termination of citizenship; statelessness; dual citizenship; security; counteraction and fight against terrorism; human rights.

For citation: *Nardina O. V.* Termination of Citizenship on Grounds Related to Ensuring National Security on the Example of Certain Foreign Countries. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 129–144. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-129-144

Введение

Для любого современного суверенного государства характерно установление конституционно-правовых связей с лицами, постоянно проживающими или временно находящимися на его территории. Наиболее прочные связи устанавливаются посредством института гражданства, которые сохраняются и в том случае, «когда гражданин покидает пределы страны» [1, с. 68]. Гражданство, являясь важным элементом конституционно-правового статуса человека, направлено, во-первых, на предоставление государством конкретному лицу комплекса прав и свобод, а также на формирование у гражданина обязанностей публично-правового характера. Во-вторых, гражданство позволяет лицу быть инициативным участником в отношениях с государством: участвовать в его управлении, в отправлении правосудия и др.

В связи с особой значимостью института гражданства каждое государство обязано на законодательном уровне определить положения, детально регламентирующие прекращение и (или) утрату гражданства. В настоящее время вопросы прекращения гражданства по инициативе государства являются особенно актуальными, так как применяются в качестве одного из инструментов борьбы с терроризмом.

1. Международное регулирование отношений, связанных с утратой или лишением гражданства

Значимость гражданства для каждого человека подчеркивается во многих универсальных и региональных международных актах: Всеобщей декларации прав человека (1948), Конвенции о статусе апатридов (1954), Конвенции о сокращении безгражданства (1961), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966), Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека (1995), Европейской конвенции о гражданстве (1997) и др. В ст. 15 Всеобщей декларации прав человека закрепляется два важных взаимодополняющих международных принципа: право каждого иметь гражданство, а также запрет его произвольного лишения. Принципиальность указанных норм заключается в том, что:

во-первых, вопросы предоставления и лишения гражданства решаются на основании норм внутреннего права, учитывая стремление международного сообщества к сокращению безгражданства;

во-вторых, статус гражданина предоставляет лицу возможность реализации более широкого круга прав и свобод;

в-третьих, прекращение гражданства позволяет государству применить к лицу законодательство, существенно ограничивающее его права, в том числе лишение политических, социально-экономических прав, иммиграционные ограничения (запреты на свободный въезд в свою страну, на перемещение или высылку из страны) и др. Поэтому законодательство и практика применения прекращения гражданства должны соответствовать стандартам необходимости, разумности и соразмерности, исключать произвольность, а также предусматривать возможность обжалования таких решений;

в-четвертых, международные средства защиты прав человека предусматривают правовые инструменты, направленные на защиту права на гражданство, в том

числе от произвольного его лишения. При этом под произвольным лишением гражданства ООН понимает:

– произвольное препятствие лицу получить или сохранить гражданство;

– лишение гражданства в результате применения дискриминационного законодательства с целью не предоставления прав, которые могут принадлежать только гражданам;

– результат действий административных органов власти, приводящие к лишению гражданства [2].

В качестве примера массового произвольного лишения гражданства, включающего все перечисленные признаки, можно привести Латвию, которая в соответствии с Законом от 12 апреля 1995 г. «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другой страны» [3] ввела в правовое поле страны новую неизвестную международному праву категорию лиц – «неграждане». Конституционный суд Латвийской Республики в решении от 7 марта 2005 г. по делу № 2004-15-0106, исследуя статус «неграждан», рассматривает его как «особый правовой статус», который не должен рассматриваться «в качестве особой разновидности гражданства» или как состояние «без гражданства» [4]. В настоящее время к «негражданам» относятся 10,4%, или 197,8 тыс. жителей [5]. Предоставление статуса «неграждан» было неоднократно подвергнуто критике ООН [6] и других международных организаций как противоречащее Конвенции о сокращении безгражданства. Указанная Конвенция рассматривается как средство предотвращения и сокращения безгражданства, путем установления правил приобретения гражданства, отказа от гражданства, утраты и лишения гражданства, а также защиты прав апатридов от дискриминации при осуществлении основных прав и свобод.

Несмотря на то что нормы Конвенции направлены на предотвращение безгражданства, в ч. 2 и 3 ст. 8 делается ряд исключений, позволяющих лишать натурализованных лиц единственного гражданства, если оно приобретается в результате сообщения ложных сведений, сокрытия значимых фактов или лицо пренебрегает «обязанностью быть верным» своему государству. Европейская конвенция о гражданстве позволяет лишать единственного гражданства только в случаях обмана при его получении. Все остальные основания лишения гражданства, в соответствии с ч. 3 ст. 7 могут быть применены к лицу, имеющему двойное или множественное гражданство.

Нормы перечисленных международных актов позволяют рассматривать государство как субъект правомочный регламентировать вопросы предоставления и прекращения гражданства при одновременном обязательстве закрепить четкие положения в законодательстве, определяющие:

– соразмерные целям основания прекращения гражданства;

– невозможность его произвольного лишения;

– предотвращение состояния безгражданства, а также

– эффективные средства правовой защиты в отношении неправомерного прекращения гражданства.

2. Прекращение гражданства в связи с совершением действий, причиняющих вред интересам государства

Исследование международных норм и законодательства различных европейских стран позволяет определить и перечислить наиболее распространенные случаи прекращения гражданства:

– добровольное прекращение гражданства и (или) приобретение гражданства другого государства (Австрия, Греция, Нидерланды и др.);

– предоставление недостоверной информации, ложных сведений, обман в процессе приобретения гражданства (Бельгия, Венгрия, Германия, Грузия, Испания и др.);

– действия, причиняющие серьезный вред интересам государства. В эту группу включается в том числе подготовка и совершение лицом террористических актов и иных преступлений против государства (Албания, Великобритания, Венгрия, Кипр, Норвегия, Словения и др.);

– совершение тяжкого уголовного преступления (Кипр, Норвегия, Словения, Турция, Франция и др.);

– вступление в ряды вооруженных сил иностранного государства, диверсионной или террористической группы (Австрия, Германия, Грузия, Франция и др.);

– отказ от службы в вооруженных силах государства (Франция);

– изменение гражданского состояния – в настоящее время встречается редко, так как множество международных актов защищает от дискриминации права женщин и детей, в том числе и в вопросах предоставления, изменения или прекращения гражданства.

В рамках настоящего исследования мы будем рассматривать не все основания прекращения гражданства, предусмотренные законодательством конкретных государств, а только те, которые связаны с действиями, причиняющими серьезный вред интересам государства. Данное основание практически не использовалось законодательством европейских стран после Второй мировой войны, из-за его ассоциации с методами тоталитарных режимов. Однако с 2000-х гг. к нему возвращаются многие страны, такие как Австрия, Албания, Босния и Герцеговина, Бельгия, Великобритания, Дания, Германия, Нидерланды, Норвегия, Румыния и др. [7]. Данная тенденция обусловлена рядом факторов, среди которых С. Манту выделяет либерализацию политики в области получения гражданства. «Упрощение процедуры получения гражданства и двойного гражданства приводит к тому, что национальное гражданство теряет свою исключительность». При этом, упрощение процедуры потери гражданства становится «обратной стороной облегченного получения гражданства» [8, p. 32]. Р. Кингстон говорит о новом способе «концептуализации государственной власти», проявляющимся в отношениях, связанных с обеспечением национальной безопасности, формированием стратегий борьбы с терроризмом [9, p. 29].

Вопросы лишения гражданства были включены в антитеррористическую политику государства по следующим ключевым причинам: во-первых, непосредственно столкнувшись с террористическими атаками, государства стремятся минимизировать количество лиц, потенциально вовлеченных в террористическую деятельность.

Во-вторых, непродуманная европейская миграционная политика привела к потоку переселенцев из стран Африки, Ближнего Востока и Южной Азии, стремящихся к натурализации в благополучных европейских странах, требующих расширения их социальных прав и при этом не желающих социализироваться в обществе их принимающем. Данная категория граждан «откликается» на пропаганду религиозно-экстремистских организаций и вовлекается в террористическую деятельность как непосредственно в европейских странах, так и в конфликтах на территории Ирака, Сирии, Ливии и др.

В-третьих, натурализованные граждане европейских стран, принимавшие активное участие в деятельности террористических организаций по всему миру, возвращаются на «новую родину». Власти их обосновано опасаются и стремятся закрыть им въезд на территорию государства. В этих целях реформируется законодательство, расширяющее полномочия государства в сфере лишения гражданства.

При этом Совет Безопасности ООН, Организация по безопасности и сотрудничестве в Европе отмечают противоречия практики лишения гражданства лиц, причастных к террористической деятельности принципу международного сотрудничества в борьбе с терроризмом. В частности, в Резолюции СБ ООН от 24 сентября 2014 г. № 2178 (2014) отмечается, что государства, лишая боевиков (террористов) гражданства и ограничивая их въезд в страну, не выполняют обязанности по расследованию террористических преступлений и судебному преследованию лиц их совершивших, что приводит к «экспорту рисков» в другие страны [10], позволяя сохранить национальную безопасность в краткосрочной перспективе. Декларация от 5 декабря 2014 г. О роли ОБСЕ в противодействии феномену иностранных боевиков-террористов в контексте выполнения резолюций № 2170 (2014) и № 2178 (2014) СБ ООН призывает передавать правосудию иностранных боевиков-террористов, а также предотвращать их передвижение, используя эффективные меры пограничного контроля [11]. Данная позиция разделяется исследователями в области прав человека. А. Макмиллан отмечает, что «лишение гражданства не должно использоваться в качестве наказания или средства управления рисками национальной безопасности», так как лицо, оказавшееся в состоянии правовой неопределенности «становится уязвимым» – к нему могут быть применены жесткие санкции «со стороны другого государства» [12].

Несмотря на подобные призывы международного сообщества и правозащитников, европейские государства, стремясь обезопасить от террористов в первую очередь свои государства, принимают законы, расширяющие полномочия в сфере принудительного лишения гражданства. В Европе наиболее строгим является законодательство Великобритании. Вопросы приобретения и прекращения гражданства регулируются Законом о гражданстве (1981) [13], нормы которого в результате проведения антитеррористической политики постоянно ужесточаются. Законом о гражданстве, иммиграции и убежища (2002) [14] вносятся изменения, в результате которых конкретные основания лишения гражданства заменяются широкой формулировкой о «нанесении серьезного ущерба жизненным интересам Соединенного Королевства», позволяющая включать в сферу данного основания работу на иностранную разведку, терроризм и его прославление, участие в незакон-

ных вооруженных формированиях, в том числе и террористических. Кроме того, применение указанной нормы расширяется – под ее действие попадают не только натурализованные граждане, но и получившие гражданство по рождению. Однако последние могут его лишиться только в случае наличия у них двойного или множественного гражданства. Наличие указанных норм в законодательстве свидетельствует о дискриминации в вопросах денатурализации. П. Арнелл отмечает, что «способ приобретения гражданства и обладание более чем одним гражданством являются предварительными условиями для лишения, а не риском, который человек представляет для национальной безопасности» [15, p. 398].

После терактов в Лондоне в 2005 г. появляется еще одно основание, в соответствии с которым лишение гражданства должно «способствовать общественному благу». В соответствии с Законом об иммиграции (2014) [16] лишить гражданства за поведение, наносящее серьезный ущерб жизненным интересам Великобритании можно в административном порядке без осуждения за совершение преступления, даже если лицо в результате данного акта станет апатридом (ст. 40 (4A)). При этом жесткая норма формально смягчена: министр внутренних дел должен иметь «разумные основания», чтобы полагать, что человек может стать гражданином другой страны. Формализм указанной нормы заключается в том, что лишение лица гражданства по подозрению в терроризме в одной стране, вряд ли будет способствовать получению им гражданства в другой. Решение министра иностранных дел о лишении гражданства может быть пересмотрено в суде, а в случае лишения гражданства по основаниям, связанным с обеспечением национальной безопасности – в специализированном судебном органе – Специальной иммиграционной апелляционной комиссией. На обжалование законодательством предоставлен 28-дневный срок с момента уведомления лица по последнему известному месту его проживания. Принимая во внимание, что денационализация применяется в том числе и к лицам, находящимся за границей, например, в отношении лиц, находящихся в зонах военных действий, возможность подачи ими апелляции существенно ограничена, так как одновременно с лишением гражданства может быть принято решение, запрещающее им въезд в Великобританию.

Закон Италии о гражданстве (1992) [17] среди оснований лишения гражданства в ст. 12 предусматривает добровольное вступление в армию иностранного государства. В 2018 г. были внесены поправки, включающие в перечень оснований осуждение натурализованного гражданина за совершение преступлений террористического характера. Лишение гражданства является безусловной мерой, возможное состояние безгражданства во внимание не принимается.

Законодательство Германии направлено на соблюдение Конвенции о сокращении безгражданства. Основной закон ФРГ (1949) содержит запрет лишения германского гражданства (ч. 1 ст. 16), однако допускает утрату гражданства как санкцию, только в том случае, если человек «не становится лицом без гражданства» (ч. 2 ст. 16) [18]. Закон о немецком гражданстве (1913) [19] на протяжении достаточно длительного времени предусматривал в ст. 28 (1) возможность утраты гражданства немцем, который без согласия государства поступает на службу в вооруженные силы или иную военизированную организацию иностранного государства.

В 2019 г. ст. 28 Закона о гражданстве была расширена путем добавления еще одного основания – участие на стороне террористических группировок за рубежом. При этом решение о лишении гражданства принимается в административном порядке, судимость за совершение террористических преступлений не требуется, применяется с 2019 г. и обратной силы не имеет.

По данным Федерального управления уголовной полиции Германии более 1050 натурализованных граждан присоединились к террористическим группировкам в Ираке и Сирии, но лишь отдельные из них имеют двойное гражданство и соответственно могут подпасть под действие данного закона [20, p. 342].

Централизованная антитеррористическая политика Франции, проводимая с конца 1990-х годов, включает в свою повестку вопросы лишения гражданства. В 1996 г. после серии взрывов в парижском метро вносятся изменения в ст. 25 Гражданского кодекса [21]. В нее включается норма, позволяющая лишать гражданства в связи с совершением действий, противоречащих фундаментальным интересам нации, в том числе при осуждении за совершение преступлений террористического характера. Гарантиями французского законодательства от произвольного лишения гражданства являются требования:

– предварительного осуждения за совершение преступления;

– мотивированного административного решения о лишении гражданства, с указанием фактических оснований;

– положительного заключения Государственного совета на данный административный акт;

– предоставления возможности судебного обжалования административного акта о лишении гражданства.

Применение процедуры лишения гражданства возможно только в отношении натурализованных граждан, при условии, что это не приведет их к состоянию безгражданства. Следовательно, только лицо, имеющее двойное или множественное гражданство, может в результате совершения террористического преступления подвергнутся лишению гражданства. Наличие дискриминационной составляющей в законодательстве привело к обращениям в Конституционный совет. В решении от 16 июля 1996 г. № 96-377 Конституционный совет отметил, что дифференциация к двум категориям граждан в контексте борьбы с терроризмом оправдана [22]. В решении от 23 января 2015 г. № 2014-439 указывается, что лишение гражданства является санкцией, пропорциональной угрозам, которые присущи террористическому акту [23].

В 2003 г. законодательством устанавливается возможность лишения гражданства за террористические преступления, совершенные за 10 лет до натурализации. В 2006 г. после совершения терактов в Лондоне и Мадриде, государство усиливает контртеррористические полномочия и увеличивает давностный срок до 15 лет, если вменяемые деяния являются актами терроризма или действиями, направленными против фундаментальных интересов нации.

После совершения в 2015 г. в Париже террористического акта правительство выступило с законопроектом, расширяющим применение лишения гражданства за террористические преступления на лиц, получивших французское гражданство

по рождению. Однако данный законопроект был отклонен Комиссией по конституционному законодательству французского парламента. С 1996 г. ст. 25 Гражданского кодекса Франции применялась в отношении лиц, осужденных за совершение террористических преступлений не часто – 16 раз [20, p. 345].

Несмотря на то, что в большинстве стран предусмотрены процедуры лишения гражданства государством, существует ряд европейских стран, в которых прекращение гражданства возможно только при желании самого лица. Такое право закреплено в конституциях Польши, Чехии, Словацкой Республике, а законодательство этих стран не делает никаких исключений.

3. Практика Европейского суда по правам человека по делам о прекращении гражданства в связи с обеспечением национальной безопасности

Несмотря на то что право на гражданство не закрепляется в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), Европейский суд по правам человека достаточно часто рассматривает обращения лиц, связанные с произвольными отказами в приобретении гражданства, неопределенностью законодательства на основании которого прекращалось гражданство, с произвольным прекращением гражданства и др. Данный подход основан на нарушении прав, закрепленных в ст. 8 Конвенции, защищающей частную и семейную жизнь (п. 85 Постановления ЕСПЧ от 21 июня 2016 г. по делу «Рамадан против Мальты» [24]), при котором гражданство является одним из элементов, идентифицирующих лицо (п. 43, 44 Постановления ЕСПЧ от 25 июня 2020 г. по делу «Гумид и другие против Франции» [25]). Т. В. Решетнева считает, что подобные решения Европейского суда «дополняют правовое регулирование вопросов гражданства, осуществляя тем самым косвенную (опосредованную) защиту права индивида на гражданство» [26, с. 228].

В последние годы Европейский суд по правам человека достаточно часто рассматривает дела о лишении гражданства по основаниям, связанным с участием лица в террористической деятельности: «К2 против Соединенного Королевства» [27], «Гумид и другие против Франции», «Усманов против Российской Федерации» [28] «Йохансен против Дании» [29] и др. Исследователи отмечают, что дела, в которых заявителем является лицо, обвиняемое в террористической деятельности, являются противоречивыми. Противоречия возникают «между правами и интересами общества в целом с одной стороны, и правами отдельных граждан – с другой» [30, с. 67].

Для рассмотрения вопроса об обоснованности лишения гражданства Европейский суд по правам человека применяет двухступенчатый подход. Сначала рассматривается вопрос о нарушении прав лица, гражданство которого было прекращено, а затем исследуется решение государства по критерию произвольности. Для этого Суду необходимо установить соответствует ли принимаемое решение законодательству государства, применялись ли необходимые процессуальные гарантии, действовали ли государственные органы при принятии решения добросовестно (п. 50 Решения ЕСПЧ от 7 февраля 2017 г. Дело «К2 против Соединенного Королевства»).

Установив указанные критерии, Европейский суд тем не менее допускает широкую свободу усмотрения государств в вопросах лишения гражданства. Так, при

рассмотрении вопроса о нарушении прав в результате лишения гражданства, Суд учитывал наличие угрозы высылки и (или) безгражданства (п. 49–51 Постановления ЕСПЧ от 25 июня 2020 г. по делу «Гумид и другие против Франции», п. 62, 63 Решения ЕСПЧ от 7 февраля 2017 г. по делу «К2 против Соединенного Королевства»). В п. 49 Постановления ЕСПЧ по делу «Гумид и другие против Франции» указывается, что поскольку решение «о депортации не было принято, последствия лишения гражданства для частной жизни заявителей ограничиваются потерей элемента их идентичности». В отличие от приведенного примера в делах «Усманов против Российской Федерации», «Йохансен против Дании» лишение гражданства сопровождалось решением о высылке. В указанных делах при наличии схожей ситуации принимались противоположные решения, поэтому рассмотрим подробнее позицию Европейского суда, касающуюся выдворения лица из страны.

Европейский суд считает, что выдворение из страны является законной процедурой вследствие того, что «государства имеют право контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев» (п. 65 Решения ЕСПЧ от 7 февраля 2017 г. по делу «К2 против Соединенного Королевства»), при этом решение должно быть законным и соразмерным, а также должны учитываться такие критерии как продолжительность проживания, наличие социальных и семейных связей (п. 55 Постановления ЕСПЧ от 18 октября 2006 г. по делу «Юнер против Нидерландов» [31]).

В деле «Йохансен против Дании» Европейский суд игнорирует вмешательство в семейную и частную жизнь заявителя и его семьи, не учитывает, что заявитель являлся гражданином Дании по рождению, всю жизнь проживал в Дании вместе со своей матерью, братьями и сестрами, имеет сына датчанина. При этом Европейский суд соглашается с позицией Верховного суда Дании, который «тщательно изучил национальный статус заявителя» с точки зрения наличия у него гражданства Туниса и родственников по отцовской линии, проживающих там (п. 8), а также показывает незначительность связи заявителя с Данией, называя его «оседлым мигрантом, который провел свое детство и юность в стране пребывания» (п. 76). Тот факт, что «заявитель получил датское гражданство по рождению, существенно не изменяет и не усугубляет последствий для заявителя» (п. 70), поэтому выдворение данного лица законно.

У заявителя по делу «Усманов против Российской Федерации» ситуация отчасти схожа с предыдущей. Заявитель вместе со своей семьей в упрощенном порядке получил гражданство РФ, длительное время со своей семьей проживал в РФ, имел стабильную работу. После того как выяснилось, что при получении гражданства заявитель указал неполные сведения, его гражданство было прекращено. Европейский суд, исследовав вопросы об аннулировании российского гражданства и выдворении заявителя с территории Российской Федерации, сделал вывод о неправомерности принятого решения. ЕСПЧ отметил, что должностные лица РФ, а также национальные суды при разбирательстве, касающемся запрета на въезд в Россию и административного выдворения, не учли «(i) продолжительность пребывания заявителя в России, (ii) прочность его профессиональных, социальных, культурных и семейных связей со страной, (iii) трудности, которые возникли бы у него и его семьи после выдворения заявителя из России, а также наилучшие интересы и (iv) благополучие его детей» (п. 77).

Благополучие детей в деле «Йохансен против Дании» Европейский суд не учитывает. Так как супруга заявителя приняла ислам, а дети учились в исламской школе, они готовы к тому, чтобы последовать за заявителем в Тунис, несмотря на то, что к этой стране они не имеют никакого отношения (п. 82).

Рассматривая ситуацию с длительностью проживания на территории государства после получения гражданства в деле «Гумид и другие против Франции», Европейский суд заявляет, что административные органы государства приняли решение о лишении гражданства «более чем через десять лет после действий, которые привели их к осуждению», однако объяснение правительства принимает и признает его приемлемой: «после серии крупных нападений государство может усилить свою оценку лояльности и солидарности», существующую между ним и лицами ранее осужденными за тяжкое преступление (п. 45).

В деле «Усманов против Российской Федерации» Суд отмечает чрезмерно формальный подход российской правовой базы, допускающий произвольное вмешательство (п. 70) и оправдывающий «лишение российского гражданства через несколько лет после его получения» (п. 71). Предъявляя завышенные требования к законодательству РФ и практике его применения, ЕСПЧ считает политический контекст действий властей Франции приемлемым: «с учетом обстоятельств этого дела» решение не может считаться произвольным (п. 45). Анализируя данное решение ЕСПЧ, С. Манту отмечает, что центральное место в этом процессе занимают «политические соображения, касающиеся национальной безопасности, а не права человека и международные обязательства в отношении гражданства» [8, p. 36].

Многие исследователи, изучая практику решений Европейского суда по правам человека по категориям дел, связанным с лишением гражданства, отмечают, что Суд безопасность общества и государства от угрозы терроризма ставит выше прав человека на гражданство (п. 66 Решения ЕСПЧ от 7 февраля 2017 г. по делу «К2 против Соединенного Королевства»; п. 50 Постановления ЕСПЧ от 25 июня 2020 г. по делу «Гумид и другие против Франции»). С.И. Хартвиг и М.М. Гердес подчеркивают нежелание Суда вмешиваться в действия государств, связанных с обеспечением национальной безопасности независимо от последствий в отношении прав человека. «Вместо того, чтобы углубляться в детальный анализ конкретных прав, гарантированных Конвенцией, Суд в целом принимает аргументы государств и очень осторожно ставит под сомнение мотивы антитеррористических мер и их конкретное применение» [32]. При этом в деле «Усманов против Российской Федерации» Суд настаивает на необходимости соотношения угроз национальной безопасности и прав гражданина, которому запрещается въезд в страну (п. 57).

Подобная позиция Европейского суда по правам человека выглядит непоследовательно, так как Суд признал, что «аннулирование российского гражданства заявителя имело свое основание в нормах Закона «О гражданстве РФ» и Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства РФ» (п. 66) и свидетельствует о «двойных стандартах», допускающих распространение терроризма в отдельных странах. Принятие подобных политизированных постановлений стало одной из причин решения Российской Федерации о выходе в 2022 г. из состава Совета Европы и из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека.

Заключение

Таким образом, процедура прекращения гражданства в связи с обеспечением национальной безопасности, совершением террористических преступлений или участием в террористической организации присутствует в законодательстве большинства современных европейских стран. Кроме того, наблюдается тенденция, связанная с упрощением проведения данной процедуры для правоприменителя и ее ужесточением в отношении лиц, к которым она применяется.

Государства, стремясь обеспечить антитеррористическую безопасность в пределах своих границ, принимают меры, противоречащие международным обязательствам в области прав человека, принципам правового государства и запрета произвольного лишения гражданства. К их числу относится использование в законодательстве формулировок, позволяющих правоприменителю чрезвычайно широко трактовать основания прекращения гражданства. Например, использование термина «нелояльность по отношению к государству» может обозначать как четко криминализированное поведение – государственная измена, терроризм, так и размытые формулировки – нанесение ущерба интересам страны, поведение, затрагивающее жизненно важные интересы государства и др. Причем, если в законодательстве государства перечислены криминализированные деяния, угрожающие государству, то, как правило, требуется вынесение приговора суда. Если же лишение гражданства связывается с общественными интересами, общественным благом, то в этом случае бывает достаточно административного акта, без судебного решения, подтверждающего участие лица в деятельности террористической организации. Конечно же, процедура обжалования предусмотрена, но воспользоваться ею могут не все. Так, лицу, предположительно вовлеченному в террористическую деятельность, находящемуся за границей, могут отказать во въезде в страну.

В большинстве европейских стран прекращение гражданства по указанным основаниям применяется только к натурализованным гражданам, что может рассматриваться как дискриминация по принципу приобретения гражданства. При этом, несмотря на то, что Европейская конвенция о гражданстве требует нормативного закрепления и практического соблюдения гарантий предотвращения безгражданства, не все государства включают их в свое законодательство или их упоминание носит формальный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Комментарий к Конституции РФ (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : ИНФРА-М, 2021.

2. Права человека и произвольное лишение гражданства: доклад Генерального секретаря ООН от 19 декабря 2013 г. // Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев : сайт. URL: https://www.refworld.org/ru/reference/themreport/unhrc/2013/ru (дата обращения: 20.04.2024).

3. Закон от 12 апреля 1995 г. «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другой страны» // Сейм Латвийской Республики : сайт. URL: http://titania.saeima.lv/LIVS12/saeimalivs1 (дата обращения: 20.04.2024).

4. Решение Конституционного суда Латвийской Республики от 7 марта 2005 г. по делу № 2004-15-0106 // Lietuvos Respublikos Konstitucinis Teismas : сайт. URL: https://lrkt.lt/lt/teismo-aktai/paieska/135/ta146/content (дата обращения: 20.04.2024).

5. Доклад МИД РФ от 8 июля 2021 г. «О ситуации с правами человека в отдельных странах» // МИД РФ : сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/hum (дата обращения: 20.04.2024).

6. Заключительные замечания Комитета по правам человека от 6 ноября 2003 г.: Латвия. CCPR/CO/79/LVA // Верховный комиссар ООН по правам человека : сайт. URL: http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Sy mbol)/CCPR.CO.79.LV (дата обращения: 20.04.2024).

7. Instrumentalsing Citizenship in the Fight Against Terrorism: A Global Comparative Analysis of Legislation on Deprivation of Nationality as a Security Measure // Global Citizenship Observatory : сайт. URL: https://files.institutesi.org/Instrumentalising_Citizenship_Global_Trends_Report (дата обращения: 20.04.2024).

8. *Mantu S.* "Terrorist" Citizens and the Human Right to Nationality // Journal of Contemporary European Studies. 2018. Vol. 26. No. 1.

9. *Kingston R.* The Unmaking of Citizens: Banishment and the Modern Citizenship Regime in France // Citizenship Studies. 2005. Vol. 9. No. 1.

10. Резолюция СБ ООН от 24 сентября 2014 г. № 2178 (2014) // СПС «Гарант».

11. Декларация от 5 декабря 2014 г. «О роли ОБСЕ в противодействии феномену иностранных боевиков-террористов в контексте выполнения резолюций № 2170 (2014) и № 2178 (2014) СБ ООН» // ОБСЕ : сайт. URL: https://www.osce.org/files/f/documents (дата обращения: 20.04.2024).

12. *McMillan A.* A Punishment More Primitive than Torture // International Bar Association : сайт. URL: https://www.ibanet.org/article/0973CA3C (дата обращения: 20.04.2024).

13. British Nationality Act, 1981 (as amended on December 15, 2023) // Правительство Великобритании : сайт. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga (дата обращения: 20.04.2024).

14. Nationality, Immigration and Asylum Act, 2002 // Правительство Великобритании : сайт. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/41/conten (дата обращения: 20.04.2024).

15. *Arnell P.* The Legality of the Citizenship Deprivation of UK Foreign Terrorist Fighters // ERA Forum. 2020. No. 21.

16. Immigration Act, 2014 // Правительство Великобритании : сайт. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/22/contents/enacted (дата обращения: 20.04.2024).

17. Law of 5 February 1992 No. 91 "Nuove norme sulla cittadinanza" // МВД Италии : сайт. URL: https://www1.interno.gov.it/m ininterno/site/it/sezioni/servizi/ol (дата обращения: 20.04.2024).

18. Основной закон ФРГ (принят 23 мая 1949 г.) // Мастерская конституционного дизайна : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=155 (дата обращения: 20.04.2024).

19. Staatsangehörigkeitsgesetz (StAG): verabschiedet am 22 Juli 1913 // Федеральное министерство юстиции : сайт. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stag/BJNR005830913.html (дата обращения: 20.04.2024).

20. *Bolhuis M. P., Wijk J. V.* Citizenship Deprivation as a Counterterrorism Measure in Europe; Possible Follow-Up Scenarios, Human Rights Infringements and the Effect on Counterterrorism In // European Journal of Migration and Law. 2020. No. 3.

21. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) (принят 21 марта 1804 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

22. Décision № 96-377 DC du 16 juillet 1996 // Конституционный совет : сайт. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1996/96377DC.htm (дата обращения: 20.04.2024).

23. Décision № 2014-439 QPC du 23 janvier 2015 // Конституционный совет : сайт. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2015/2014439QPC.htm (дата обращения: 20.04.2024).

24. Постановление ЕСПЧ от 21 июня 2016 г. (жалоба № 76136/12) по делу «Рамадан против Мальты» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2016. № 11.

25. Постановление ЕСПЧ от 25 июня 2020 г. (жалоба № 52273/16 и др.) по делу «Гумид и другие против Франции» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2020. № 11.

26. *Решетнева Т. В.* «Косвенная» защита права на гражданство в практике Европейского Суда по правам человека // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 2 (101).

27. Решение ЕСПЧ от 7 февраля 2017 г. (жалоба № 42387/13) по делу «К2 против Соединенного Королевства» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2017. № 5.

28. Постановление ЕСПЧ от 22 декабря 2020 г. (жалоба № 43936/18) по делу «Усманов против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2021. № 10.

29. Решение ЕСПЧ от 1 февраля 2022 г. (жалоба № 27801/19) по делу «Йохансен против Дании» // Европейский суд по правам человека : сайт. URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 20.04.2024).

30. *Нуссбергер А.* Терроризм и права человека: о правоприменительной практике Европейского Суда по правам человека // Международное правосудие. 2018. № 1 (25).

31. Постановление ЕСПЧ от 18 октября 2006 г. (жалоба № 46410/99) по делу «Юнер против Нидерландов» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2007. № 4.

32. *Hartwig S., Gerdes M. M.* The Permissive Approach of the ECtHR Towards Deprivation of Nationality and Subsequent Expulsion in the Fight Against Terrorism // Verfassungsblog : сайт. URL: https://verfassungsblog.de/anything-goes/ (дата обращения: 20.04.2024).

References

1. *Khabrieva T. Ia. (ed.)*. Commentary to the Constitution of the Russian Federation (Article-by-Article): Taking Into Account the Changes Approved During the All-Russian Vote on July 1, 2020. Moscow: Infra-M, 2021. (In Russ.)

2. Human Rights and Arbitrary Deprivation of Citizenship: Report of the UN Secretary-General of December 19, 2013. URL: https://www.refworld.org/ru/reference/themreport/unhrc/2013/ru (date of the application: 20.04.2024). (In Russ.)

3. Law of April 12, 1995 "On the Status of Citizens of the Former USSR Who Do Not Have Citizenship of Latvia or Another Country". URL: http://titania.saeima.lv/LIVS12/saeimalivs1 (date of the application: 20.04.2024).

4. Decision of the Constitutional Court of the Republic of Latvia of March 7, 2005 in case No. 2004-15-0106. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/e (date of the application: 20.04.2024).

5. Report of the Russian Foreign Ministry of July 8, 2021 "On the Human Rights Situation in Individual Countries". URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/hum (date of the application: 20.04.2024). (In Russ.)

6. Concluding observations of the Human Rights Committee of November 6, 2003: Latvia. CCPR/CO/79/LVA. URL: http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/CCPR.CO.79.LV (date of the application: 20.04.2024). (In Russ.)

7. Instrumentalsing Citizenship in the Fight Against Terrorism: A Global Comparative Analysis of Legislation on Deprivation of Nationality as a Security Measure. URL: https://files.institutesi.org/Instrumental ising_Citizenship_Global_Trends_Report (date of the application: 20.04.2024).

8. *Mantu S.* "Terrorist" Citizens and the Human Right to Nationality. *Journal of Contemporary European Studies,* 2018, vol. 26, no. 1.

9. *Kingston R.* The Unmaking of Citizens: Banishment and the Modern Citizenship Regime in France. *Citizenship Studies*, 2005, vol. 9, no. 1.

10. UN Security Council Resolution No. 2178 (2014) of September 24, 2014. (SPS "Garant"). (In Russ.)

11. Declaration of December 5, 2014 "On the Role of the OSCE in Countering the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in the Context of the Implementation of UN Security Council Resolutions № 2170 (2014) and № 2178 (2014)". URL: https://www.osce.org/files/f/documents (date of the application: 20.04.2024). (In Russ.)

12. *McMillan A.* A Punishment More Primitive than Torture. URL: https://www.ibanet.org/article/0973CA3C (date of the application: 20.04.2024).

13. British Nationality Act, 1981. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpg (date of the application: 20.04.2024).

14. Nationality, Immigration and Asylum Act, 2002. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/41/conten (date of the application: 20.04.2024).

15. *Arnell P.* The Legality of the Citizenship Deprivation of UK Foreign Terrorist Fighters. *ERA Forum,* 2020, no. 21.

16. Immigration Act, 2014. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/22/contents/enacted (date of the application: 20.04.2024).

17. Law of February 5, 1992 No. 91 "Nuove norme sulla cittadinanza". URL: https://www1.interno.gov.it/mininterno/site/it/sezioni/servizi/ol (date of the application: 20.04.2024).

18. Grundgesetz der BRD: am 23. Mai 1949. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=155 (date of the application: 20.04.2024). (In Russ.)

19. Staatsangehörigkeitsgesetz (StAG): verabschiedet am 22 Juli 1913. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stag/BJNR005830913.html (date of the application: 20.04.2024).

20. *Bolhuis M. P., Wijk J. V.* Citizenship Deprivation as a Counterterrorism Measure in Europe; Possible Follow-Up Scenarios, Human Rights Infringements and the Effect on Counterterrorism In. *European Journal of Migration and Law*, 2020, no. 3.

21. Civil Code of France (Napoleon's Code) on March 21, 1804. (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

22. Décision No. 96-377 DC du 16 juillet 1996. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1996/96377DC.htm (date of the application: 20.04.2024).

23. Décision No. 2014-439 QPC du 23 janvier 2015. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2015/2014439QPC.htm (date of the application: 20.04.2024).

24. ECHR Ruling of June 21, 2016 in the case "Ramadan v. Malta" (Application No. 76136/12). *Bulletin of the European Court of Human Rights*, 2016, no. 11. (In Russ.)

25. ECHR Ruling of June 25, 2020 in the case "Gumid and Others v. France" (Application No. 52273/16). *Bulletin of the European Court of Human Rights*, 2020, no. 11. (In Russ.)

26. *Reshetneva T. V.* "Indirect" Protection of the Right to Citizenship in the Practice of the European Court of Human Rights. *Bulletin of Volga State University of V. N. Tatishchev*, 2022, vol. 1, no. 2 (101). (In Russ.)

27. ECHR Ruling of February 7, 2017 in the case "K2 v. the United Kingdom" (Application No. 42387/13). *Bulletin of the European Court of Human Rights*, 2017, no. 5. (In Russ.)

28. ECHR Ruling of December 22, 2020 in the case "Usmanov v. the Russian Federation" (Application No. 43936/18). *Bulletin of the European Court of Human Rights*, 2021, no. 10. (In Russ.)

29. ECHR Ruling of February 1, 2022 in the case "Johansen v. Denmark" (Application No. 27801/19). URL: https://hudoc.echr.coe.int (date of the application: 20.04.2024).

30. *Nussberger A.* Terrorism and Human Rights: On the Law Enforcement Practice of the European Court of Human Rights. *International Justice*, 2018, no. 1 (25). (In Russ.)

31. ECHR Ruling of October 18, 2006 in the case "Juner v. the Netherlands" (Application No. 46410/99). *Bulletin of the European Court of Human Rights*, 2007, no. 4. (In Russ.)

32. *Hartwig S., Gerdes M. M.* The Permissive Approach of the ECtHR Towards Deprivation of Nationality and Subsequent Expulsion in the Fight Against Terrorism. URL: https://verfassungsblog.de/anything-goes/ (date of the application: 20.04.2024).

Сведения об авторе:

О. В. Нардина – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

O. V. Nardina – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 22.06.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 22.04.2024; approved after reviewing 22.06.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Научная статья
УДК 342.733
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-145-154

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЦИФРОВЫМ УГРОЗАМ*

Татьяна Анатольевна Полякова

Институт государства и права Российской академии наук,
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

polyakova_ta@mail.ru

Аннотация

В статье обращено внимание на правовые проблемы, связанные с обеспечением суверенитета Российской Федерации и информационной безопасности, исходя из современных подходов к противодействию новым вызовам и угрозам, в том числе цифровым, на основе результатов научных исследований и разработок междисциплинарного характера, преодоления рисков трансформации в цифровую эпоху. Целью исследования является посредством анализа новых вызовов и угроз сформулировать предложения, направленные на развитие системы правового обеспечения информационной безопасности. Для реализации поставленных задач использованы общенаучные методы (анализа, синтеза), методы индукции и дедукции, сравнительно-правовой метод и метод толкования правовых норм. Акцентировано внимание на рисках в области информационной безопасности, вызванных широким спектром правовых проблем, обоснован вывод о необходимости модернизации и согласованности актов стратегического планирования.

Ключевые слова*:* государственный суверенитет; информационная безопасность; вызовы и риски; цифровые угрозы; правовое обеспечение; искусственный интеллект; идентификация и аутентификация.

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания «Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами» FMUZ-2024-0035.

Для цитирования: *Полякова Т. А.* Правовое обеспечение государственного суверенитета и информационная безопасность: вопросы противодействия цифровым угрозам // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 145–154. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-145-154

Research Article

LEGAL SUPPORT OF STATE SOVEREIGNTY AND INFORMATION SECURITY: ISSUES OF COUNTERING DIGITAL THREATS*

Tatyana A. Polyakova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russia

polyakova_ta@mail.ru

Abstract

The article draws attention to the legal problems associated with ensuring the sovereignty of the Russian Federation and information security on the basis of modern approaches to counter new challenges and threats, including digital ones, based on the results of scientific research and development of interdisciplinary nature, overcoming the risks of transformation in the digital era. The purpose of the study is to analyse new challenges and threats and formulate proposals aimed at developing the system of legal support for information security. In order to realise the set tasks the general scientific methods (analysis, synthesis), induction and deduction, comparative-legal method and method of interpretation of legal norms were used. Attention is focused on the risks in the field of information security caused by a wide range of legal problems, the need for modernisation and consistency of strategic planning acts.

Keywords: state sovereignty; information security; challenges and risks; digital threats; legal support; artificial intelligence; identification and authentication.

For citation: *Polyakova T. A.* Legal Support of State Sovereignty and Information Security: Issues of Countering Digital Threats. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 145–154. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-145-154

* The article was prepared within the framework of the state task "Ensuring Digital Sovereignty and Information Security by Legal Means" FMUZ-2024-0035.

Введение

Активное развитие цифровизации, цифровой трансформации порождает новые информационные вызовы и угрозы, имеющие в значительной степени транснациональный характер. Следует признать, что на динамику роста цифровых угроз влияют изменение миропорядка, усиление применения противоправного воздействия в информационном пространстве на государство, общество и гражданина. Как изменяется сегодня ландшафт угроз информационной безопасности, какие факторы на это влияют и каковы вызовы праву?

1. Новые вызовы и угрозы информационной безопасности

В настоящее время совокупность таких угроз включает уже как крупномасштабные информационные операции, основанные на вмешательстве во внутренние дела государств, так и нарушения их суверенных прав, попытки многофункционального влияния на экономику, особенно при этом привлекают внимание объекты критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ). Особый алармизм вызывает рост угроз деструктивного характера, оказывающих информационно-психологическое воздействие на все стороны жизни общества, государства и каждого гражданина. На это обращалось особое внимание А. А. Смирновым в его научном исследовании [1, с. 40–45]. Обеспокоенность вызывают попытки оказать влияние на молодежь, будущие поколения, а также стремление различными способами разрушить традиционные духовно-нравственные и культурные ценности. Отмечается значительный рост компьютерных атак на российские информационные системы и ресурсы, а также цифровую среду, которая активно используется для пропаганды экстремистами своих идей, вербовки новых участников и стимулирования преступных действий, диверсионно-террористических актов. Угрозами информационной безопасности и соответственно, технологическому суверенитету, является попытки использования недружественными государствами своего технологического доминирования, а также прямых попыток тем самым сдерживания цифрового развития других государств, их технологической зависимости и цензуры в цифровом пространстве. В целях противодействия этим угрозам возрастает роль национального суверенитета (цифрового, научно-технологического и т.д.). Безусловно, тревогу вызывает рост недостоверной информации (фейки), их массовое распространение, особенно опасными являются угрозы распространения в цифровой среде деструктивных молодежных субкультур, а также более чем в два раза увеличение за последние пять лет противоправных деяний в киберпространстве увеличилось более чем вдвое (около 40% и наибольшее среди них количество составляют мошенничества и кражи денежных средств со счетов). Активно используются уже в противоправной деятельности голосовые и звуковые дипфейки, которые используются и в информационном противоборстве, а также ИИ (например, *ChatGPT*) широко уже используются для дезинформации, разжигания вражды, распространения деструктивного контента, написания вредоносного кода и фишинговых электронных писем и т.д. Поэтому, как справедливо отмечается, «динамика и беспрецедентная глубина происходящих преобразований предопределяют необходимость научных исследований

характера угроз собственности, жизни и здоровью человека, функционированию государственных и общественных институтов» [2, с. 32–33].

Угрозы представляет применение технологий ИИ, имеющих информационно-техническое измерение и относящиеся к наукоемким технологиям. Так, уже возможности *ChatGPT* и иных подобных нейросетей используются даже для написания вредоносного кода и фишинговых электронных писем. В рамках настоящей статьи автором не ставилась задача представить полный перечень угроз информационной безопасности, поскольку они постоянно эволюционируют по мере научно-технологического развития. К чему же приводит рост таких угроз? Как минимум к потере доверия в ИКТ-среде, так как использование информационных (цифровых) технологий приводит к колоссальному росту объема цифровых данных, а тем самым обострению рисков, связанных с информационной безопасностью, вызывают сомнения необходимости использования наукоемких (в том числе сквозных и критических) технологий.

Такие вызовы и угрозы, многочисленные риски свидетельствуют о необходимости принятия комплекса мер по усилению организационной, технологической и правовой защищенности при росте цифровизации (это касается идентификации объектов и субъектов в цифровой среде [3, с. 90–100], принятия мер по усилению защиты каналов связи, обеспечению конфиденциальности информации, а также повышению уровня достоверности информации [4, с. 46–50] и знаний в цифровых коммуникациях). Полагаем, в этих условиях стратегической задачей является необходимость повышения роли науки и технологий в обеспечении устойчивого будущего и развитии России, а также ее конкурентоспособности и, соответственно, определения ее положения в мире. На это обращено внимание Президентом РФ в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, в соответствии с которой именно российская наука «в настоящее время служит основой суверенного развития государства, создавая необходимые предпосылки и условия для обоснованного, сбалансированного и эффективного решения всего комплекса стоящих перед Российской Федерацией социальных, экономических, культурных и иных задач, обеспечения безопасности страны и ее значимого вклада в интеллектуальное достояние человечества. Вместе с тем отмечены и негативные тенденции…» [5].

2. Развитие системы международной информационной безопасности

В современных условиях, как справедливо отмечается в научной работе, подготовленной в Институте государства и права Российской академии наук, и это подтверждается активизацией деятельности региональных объединений (БРИКС, ШОС, ОДКБ, СНГ и др.), для эффективного противодействия информационным вызовам сегодня особенно требуется интеграция мировых правовых усилий и организация эффективного международного сотрудничества в области международной информационной безопасности (далее – МИБ) [6]. Учитывая глобальный и трансграничный характер многих информационных угроз, нормы и принципы международного права, безусловно, играют важную роль в обеспечении безопасности в ИКТ-среде, необходима консолидация действий государств для эффективного решения данной проблемы в целях противодействия угрозам в информацион-

ном пространстве, при этом полагаем, как справедливо уже отмечалось, «ключевую роль в механизме обеспечения международной информационной безопасности играет правовое регулирование» [7].

Такая политико-правовая позиция нашла отражение в последовательном продвижении Россией начиная с 1998 г. на площадке ООН инициатив, связанных с обеспечением МИБ, деятельностью групп открытого состава по данным вопросам и т.д. Особо сегодня следует отметить внесение Россией в 2023 г. в ООН нового проекта Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, в основе которой заложен принцип суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела, в том числе для наращивания сил информационной безопасности. Следует также обратить внимание, что в августе 2024 г. – специальным комитетом ООН одобрен проект первой в истории всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях, направленный на укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме. Данному вопросу, безусловно, еще предстоит довольно дискуссионное обсуждение в ООН. Однако его значение как в том, что это по своей сути и содержанию первый универсальный международный договор в области борьбы с информационной преступностью[1], так и в том, что это проект конвенции нового поколения, в который включены вопросы защиты персональных данных и сбора цифровых доказательств. И представляется особенно важным закрепление в данном проекте принципа государственного суверенитета, а это существенно отличает его от вышеназванной Будапештской конвенции (2001 г.). В данном проекте, предложенном Россией, достаточно детально регламентирован порядок международного сотрудничества в сфере борьбы с информационной преступностью (включая киберпреступления, а также вопросы оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам).

В условиях развивающихся в мире дискуссий относительно утраты позиций международного права[2], направленных на его отрицание, отмечается рост международного сотрудничества России в области МИБ в региональных и двусторонних форматах. Предпринимаются последовательные меры по укреплению потенциала многосторонних региональных объединений и интеграционных структур с участием России, включая БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ.

В рамках перечисленных региональных организаций за последние двадцать лет был принят ряд значимых международных правовых актов в области МИБ[3]. Кроме

[1] Как известно, Будапештскую конвенцию о киберпреступности 2001 г. Россия не подписала как нарушающую права суверенных государств и противоречащую интересам суверенных государств (п. 32b).

[2] Сегодня следует отметить, в российском паспорте научных специальностей по праву включено в международное публичное право (5.1.5) такое направление, как международное информационное право.

[3] Среди них следует выделить: Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 г., Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности от 20 ноября 2013 г., Соглашение о сотрудничестве государств – членов ОДКБ в области обеспечения информационной безопасности от 30 ноября 2017 г.

того, принят ряд международных соглашений в области борьбы с отдельными угрозами МИБ: Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г., Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. и др.

Представляется, что наращивание усилий по развитию международно-правовой базы сотрудничества в области МИБ в форматах региональных международных организаций и объединений является одной из наиболее перспективных тенденций, важно дальнейшее развитие двустороннего сотрудничества России в рассматриваемой сфере с конструктивно настроенными дружественными государствами. В настоящее время Россией заключено более 30 межправительственных двусторонних соглашений (с Бразилией, Вьетнамом, Индией, Китаем, Кубой, Туркменистаном и др.).

Несомненно, особое значение в условиях гибридной войны коллективного Запада против России имеет сотрудничество с Республикой Беларусь – нашим стратегическим союзником[1].

3. Противодействие угрозам нового цифрового мира и правовое обеспечение государственного суверенитета России

Способность России успешно противостоять угрозам нового цифрового мира в значительной мере зависит от состояния развития нормативной правовой базы в сфере информационной безопасности, которая определена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. в качестве стратегического национального приоритета. Следует отметить, что с начала XXI – информационного века был принят ряд доктрин информационной безопасности Российской Федерации (как специализированных документов стратегического планирования в данной области), сформирована обширная правовая основа обеспечения информационной безопасности[2].

[1] В 2021 г. в рамках заседания Совета министров Союзного государства были утверждены 28 союзных программ (дорожных карт), направленных на реализацию масштабных задач по укреплению российско-белорусской интеграции, в которых уделено внимание и вопросам информационной безопасности. В частности, одна из программ нацелена на гармонизацию требований в области обеспечения информационной безопасности в финансовой сфере. Важным шагом на пути сотрудничества наших государств в области МИБ стало утверждение в 2023 г. Концепции информационной безопасности Союзного государства Республики Беларусь и России, которая определяет основы для формирования согласованной государственной политики и развития общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности, а также выработки мер по совершенствованию систем обеспечения информационной безопасности государств-участников Договора о создании Союзного государства.

[2] Был принят ряд важнейших законодательных актов, включая федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Постоянно совершенствуется законодательство в области защиты информации ограниченного доступа, включая федеральные законы «О государственной тайне», «О коммерческой тайне», «О персональных данных» и другие. В декабре 2022 г. был принят отдельный Феде-

В рамках последнего законодательного акта в России создана и успешно функционирует государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации. Развивается ведомственное правовое регулирование ФСБ и ФСТЭК России в сфере обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры.

В 2025 г. вступает в силу принятый в 2020 г. Федеральный закон № 168-ФЗ о едином федеральном регистре сведений о населении Российской Федерации и важной задачей является обеспечение надежной защиты информации, содержащейся в нем информации (Больших данных).

В связи с агрессивной санкционной кампанией Запада жизненно важное значение, как уже отмечалось, приобретает государственная политика, направленная на обеспечение технологического суверенитета, что нашло отражение в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (указ от 28 февраля 2024 г. № 145) и о национальных целях развития Российской Федерации на период и на перспективу до 2030 года и на перспективу до 2036 года. И одной из приоритетных национальных целей развития определено технологическое развитие, обеспечить которое должно обеспечение технологического суверенитета государства.

На укрепление национальной информационной безопасности направлен также специальный указ Президента РФ 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» с изменениями, внесенными в июне 2024 г.), которым на руководителей органов исполнительной власти, государственных корпораций (компаний), стратегических предприятий и иных организаций возложена персональная ответственность за обеспечение информационной безопасности и предусмотрено создание специализированного структурного подразделения, по обеспечению ИБ либо возложение данных функций на существующее структурное подразделение. Также важное значение имеют положения об осуществлении мониторинга защищенности информационных ресурсов, принадлежащих таким органам (организациям), порядок которого регламентирован приказом ФСБ России.

Обращает внимание важность закрепления в данном Указе требований (вступают в силу с 1 января 2025 г.) о запрете на использование средств защиты информации, странами происхождения которых являются недружественные иностранные государства, либо находящиеся под их юрисдикцией производители. Эта норма направлена на обеспечение не только импортозамещения, но и технологического суверенитета. Ранее этот запрет был направлен на иностранные сервисы (работ, услуг) по обеспечению ИБ в целях укрепления технологического суверенитета нашей страны в области информационной безопасности.

ральный закон № 527, регулирующий отношения, возникающие при осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных с использованием специализированной государственной информационной системы.

Заключение

В заключение хотелось бы обратить внимание на вопрос необходимости ускорения разработки и утверждения новой национальной Доктрины информационной безопасности как ключевого документа стратегического планирования в рассматриваемой области, поскольку за последние восемь лет с момента ее принятия произошли кардинальные изменения как в области появления и усиления новых вызовов и угроз области обеспечения информационной, так и трансформации в цифровую эпоху рисков цифровой среды, которые должны находиться в фокусе внимания.

Это касается вопросов: неурегулированности юрисдикции при трансграничном информационном обмене; недостаточности международного правового регулирования в направлении обеспечения международной информационной безопасности, включая институты ответственности и соблюдения правил поведения государств в ИКТ-среде и международного сотрудничества; отсутствия единого межнационального подхода к понятийному аппарату и соотношению информационной и кибербезопасности, критериев типологизации правонарушений и механизмов ответственности; а также снижения уровня межгосударственного диалога в данной сфере, и отсутствия дипломатических решений конфликтов, важность повышения уровня доверия в информационной среде с недружественными странами.

Полагаем, на это также должен быть направлен национальный документ стратегического планирования в области информационной безопасности, поэтому так важна его модернизация в современных условиях. В нем должны быть спроецированы задачи в области обеспечения информационной безопасности, связанные с реализацией политики научно-технологического развития России, уже закрепленные в Стратегии, утвержденной указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. Пристального, системного анализа и точного определения требуют приоритетные задачи и векторы правового регулирования отношений, связанных с информационной безопасностью для обеспечения национального суверенитета России в технологической сфере, как способности государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности [5], а также определить особенности безопасного и доверенного использования наиболее востребованных цифровых технологий, включая технологии ИИ.

Полагаем, что в целях укрепления системы информационной безопасности в России в качестве одного из приоритетов необходимо определить развитие с учетом новых научно-технологических подходов национальной системы правовой информации на основе разработки нового Классификатора правовых актов, а также проекта Информационного кодекса РФ, который позволит упорядочить правовое регулирование информационных отношений, в том числе и направленных на обеспечение информационной, цифровой и кибербезопасности, закрепление понятийного аппарата, системы принципов, требований [8–12].

Пристатейный библиографический список

1. *Смирнов А. А.* Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022.

2. Информационные технологии в уголовно-правовой сфере : монография / под ред. А. И. Бастрыкина, А. Н. Савенкова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023.

3. *Наумов В. Б.* Современное правовое регулирование идентификации в России. Трансформация информационного права : монография / отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов. М. : Институт государства и права РАН, 2023.

4. *Петровская О. В.* Принцип достоверности в информационном праве в условиях цифровой трансформации // Мониторинг правоприменения. 2021. № 3.

5. Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

6. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований : монография / под общ. ред. А. Н. Савенкова ; отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев. М. : Институт государства и права РАН, 2020.

7. Трансформация информационного права : монография / отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов. М. : Институт государства и права РАН, 2023.

8. *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В.* Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9.

9. *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В.* Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9.

10. *Минбалеев А. В.* Проблемы цифрового права : учебное пособие. Саратов : Амирит, 2022.

11. *Полякова Т. А.* Влияние цифровой трансформации на развитие информационного права: тенденции, проблемы, перспективы // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35).

12. *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Троян Н. А.* Формирование культуры информационной безопасности граждан российской федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. № 5.

References

1. *Smirnov A. A.* Formation of the System of Legal Support of Information and Psychological Security in the Russian Federation: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2022. (In Russ.)

2. *Bastrykin A. I., Savenkov A. N. (eds.).* Information Technologies in the Criminal Law Sphere: Monograph. Moscow: Unity-Dana, 2023. (In Russ.)

3. *Naumov V. B.; Poliakova T. A., Minbaleev A. V., Naumov V. B. (eds.).* Modern Legal Regulation of Identification in Russia. Transformation of Information Law: Monograph. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023. (In Russ.)

4. *Petrovskaia O. V.* The Principle of Reliability in Information Law in the Context of Digital Transformation. *Monitoring of Law Enforcement*, 2021, no. 3. (In Russ.)

5. Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 10, art. 1373. (In Russ.)

6. *Savenkov A. N., Poliakova T. A., Minbaleev A. V. (eds.)*. Digital Transformation: Challenges to Law and Vectors of Scientific Research: Monograph. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2020. (In Russ.)

7. *Poliakova T. A., Minbaleev A. V., Naumov V. B. (eds.)*. Transformation of Information Law: Monograph. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023. (In Russ.)

8. *Poliakova T. A., Minbaleev A. V., Krotkova N. V.* Transformation of the Science of Information Law and Information Legislation: A New Stage in the Context of Scientific and Technological Development of Russia. *State and Law*, 2024, no. 9. (In Russ.)

9. *Poliakova T. A., Minbaleev A. V., Krotkova N. V.* Development of the Doctrine of Russian Information Law in the Context of the Transition to a Data Economy. *State and Law*, 2023, no. 9. (In Russ.)

10. *Minbaleev A. V.* Problems of Digital Law: Tutorial. Saratov: Amirit, 2022. (In Russ.)

11. *Poliakova T. A.* The Impact of Digital Transformation on the Development of Information Law: Trends, Problems, Prospects. *Monitoring of Law Enforcement*, 2020, no. 2 (35). (In Russ.)

12. *Poliakova T. A., Minbaleev A. V., Troian N. A.* Formation of a Culture of Information Security of Citizens of the Russian Federation in the Context of New Challenges: Public Law Problems. *State and Law*, 2023, no. 5. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Т. А. Полякова – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Information about the author:

T. A. Polyakova – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 11.11.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 347
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-155-165

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ДЕЙСТВИЯХ РОДИТЕЛЕЙ ПРИ ЗАЩИТЕ ПРАВ РЕБЕНКА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Юрий Александрович Слепухин[1,2]

[1] Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

[2] Институт технологий управления «МИРЭА – Российский технологический университет», 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 78

yura-slepuhin@yandex.ru

Аннотация

Несмотря на то что дети не могут самостоятельно действовать в гражданском обороте, обладая правоспособностью с рождения, они часто становятся участниками в сделках, что требует от законодателя контроля соблюдения их прав, так как проанализировать и предсказать конечный результат не всегда может и взрослый человек. Цель исследования – показать необходимость добросовестного отношения родителей к воспитанию и развитию личности ребенка в условиях раздельного проживания при исполнении решения суда. Рассматриваются отдельные аспекты самозащиты прав и интересов ребенка при злоупотреблении родителями своими правами. В статье использованы формально-юридический, диалектический методы. Введение принципа добросовестности действий родителей в «интересе ребенка» позволит государству получить дополнительный инструмент контроля и оценки поведения родителей.

Ключевые слова: семейные споры; права ребенка; добросовестность; гражданский процесс; представительство.

Для цитирования: *Слепухин Ю. А.* Проблемы реализации принципа добросовестности в действиях родителей при защите прав ребенка в гражданском судопроизводстве // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 155–165. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-155-165

Research Article

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN THE ACTIONS OF PARENTS IN PROTECTING THE RIGHTS OF A CHILD IN CIVIL PROCEEDINGS

Yuri A. Slepukhin[1,2]

[1] All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

[2] Institute of Management Technologies "MIREA – Russian Technological University", 78 Vernadskii Ave., Moscow, 119454, Russia

yura-slepuhin@yandex.ru

Abstract

Despite the fact that children cannot act independently in civil circulation, having legal capacity from birth, they often become participants in transactions, which requires the legislator to control the observance of their rights, since even an adult cannot always analyze and predict the final result. The article examines the duty of good faith of parents to raise and develop the child's personality, in conditions of separate residence when executing a court decision. Certain aspects of self-defense of the rights and interests of the child when parents abuse their rights are considered. The article uses formal-legal, dialectical methods. The introduction of the principle of good faith in the actions of parents in the "interests of the child" will allow the state to obtain an additional tool for monitoring and evaluating the behavior of parents.

Keywords: family disputes; children's rights; good faith; civil process; representation.

For citation: *Slepukhin Yu. A.* Problems of Implementing the Principle of Good Faith in the Actions of Parents in Protecting the Rights of a Child in Civil Proceedings. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 155–165. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-155-165

Введение

Конституция РФ в ст. 2 провозгласила: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1]. Данный основополагающий принцип несет в себе глубокий смысл, который раскрывается в том, что человек как первооснова построения социальных групп, совокупность которых образует государство [2, с. 83], создает интеллектуальный, а на его основе материальный ресурс, который становится базисом в экономике и фундаментом строения и развития государства.

Основы государственной политики определены в Конституции РФ, согласно которой «материнство и детство, семья находятся под защитой государства, забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ст. 38). Добросовестное исполнение членами семьи своих прав и обязанностей по воспитанию детей, позволяет реализовать конституционный принцип на достойное развитие и воспитание (п. 1 ст. 7). Значимость этих положений для государства выражается в обеспечении всестороннего становления личности, которое раскрывается через получение навыков и компетенций для самосовершенствования и социальной интеграции в общество. В дальнейшем, производя интеграцию человеческого капитала, как совокупности наработанного опыта личности, в хозяйственный оборот компаний, индивидуальных предпринимателей, самозанятых, государство развивает и усиливает собственную экономику. Как следствие, от того, какую личность получит государство к моменту совершеннолетия, будет зависеть вклад в развитие самого государства от этой личности в течение ее жизни. «Мы полностью сознаем, что Россия богата не только углеводородными ресурсами. Как верно подметил С. Б. Иванов, «люди – вот наша «вторая нефть», которая в условиях становления экономики знаний по своему значению вскоре займет заслуженное первое место» [3]. Специалисты Всемирного банка определяют человеческие ресурсы как суммарную ценность так называемого «сырого» труда (величина которого определяется в основном количеством людей, составляющих трудовые ресурсы страны) и человеческого капитала, которым обладают эти люди» [4, с. 35–42; 5, с. 101]. Как следствие, для полноценного развития государства необходимо не только решение демографической проблемы, как таковой, а достижение одной из сложнейших социальных задач – вырастить всесторонне развитую личность, интегрированную в социум, что представляется невозможным без добросовестного отношения к своим обязанностям родителей и лиц к ним приравненных, а также контроля со стороны лиц, наделенных соответствующими полномочиями. О важности данной проблематики говорит стратегическое планирование, затрагивающее данные вопросы. По поручению Президента РФ был разработан проект Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности (особое внимание в документе уделяется ценностным установкам граждан, которые влияют на решение о рождении детей. К факторам, влияющим на рождаемость, по мнению разработчиков стратегии, относятся следующие: индивидуальные условия в семье, включая здоровье, доход и помощь родственников; возможность совмещения карьеры и семьи. Стратегия «семейноцентризма» призвана увеличить рождаемость, поддержать и защитить семьи как фундаментальную основу российского общества. Предполагается, что выполнять стратегию будут в два этапа: с 2025 по 2029 г. и с 2031 по 2036 г. [6].

1. Проблема столкновения интересов субъектов семейных правоотношений

Семейные споры являются одними из самых сложных в судебной и исполнительной практике. Исходя из того, что требования сторон носят неимущественный характер (проживание, общение, воспитание), проблема в том числе заключается в изучении судом эквивалентных прав сторон. Суду приходится соотносить оди-

наковые по величине понятия, которыми в качестве своих аргументов оперируют стороны, противоречивость которых зачастую, находится в социальной, а не юридической плоскости. Это чувствительная и временами болезненная область человеческой жизни, в которой проявляются чувства любви, родства, привязанности. Необходимость правового регулирования семейных отношений, таким образом, сталкивается с двумя проблемами – как не «вторгнуться» в сферу, в которой праву, казалось бы, не место, но как при этом защитить охраняемые законом интересы, обеспечить осуществление участниками семейных отношений своих прав. В связи с этим зачастую возникает проблема столкновения интересов субъектов семейных правоотношений, обладающих равными правами в отношении своих детей, для решения которой необходимо формирование баланса интересов указанных лиц как цели правового регулирования семейных отношений. Однако попытка сформировать в законодательстве и судебной практике такие положения, которые бы обеспечили соблюдение баланса интересов всех без исключения участников семейных правоотношений, в отсутствие законодательно закрепленного принципа добросовестности, представляется невозможным. Исполнение судебных актов, лежащих вне плоскости имущественных прав, дает обязанным лицам большие возможности уклонения от добросовестного поведения. Один из частых аргументов не передавать ребенка в установленное для общения со вторым родителем время, является то, что ребенок, якобы, плохо себя чувствует, заболел. Апеллирование, в данном случае, к исполнительным органам порождает у них вопросы исполнения, так как они не хотят быть обвиненными в причинении вреда здоровью, психическому развитию или превышении полномочий.

Закрепление на законодательном уровне принципа добросовестности родителей и лиц к ним приравненных по воспитанию и развитию детей, позволит накапливать и систематизировать информацию о нарушениях исполнения судебных актов для последующего анализа причин, достоверности этих причин, по критерию добросовестности – недобросовестности. Для субъектов правоотношений понимание того, что их систематические действия по уклонению от исполнения судебного акта могут быть квалифицированы как противоправная деятельность, обеспечит возможность устойчивого и последовательного пресечения и превенции такого поведения.

2. Обязанность добросовестного отношения родителей при представлении интересов детей

Вопросу добросовестности: родителей (законных представителей), членов семьи, иных лиц к ним приравненных, самих детей, в отношении которых идет спор, уделялось немало внимания. В частности, Ю. Ф. Беспалов указывает на необходимость закрепления в ст. 1 СК РФ принципа добросовестности участников семейных отношений – супругов, лиц к ним приравненных и иных участвующих в этих отношениях лиц [7, с. 42–44]. М. В. Ульянова отмечает, что стороны при защите своих интересов зачастую злоупотребляют правами в семейных правоотношениях, что можно классифицировать как недобросовестное поведение [8, с. 79–88]. Е. Н. Кузнецов обращает внимание на сложности в практической реализации ис-

полнительных документов по делам, возникающим из семейных правоотношений на основании недопустимо низкого уровня добровольного исполнения судебных актов [9, с. 52–56]. Н. С. Нижник, Н. А. Бурданова исследовали вопрос осуществления родителями прав и обязанностей по защите интересов ребенка в условиях изменения представлений о семье в XXI в., социальных и культурных моделей семейной жизни [10, с. 80–91].

Следует обратить внимание на особенности, присущие семейному правоотношению, а именно «равенство прав и обязанностей родителей в отношении своих детей (ч. 1 ст. 61 СК РФ). В том числе родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей (ч. 1 ст. 63 СК РФ). Ребенок имеет право жить и воспитываться в семье» [11], и лучшим для него является проживание с обоими родителями. «Ответственность за обеспечение надлежащих условий для реализации ребенком права на достойный уровень жизни обязывает родителей предпринять для этого все возможные усилия. Наряду с добровольным исполнением данной обязанности – основанным на общепризнанной презумпции добросовестности родительской заботы о детях» [11].

В силу жизненных обстоятельств родители могут не проживать вместе и тогда они вправе на основании своего соглашения определить постоянное место жительства ребенка с одним из них в наилучших интересах ребенка.

Исходя из взаимосвязанных положений ст. 60 Конституции РФ и ст. 21 Гражданского кодекса РФ, при отсутствии иных факторов у гражданина Российской Федерации наступает полная дееспособность и вытекающие из нее права и обязанности. Соответственно до указанного момента требуется определенная защита его прав как со стороны законных представителей (ст. 56, 64 СК РФ), так и со стороны государственных органов, наделенных соответствующей правосубъектностью. Логично, что именно родителям отдается приоритет в данном вопросе «ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Это означает, что они выступают в защиту прав и интересов ребенка в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах без специальных полномочий» [12].

Данные действия не должны носить формальный характер, родители должны ответственно и добросовестно представлять интересы несовершеннолетних детей, в том числе и на бытовом уровне.

3. Реализация принципа добросовестности в действиях родителей как представителей несовершеннолетнего

Судебная и жизненная практика показывает наличие большого массива судебных споров, вытекающих из безразличного и недобросовестного отношения к своим родительским правам и обязанностям или же и вовсе использование их не по назначению, в личной выгоде, в ущерб интересам ребенка. Зачастую родители злоупотребляют своими правами, используя детей как элемент давления и манипуляций для достижения, в первую очередь, своих личных целей, поступая на основании эмоций (обида, ненависть, зависть). Конфликт может достигнуть той стадии, когда родители начитают действовать вопреки интересам ребенка. В таком слу-

чае прийти к взаимному соглашению, которое устроило бы все стороны конфликта и было бы направлено на благополучие ребенка, практически невозможно. Такое поведение родителей игнорирует интересы и подавляет потребности ребенка, способствует ущемлению его прав, подрывает физическое и психическое здоровье, а также может негативно отразиться на состоянии здоровья как в настоящем, так и в будущем. В перспективе, подобная ситуация может послужить благоприятной средой для формирования у ребенка асоциальных жизненных установок. Как следствие встает вопрос не только о праве каждого из родителей на совместное проживание с ребенком и его воспитание, но и о защите прав и интересов самого ребенка. В таких обстоятельствах требуется обеспечение защиты прав и законных интересов ребенка, который в данном контексте выступает как субъект, в защиту интересов которого принимается судебное решение. «Ребенок вправе самостоятельно обратиться в орган опеки и попечительства за защитой своих прав и законных интересов, а по достижении 14 лет – в суд» (ст. 56 СК РФ). Если органами опеки и попечительства будут выявлены противоречия между интересами родителей и детей, при разрешении споров имущественного характера, орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей (ч. 2 ст. 64 СК РФ). Однако, как показывает правоприменительная практика, указанная конструкция действий крайне редко воплощается в жизнь. Причиной тому вступает несколько факторов: незнание детьми положений законодательства, страх противостоять воле родителей, активное противодействие старшего поколения. Таким образом, основой исполнения судебных актов в сфере воспитания детей остается добросовестность обязанных лиц.

Из правовой позиции, выраженной Конституционным Судом РФ в постановлении от 8 июня 2010 г. № 13-П, усматривается, что судам общей юрисдикции, которые с учетом фактических обстоятельств дела должны обеспечивать правильное применение закона, подведомственна проверка того, вступают ли конкретные действия родителей, как законных представителей несовершеннолетнего, в противоречие с интересами самого несовершеннолетнего [13].

Наиболее часто встречающимися случаями расхождения интересов родителей и детей являются дела об ограничении и лишении родительских прав, об отобрании ребенка, при разделе наследства (когда в споре в качестве наследников участвуют ребенок и его родители), при заключении сделки между несовершеннолетним и родителями.

Проблемой судебной оценки в гражданском процессе является определение действия сторон с позиции интересов ребенка, при отсутствии закрепления этого понятия в законодательстве. Несмотря на то что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» само понятие «интересы ребенка» неоднократно используется, толкование ему не дается. При определении действия сторон через призму интересов ребенка в качестве основополагающего начала осуществления прав и исполнения обязанностей, используя принцип добросовестности, суд получил бы дополнительный инструмент оценки. Как следствие, родитель должен доказать суду, что он действуют «в наилучшем

интересе ребенка», исходя из принципа добросовестности. Результат его действий улучшает положение ребенка, либо предотвращают возможное ухудшение, и не приводит к нарушению баланса в интересах ребенка и родителя, и получении личной выгоды.

В случае бездействия родителя, который обязан действовать в интересах ребенка или действия его не в интересах ребенка, в процессуальном праве предлагается назначение адвоката [14, с. 5].

4. Общение с ребенком

Родители могут под различными предлогами препятствовать установленному порядку общения с ребенком. Когда родитель, проживающий отдельно от ребенка приезжает забрать его в установленное для общения время. Самым простым способом будет заявить о температуре, ином недомогании ребенка, и это может продолжаться неопределенное количество раз в различных интерпретациях. Как в таком случае без закрепления понятия добросовестности определить являться ли это поведение заботой с целью обеспечить здоровье ребенка или это надуманный предлог для неисполнения порядка общения. Долгосрочно отсутствие общения со вторым родителем разрывает духовные связи, теряется чувство общности, что в дальнейшем приведет к утрате желания этого общения как со стороны ребенка, так и со стороны родителя. Как следствие утрата общения повлияет на воспитание ребенка, а также желание совершать какие-либо траты на ребенка, помимо установленных судом алиментов. В современном мире это бывают значительные вложения в развитие, секции, дополнительное образование, репетиторы.

В качестве недобросовестности родителя можно привести отдельные примеры судебной практики. Бывшая супруга, не желая общаться с отцом ребенка, продает квартиру, меняет место жительства, не сообщает о своем местоположении, меняет номер телефона, не выходит на связь. В сложившейся ситуации отец обращается в ОМВД России с заявлением об установлении места жительства его несовершеннолетнего сына. По результатам проверки ему сообщают, что несовершеннолетний сын проживает вместе с матерью, которая не желает сообщать свое место жительства. Считая, что непредставление информации о местонахождении его ребенка, установленного в результате проверки его обращения, нарушает его право как отца, не лишенного родительских прав и не ограниченного в них, общаться с сыном и принимать участие в его воспитании, заявитель обращается в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным данного отказа [15]. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ определила: признать незаконным отказ межмуниципального отдела Министерства внутренних дел РФ об отказе предоставления нового адреса местожительства. Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать его общению с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию (ст. 61, п. 1 ст. 63, п. 2 ст. 65, п. 1 ст. 66 СК РФ).

Другой пример свидетельствует о том, что неисполнение судебных актов может происходить также и со стороны бывшего супруга. Решением Заводского район-

ного суда г. Саратова от 10 марта 2021 г. по делу № 2-779/2021 был определен порядок общения Афанасьева А. Н. с несовершеннолетней дочерью. Афанасьев А. Н. допустил неисполнение судебного решения, забрав ребенка, проживающего с матерью, не вернул его по месту жительства в установленное решением суда время и на просьбы и требования матери о возвращении ребенка домой ответил отказом. Рассмотрение спора дошло до Верховного Суда РФ. Судья ВС РФ Кузьмичев С. И., рассмотрев жалобу Афанасьева А. Н. на действия административного органа и судебных инстанций о наличии в деянии Афанасьева А. Н. состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 5.35 Кодекса РФ об административных правонарушениях, считая, что выводы судебных инстанций соответствует фактическим обстоятельствам дела и имеющимся доказательствам, постановил оставить без изменения постановление комиссии, решения судов, а жалобу Афанасьева А. Н. – без удовлетворения [16].

Каждый такой случай усиливает противоречия и конфликты между родителями, что непосредственно сказывается на ребенке, так как любое действие порождает ответ. Например, бывшая супруга, которая чувствует себя обиженной, может попытаться изолировать общение ребенка от бывшего супруга. В ответ бывшей супруг может договориться с работодателем о разделении заработной платы на официальную и не официальную часть, при такой возможности. Как следствие уменьшить уплату алиментов. Поняв притворность в уменьшении выплат, в ответ супруга может подать запрет на выезд за границу с ребенком. Стороной, несущей неблагоприятные последствия от этих действий, будет оставаться в первую очередь ребенок.

Заключение

Каждый из родителей должен добросовестно относиться к своим правам и обязанностям.

Закрепление принципа добросовестности в п. 1 ст. 64 Семейного кодекса РФ позволит получить дополнительный критерий оценки, не входят ли в противоречие с интересами детей, действия родителей и лиц к ним приравненных.

Создание условий полноценного воспитания ребенка в семье, в которой родители проживают порознь, сложный консолидированный вопрос социальных и правовых институтов. Для осуществления контроля исполнения обязанностей родителей, при наличии конфликта, возможно введение должности психолога в органах опеки и попечительства, по аналогии с «судебным примирителем» и предоставлении отчета каждым из родителей, о воспитании ребенка на системной основе, раз в месяц, раз в квартал.

Алименты при введении «цифрового рубля» можно перевести в цифровые рубли с четким целевым назначением, с целью устранения сомнений плательщика в их расходовании на ребенка, а не на иные нужды.

В современных условиях развития цифровизации родитель, с которым не проживает ребенок, может ходатайствовать о сдаче вторым родителем и ребенком биометрии, что может помочь в розыске в случае, если они будут скрываться.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Адарченко Е. О.* Государство и его органы как вид юридических лиц публичного права (административно-правовой аспект) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 1 (12).

3. Заявление вице-премьера Сергея Иванова на выступлении 16 марта 2009 года в Санкт-Петербурге // РИА Новости : сайт. URL: https://ria.ru/20090316/165063972.html (дата обращения: 18.10.2024).

4. *Питасова Е. Е.* Человеческие ресурсы как источник национального богатства // Проблемы современной экономики. 2011. № 3-1.

5. *Автономов В. С.* Мир и Россия: материалы для размышления и дискуссий. СПб. : Экономическая школа, 1999.

6. К 2036 году число многодетных семей в России должно составить почти 3 млн // ГАРАНТ.РУ : сайт. URL: https://www.garant.ru/news/1767799/ (дата обращения: 18.10.2024).

7. *Беспалов Ю. Ф.* О добросовестности в семейном праве Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2021. № 2.

8. *Ульянова М. В.* Реальное осуществление субъективных семейных прав // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3.

9. *Кузнецов Е. Н.* Системность проблематики исполнительного производства по делам, возникающим из семейных правоотношений // Juvenis Scientia. 2018. № 10.

10. *Нижник Н. С., Бурданова Н. А.* Защита интересов ребенка: правовые аспекты осуществления родительских прав и обязанностей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87).

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2022 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. Г. Клепиковой» (абз. 4.1) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Чадаевой» // СПС «КонсультантПлюс».

14. *Дергунова В. А.* Теория и практика разрешения споров о детях в суде: опыт адвокатской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

15. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 17 марта 2021 г. № 1-КАД20-2-К3 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Верховного Суда РФ от 13 февраля 2024 г. № 32-АД24-1-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

2. *Adarchenko E. O.* The State and its Bodies as a Type of Legal Entities of Public Law (Administrative and Legal Aspect). *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*, 2012, no. 1 (12). (In Russ.)

3. Statement by Deputy Prime Minister Sergei Ivanov at a Speech on March 16, 2009 in St. Petersburg. URL: https://ria.ru/20090316/165063972.html (date of the application: 18.10.2024). (In Russ.)

4. *Pitasova E. E.* Human Resources as a Source of National Wealth. *Problems of Modern Economy*, 2011, no. 3-1. (In Russ.)

5. *Avtonomov V. S.* The World and Russia: Materials for Reflection and Discussion. St. Petersburg: Economic School, 1999. (In Russ.)

6. By 2036, the Number of Large Families in Russia Should Amount to Almost 3 Million. URL: https://www.garant.ru/news/1767799/ (date of the application: 18.10.2024). (In Russ.)

7. *Bespalov Iu. F.* On Good Faith in the Family Law of the Russian Federation. *Civil Service and Personnel*, 2021, no. 2. (In Russ.)

8. *Ulianova M. V.* Actual Implementation of Subjective Family Rights. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3. (In Russ.)

9. *Kuznetsov E. N.* Systematicity of the Problems of Enforcement Proceedings in Cases Arising from Family Legal Relations. *Juvenis Scientia*, 2018, no. 10. (In Russ.)

10. *Nizhnik N. S., Burdanova N. A.* Protecting the Interests of the Child: Legal Aspects of the Exercise of Parental Rights and Responsibilities. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (87). (In Russ.)

11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 14, 2022 No. 15-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of the Provisions of Paragraph 3 of Article 213.25 of the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)', Paragraph Eight of Part One of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, as Well as Paragraph 1 of Article 61 and Paragraph 1 of Article 80 of the Family Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen O. G. Klepikova" (paragraph 4.1) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

12. Federal Law of July 24, 1998 No. 124-FZ "On the Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 8, 2010 No. 13-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of Paragraph 4 of Article 292 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen V. V. Chadaev" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

14. *Dergunova V. A.* Theory and Practice of Resolving Disputes About Children in Court: Experience of Advocacy: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2017. (In Russ.)

15. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2021 No. 1-KAD20-2-K3 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

16. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of February 13, 2024 No. 32-AD24-1-K1 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
Ю. А. Слепухин – старший преподаватель.

Information about the author:
Yu. A. Slepukhin – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 21.11.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Научная статья
УДК 347
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-166-177

СУДЕБНАЯ НЕУСТОЙКА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ФУНКЦИИ

Алина Валерьевна Таманцева

Министерство юстиции РФ, 119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1

Alina.Tamantseva@minjust.gov.ru

Аннотация

В статье исследуется механизм судебной неустойки. Актуальность статьи вызвана имеющимися в доктрине и судебной практике различными взглядами на назначение судебной неустойки. Верное понимание смысла судебной неустойки напрямую влияет на эффективность ее применения. Цель исследования – определение правовой природы и функций судебной неустойки. Методология исследования – общенаучный, частнонаучный методы исследования. Автор приходит к выводу о том, что судебная неустойка играет стимулирующую и карательную роль и представляет собой меру процессуального принуждения.

Ключевые слова: астрент; штраф; судебная неустойка; должник; кредитор.

Для цитирования: *Таманцева А. В.* Судебная неустойка: правовая природа и функции // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 166–177. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-166-177

Research Article

THE JUDICIAL PENALTY: LEGAL NATURE AND FUNCTIONS

Alina V. Tamantseva

Ministry of Justice of the Russian Federation, 14, Bldg. 1 Zhitnaia St., Moscow, 119991, Russia

Alina.Tamantseva@minjust.gov.ru

Abstract

The article examines the mechanism of judicial penalty. Its relevance is caused by the various views on the appointment of judicial penalty in the doctrine and judicial practice. A correct understanding of the meaning of judicial penalty directly affects the effectiveness of its application. The purpose of the research is to determine the legal nature and functions of judicial penalty. The methodology of the research is general scientific, specific scientific research methods. The author comes to the conclusion that judicial penalty plays a stimulating and punitive role and it is a measure of procedural coercion.

Keywords: astreinte; fine; judicial penalty; debtor; creditor.

For citation: *Tamantseva A. V.* The Judicial Penalty: Legal Nature and Functions. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 166–177. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-166-177

Введение

Решения судов в России редко исполняются в добровольном порядке. Статистика ФССП России показывает, что в 2023 г. на исполнении находилось 126,7 млн исполнительных производств. В общем количестве исполнительных производств судебные акты составили 68,7 млн (54,2%) [1]. Эти показатели указывают на необходимость дальнейшего совершенствования механизма исполнения судебных актов, включая улучшение практики применения судебной неустойки.

Для эффективного применения судебной неустойки важное значение имеет правильное понимание предназначения данного механизма. Между тем в доктрине и судебной практике сложились различные взгляды по данному вопросу. В свою очередь применение судебной неустойки в целях, несвойственных ей (например, для возмещения убытков), ведет к смешению понятий и утрате ее самостоятельного характера.

В рамках данной статьи постараемся определить правовую природу, функции судебной неустойки, ее место в системе действующих правовых механизмов, с учетом сложившихся точек зрения в доктрине, судебной практике и практики применения соответствующего института в иностранных правопорядках.

1. Применение судебной неустойки в иностранных правопорядках

Родиной данного института, именуемого также как астрент (*astreinte*), является французское право. Его цель – сломить сопротивление должника исполнять обязательство [2, с. 22].

Изначально астрент возник в практике французских судов в XIX в., спустя некоторое время он получил законодательную регламентацию во французских Кодексе гражданского исполнительного производства [3] и Гражданском процессуальном кодексе [4].

Рассматриваемый институт представляет собой денежный штраф, который назначается судом для принуждения должника к исполнению обязательств, вытекающих из судебного решения, и взыскивается в пользу кредитора.

Основная цель астрента – создать финансовое давление на должника, чтобы он выполнил свои обязательства и не затягивал процесс.

При этом его применение основано на том, что присужденная сумма может значительно превышать фактический размер убытков, причиненных бездействием должника [5, с. 479].

Французский астрент делится на два типа – предварительный и окончательный.

В соответствии со ст. L131-4 Кодекса гражданского исполнительного производства Франции предварительный астрент устанавливается на определенный период и может быть пересмотрен судом с учетом поведения лица, которому он адресован, и трудностей, с которыми он столкнулся при исполнении.

Окончательный астрент вступает в силу после истечения срока действия предварительного астрента и имеет более радикальные правовые последствия. Его цель – вызвать у должника существенные финансовые потери в случае продолжительного неповиновения судебному решению. Сумма окончательного астрента не подлежит пересмотру и предназначена для обеспечения максимального воздействия на должника, побуждая его к исполнению своих обязанностей.

Итальянская модель астрента заложена в ст. 614а Гражданского процессуального кодекса Италии и в целом напоминает французскую, однако в отличие от французской практики в Италии применяется только окончательный астрент.

Также в Италии судья не может наложить астрент по своей инициативе, необходимо требование со стороны истца [6].

В Португалии астрент регулируется ст. 829-А Гражданского кодекса. Он также выносится судьей по инициативе истца. При этом одной из специфических черт используемой в данной стране модели астрента является разделение его суммы пополам между истцом и государством [7]. Такой подход можно объяснить тем, что от неисполнения судебного акта о понуждении к исполнению обязанности в натуре ущемляются интересы и государства, и кредитора.

Данный институт также известен немецкому правопорядку. Основным различием между немецкой и французской моделями астрента является то, что бенефициаром штрафа является государство, а не кредитор.

Согласно немецкой модели, закрепленной в § 888 Гражданского процессуального уложения, суд может по просьбе истца наложить на ответчика штраф за невыполнение судебного решения [8]. Штраф может достигать 25 000 евро за каждый случай невыполнения. Если ответчик продолжает игнорировать судебное решение, штраф может быть наложен неоднократно, накапливаясь и существенно увеличивая финансовое давление.

Произведенный сравнительно-правовой анализ института судебной неустойки имеет важное значение при определении правовой природы и функций отечественного института судебной неустойки. Далее мы определим, какая модель лежит в основе судебной неустойки и какие функции она имеет, с учетом назначения данного института, заложенного в иностранных правопорядках задолго до его появления в российском правовом поле.

2. Понятие и функции судебной неустойки

Судебная неустойка представляет собой денежное взыскание, направленное на стимулирование должника к добровольному и своевременному исполнению решения суда. Она назначается по требованию кредитора, который должен обосновать необходимость такой меры, и взыскивается в его пользу. Таким образом, в основе института судебной неустойки лежит французская модель астрента.

Судебная неустойка играет роль дополнительного инструмента принуждения и может существенно ускорить процесс исполнения решения суда. Должником же в свою очередь подобное взыскание воспринимается как негативный финансовый стимул, заставляющий его принять более серьезное отношение к своим обязательствам.

В условиях применения судебной неустойки должник понимает, что затягивание процесса или игнорирование судебных решений приведет к дополнительным финансовым потерям. Это создает важный мотивационный фактор, заставляющий уделить особое внимание своим обязательствам и предпринимать все необходимые усилия для их исполнения вовремя и в полном объеме.

Наряду с этим судебная неустойка служит своего рода «карательной мерой», которая добавляет дополнительное финансовое бремя на должника, мотивируя его выполнить решение суда как можно быстрее.

Эта мера призвана сделать для должника исполнение судебного решения более рациональным шагом, чем его игнорирование. Сталкиваясь с перспективой накопления значительных штрафных санкций, должники склонны выбирать вариант исполнения судебного акта, чтобы избежать дальнейших финансовых потерь.

Угроза финансовых потерь побуждает должника исполнить решение суда как можно быстрее, чтобы избежать дополнительных расходов, а также стимулирует должника действовать ответственно, понимая, что неисполнение решения суда приведет к отрицательным последствиям.

Одновременно с этим применение данной меры служит наказанием для должника, демонстрируя серьезность и неизбежность последствий неисполнения, а также придает авторитет судебным решениям и укрепляет веру общества в систему правосудия, показывая, что за нарушение законных требований следуют адекватные наказания.

Таким образом, судебная неустойка играет как стимулирующую, так и устрашающую (карательную) роль.

Вместе с тем в работах некоторых авторов отмечается также важная роль судебной неустойки в компенсации ущерба.

В частности, в своем научном труде Е. А. Шергунова выражает точку зрения о том, что главная задача судебной неустойки заключается в сокращении кредитором потерь в случае неисполнения должником решения суда [9].

Е. С. Луценко говорит о том, что данный институт выполняет стимулирующую и компенсационную функцию, вынуждая должника исполнить судебный акт о понуждении к исполнению обязанности в натуре [10].

В работе Т. Н. Ивановой, О. В. Монченко подчеркивается, что одной из функций астрента является компенсационная. Авторы отмечают, что основная цель астрен-

та – мотивировать должника исполнить судебное решение из-за страха перед финансовыми потерями, и только после этого можно говорить о его компенсационном характере [11].

Также судебную неустойку именует институтом компенсаций за неисполнение решения суда неимущественного характера А. О. Парфенчиков [12].

В судебной практике существуют различные точки зрения относительно функций судебной неустойки.

Одни суды подчеркивают компенсационную функцию судебной неустойки и важность учета конкретных обстоятельств нарушения при определении ее размера [13], другие – исходят из того, что судебная неустойка предназначена для обеспечения исполнения судебного акта [14].

Также судами в ряде решений подтверждается право истца на компенсацию за ожидание исполнения решения [15].

Понятие компенсации, заложенное в данном контексте, представляет собой не возмещение прямого ущерба, а скорее справедливое возмещение потерь, связанных с затянувшимся процессом. Такое возмещение может рассматриваться как легитимная мера поддержки кредитора, переживающего дополнительные трудности из-за несвоевременного исполнения судебного решения.

Потери кредитора, вызванные несвоевременным исполнением решения суда, тесно связаны с потерями, понесенными в результате неисполнения должником обязанности в натуре.

Между такими убытками и судебной неустойкой существует важное функциональное различие: убытки направлены на компенсацию понесенного ущерба, а судебная неустойка применяется для принуждения должника к исполнению судебного решения.

Судебная неустойка обладает превентивной функцией, она применяется в случаях, когда нужно обеспечить исполнение судебного решения, даже если фактического ущерба не было причинено истцу. Судебная практика подтверждает, что судебная неустойка может присуждаться даже в ситуации отсутствия у истца убытков [16].

Суд должен определять ее сумму таким образом, чтобы она выполняла свои задачи: с одной стороны, компенсировала ожидания кредитора по исполнению, а с другой стороны, делала невыгодным неисполнение решения для ответчика [17].

В этом вопросе мы также идем по модели французского механизма, в котором, как отмечалось ранее, сумма астрента может значительным образом превышать размер убытков.

Следовательно, при вынесении решения о присуждении судебной неустойки суд должен оценивать не только фактические убытки, но и общие обстоятельства дела, принимая во внимание необходимость обеспечения исполнения судебного акта. Важно, чтобы судебная неустойка не только действовала как средство наказания за неисполнение, но и сохраняла баланс между интересами сторон, предотвращая злоупотребления.

3. Место судебной неустойки в российской системе права

В российском праве механизм судебной неустойки прописан и в материальном, и процессуальном законодательстве. Он объединяет в себе элементы как частного права, так и публичного.

Частноправовая составляющая института судебной неустойки играет ключевую роль в обеспечении прав кредитора в случае неисполнения должником своих обязанностей.

Благодаря судебной неустойке должник не может извлечь финансовую или иную выгоду из-за своего отказа или нежелания исполнять судебный акт, а кредитор получает компенсацию за вынужденные неудобства.

Публично-правовой элемент судебной неустойки состоит в обеспечении конституционного принципа общеобязательности решения суда.

Ключевым элементом судебной защиты прав является исполнение судебных решений. Судебная защита становится малоэффективной, если решения судов не исполняются.

Эффективные механизмы исполнения судебных актов являются неотъемлемой частью правовой системы, так как они помогают поддерживать верховенство закона и укрепляют доверие граждан к судебной системе. Государству необходимо обеспечивать наличие таких механизмов, чтобы судопроизводство было не только справедливым, но и результативным [18].

Судебная неустойка в данном контексте выступает в качестве одного из инструментов, призванных обеспечивать исполнение судебных актов, и служит дополнительной гарантией того, что права и законные интересы граждан и юридических лиц будут защищены эффективно и своевременно.

Данный механизм позволяет защитить интересы истца и способствует более уважительному отношению к судебной системе в целом. Осознание того, что за неисполнение судебного решения могут наступить финансовые последствия, служит дополнительным стимулом для должника.

Ссылка на ст. 330 Гражданского кодекса РФ [19] (далее – ГК РФ) в определении судебной неустойки в ст. 308.3 ГК РФ может создавать путаницу по поводу ее правовой природы.

О неудачности данной ссылки отмечали А. Г. Карапетов и А. А. Громов, выразив сомнение относительно возможности признания судебной неустойки договорной или законной неустойкой с последующим применением к ней правил ГК РФ о неустойке [20].

В. В. Витрянским указывалось на неуместность данной ссылки, поскольку неустойка не является аналогом французского астрента, в связи с чем отсылка к статье о неустойке не может рассматриваться в качестве замены порядка применения этой меры [21].

Стоит отметить, что судебная неустойка подобна гражданско-правовой неустойке в своей способности стимулировать и наказывать за неисполнение.

Вместе с тем договорная неустойка определяется сторонами в договоре и выплачивается в случае нарушения его условий, законная неустойка устанавливается законом и применяется в случае нарушения его норм.

Судебная неустойка назначается судом по просьбе истца, если истец требует исполнения обязанности в натуре и суд удовлетворяет это требование.

Также следует учитывать, что неустойка в первую очередь предназначена для компенсации потерь кредитора, а судебной неустойке свойственна в большей степени стимулирующая функция [22].

Таким образом, цели неустойки и судебной неустойки, а также способы их установления неодинаковы.

В определении Верховного Суда РФ от 5 июня 2018 г. № 305-ЭС15-9591 по делу № А40-66152/2014 [23] подчеркивается публично-правовой характер судебной неустойки, она определяется в качестве устанавливаемой судом в целях дополнительного воздействия на должника мерой ответственности на случай неисполнения судебного акта.

Гражданско-правовая ответственность имеет двойную функцию – превентивную (стимулирующую, штрафную) и компенсационную. В частности, Е. А. Суханов рассматривает судебную неустойку в качестве меры ответственности, поскольку она призвана как компенсировать возникающие при несвоевременном исполнении судебного акта потери истца, так и стимулировать ответчика к исполнению обязательства под гнетом финансовых потерь [24, с. 565].

Также данная квалификация находит отражение в судебной практике. В ряде судебных актов указывается, что одним из принципов гражданско-правовой ответственности является ее компенсационный характер, направленный на восстановление утраченной имущественной сферы кредитора, в связи с чем взыскание судебной неустойки в размере, превышающем негативные последствия, которые возникли в связи с просрочкой, не соответствует целям данной меры [25; 26].

Однако исполнение судебного акта находится за рамками гражданско-правовых отношений. Судебное решение, вступившее в законную силу, становится обязательным для сторон и должно быть исполнено в установленные сроки. Когда же этого не происходит, встает вопрос о мерах воздействия на должника.

Судебная неустойка применяется для обеспечения исполнения судебного решения, а не для прямого восстановления нарушенного права.

Более того, идея необходимости восстановления судебной неустойкой утраченной имущественной сферы кредитора может привести к ограничению ответственности должника лишь компенсацией убытков, что снижает превентивный аспект судебной неустойки. Такое положение вещей может способствовать смешению понятий убытков и судебной неустойки, что подрывает самостоятельное значение судебной неустойки как инструмента правового регулирования.

Для сохранения стимулирующей функции судебной неустойки, ее размер должен быть установлен таким образом, чтобы превышать потенциальные убытки, тем самым делая исполнение обязательств более выгодным для должника. В противном случае существует риск утраты ключевых характеристик этого института, что негативно скажется на правоприменительной практике.

Судебная неустойка имеет элемент принуждения как на этапе ее назначения судом, так и в процессе ее взыскания в рамках исполнительного производства, что приводит к мысли о ее публично-правовой природе [27].

Так, В. В. Ярков квалифицирует судебную неустойку в качестве санкции процессуального характера [28], Б. М. Гонгало – процессуального (судебного) штрафа [29].

Судебная неустойка напоминает такой публичный штраф, как исполнительский сбор (ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [30]). Основная разница состоит в том, что исполнительский сбор в отличие от судебной неустойки подлежит зачислению в федеральный бюджет.

При этом представляется, что факт присуждения судебной неустойки в пользу частного лица не меняет ее публично-правовой природы и не дает оснований квалифицировать ее в качестве частного штрафа.

Таким образом, судебная неустойка, несмотря на свое название, не является видом неустойки, а также иной мерой ответственности в классическом понимании гражданского права.

Она представляет собой особую меру процессуального принуждения, применяемую в случаях, когда должник уклоняется от исполнения обязанностей, возложенных на него судебным решением.

Заключение

Введение и применение судебной неустойки является важным шагом в развитии российского права и укреплении правопорядка. Эффективность данного института подтверждается практикой, поскольку возможности для злоупотребления со стороны должников значительно сокращаются. При этом также увеличивается доверие к судебной системе и правосудию, что в свою очередь способствует более стабильному и прогнозируемому правовому полю.

Вместе с тем правовая природа и функции судебной неустойки, нашедшие толкование в судебной практике и доктрине, носят противоречивый характер.

Полагаем возможным прийти к выводу о том, что судебная неустойка имеет стимулирующую и карательную функции, а с точки зрения правовой природы представляет собой меру процессуального воздействия.

Поскольку судебная неустойка является не гражданско-правовым институтом, а процессуальным, вызывает сомнение его закрепление в ГК РФ. Его наличие в ГК РФ содержит намек на гражданско-правовую природу данного института и придает ему компенсационную функцию, что является, по нашему мнению, неверным, а также ограничивает сферу его применения гражданскими правоотношениями. Представляется, что дальнейшее развитие данного института, в том числе детализация порядка его применения, должно осуществляться исключительно в рамках процессуального законодательства (ст. 174 Арбитражного процессуального кодекса РФ [31], ст. 206 Гражданского процессуального кодекса РФ [32]). Это будет в полной мере соответствовать правовой природе и предназначению данного института, а также позволит расширить сферу его применения.

Пристатейный библиографический список

1. Данные сайта ФССП России // ФССП России : сайт. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyj-doklad-o-rezultatah-deyatelnost (дата обращения 29.08.2024).

2. *Планиоль М.* Курс французского гражданского права. Ч. 1 : Теория об обязательствах / пер. с франц. В. Ю. Гартмана. Петроков : Изд. тип. С. Панского, 1911.

3. Кодекс гражданского исполнительного производства Франции // Légifrance : сайт. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=3C64C34D879099649DE2913D2EAE7C21.tpdila14v_1?idSectionTA=LEGISCTA000025026698&cidTexte=LEGITEXT000025024948&dateTexte=20170426 (дата обращения: 29.08.2024).

4. Гражданский процессуальный кодекс Франции // Légifrance : сайт. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070716 (дата обращения: 16.10.2024).

5. *Морандьер Л. Ж.* Гражданское право Франции. Т. 2 / пер. с франц. Е. А. Флейшиц. М. : Иностр. лит., 1960.

6. *Ди Мауро К., Кослин К.* Новые итальянские правила, регулирующие финансовые санкции, предназначенные для принудительного исполнения судебных решений: различия и сходства с французским режимом // DataServ : сайт. URL: https://f.datasrvr.com/fr1/712/18458/Italian_rules_-_Feature_6.pdf (дата обращения: 29.08.2024).

7. Гражданский кодекс Португалии // Câmara Municipal de Cascais : сайт. URL: https://www.cascais.pt/sites/default/files/anexos/gerais/codigo_civil_atualizado_ate_a_lei_59_99_.pdf (дата обращения: 29.08.2024).

8. Гражданское процессуальное уложение Германии // Gesetze im Internet : сайт. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/englisch_zpo.html (дата обращения 29.08.2024).

9. *Шергунова Е. А.* Проблемы применения астрента в России // Мировой судья. 2021. № 12.

10. *Луценко Е. С.* Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и юридическая практика // Юридический мир. 2016. № 7.

11. *Иванова Т. Н., Монченко О. В.* Французский астрент на российский манер: применение и правовое регулирование судебной неустойки в свете нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 7 от 24.03.2016 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

12. *Парфенчиков А., Ярков В., Боннер А., Церковников М., Ерохова М., Белов В., Халатов С., Литвинский Д., Гальперин М., Зайцев Р., Тай Ю., Чернышов Г., Бородин О., Петрищев В., Тараданов Р., Лаши А.* Астрент в российском праве // Закон. 2014. № 4.

13. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 апреля 2023 г. № 18АП-3400/2023 по делу № А07-33508/2021.

14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 мая 2024 г. № Ф05-28458/2022 по делу № А40-126705/2022.

15. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 апреля 2024 г. № 13АП-42362/2023 по делу № А56-68945/2023.

16. Решение Арбитражного Суда г. Москвы от 17 октября 2016 г. по делу № А40-107663/16.

17. *Ерохова М.А.* О судебной неустойке в российском праве. Анализ практики 2015–2017 // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 7.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2023 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации».

19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

20. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022.

21. *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги : монография. М. : Статут, 2016.

22. *Зардов Р. С.* К вопросу о соотношении астрента и неустойки // Право и экономика. 2018. № 3.

23. Определение Верховного Суда РФ от 5 июня 2018 г. № 305-ЭС15-9591 по делу № А40-66152/2014.

24. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2023.

25. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 июля 2022 г. № 18АП-7862/2022 по делу № А76-10059/2003.

26. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27 сентября 2022 г. по делу № А33-28740/2020.

27. *Краснова С. А.* Сверхкомпенсационная защита в гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 1.

28. *Ярков В. В.* Исчисление судебной неустойки: спорные вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 12.

29. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. М. : Статут, 2021.

30. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

31. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

32. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

References

1. Data from the website of the Federal Bailiff Service of Russia. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyj-doklad-o-rezultatah-deyatelnost (date of the application: 29.08.2024). (In Russ.)

2. *Planiol M.; Hartman V. Iu. (trans.).* Course of French Civil Law. Part 1: Theory of Obligations. Petrokov: S. Panskii's Printing House Publ., 1911. (In Russ.)

3. Code of Civil Enforcement Procedure of France. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=3C64C34D879099649DE2913D2EAE7C21.tpdila14v_

1?idSectionTA=LEGISCTA000025026698&cidTexte=LEGITEXT000025024948&dateTexte=20170426 (date of the application: 29.08.2024).

4. Code of Civil Procedure of France. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070716 (date of the application: 16.10.2024).

5. *Morandière L. J.; Fleishits E. A. (trans.).* Civil Law of France. Vol. 2. Moscow: Inostrannaia literatura, 1960. (In Russ.)

6. *Di Mauro C., Coslin C.* The New Italian Rules Governing Financial Penalties Ordered to Compel the Enforcement of Court Decisions: Differences and Similarities with the French Regime. URL: https://f.datasrvr.com/fr1/712/18458/Italian_rules_-_Feature_6.pdf (date of the application: 29.08.2024).

7. Civil Code of Portugal. URL: https://www.cascais.pt/sites/default/files/anexos/gerais/codigo_civil_atualizado_ate_a_lei_59_99_.pdf (date of the application: 29.08.2024).

8. German Code of Civil Procedure. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/englisch_zpo.html (date of the application: 29.08.2024).

9. *Shergunova E. A.* Problems of Using Astrent in Russia. *Justice of the Peace*, 2021, no. 12. (In Russ.)

10. *Lutsenko E. S.* Judicial Penalty (Astrent): Theoretical Issues and Legal Practice. *Legal World*, 2016, no. 7. (In Russ.)

11. *Ivanova T. N., Monchenko O. V.* French Astrent in the Russian Manner: Application and Legal Regulation of Judicial Penalty in Light of the New Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of March 24, 2016 "On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

12. *Parfenchikov A., Iarkov V., Bonner A., Tserkovnikov M., Erokhova M., Belov V., Khalatov S., Litvinskii D., Galperin M., Zaitsev R., Tai Iu., Chernyshov G., Borodin O ., Petrishchev V., Taradanov R., Lashi A*. Astrent in Russian Law. *Law*, 2014, no. 4. (In Russ.)

13. Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal of April 28, 2023 No. 18AP-3400/2023 in case No. A07-33508/2021. (In Russ.)

14. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of May 6, 2024 No. F05-28458/2022 in case No. A40-126705/2022. (In Russ.)

15. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of April 9, 2024 No. 13AP-42362/2023 in case No. A56-68945/2023. (In Russ.)

16. Decision of the Arbitration Court of Moscow of October 17, 2016 in case No. A40-107663/16. (In Russ.)

17. *Erokhova M. A.* On Judicial Penalty in Russian Law. Analysis of Practice 2015–2017. *Herald of Economic Justice of the Russian Federation*, 2017, no. 7. (In Russ.)

18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 22, 2023 No. 34-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of the Provisions of Article 183 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Paragraphs 1 and 2 of Article 242.1 and Paragraph 6 of Article 242.2 of the Budget Code of the Russian Federation in Connection with the Request of the Supreme Court of the Russian Federation". (In Russ.)

19. Civil Code of the Russian Federation (Part One). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)

20. *Karapetov A. G. (ed.).* Performance and Termination of an Obligation: Commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos, 2022. (In Russ.)

21. *Vitrianskii V. V.* Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results: Monograph. Moscow: Statut, 2016. (In Russ.)

22. *Zardov R. S.* On the Relationship Between Astreinte and Penalty. *Law and Economics*, 2018, no. 3. (In Russ.)

23. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of June 5, 2018 No. 305-ES15-9591 in case No. A40-66152/2014. (In Russ.)

24. *Sukhanov E. A. (ed.).* Civil Law: Textbook. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Statut, 2023. (In Russ.)

25. Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal of July 14, 2022 No. 18AP-7862/2022 in case No. A76-10059/2003. (In Russ.)

26. Resolution of the Third Arbitration Court of Appeal of September 27, 2022 in case No. A33-28740/2020. (In Russ.)

27. *Krasnova S. A.* Overcompensatory Protection in Civil Law: Forms and Limits. *Herald of Economic Justice of the Russian Federation*, 2020, no. 1. (In Russ.)

28. *Iarkov V. V.* Calculation of Judicial Penalty: Controversial Issues. *Arbitration and Civil Procedure*, 2023, no. 12. (In Russ.)

29. *Gongalo B. M. (ed.).* Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Statut, 2021. (In Russ.)

30. Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2007, no. 41, art. 4849. (In Russ.)

31. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 30, art. 3012. (In Russ.)

32. Civil Procedural Code of the Russian Federation. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 46, art. 4532. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. В. Таманцева – магистр юриспруденции (РШЧП), помощник Министра юстиции РФ.

Information about the author:

A. V. Tamantseva – Master of Law (RSPL), Assistant to the Minister of Justice of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 09.09.2024; approved after reviewing 29.10.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Научная статья
УДК 347
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-178-184

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СООТНОСИМОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ВОПРОСА СОВЕРШЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Юлия Георгиевна Шиповальникова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Julia-lartis@mail.ru

Аннотация

Применение принципа соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения является специфическим отраслевым принципом, закрепленным в Федеральном законе «Об исполнительном производстве». Вопрос порядка совершения исполнительных действий в контексте применения принципа соотноосимости является дискуссионным, с учетом различных подходов, содержащихся как в научных работах, так и в судебной практике. Нормативно закрепленный принцип соотносимости в настоящее время корреспондируется с мерами принудительного исполнения, оставляя в стороне вопросы совершения исполнительных действий. Одним из наиболее сложных остается вопрос применения мер принудительного исполнения в период установленного срока для добровольного исполнения, что требует уточнения понятия принципов, на которых основывается исполнительное производство.

Ключевые слова: принципы права; принцип соотносимости; исполнительное производство; исполнительные действия; меры принудительного исполнения.

Для цитирования: *Шиповальникова Ю. Г.* Реализация принципа соотносимости при рассмотрении вопроса совершения исполнительных действий // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 178–184. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-178-184

Research Article

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF COMPARABILITY WHEN CONSIDERING THE ISSUE OF PERFORMING EXECUTIVE ACTIONS

Yulia G. Shipovalnikova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

Julia-lartis@mail.ru

Abstract

The application of the principle of correlation between the volume of the recoverer's claims and the enforcement measures is a specific industry principle enshrined in the Federal Law "On Enforcement Proceedings". The issue of the procedure for performing enforcement actions in the context of the application of the principle of comparability is debatable, taking into account the various approaches contained both in scientific papers and in judicial practice. The normatively established principle of comparability currently corresponds to enforcement measures, leaving aside the issues of enforcement actions. One of the most difficult issues remains the issue of applying enforcement measures during the prescribed period for voluntary execution, which requires clarifying the concept of the principles on which enforcement proceedings are based.

Keywords: principles of law; principle of comparability; enforcement proceedings; enforcement actions; enforcement measures.

For citation: *Shipovalnikova Yu. G.* Implementation of the Principle of Comparability When Considering the Issue of Performing Executive Actions. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 178–184. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-178-184

Введение

Принципы права принято рассматривать как основополагающие начала [1, с. 58–66], исходные положения в правовом регулировании, отражающие общую направленность деятельности, а также как «форму внешнего выражения государственно-правовых закономерностей, обусловленных существованием и развитием общесоциального права, определяющих направленность и содержание правового регулирования» [2, с. 38–41].

Принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения является одним из специальных отраслевых принципов, при-

меняемых в исполнительном производстве. Как отмечено М. Л. Гальпериным, «до принятия Закона об исполнительном производстве принципы исполнительного производства не были закреплены законодательно, что не мешало исследователям обсуждать такие принципы» [3, с. 175].

При рассмотрении вопросов реализации положений Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) [4] определение порядка и условий совершения исполнительных действий с учетом применения установленного законодателем принципа соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения является определяющим и в настоящее время остается дискуссионным.

Вопросы при реализации принципа соотносимости

Согласно ст. 64 Закона об исполнительном производстве исполнительными действиями являются совершаемые судебным приставом-исполнителем действия, направленные, во-первых, на создание условий для применения мер принудительного исполнения, во-вторых, на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе.

То есть это действия судебного пристава-исполнителя, направленные на создание условий для осуществления принудительного исполнения исполнительных документов, никак не добровольного исполнения, и обеспечение понуждения должника. При этом исполнительные документы должны быть сформированы, оформлены на основании действующих норм (ст. 13 Закона об исполнительном производстве) [5].

Как отмечено в постановлении Конституционного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 29-П, «уполномоченные государством органы и должностные лица, совершая властно-обязывающие действия, должны строго исполнять законодательные предписания, внимательно и ответственно подходить к оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение прав и обязанностей участников правоотношений, проявлять тщательность при оформлении документов и принятии правоприменительных актов. При этом бремя неблагоприятных последствий ошибочных решений и действий уполномоченных органов и должностных лиц не может возлагаться исключительно на граждан, а правовой механизм устранения таких ошибок – исходя из конституционных принципов правового государства и верховенства права, а также принципов справедливости и юридического равенства – должен обеспечивать баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов на основе вытекающих из указанных принципов критериев разумности и соразмерности. Иное вступало бы в противоречие с требованиями правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону» [6].

Во взаимосвязи с п. 11 ст. 30 Закона об исполнительном производстве, предусматривающим предоставление срока для добровольного исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, учитывая разъяснения Конституционного Суда РФ по вопросам отнесения на должника неблагоприятных последс-

твий пропуска срока для добровольного исполнения, когда добросовестность должника при совершении действий в период для добровольного исполнения не опровергнута [6, п. 5], возможно сделать вывод, что исполнительные действия могут осуществляться исключительного после установленного срока для добровольного исполнения. Перечень случаев, когда срок для добровольного исполнения не устанавливается, является исчерпывающим и определен п. 14 ст. 30 Закона об исполнительном производстве.

Понятие исполнительных действий появилось в Законе об исполнительном производстве с 2012 г. [7, ст. 6, 8], ранее определялся лишь возможный перечень исполнительных действий. Таким образом, до 1 января 2012 г. исполнительные действия возможно было проводить до истечения срока для добровольного исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе. В настоящее время, с учетом установленного законодателем определения, – только после.

Вместе с тем в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. отмечено: «В течение срока для добровольного исполнения применение мер принудительного исполнения не допускается. Между тем в указанный срок судебный пристав-исполнитель вправе совершать отдельные исполнительные действия, например, наложить арест на имущество должника, установить запрет на распоряжение имуществом» [8, п. 22]. В судебной практике также применяются данные разъяснения. Так, в судебных актах арбитражных судов указывается, что судебный пристав-исполнитель вправе применять исполнительные действия, в частности, устанавливать запреты на распоряжение имуществом, накладывать аресты на счетах в банке или иной кредитной организации, до истечения срока для добровольного исполнения требований исполнительного документа [9–11].

Допущение возможности совершения исполнительных действий с момента возбуждения исполнительного производства отмечается также специалистами [12].

Учитывая определение, установленное в Законе об исполнительном производстве, разъяснения, данные Верховным Судом РФ, применение таких положений судами, возникают вопросы о пределах осуществления исполнительных действий и, как следствие, о применении принципов исполнительного производства.

Заключение

В настоящее время исполнительные действия совершаются судебным приставом-исполнителем не только при применении мер принудительного исполнения, но и в течение срока для добровольного исполнения.

При отсутствии разграничения случаев применения тех или иных исполнительных действий, при отсутствии исчерпывающего перечня исполнительных действий и предоставлении судебному приставу-исполнителю права на определение видов совершаемых исполнительных действий, с учетом установленных законом целей, представляется, что при осуществлении исполнительных действий необходимо руководствоваться не только общими принципами, но и именно принципом соотносимости.

В Обзоре судебной практики по оспариванию постановлений, действий (бездействия) должностных лиц ФССП России в 2016 г. указано, что при рассмотрении

вопроса обжалования постановления судебного пристава-исполнителя об установлении запрета на проведение регистрационных действий в налоговых органах в связи со сменой руководителя исполнительного органа юридического лица, «отменяя судебные акты нижестоящих инстанций, Арбитражный суд Московского округа отметил, что хотя пункт 17 части 1 статьи 64 Закона об исполнительном производстве и не содержит закрытого перечня исполнительных действий, совершаемых судебными приставами-исполнителями, должностным лицам Службы необходимо соблюдать такие критерии, как соотносимость объема требований взыскателя и меры принудительного исполнения, отсутствие препятствий для осуществления должником предпринимательской и иной финансово-хозяйственной деятельности и др. Таким образом, установление запрета в отношении всех, а не отдельных изменений, вносимых в Единый государственный реестр юридических лиц, противоречит таким принципам исполнительного производства, как законность, соотносимость объема требований и не отвечает задачам исполнительного производства по полному, правильному и своевременному исполнению требований исполнительного документа» [13].

Статья 4 Закона об исполнительном производстве определяет принцип соотносимости объема требований и мер принудительного исполнения. В п. 2 постановления от 1 июня 2023 г. № 29-П Конституционным Судом РФ отмечено: «права и законные интересы участников исполнительного производства должны получать соразмерную защиту на основе баланса конституционных ценностей». Учитывая, что совершение исполнительных действий возможно и в период срока для добровольного исполнения, представляется необходимым внесение изменений в Закон об исполнительном производстве в части установления применения принципа соотносимости не только по отношению к мерам принудительного исполнения, но и при осуществлении исполнительных действий.

Пристатейный библиографический список

1. *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. Тула : Автограф, 2001.
2. *Штурцев Ю. Ю.* Принципы права: уточнение понятия // История государства и права. 2015. № 5.
3. *Гальперин М. Л.* Ответственность в исполнительном производстве : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019.
4. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Российская газета. 2007. 6 окт. № 223.
5. *Гуреев В. А., Селионов И. В.* Исполнение исполнительных документов в отношении публично-правовых образований и государственных (муниципальных) учреждений: законодательное регулирование и практика применения: ответственность за вред, причиненный государственными органами, нормативные правовые акты, разумные сроки судопроизводства и исполнения судебных актов, судебная практика. М. : Проспект, 2016.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности части 12 статьи 30 Федерального закона «Об

исполнительном производстве» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Руссо Индастриал»» // Российская газета. 2023. 21 июня. № 133.

7. Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 389-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 9 дек. № 278.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Российская газета. 2015. 30 нояб. № 270.

9. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 января 2022 г. № Ф02-7337/2021 по делу № А58-2438/2021 // Электронное правосудие : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/95c297b1-1198-496e-ac6f-af4fa5b2e2c8 (дата обращения: 04.11.2024).

10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 апреля 2024 г. № Ф07-3769/2024 по делу № А56-39039/2023 // Электронное правосудие : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/50895455-57e4-4d68-a266-fb8c4d4bd83c (дата обращения: 04.11.2024).

11. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18 сентября 2024 г. № Ф10-3500/2024 по делу № А35-9401/2023 // Электронное правосудие : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/f2f1ba28-4ad3-45c0-a6a6-9675f6e3807c (дата обращения: 04.11.2024).

12. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 2-е изд., испр. и доп. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2014.

13. Обзор судебной практики по оспариванию постановлений, действий (бездействия) должностных лиц ФССП России в 2016 году. Вопрос «По аресту имущества, наложению запрета на совершение регистрационных действий» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Shershenevich G. F.* Course of Civil Law. Tula: Avtograf, 2001. (In Russ.)

2. *Shturtsev Iu. Iu.* Principles of Law: Clarification of the Concept. *History of the State and Law*, 2015, no. 5. (In Russ.)

3. *Galperin M. L.* Responsibility in Enforcement Proceedings: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2019. (In Russ.)

4. Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings". *Rossiiskaia Gazeta*, October 6, 2007, no. 223. (In Russ.)

5. *Gureev V. A., Selionov I. V.* Enforcement of Enforcement Documents in Relation to Public Legal Entities and State (Municipal) Institutions: Legislative Regulation and Practice of Application: Liability for Harm Caused by State Bodies, Regulatory Legal Acts, Reasonable Time for Judicial Proceedings and Execution of Judicial Acts, Judicial Practice. Moscow: Prospekt, 2016. (In Russ.)

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 1, 2023 No. 29-P "On the Case of Checking the Constitutionality of Part 12 of Article 30 of

the Federal Law 'On Enforcement Proceedings' in Connection with the Complaint of the Russo Industrial Limited Liability Company". *Rossiiskaia Gazeta*, June 21, 2023, no. 133. (In Russ.)

7. Federal Law of December 3, 2011 No. 389-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*, December 9, 2011, no. 278. (In Russ.)

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 17, 2015 No. 50 "On the Application of Legislation by Courts When Considering Certain Issues Arising During Enforcement Proceedings". *Rossiiskaia Gazeta*, November 30, 2015, no. 270. (In Russ.)

9. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of January 17, 2022 No. F02-7337/2021 in case No. A58-2438/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/95c297b1-1198-496e-ac6f-af4fa5b2e2c8 (date of the application: 11.04.2024). (In Russ.)

10. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of April 22, 2024 No. F07-3769/2024 in case No. A56-39039/2023. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/50895455-57e4-4d68-a266-fb8c4d4bd83c (date of the application: 11.04.2024). (In Russ.)

11. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of September 18, 2024 No. F10-3500/2024 in case No. A35-9401/2023. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/f2f1ba28-4ad3-45c0-a6a6-9675f6e3807c (date of the application: 11.04.2024). (In Russ.)

12. *Iarkov V. V. (ed.).* Commentary to the Federal Law "On Enforcement Proceedings" (Article-by-Article). 2nd ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2014. (In Russ.)

13. Review of Judicial Practice on Challenging Decisions, Actions (Inaction) of Officials of the FSSP of Russia in 2016. The Question "On the Seizure of Property, the Imposition of a Ban on Registration Actions" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
Ю. Г. Шиповальникова – аспирант.

Information about the author:
Yu. G. Shipovalnikova – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 02.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 347.4
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-185-194

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЗДАНИЯ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Михаил Александрович Гапоненко

Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере, 127254, Россия, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20А

m.gaponenko@riep.ru

Аннотация

Актуальность статьи состоит в том, что вследствие отсутствия определенного правового регулирования по ряду конкретных вопросов, касающихся договоров по созданию научных и научно-технических результатов, достаточно многочисленными и существенными являются различия в подходах к регулированию данных отношений со стороны ученых, ведомств, конкретных участников отношений. Методологической основой работы явились такие методы анализа, как общенаучный, формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный. В статье анализируются законодательство, правоприменительная практика и научные работы о договорном регулировании создания научных и научно-технических результатов в рамках различных отраслей права: гражданского, трудового, бюджетного. Рассматриваются подходы к классификации гражданско-правовых договоров по созданию научных и (или) научно-технических результатов в Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что особое значение при договорном регулировании отношений по созданию научных и научно-технических результатов имеет корректное определение отраслевой принадлежности отношений, которая зависит от относительного положения сторон друг относительно друга. В частности, в статье обосновывается, что договоры по созданию служебных научных результатов относятся к предмету трудового права, и в целях устранения правовых пробелов, неопределенности правовой судьбы таких результатов, а также обеспечения прав и законных интересов работников-авторов предлагаются изменения в трудовое законодательство.

Ключевые слова: научно-технические результаты; служебные результаты интеллектуальной деятельности; классификация договоров; договоры выполнения НИОКТР; контракты на выполнение НИОКТР для государственных и муниципальных нужд; договоры авторского заказа; отраслевая принадлежность правоотношений; соглашение о предоставлении субсидий.

Для цитирования: *Гапоненко М. А.* Договорное регулирование создания научных и научно-технических результатов // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 185–194. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-185-194

Research Article

CONTRACTUAL REGULATION OF THE CREATION OF SCIENTIFIC AND SCIENTIFIC-TECHNICAL RESULTS

Mikhail A. Gaponenko

Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology, 20A Dobroliubova St., Moscow, 127254, Russia

m.gaponenko@riep.ru

Abstract

The relevance of the article lies in the fact that due to the lack of specific legal regulation on a number of specific issues related to contracts for the creation of scientific and scientific-technical results, there are quite numerous and significant differences in approaches to regulating these relations on the part of scientists, departments, and specific participants in the relationship. The methodological basis of the work was such methods of analysis as general scientific, formal legal, comparative legal and systemic structural. The article analyzes legislation, law enforcement practice and scientific works on the contractual regulation of the creation of scientific and scientific-technical results within various branches of law: civil, labor, budgetary. Approaches to the classification of civil law contracts for the creation of scientific and (or) scientific and technical results in the Russian Federation are considered. The author comes to the conclusion that of particular importance in the contractual regulation of relations for the creation of scientific and scientific and technical results is the correct definition of the sectoral affiliation of the relationship, which depends on the relative position of the parties relative to each other. In particular, the article substantiates that contracts for the creation of official scientific results relate to the subject of labor law, and in order to eliminate legal gaps, uncertainty of the legal fate of such results, as well as to ensure the rights and legitimate interests of employees-authors, amendments to labor legislation are proposed.

Keywords: scientific and technical results; official results of intellectual activity; classification of contracts; contracts for the implementation of R&D; contracts for the implementation of R&D for state and municipal needs; contracts of author's order; industry affiliation of legal relations; agreement on the provision of subsidies.

For citation: *Gaponenko M. A.* Contractual Regulation of the Creation of Scientific and Scientific-Technical Results. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 185–194. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-185-194

Введение

В научной литературе справедливо отмечается, что специфика научных и (или) научно-технических результатов такова, что содержание правоотношения по созданию таких результатов определяется выдаваемым заказчиком исполнителю заданием. Такое задание в зависимости от отраслевого регулирования может быть техническим заданием (гражданское право), служебным заданием (трудовое право), государственным (муниципальным) заданием (финансовое право). При этом независимо от отраслевой принадлежности в задании должны быть: содержание планируемого результата, условия и срок выполнения работ, а также форма отчетности [1].

Для целей настоящей работы под договорами по созданию научных и (или) научно-технических результатов в Российской Федерации понимаются гражданско-правовые договоры, одной из сторон которых является заказчик научного и (или) научно-технического результата. Это обстоятельство выбрано в качестве обязательного условия – отличительного признака рассматриваемых договоров:

– договоры выполнения НИОКТР;

– контракты на выполнение НИОКТР для государственных и муниципальных нужд;

– договоры авторского заказа;

– договорное регулирование заказа произведений, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем;

– договоры по созданию служебных результатов интеллектуальной деятельности;

– соглашения о предоставлении субсидий (грантов) между главным распорядителем бюджетных средств и получателем субсидии, предусматривающие, в том числе создание научных и научно-технических результатов.

В ст. 8 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Закон о науке) названы договоры и контракты на создание, передачу и использование научной и (или) научно-технической продукции, оказание научных, научно-технических, инженерно-консультационных и иных услуг, договоры о совместной научной и (или) научно-технической деятельности и распределении прибыли. Договор указан в качестве основной правовой формы отношений между научной организацией, заказчиком и иными потребителями научной и (или) научно-технической продукции, в том числе органами исполнительной власти. Однако Закон о науке не содержит положений

о предмете, других существенных условиях данных видов договоров, их отличиях. Не ясно, на основании каких из перечисленных видов договоров могут создаваться научные результаты и какие особенности это может налагать на порядок их заключения, исполнения и прекращения.

1. Гражданско-правовое регулирование договоров по созданию научных и (или) научно-технических результатов в Российской Федерации

К положениям Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), регламентирующим правовые основы создания научных и научно-технических результатов, следует отнести прежде всего гл. 38 части второй ГК РФ о выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, а также разд. VII части четвертой ГК РФ о правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

По критерию охраноспособности объекта можно выделить:

– договоры, в результате которых создаются объекты, права на которые являются оборотоспособными;

– договоры, результатом которых являются объекты, права на которые могут ограниченно участвовать в обороте (например: результаты НИОКТР военного, специального и двойного назначения).

По субъекту, являющемуся исполнителем договора на создание научных результатов, договоры можно разделить на:

– договоры, исполнителем которых является автор – физическое лицо либо коллектив, чьим интеллектуальным трудом создается научный результат;

– договоры, в качестве исполнителя по которым выступает юридическое лицо, находящееся в договорных отношениях с автором (авторами), в том числе трудовых.

Классификация по предмету включает следующие виды договоров:

– договоры на выполнение НИОКТР (гл. 38 ГК РФ);

– государственные и муниципальные контракты на выполнение НИОКТР;

– договоры авторского заказа.

Также в ст. 1296, 1431, 1463 ГК РФ содержатся диспозитивные нормы о распределении между сторонами в договоре заказа прав на произведения, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем. Однако, вопреки распространенной позиции исследователей, на мой взгляд, данные положения не достаточны для того, чтобы делать вывод об особом правовом режиме таких договоров – в данных статьях отсутствуют нормы о существенных условиях договоров; правах и обязанностях сторон по исполнению договора; порядке заключения, изменения, прекращения договоров; ответственности сторон и т.д.

При этом представляется, что заказчика и исполнителя, исполнителя и автора могут связывать смешанные договоры, например, договор на выполнение НИОКТР, договор подряда, оказания услуг и т.д., в предмет которых входит также создание указанных результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД). Кроме того, существо научных (научно-технических) результатов диктует необходимость проведения НИОКТР, итогом которых будет являться такой результат.

Иными словами, при заказе научных (научно-технических) результатов представляется наиболее закономерным заключения договора на выполнение НИОКТР с созданием того или иного охраняемого одного или нескольких научных (научно-технических) результатов.

Поэтому на текущем этапе дополнение ГК РФ определениями договоров заказа произведений, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем представляется избыточным. В то же время отсутствие в ГК РФ специальных норм о распределении прав на созданные изобретения и полезные модели следует воспринимать не как законодательный запрет таких договоров, а в качестве правового пробела.

2. Правовое регулирование договоров по созданию служебных научных результатов

В доктрине устоявшимся является подход, что для квалификации РИД в качестве служебного, должны быть выполнены два условия:

1) наличие трудовых отношений между работником и работодателем (ст. 16 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ);

2) служебное задание на создание РИД не должно выходить за пределы трудовых обязанностей работника [2].

И. А. Близнец и К. Б. Леонтьев конкретизируют, что служебные произведения создаются в рамках трудовых обязанностей работника, предусмотренных трудовым договором, должностной инструкцией и иными регламентирующими деятельность работника локальными нормативными актами [3, с. 150–151].

Данный подход представлен и в п. 22 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г.).

Интересен подход В. С. Витко, согласно которому договор работодателя с работником, предусматривающий создание работником произведений, является полиотраслевым смешанным договором, из которого возникают правоотношения, регулируемые двумя отраслями права – трудового и гражданского: соответственно трудовое правоотношение и авторское [4].

В правовой доктрине выделяются следующие подходы к соотношению вознаграждения работника за создание служебного объекта интеллектуальной собственности и заработной платы:

1) вознаграждение может включаться в заработную плату работника [5, с. 148];

2) вознаграждение выплачивается помимо заработной платы работника [6, с. 27; 7, с. 298].

В. Н. Касталький отмечает, что вопрос о характере права на вознаграждение за служебное изобретение имеет важное практическое значение, например, с точки зрения возможности его уступки, выбора способа защиты, и в ГК РФ данный вопрос не решен [8, с. 44–52].

Практическим следствием из определения отраслевой принадлежности отношений между работником и работодателем по поводу прав на служебные РИД являются ответы на такие вопросы как:

– приобретает ли работодатель исключительное право только на принятые им от работника научные результаты либо на все подготовительные материалы и промежуточные/непринятые версии? И если принимает то, когда, в момент создания либо только при передаче?

– вправе ли работодатель в лице, например, руководителей автора служебного научного результата принимать решения о внесении изменений в созданный работником научный результат без его согласия, знакомить с научным результатом иных лиц и т.д.?

– вправе ли работник использовать по своему усмотрению созданный научный результат, включая не принятые работодателем промежуточные/непринятые версии (например, публиковать информацию о них, распоряжаться правами на них, включать в иные научные результаты)?

– входит ли, если иное прямо не предусмотрено договором между работником и работодателем вознаграждение за служебный РИД, являющийся научным результатом, в заработную плату работника либо должно учитываться и выплачиваться сверх заработной платы?

– какими нормами определяется ответственность работодателя за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств по выплате вознаграждений автору: по правилам, предусмотренным ст. 395, 333 ГК РФ либо ст. 142, 236 ТК РФ?

В соответствии с п. 2 ст. 1295, п. 3 ст. 1370, п. 3 ст. 1430, п. 3 ст. 1461 ГК РФ могут регулироваться как трудовым, так и гражданско-правовым договором между работником и работодателем вопросы принадлежности исключительного права на служебные РИД, а также права на получение патента.

Таким образом, по мнению автора настоящей работы, законодатель допускает, что:

1) указанные вопросы могут регулироваться трудовым договором;

2) по указанным вопросам работником и работодателем наряду с трудовым договором может быть заключен гражданско-правовой договор.

Примером гражданско-правового договора может быть соглашение, заключаемое между работодателем и работником на будущее – с целью предотвращения возможных ситуаций, когда работник спустя некоторое время после увольнения самостоятельно зарегистрирует РИД по темам, связанным с бывшей работой [9].

Представляется, что для рассмотрения данного вопроса ключевым различием трудового договора и гражданско-правового договора является не только предмет (предмет может быть один и тот же, как указал законодатель), но и положение сторон друг относительно друга, а также условия заключения этих договоров: в трудовых правоотношениях работник является более «слабой» стороной по отношению к работодателю – нуждается в установленных законодательством гарантиях.

Работник не должен оказываться на «территории регулирования гражданского права», фактически лишаться предусмотренных трудовым законодательством статуса более слабой стороны только потому, что объектом правоотношения являются права на РИД. Вместе с тем, как представляется, в отношении вещей не возникает сомнения в том, что вещь, созданная работником в рамках исполнения своих трудовых обязанностей (например, изготовленная рабочим на заводе деталь),

поступает в собственность работодателя и эти отношения регулируются не гражданским, а трудовым правом.

Регулирование нормами гражданского права основано на равенстве сторон и свободе воли, в частности, при вступлении в отношения, изменении их условий, а также прекращении, в том числе одностороннем расторжении договора. Поэтому можно сделать вывод, что в случае если стороны договариваются как работодатель и работник, то вопросы создания РИД, распределения исключительного права, права на получение патента, порядка, сроков, размера выплаты вознаграждения и т.д. входят в предмет трудового договора. А в случае, если стороны договариваются как равные субъекты – у обоих есть реальная экономическая, организационная, административная возможность отказаться от совершения сделки либо от согласия на предложенные другой стороной условия (например, в случае прекращения трудовых отношений между работником-автором и работодателем), то заключается гражданско-правовой договор.

Разница положения участников отношений влияет, в том числе на размер, характер и основания наступления ответственности за нарушения установленных обязанностей соответствующего участника, а также на то, в чью пользу толкуются судом либо иным органом государственной власти сомнения при разрешении спора.

В советский период В. И. Корецким был предложен подход, согласно которому в отличие от гражданских авторских правоотношений отношения с штатными работниками организации по трудовому договору являются трудовыми авторскими правоотношениями. Соответственно размер вознаграждения автору в рамках таких отношений определяется утвержденными ставками заработной платы, премиально-поощрительным вознаграждением, если оно предусмотрено в законодательстве для данной категории авторов. По логике исследователя, автору – штатному работнику может уплачиваться авторский гонорар за выполнение служебных заданий сверх заработной платы только в исключительных случаях, особо предусмотренных в законодательстве [10, с. 192].

На сложность и неоднозначность данного вопроса указывает также тот факт, что в подп. «в» п. 91 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» слова «договор между работодателем и работником, которым определяются размер, условия и порядок выплаты такого вознаграждения, по своему характеру является гражданско-правовым…» были исключены постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10.

Исходя из изложенного представляется, что договоры по созданию служебных научных результатов относятся к предмету трудового права.

3. Публично-правовое регулирование договоров по созданию служебных научных результатов

Говоря о правовом регулировании соглашений о предоставлении субсидий на НИОКТР гражданского назначения, которое относится к предмету бюджетного права, отмечу ключевой на данный момент документ: постановление Правительства РФ от 25 октября 2023 г. № 1780, которым утверждены Правила, определя-

ющие порядок предоставления из федерального бюджета, а также из бюджетов субъектов Российской Федерации (местных бюджетов)… субсидий юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам, в том числе грантов в форме субсидий.

Так, помимо общих условий и порядка предоставления субсидий документом установлены особенности предоставления субсидий на проведение НИОКТР гражданского назначения – в соглашение включаются положения:

а) о получении по итогам прикладных научных исследований и (или) экспериментальных разработок РИД, способных к правовой охране в качестве объекта патентных прав;

б) о размещении сведений о проведении работ в ЕГИСУ НИОКТР;

в) о привлечении средств внебюджетных источников в размере не менее 50% общей стоимости работ по проведению прикладных научных исследований и (или) экспериментальных разработок.

При этом форма соглашения о предоставлении субсидий определяется приказами Минфина России, которые зависят от категории получателей субсидий и целевого назначения. Среди таких приказов можно отметить:

– приказ Минфина России от 30 ноября 2021 г. № 199н «Об утверждении Типовой формы соглашения (договора) о предоставлении из федерального бюджета субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам»;

– приказ Минфина России от 22 июля 2022 г. № 114н «Об утверждении Типовой формы соглашения о предоставлении федеральному бюджетному или автономному учреждению субсидии в соответствии с абзацем вторым пункта 1 статьи 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации»;

– приказ Минфина России от 1 марта 2023 г. № 28н «Об утверждении Типовой формы соглашения о предоставлении субсидии федеральному бюджетному или автономному учреждению на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ)».

Заключение

Представляется, что крайне важным при договорном регулировании отношений по созданию научных и научно-технических результатов верно определять отраслевую принадлежность отношений, которая зависит от относительного положения сторон друг относительно друга. Представляется, правовое регулирование таких договоров нуждается в конкретизации и совершенствовании.

В частности, в целях устранения правовых пробелов, неопределенности правовой судьбы создаваемых служебных РИД, а также обеспечения прав и законных интересов работников-авторов предлагается в Трудовой кодекс РФ ввести общие нормы, регулирующие права на служебные РИД, с возможностью более детального регулирования на уровне подзаконных актов (постановлениями Правительства РФ).

Пристатейный библиографический список

1. *Гумеров Л. А.* Регулирование правоотношений в научно-технологической сфере : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022.

2. *Витко В. С.* Правовая природа договоров по созданию произведений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

3. Право интеллектуальной собственности : учебник / под ред. И. А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект. 2016.

4. *Витко В. С.* Договоры заказа на создание произведений. М. : Статут, 2016.

5. *Ландин А. В.* Правовое регулирование научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ и охрана их результатов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

6. *Баттахов П. П.* Служебные результаты интеллектуальной деятельности по законодательству РФ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.

7. *Дозорцев В. А.* Творческий результат: система правообладателей // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2003.

8. *Кастальский В. Н.* Авторское вознаграждение за использование служебных изобретений // Патенты и лицензии. 2008. № 3.

9. *Добрынин В. О.* Особенности правового регулирования служебных изобретений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

10. *Корецкий В. И.* Авторские правоотношения в СССР. Сталинабад : [б. и.], 1959.

References

1. *Gumerov L. A.* Regulation of Legal Relations in the Scientific and Technological Sphere: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2022. (In Russ.)

2. *Vitko V. S.* The Legal Nature of Contracts for the Creation of Works: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2018. (In Russ.)

3. *Bliznets I. A. (ed.).* Intellectual Property Law: Textbook. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2016. (In Russ.)

4. *Vitko V. S.* An Order for the Production. Moscow: Statut, 2016. (In Russ.)

5. *Landin A. V.* Legal Regulation of Research, Development and Technological Works and Protection of Their Results: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2008. (In Russ.)

6. *Battakhov P. P.* Official Results of Intellectual Activity Under the Legislation of the Russian Federation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2010. (In Russ.)

7. *Dozortsev V. A.* Creative Result: The System of Copyright Holders. In *Dozortsev V. A.* Intellectual Property Rights: The Concept. System. Tasks of Codification: Collection of Articles. Moscow: Statut, 2003. (In Russ.)

8. *Kastalskii V. N.* Copyright Remuneration for the Use of Service Inventions. *Patents and Licenses*, 2008, no. 3. (In Russ.)

9. *Dobrynin V. O.* Features of the Legal Regulation of Service Inventions: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2014. (In Russ.)
10. *Koretskii V. I.* Copyright Relations in the USSR. Stalinabad: [B. i.], 1959. (In Russ.)

Сведения об авторе:
М. А. Гапоненко – заведующий центром правовых исследований.

Information about the author:
M. A. Gaponenko – Head, Center for Legal Studies.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 18.12.2024; принята к публикации 18.12.2024.
The article was submitted to the editorial office 09.12.2024; approved after reviewing 18.12.2024; accepted for publication 18.12.2024.

Научная статья
УДК 347
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-195-206

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Руслан Владимирович Мамедов

Финансовый университет при Правительстве РФ, 125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2

RVMamedov@fa.ru

Аннотация

В настоящей статье анализируются различные подходы применительно к понятию «институт развития» как в узком, так и широком смысле. Отмечается, что на сегодняшний день с учетом регулирования деятельности существующих институтов развития различными нормативными правовыми актами их понятие не является устоявшимся, отсутствует единообразное законодательное определение, а также требуется раскрытие его содержания. Методами исследования выступают: логический анализ, синтез, обобщение (общенаучные методы), а также формально-юридический и сравнительно-правовой (специальные методы). В качестве вывода предлагается сформулированное автором понятие «институт развития», под которым понимается экономический субъект, созданный в организационно-правовой форме коммерческой или некоммерческой организации на основании специального нормативного правового акта, наделенного публичным имуществом для осуществления деятельности, являющегося получателем бюджетных средств, направляемых для осуществления функции экономического посредника, обеспечивающего взаимодействие между публичным собственником и иными участниками инновационной и инвестиционной деятельности на условиях государственно-частного партнерства в целях достижения общественно значимого результата социально-экономического развития.

Ключевые слова: институты развития; технологический суверенитет; инновационное развитие; правовое регулирование; предпринимательское право.

Для цитирования: *Мамедов Р. В.* К вопросу о понятии «институт развития» в законодательстве Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 195–206. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-195-206

Research Article

ON THE CONCEPT OF "DEVELOPMENT INSTITUTE" IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ruslan V. Mamedov

Financial University under the Government of the Russian Federation49/2 Leningradskii Ave., Moscow, 125167, Russia

RVMamedov@fa.ru

Abstract

This article analyzes various approaches to the concept of "development institute" in both the narrow and broad sense. It is noted that today, taking into account the regulation of the activities of existing development institutions by various regulatory legal acts, their concept is not well-established, there is no uniform legislative definition, and disclosure of its content is required. The research methods are: logical analysis, synthesis, generalization (general scientific methods), as well as formal legal and comparative legal (special methods). As a conclusion, the concept of «development institute» formulated by the author is proposed, which means an economic entity created in the organizational and legal form of a commercial or non-profit organization on the basis of a special regulatory legal act endowed with public property for carrying out activities, which is the recipient of budgetary funds allocated to carry out the function of an economic intermediary, ensuring interaction between the public owner and other participants in innovation and investment activities on the terms of a public-private partnership in order to achieve a socially significant result of socio-economic development.

Keywords: development institutions; technological sovereignty; innovative development; legal regulation; business law.

For citation: *Mammadov R. V.* On the Concept of "Development Institute" in the Legislation of the Russian Federation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 195–206. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-195-206

Введение

Основной целью функционирования современного государства, непосредственно влияющей на иные, второстепенные цели, является эффективное социально-экономическое развитие. Социально-экономическое развитие способствует решению иных государственных задач, таких как повышение обороноспособности (особенно с учетом современных вызовов и угроз со стороны недружественных стран), развитие здравоохранения, решение экологических проблем, удовлетворение жилищных потребностей граждан, борьба с бедностью, улучшение демографической ситуации и т.д. Об этих и иных проблемах развития страны и возможных путях их решения Президент России В. В. Путин практически ежегодно заявляет в своих посланиях Федеральному Собранию [1]. Особое внимание данным вопросам уделяется и в различных стратегических документах Российской Федерации, особенно с учетом необходимости достижения к 2030 г. технологического суверенитета [2].

Государство как собственник значительного имущества, а также как «держатель казны» должно создавать действенные механизмы, позволяющие расходовать бюджетные средства и использовать федеральную собственность для реализации установленных целей развития. Для осуществления результативного расходования федеральных ресурсов, приносящего очевидный существенный эффект, в Российской Федерации стали создаваться институты развития, которые были призваны решать государственные задачи в определенных, особо значимых для страны, сферах деятельности. В данных процессах им отводится особая роль как субъектам взаимодействия с предпринимательской средой.

1. Понятие «институт развития» в доктрине и законодательстве Российской Федерации

Применительно к создающимся институтам развития Е. Монастырный и В. Саклаков В. обращают внимание: «в 1990-е–2000-е гг., когда в стране только формировалось большинство существующих сейчас институтов развития, оценивать их эффективность было преждевременно. Наивное желание политиков переходного периода как можно быстрее построить инновационную экономику, приведшее к беспорядочному копированию институтов развития – технопарков, венчурных фондов, особых экономических зон и т.п. привело к многочисленным дисфункциям при их взаимодействии с внешней средой» [3, с. 59].

С течением времени менялось понимание роли и значения институтов развития в российской экономике, изменялось и совершенствовалось законодательство, формировались новые подходы к управлению субъектами развития и контроля за их деятельностью.

Анализируя деятельность институтов развития, следует отметить, что данные субъекты в последние годы рассматриваются как инструмент государственного воздействия на экономику и предпринимательскую среду, в связи с чем Правительство РФ уделяет особое внимание функционированию данных организаций, наделяя их широкими полномочиями и значительными ресурсами [4]. Неслучайно, что в распоряжении Правительства РФ от 28 декабря 2020 г. № 3579-р сделан

акцент именно на содействии в социально-экономическом развитии «институты развития» – организации, целью деятельности которых в соответствии с их учредительными документами и (или) законодательством Российской Федерации является содействие проведению государственной политики и (или) развитию отдельных отраслей экономики Российской Федерации» [5].

С учетом широкого использования понятия «институт развития» при анализе российских институтов развития необходимо различать федеральные институты развития, созданные Российской Федерацией как учредителем с институтами развития с участием Российской Федерации, которые являются «международными (многосторонними) институтами развития и представляют собой международные организации, миссия которых состоит в содействии социально-экономическому развитию стран-членов (стратегических партнеров) в соответствии с целями, задачами и стратегиями таких институтов. К ним относятся: Группа Всемирного банка, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития, Евразийский банк развития (ЕАБР), Черноморский банк торговли и развития (ЧБТР), Международный инвестиционный банк, Международный банк экономического сотрудничества (МБЭС), Межгосударственный банк, Российско-Кыргызский Фонд развития (РКФР)» [6].

Если обратиться к конкретным институтам развития, то среди созданных и функционирующих можно выделить как финансовые организации, так и нефинансовые, функционирующие в организационно-правовых формах коммерческих и некоммерческих организаций, созданных различными субъектами публичной власти в качестве их учредителей (федеральные, на уровне субъектов РФ, муниципальные). Это и различные банки развития, сюда относятся и корпорации развития, а также разнообразные организации, осуществляющие деятельность, связанную с развитием инновационной инфраструктуры [7].

При всем многообразии существующих институтов развития и различных направлений их деятельности понятие «институт развития» с учетом регулирования их деятельности различными нормативными правовыми актами, как федеральными законами, так и подзаконными нормативными правовыми актами, не является устоявшимся, оно не получило единообразного законодательного определения, нуждается в раскрытии его содержания.

Д. А. Савин справедливо утверждает, что в настоящее время «не представляется возможным считать, что в науке сложилось однозначное преставление об указанных институтах, хотя упоминания термина «институты развития» можно найти и во многих документах стратегического планирования: и в российском законодательстве, и в научной и практической литературе» [8, с. 3].

Как отмечают отдельные авторы, в доктрине сложилось представление об институтах развития в широком и узком смысле. В широком смысле это «инструмент реализации государственной политики в социально-экономической сфере путем создания условий для экономического роста и обеспечения модернизации экономики, стимулирования деятельности экономических субъектов». В узком смысле под институтом развития понимается «самостоятельный субъект права, коммерческая или некоммерческая организация, созданная и регулируемая специальными

нормативными правовыми актами, которая в рамках достижения целей деятельности, направленных на реализацию государственной социально-экономической политики и выполнения делегированных государством функций, обладает статусом получателя мер государственной поддержки и осуществляет публичную финансовую деятельность» [9, с. 211–212].

Проводит подобную классификацию и С. Кузнецов, также акцентируя внимание, что «в широком смысле институт развития представляет собой инструмент государственного регулирования экономики, направленный на поддержку определенной сферы экономики, территории или категории субъектов предпринимательской деятельности. В узком смысле институт развития представляет собой субъекта права, который выполняет делегированные ему публичные функции, имеющий целевую направленность деятельности, созданный с использованием в основном государственных средств, но на принципах софинансирования с частными инвесторами в рамках государственно-частного партнерства» [10, с. 31].

Представляется, что сделанный указанными исследователями акцент на институте развития как «инструменте государственного регулирования экономики», а также как «субъекте, выполняющем публичные функции» не учитывает возможность института развития быть участником и частноправовых отношений, в частности, самостоятельно получать прибыль от предпринимательской деятельности, право на осуществление которой предусмотрено федеральными законами, определяющими правовое положение институтов развития.

Неслучайно, что в распоряжении Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. № 2593-р обращается внимание на возможность институтов развития постепенно переходить на самофинансирование деятельности: «Средства федерального бюджета, направленные для их формирования и финансового обеспечения, должны обеспечить максимальный объем внебюджетного софинансирования, а сами институты развития должны поэтапно перейти на режим самофинансирования за счет внебюджетных источников вследствие повышения эффективности их деятельности» [11].

В действующем законодательстве получило закрепление понятие «институт инновационного развития», которое раскрывается в ч. 17 ст. 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике». В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 5 февраля 2021 г. № 241-р в перечень федеральных институтов инновационного развития были внесены девять институтов развития [7]. Данный субъект может функционировать в организационно-правовой форме как коммерческой, так и некоммерческой организации, т.е., если исходить из положений ст. 50 Гражданского кодекса РФ, это могут быть организации, которые в качестве основной цели своей деятельности преследуют извлечение прибыли, так и организации, основная цель деятельности которых не связана с извлечением прибыли.

Особенностью деятельности данных организаций является то, что они могут осуществлять деятельность на основании различных нормативных правовых актов как федерального уровня, так и нормативных правовых актов субъектов РФ. Причем на федеральном уровне источником нормативного правового регулирования деятельности данных субъектов могут выступать любые источники, отно-

сящиеся к федеральному законодательству в широком смысле: специальные федеральные законы, указы или распоряжения Президента РФ, постановления или распоряжения Правительства РФ. На уровне субъектов РФ в качестве источников правового регулирования деятельности могут выступать: закон или иной нормативный правовой акт субъекта РФ.

Признаком института инновационного развития является также то, что он выступает в качестве получателя специальных государственных средств поддержки, которые выделяются публичным субъектом (Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации) и имеют целевое направление использования, исключительно на поддержку юридических или физических лиц, осуществляющих инновационную деятельность.

Следует уточнить, что категория «институт развития» является объектом исследования и в экономической науке.

В экономических исследованиях под институтом развития понимают «организационно-экономические структуры, содействующие распределению ресурсов в пользу проектов по формированию нового потенциала экономического роста посредством активного привлечения инвестиций в социальную и инженерную инфраструктуру, в развивающиеся отрасли и в человеческий капитал, а также посредством создания новых технологий и содействия повышению конкурентоспособности бизнеса» [12, с. 22].

А. Фархутдинова предприняла попытку систематизировать имеющиеся подходы в экономической науке и выделила три основных подхода к содержанию категории «институты развития», акцентируя внимание на территориальные институты развития: во-первых, в научных исследованиях рассматриваются «как инструмент, содействующий распределению ресурсов в пользу приоритетных проектов и способствующий экономическому росту территориальных образований; во-вторых, институты развития способствуют выстраиванию отношений между агентами, уменьшая неопределенность, вследствие чего возрастает эффективность региональной экономики; в-третьих, под институтами развития понимается инструмент инновационного развития территорий. Данные субъекты способствуют формированию инновационной инфраструктуры с применением механизма государственно-частного партнерства, основанного на объединении финансовых возможностей государства, бизнеса и распределения возможных рисков» [13, с. 381]. Для повышения эффективности бюджетных инвестиций необходимо повышение эффективности управления созданными в результате инвестиционной деятельности активами, в том числе институтами развития, включая привлечение частного капитала к их дальнейшему развитию и модернизации [11].

Учитывая представленные подходы, нам представляется более содержательным подход, понимающий под институтом развития специального посредника, обеспечивающего реализацию публичных функций государства в особо значимых сферах деятельности, наделяемый властными полномочиями, обеспечиваемый необходимым государственным имуществом и бюджетными средствами, способствующими обеспечению взаимодействия между государством и частными инвесторами в рамках государственно-частного партнерства.

В экономических исследованиях институты развития классифицируют и по иным основаниям, «в зависимости от того, кто является инициатором их создания (например, государственные и (или) частные, федеральные и (или) региональные), по характеру деятельности и форме участия (финансовые и (или) нефинансовые), по целям и приоритетам создания (содействие экономическому росту, поддержка отдельных отраслей, стимулирование инноваций, поддержка экспорта, поддержка предпринимательства, развитие территорий и инфраструктуры), по вкладу в развитие национальной экономики и другим основаниям» [3].

Важно обратить внимание, что большинство представленных точек зрения определяют институт развития как форму участия государства в социально-экономическом развитии страны. Государство ищет наиболее оптимальный механизм финансирования экономики, чтобы используемые публичные финансовые ресурсы давали наибольший экономический эффект. Применяемые в настоящее время рыночные способы осуществления хозяйственной деятельности в отдельных случаях не способны решать определенные задачи развития, в связи с чем необходимо государственное воздействие на определенные экономические процессы. Неслучайно, что большое внимание в последние годы уделяется государственно-частному партнерству [14]. Многие задачи решаются с использованием посредников между государством и инвесторами, к которым относятся финансовые и нефинансовые институты развития. Участие государства в подобных отношениях оказывает стимулирующее воздействие на частные инвестиции в определяемых государством направлениях развития (секторах и отраслях экономики, в пределах развития перспективных и важных территорий) с учетом обозначенных ориентиров на технологическое развитие.

С экономической точки зрения необходимость функционирования институтов развития, как и ранее, объясняется несколькими факторами. Отдельные направления развития для России являются стратегически важными, но в современных условиях необходимо государственно-частное партнерство в данных направлениях развития. Другой фактор связан с необходимостью развития тех сфер деятельности, где частное предпринимательство не видит быстрого и существенного роста вложений. Заметим, что традиционные банковские организации также не находят перспектив в финансировании подобных стратегических направлений. Эти сферы не являются для частных финансовых организаций приоритетными, так как необходимы длительные сроки окупаемости вложений и значительные по объему ресурсы. В частности, в своем докладе «Финансовый рынок: новые задачи в современных условиях» Банк России отмечает: «банки часто не склонны участвовать в кредитовании долгосрочных проектов, учитывая, что значительная часть их пассивов краткосрочная или «до востребования». Обращается внимание, что в настоящее время многие проекты «являются очень крупными даже по международным меркам, и капитал крупнейших российских банков недостаточен для кредитования таких проектов» [15].

Напротив, государство обладает как финансовым, так и административным ресурсом, чтобы обеспечить потребность в «длинных деньгах» и использовать иные механизмы государственно-частного партнерства (налоговые льготы, преферен-

ции, снижение контрольного воздействия и т.д.). Именно с подобных позиций исходят при создании институтов развития, чтобы запустить стратегические проекты и способствовать привлечению частного капитала потенциальных инвесторов.

Несомненно, что особая роль отводится институтам развития с учетом санкционной политики со стороны недружественных стран и необходимости выхода страны из сложных экономических условий, обусловленных прекращением импорта материалов, товаров и технологий. Переориентация экономики России на отечественные технологические решения, использование параллельного импорта, а также расширение экономических связей с дружественными странами требует и реализации новых прорывных технологий, исполнение которых напрямую зависит от деятельности институтов развития, обладающих как необходимыми финансовыми ресурсами, так и имеющими определенные установленные законом властные компетенции.

На особую роль ВЭБа как института государственно-частного партнерства в условиях кризиса 2008 г. обращал внимание Е. Зусман, считая, что у данного института развития «широкие возможности по принятию антикризисных мер». Даже в условиях кризиса с учетом огромной финансовой поддержки Правительства РФ, ВЭБ имеет возможности участвовать в проектах, «может выступать кредитором или предоставлять гарантии для получения кредитов в банках». «ВЭБ имеет большие ресурсы для реального структурирования, администрирования, является субъектом, приближенным к государству, учитывая, что Наблюдательный совет ВЭБа возглавляет Председатель Правительства РФ» [16].

Многообразие существующих институтов развития делает проблематичным сформулировать общее понятие данного субъекта, тем более нормативно закрепить его в каком-либо едином источнике. В настоящее время в качестве источников правового регулирования с учетом многоаспектного характера осуществляемой институтами развития деятельности выступают различные федеральные законы, в которых отражается специфика прав и обязанностей, а также направлений деятельности указанных субъектов.

Несмотря на многоаспектный характер функционирующих институтов развития, для единообразного регулирования их деятельности, в доктрине сформировалась дискуссионная идея о необходимости привести правовое регулирование анализируемых организаций к единому источнику правового регулирования, по аналогии с иными законами, регулирующими деятельность однотипных субъектов, например, специальному Федеральному закону «Об институтах развития в Российской Федерации», в котором будут закреплены общие положения, создающие единые требования к указанным субъектам. Возможно, что в случае достижения консенсуса в рамках дискуссии о необходимости принятия единого федерального закона «Об институтах развития в Российской Федерации» этот вопрос будет положительно рассмотрен.

Противники указанного подхода исходят из того, что в едином источнике невозможно будет отразить специфику деятельности существующих институтов развития, что потребует дополнительной корректировки в специальных законах и не решит проблемы единообразного регулирования.

Представляется, что потребность легального закрепления понятия «институт развития» с теоретической и практической точки зрения отсутствует. В рамках научных исследований имеет смысл доктринальной определенности анализируемого понятия, в связи с объективным существованием подобных организаций в экономическом обороте. В подобных случаях в юридической науке довольно часто используется подход, при котором понятие формируется из определенных признаков, характерных для подобного правового явления. Например, в соответствии со ст. 2 ГК РФ определяется понятие «предпринимательская деятельность», со ст. 48 ГК РФ путем перечисления признаков определяется понятие «юридическое лицо» и др.

Несомненно, что институт развития следует рассматривать как организацию, осуществляющую деятельность в установленной ГК РФ организационно-правовой форме коммерческой или некоммерческой направленности функционирования (коммерческая или некоммерческая организация). При существующих подходах и практике функционирования институтов развития можно определиться с исчерпывающим перечнем организационно-правовых форм, в которых осуществляют деятельность институты развития. В настоящее время, это, как правило, акционерные общества и государственные корпорации.

Имущественное обособление института развития обусловлено наделением его публичным имуществом, а также постоянным бюджетным финансированием его деятельности. В качестве учредителя подобного имущества выступает его публичный собственник, в зависимости от уровня деятельности института развития. Российская Федерация на федеральном уровне, субъект РФ на региональном уровне и муниципальный субъект на муниципальном уровне. В определенной части институт развития имеет и собственные доходы, порядок использования которых определяется его учредителем.

Особенностью института развития является индивидуальный источник правового регулирования, определяющий его правовое положение и иные вопросы осуществления деятельности, имеющие специализированное назначение, исходя из цели создания института развития и основных реализуемых задач.

Выступая в гражданских правоотношениях как экономический агент публичного собственника, в роли специального посредника, институт развития должен обеспечивать взаимодействие между публичным собственником и частными инвесторами в рамках государственно-частного партнерства.

Заключение

Таким образом, под институтом развития следует понимать экономический субъект, созданный в организационно-правовой форме коммерческой или некоммерческой организации на основании специального нормативного правового акта, наделенного публичным имуществом для осуществления деятельности, являющийся получателем бюджетных средств, направляемых для осуществления функции экономического посредника, обеспечивающий взаимодействие между публичным собственником и иными участниками инновационной и инвестиционной деятельности на условиях государственно-частного партнерства в целях достижения общественно значимого результата социально-экономического развития.

Пристатейный библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. «Послание Президента Федеральному Собранию» // Парламентская газета. 2021. № 15; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. «Послание Президента Федеральному Собранию» // Парламентская газета. 2023. № 7; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. «Послание Президента Федеральному Собранию» // Парламентская газета. 2024. № 8.

2. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

3. *Монастырный Е. А., Саклаков В. М.* Классификация институтов развития // Инновации. 2013. № 9 (179).

4. *Оболенская Л. В.* Анализ институтов развития в контексте их реформирования: целевые и нормативно-правовые аспекты // Безопасность бизнеса. 2022. № 5.

5. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2020 г. № 3579-р «Об утверждении методических рекомендаций по формированию и применению ключевых показателей эффективности деятельности акционерных обществ, акции которых находятся в собственности Российской Федерации, и отдельных некоммерческих организаций в целях определения размера вознаграждения их руководящего состава» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. II). Ст. 237.

6. Институты развития с участием Российской Федерации // Минфин России : сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/international/development_institutions_participation_rf/?ysclid=m2w3ymqn87882831264 (дата обращения: 01.12. 2024).

7. Распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2021 г. № 241-р «Об утверждении перечня федеральных институтов инновационного развития» // СЗ РФ. 2021. № 7. Ст. 1161.

8. *Савин Д. А.* Институты развития как субъекты бюджетного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2023.

9. *Брыкин К. И.* Юридические признаки института развития как субъекта финансового права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 1.

10. *Кузнецов С. В.* Институт развития как лицо публичного права // Предпринимательское право. 2021. № 4.

11. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. № 2593-р «Об утверждении Программы повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года» // СЗ РФ. 2014. № 2 (ч. II). Ст. 219.

12. *Курбатова М. В., Саблин К. С.* Институты развития и квазиинституты развития в российской экономике // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 3.

13. *Фархутдинова А. У.* Институты развития в условиях кризисной экономики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9.

14. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации

и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4350.

15. Финансовый рынок: новые задачи в современных условиях. Документ для общественного обсуждения // Банк России : сайт. URL: http://cbr.ru/Content/Document/File/139354/financial_market_20220804.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

16. *Зусман Е. В.* ГЧП в условиях экономического кризиса: новые тенденции развития // Юрист. 2009. № 1.

References

1. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of April 21, 2021 "The Message of the President to the Federal Assembly". *Parliamentary Newspaper*, 2021, no. 15; Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of February 21, 2023 "The Message of the President to the Federal Assembly". *Parliamentary Newspaper*, 2023, no. 7; Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of February 29, 2024 "The Message of the President to the Federal Assembly". *Parliamentary Newspaper*, 2024, no. 8. (In Russ.)

2. Decree of the Government of the Russian Federation of May 20, 2023 No. 1315-r "On Approval of the Concept of Technological Development for the Period up to 2030" (together with the "Concept of Technological Development for the Period up to 2030"). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 22, art. 3964. (In Russ.)

3. *Monastyrny E. A., Saklakov V. M.* Classification of Development Institutions. *Innovation*, 2013, no. 9 (179). (In Russ.)

4. *Obolenskaia L. V.* Analysis of Development Institutions in the Context of Their Reform: Target and Regulatory Aspects. *Business Security*, 2022, no. 5. (In Russ.)

5. Decree of the Government of the Russian Federation of December 28, 2020 No. 3579-r "On Approval of Methodological Recommendations for the Formation and Application of Key Performance Indicators for Joint-Stock Companies Owned by the Russian Federation and Individual Non-Profit Organizations in Order to Determine the Amount of Remuneration for Their Senior Staff". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 1 (part II), art. 237. (In Russ.)

6. Development Institutes with the Participation of the Russian Federation. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/international/development_institutions_participation_rf/?ysclid=m2w3ymqn87882831264 (date of the application: 12.01.2024). (In Russ.)

7. Decree of the Government of the Russian Federation of February 5, 2021 No. 241-r "On Approval of the List of Federal Institutes for Innovative Development". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 7, art. 1161. (In Russ.)

8. *Savin D. A.* Development Institutions as Subjects of Budget Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2023. (In Russ.)

9. *Brykin K. I.* Legal Features of the Institute of Development as a Subject of Financial Law. *Bulletin of VSU*, 2021, no. 1. (In Russ.)

10. *Kuznetsov S. V.* Institute of Development as a Person of Public Law. *Business Law*, 2021, no. 4. (In Russ.)

11. Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2013 No. 2593-r "On Approval of the Program for Improving the Efficiency of Public (State and Municipal) Finance Management for the Period up to 2018". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 2 (part II), art. 219. (In Russ.)

12. *Kurbatova M. V., Sablin K. S.* Institutes of Development and Quasi-Institutes of Development in the Russian Economy. *Terra Economicus*, 2012, vol. 10, no. 3. (In Russ.)

13. *Farkhutdinova A. U.* Institutes of Development in a Crisis Economy. *Azimut Scientific Research Economics and Management*, 2020, vol. 9. (In Russ.)

14. Federal Law of July 13, 2015 No. 224-FZ "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2015, no. 29 (part I), art. 4350. (In Russ.)

15. Financial Market: New Challenges in Modern Conditions. Document for Public Discussion. URL: http://cbr.ru/Content/Document/File/139354/financial_market_20220804.pdf (date of the application: 12.01.2024). (In Russ.)

16. *Zusman E. V.* PPP in the Context of the Economic Crisis: New Development Trends. *Lawyer*, 2009, no. 1. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Р. В. Мамедов – аспирант.

Information about the author:
R. V. Mammadov – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 02.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 347.453.1
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-207-215

СОГЛАШЕНИЕ О СОРАЗМЕРНОСТИ НЕУСТОЙКИ В РАМКАХ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

Вячеслав Валерьевич Черемухин

Финансовый университет при Правительстве РФ, 125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2

slava19941994@mail.ru

Аннотация

Одним из распространенных способов обеспечения обязательств является неустойка, однако в судебной практике широкое распространение получил механизм ее снижения по ст. 333 ГК РФ. Целью статьи является исследование вариантов нивелирования рисков снижения неустойки судами, а также разработка условий договоров, которые позволили бы ограничить масштаб ее снижения. Поставленная цель достигается путем установления правовой природы неустойки, особенностей применения ст. 333 ГК РФ, а также действительности условий договора, направленных на ограничение ее применения. При решении данных задач используются общенаучные (синтез, системный анализ, аналогия) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. По итогам исследования обобщаются разработанные в доктрине и практике подходы к снижению неустойки, а также предлагаются возможные формулировки договора, которые, не ограничивая права суда, позволили бы ограничить возможности должника по доказыванию несоразмерности неустойки.

Ключевые слова: договор аренды; неустойка; земельный участок.

Для цитирования: *Черемухин В. В.* Соглашение о соразмерности неустойки в рамках договора аренды земельного участка // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 207–215. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-207-215

Research Article

AGREEMENT ON THE PROPORTIONALITY OF THE PENALTY UNDER THE LAND LEASE AGREEMENT

Vyacheslav V. Cheremukhin

Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2 Leningradskii Ave., Moscow, 125167, Russia

slava19941994@mail.ru

Abstract

One of the common ways to ensure the performance of obligations is a penalty, however, in judicial practice, the mechanism of its reduction under Article 333 of the Civil Code has become widespread. The purpose of the article is to study options for leveling the risks of reducing penalties by courts, as well as the development of terms of contracts that allowed to limit the scale of its decline. This goal is achieved by establishing the legal nature of the penalty, the specifics of the application of Article 333 of the Civil Code, as well as the validity of the terms of the agreement aimed at limiting its application. In solving the above problems, general scientific (synthesis, system analysis, analogy) and special (formal-legal, comparative-legal) methods are used. Based on the results of the study, the approaches developed in doctrine and practice to reduce the penalty are summarized, and also possible formulations of the contract are proposed, which, without limiting the rights of the court, would limit the debtor's ability to prove the disproportionality of the penalty.

Keywords: lease agreement; penalty fee; land plot.

For citation: *Cheremukhin V. V.* Agreement on the Proportionality of the Penalty Under the Land Lease Agreement. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 207–215. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-207-215

Введение

Большинство объектов капитального строительства на принадлежащих государству земельных участках возводятся застройщиками на основании соответствующих договоров аренды земельных участков.

Стороной арендодателя в таких договорах обычно выступают уполномоченные на распоряжение земельными участками органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органы исполнительной власти самой Российской Федерации.

Представляется очевидным, что в условиях ограниченности городского пространства, особенно в мегаполисах, таких как Москва, власти заинтересованы и уделяют значительное внимание гарантиям того, что предоставленный застройщику земельный участок будет своевременно и эффективно осваиваться, и город в ожидаемые сроки получит тот или иной объект недвижимости, который органично впишется в окружающую городскую среду.

Поскольку аренда представляет собой обязательство [1], основным механизмом гарантий исполнения договора в данном случае выступают предусмотренные гражданским законодательством способы обеспечения надлежащего исполнения обязательства.

По общему правилу, как того требует ст. 309 Гражданского кодекса РФ, обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с их условиями, однако так происходит не всегда, в связи с чем возникает потребность в обеспечении их должного исполнения.

Традиционными в гражданском законодательстве способами обеспечения исполнения обязательств являются неустойка, удержание вещи, залог, задаток, обеспечительный платеж, поручительство, независимые и банковские гарантии.

Одним из наиболее распространенных в сфере аренды земельных участков инструментом стимулирования застройщиков к надлежащему исполнению условий договоров аренды является неустойка [2], причем активно используются обе ее разновидности – как периодические пени, так и единовременные штрафы.

1. Правовая природа неустойки

Понятие неустойки прямо раскрывается в Гражданском кодексе РФ, согласно которому неустойка является денежной суммой, определенной в договоре или в законе, которую должник обязан уплатить кредитору в случае, если он не исполнил, или исполнил ненадлежащим образом принятые на себя обязательства.

Основная функция неустойки – обеспечивать надлежащее исполнение сторонами договора его условий.

Соглашение о неустойке всегда совершается в письменной форме, в противном случае оно является недействительным.

В случаях, когда соглашение о неустойке отсутствует, кредитор вправе рассчитывать на т.н. законную неустойку, т.е. предписанную непосредственно в законе на случай нарушения определенного вида обязательств.

Обычно в договорах аренды предусматривают неустойку в виде пени за просрочку исполнения обязательства, и единовременные штрафы за сам факт совершения тех или иных нарушений.

Допустимым с точки зрения гражданского законодательства и судебной практики [3, п. 16] является также и установление одновременного сочетания штрафа и пени в связи с одним нарушением.

В таком случае должник обязан будет уплатить как разовый штраф за сам по себе факт нарушения, так и уплачивать периодические пени до момента устранения нарушения.

Размер неустойки обычно определяется относительно свободно по усмотрению и согласованию сторон договора, каких-либо строгих предписаний относительно размера договорной неустойки закон в большинстве случаев не содержит.

Например, размер неустойки (пени) за нарушение сроков внесения арендных платежей за землю в Москве урегулирован Законом г. Москвы от 19 декабря 2007 г. № 48 «О землепользовании в городе Москве», в соответствии с которым по общему правилу применяется неустойка (пени) в размере $^{1}/_{300}$ ставки рефинансирования ЦБ от суммы долга за каждый день просрочки.

Но опять-таки, данный размер неустойки применяется в случае, если иной размер неустойки не установлен договором.

Размер неустойки в виде штрафа регулируется еще более диспозитивно, исходя из общих принципов разумности, экономической обоснованности и соразмерности мер ответственности последствиям допущенного нарушения.

Разовый штраф может устанавливаться за самые различные нарушения, например за нарушение сроков строительства объектов, отступление от их предельно допустимых параметров, за нецелевое использование земельных участков, или за любые иные нарушения.

Размер такого штрафа обычно определяет орган исполнительной власти, уполномоченный на распоряжение земельными участками, в типовом договоре аренды земельного участка.

Это может быть как твердая сумма, так и сумма, определенная той или иной формулой, например, наиболее популярным в Москве является штраф в размере 1,5% от кадастровой стоимости арендуемого земельного участка.

2. Особенности взыскания и снижения неустойки

В отношении начисленных и неуплаченных неустоек органы исполнительной власти, предоставившие земельные участки в аренду, проводят периодическую претензионно-исковую работу, в порядке, аналогичном взысканию дебиторской задолженности.

Однако в отличие от основного долга, который, при условии подтверждения истцом его размера, подлежит взысканию в полном объеме, в отношении неустоек широко применяется практика их снижения судом в связи с явной несоразмерностью последствиям допущенного нарушения.

Возможность снижения неустойки судом прямо предусмотрена ст. 333 Гражданского кодекса РФ, которая повсеместно применяется на практике.

Тем не менее снижение неустойки – это право суда, а не обязанность.

В предпринимательской деятельности применение данной статьи обусловлено соответствующим заявлением должника и допускается в исключительных случаях, например, тогда, когда выгода от санкции для стороны больше, чем выгода, которую она получает от добросовестного исполнения обязательства контрагентом [4].

Несоразмерность неустойки последствиям нарушения – это конкретное обстоятельство дела, которое подлежит доказыванию должником, сделавшим заявление о применении ст. 333 Гражданского кодекса РФ [5, п. 73].

Соразмерность неустойки последствиям нарушения обязательства предполагается до тех пор, пока не доказано обратное [6].

Масштаб же снижения неустойки находится в поле так называемого «судейского усмотрения», т.е. суд самостоятельно определяет пределы снижения неустойки исходя из конкретных обстоятельств дела, по своему внутреннему убеждению.

Иногда такое судейское усмотрение, к сожалению, приводит к снижению неустойки в десятки, сотни или даже тысячи! раз, что, по мнению автора, однозначно приводит к утрате [7] неустойкой своей основной функции – обеспечивать исполнение обязательств [8].

Так, например, в деле № А40-180594/2022 неустойка в порядке ст. 333 Гражданского кодекса РФ была снижена судом в 1000 раз с 11 млн руб. до 11 тыс. [9].

Более того, решение суда первой инстанции по данному делу было оставлено без изменений судами апелляционной и кассационной инстанций, т.е. было признано законным и обоснованным, а такое снижение неустойки – в рамках нормы.

По периодической неустойке (пени) масштаб снижения обычно ограничен снижением до однократной ключевой ставкой Центрального банка РФ [10], однако здесь также могут быть исключения.

Снижение неустойки ниже однократной ключевой ставки в отсутствие экстраординарных оснований является основанием к отмене судебных актов [11].

3. Соглашение о соразмерности неустойки

По мнению автора, повлиять на снижение размера неустойки возможно путем использования сторонами в договоре аренды конструкции «Соглашения о соразмерности неустойки».

Так условно можно назвать ряд похожих друг на друга формулировок, время от времени включаемых сторонами в условия договоров аренды, связанных с ограничением возможности снижения неустойки в случае допущенных нарушений.

Важно отметить, что Верховным Судом РФ сформирована однозначная позиция о том, что заранее установленные условия договора о неприменении или ограничении применения ст. 333 Гражданского кодекса РФ являются ничтожными [5, п. 69].

В данной связи условие договора, примерно звучащее как «установленная в договоре неустойка не подлежит снижению по правилам статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации», скорее всего, будет являться ничтожным, поскольку, по существу, направлено на ограничение правомочий суда, что стороны гражданско-правового договора сделать не могут [12].

Также не будет обязательным для суда условие об установлении максимального или минимального размера неустойки [5, п. 70].

Корректная же концепция «Соглашения о соразмерности неустойки» заключается не в ограничении правомочий суда, а, по сути, в заранее достигнутой в письменной форме договоренности сторон договора о неких фактических обстоятельствах – конкретно об обстоятельстве соразмерности неустойки допущенному нарушению.

Возможный вариант допустимой формулировки – «стороны соглашаются/признают, что установленная договором аренды неустойка соразмерна последствиям нарушений, за совершение которых она установлена».

Это, как представляется автору, не будучи ограничением права суда по применению механизма снижения неустойки по ст. 333 Гражданского кодекса РФ, ограничивало бы право лица, допустившего нарушение, ссылаться на обстоятельство несоразмерности неустойки, т.е. ограничивало бы его право по опровержению ранее подтвержденного им обстоятельства.

По общему правилу, закрепленному в ст. 70 Арбитражного процессуального кодекса РФ, не подлежат доказыванию обстоятельства, признанные сторонами в письменном соглашении, которое в том числе может быть достигнуто вне судебного разбирательства.

Представляется, что наличие в условиях договора аренды «Соглашения о соразмерности неустойки» может трактоваться как признание определенного обстоятельства сторонами, опровержение которого одной из сторон сделки в дальнейшей представляется крайне затруднительным.

Более того, само по себе процессуальное поведение стороны, опровергающей обстоятельства, которые ранее были ею признаны, может быть признано недобросовестным.

Как указано в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса РФ при реализации гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей стороны должны действовать добросовестно [13].

То же самое касается и осуществления процессуальных прав в рамках рассмотрения дела судом.

Здесь можно также упомянуть эстоппель (от англ. «*estop*» – лишать права выдвигать возражения) – правовой принцип, в соответствии с которым сторона теряет право ссылаться на определенные обстоятельства, противоположные тем, что ранее признавались данной стороной.

Данный принцип нацелен на обеспечения прозрачности и предсказуемости гражданских правоотношений, обеспечивает защиту сторон от необоснованных и неожиданных претензий контрагентов, делает гражданский оборот устойчивым и стабильным.

Кроме того, в силу ст. 10 Гражданского кодекса РФ суд, принимая во внимание обстоятельства дела, отказывает лицу в защите принадлежащего ему права в случае, если установит недобросовестное поведение этого лица.

Так, например, в деле № А56-74946/2021 суд констатировал наличие в спорном договоре следующего условия: «*Стороны подтверждают соразмерность указанной неустойки последствиям нарушения подрядчиком обязательства по срокам выполнения работ*» [14].

И хотя, как было сказано ранее, такое условие не ограничивало суд в применении механизма снижения неустойки, тем не менее при наличии такого условия суд и вовсе отказал должнику в снижении неустойки по правилам ст. 333 Гражданского кодекса РФ.

Заключение

Таким образом, по мнению автора, при наличии в условиях договора аренды конструкции «Соглашения о соразмерности неустойки» последующее опровержение должником обстоятельства соразмерности неустойки будет являться проявлением недобросовестного поведения, и суд, рассматривая подобное заявление должника, скорее всего, отнесется к данному заявлению скептически, полностью отказав в снижении неустойки, либо существенно сократив масштаб снижения.

Применение данной правовой конструкции позволило бы повысить уровень обеспеченности надлежащего исполнения обязательств, который создается путем установления в договоре различного вида неустоек, а также дополнительно стимулировать арендаторов к надлежащему исполнению и соблюдению условий договора.

С учетом изложенного, целесообразно в договоре аренды использовать формулировки, преимущественно связанные с соглашением сторон о конкретном обстоятельстве – о соразмерности неустойки потенциальным последствиям нарушения, избегая при этом формулировок, ограничивающих императивное право суда на применение ст. 333 Гражданского кодекса РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. О. Н. Садикова. М. : КОНТРАКТ ; ИНФРА-М, 2006.

2. *Кархалев Д. Н.* Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений : монография. М. : Инфотропик Медиа, 2022.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах : монография / отв. ред. В. В. Долинская. М. : Проспект, 2018.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 октября 2016 г. по делу № А40-26397/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Верховного Суда РФ от 16 февраля 2016 г. № 80-КГ15-29 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 июня 2018 г. по делу № А40-177381/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 июля 2023 г. по делу № А40-180594/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Верховного Суда РФ от 13 ноября 2018 г. № 77-КГ18-19 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 марта 2024 г. по делу № А40-172465/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Защита гражданских прав: избранные аспекты : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2017.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного Округа от 12 декабря 2022 г. по делу № А56-74946/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Sadikov O. N. (ed.).* Civil Law: Textbook. Vol. 1. Moscow: Kontrakt; Infra-M, 2006. (In Russ.)

2. *Karkhalev D. N.* Mechanism of Civil-Legal Regulation of Security Relations: Monograph. Moscow: Infotropic Media, 2022. (In Russ.)

3. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2023) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 26, 2023) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

4. *Dolinskaia V. V. (ed.).* Reforming Civil Legislation: General Provisions on Transactions, Obligations and Contracts: Monograph. Moscow: Prospekt, 2018. (In Russ.)

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 No. 7 "On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

6. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of October 31, 2016 in case No. A40-26397/2016 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

7. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of February 16, 2016 No. 80-KG15-29 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

8. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of June 4, 2018 in case No. A40-177381/2017 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District Dated July 24, 2023 in case No. A40-180594/2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

10. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of November 13, 2018 No. 77-KG18-19 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

11. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of March 4, 2024 in case No. A40-172465/2023 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

12. *Rozhkova M. A. (ed.).* Protection of Civil Rights: Selected Aspects: Collection of Articles. Moscow: Statut, 2017. (In Russ.)

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

14. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District of December 12, 2022 in case No. A56-74946/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
В. В. Черемухин – аспирант.

Information about the author:
V. V. Cheremukhin – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 18.12.2024; принята к публикации 18.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 09.12.2024; approved after reviewing 18.12.2024; accepted for publication 18.12.2024.

Научная статья
УДК 343
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-216-225

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) И ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Марина Михайловна Васягина[1]

Александр Викторович Шигуров[2]

Елена Ивановна Шигурова[3]

[1,2] Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

[3] Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1

[1] wasjagina_mm@mail.ru

[2] arshigurov@mail.ru

[3] shigurova_elena@mail.ru

Аннотация

Актуальность темы обусловлена наличием коллизий между правовыми позициями Пленума Верховного Суда РФ и уголовным законодательством, а также между различными нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующими прекращение уголовного дела (преследования) и освобождение от уголовной ответственности в судебных стадиях. В статье проанализированы позиции Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, российских ученых об основаниях для прекращения уголовного преследования, уголовного дела в судебных стадиях, предусмотренных ст. 28.1, 28.2 УПК РФ, ст. 76.1, 78.1 УК РФ. Выявлены коллизии в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, разработаны предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования; освобождение от уголовной ответственности; возмещение ущерба; военная служба; СВО; коллизия; Верховный Суд РФ.

Для цитирования: *Васягина М. М., Шигуров А. В., Шигурова Е. И.* Проблемы правового регулирования прекращения уголовного дела (преследования) и освобождения от уголовной ответственности в судебных стадиях уголовного процесса // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 216–225. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-216-225

Research Article

THE CONCEPT OF AN OFFICIAL DOCUMENT AS A SUBJECT OF OFFICIAL FORGERY: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Marina M. Vasyagina[1]

Alexander V. Shigurov[2]

Elena I. Shigurova[3]

[1,2] Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

[3] N. P. Ogarev Mordovian State University, 68/1 Bolshevistskaia St., Saransk, 430005, Russia

[1] wasjagina_mm@mail.ru

[2] arshigurov@mail.ru

[3] shigurova_elena@mail.ru

Abstract

The relevance of the topic is due to the presence of conflicts between the legal provisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and criminal legislation, as well as between various norms of criminal and criminal procedure legislation governing the termination of a criminal case (prosecution) and exemption from criminal liability at judicial stages. The article analyzes the positions of the Supreme Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction, Russian scientists on the grounds for termination of criminal prosecution, criminal proceedings in the judicial stages provided for in Articles 28.1, 28.2 of the Code of Criminal Procedure, Articles 76.1, 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Conflicts in criminal and

criminal procedure legislation have been identified, and proposals for its improvement have been developed.

Keywords: termination of criminal prosecution; release from criminal liability; compensation for damage; military service; SMO; conflict; Supreme Court of the Russian Federation.

For citation: *Vasyagina M. M., Shigurov A.V., Shigurova E. I.* The Concept of an Official Document as a Subject of Official Forgery: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement Practice. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 216–225. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-216-225

Введение

Одним из новых и динамично развивающихся институтов уголовно-процессуального и уголовного права является прекращение уголовного преследования (уголовного дела) и, соответственно, освобождение от уголовной ответственности. Несмотря на наличие большого числа исследований по данной теме [1, с. 17; 2, с. 25; 3, с. 20; 4, с. 122], вносимые законодателем изменения, ставят перед правоприменителями и исследователями новые вопросы, нуждающиеся в научном анализе действующего законодательства и складывающейся судебной практики.

В настоящем исследовании остановимся на ряде актуальных проблем правового регулирования прекращения уголовного дела (преследования) и освобождения от уголовной ответственности в судебных стадиях уголовного процесса по основаниям, связанным с полным возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе России (ст. 28.1 УПК РФ, ст. 76.1 УК РФ).

1. Коллизии между законодательством и правовыми позициями Пленума Верховного Суда РФ, касающимися условий прекращения уголовного преследования в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ, ст. 76.1 УК РФ

Взаимосвязанные положения ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, ч. 1 ст. 76.1 УК РФ и примечания к ст. 198-199.1, 199.3, 199.4 УК РФ закрепляют следующие обязательные условия для прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба:

а) лицо, подлежащее освобождению от уголовной ответственности, должно считаться впервые совершившим данное преступление;

б) лицо или организация, совершившие преступное уклонение от выполнения обязательств перед бюджетной системой России, должны полностью уплатить как саму недоимку, так и установленные законом пени и штраф.

Однако толкование данного основания для освобождения от уголовной ответственности Пленумом Верховного Суда РФ содержит в себе еще одно обязательное условие его применения: лицо или организация обязаны уплатить недоимку, пени и штрафы до назначения судом первой инстанции судебного заседания. Если данные суммы будут выплачены подсудимым или организацией уже после принятия судом постановления о назначении судебного заседания в суде первой инстанции,

данное обстоятельство должно не исключать уголовную ответственность, а признаваться в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание. Такое толкование закреплено в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 [5] и п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 [6]. В момент принятия данных Постановлений рассматриваемое условие для прекращения уголовного дела было закреплено в ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, однако Федеральным законом от 15 октября 2020 г. № 336-ФЗ [7] оно было исключено из закона.

До внесения данных изменений оно подлежало безусловному соблюдению при оценке оснований для прекращения уголовного дела. Так, например, по одному из уголовных дел обвиняемый привлекался к уголовной ответственности за совершение впервые одного из преступлений, указанных в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ. Подсудимый лишь к моменту судебного разбирательства смог возместить ущерб бюджетной системе, включая штрафы и пени, и ходатайствовал о прекращении уголовного преследования по ст. 28.1 УПК РФ. Суд, отказывая в удовлетворении данного ходатайства, правомерно указал, что ущерб возмещен после назначения судебного заседания. Защитник обжаловал обвинительный приговор в апелляционную инстанцию и указал на то, что действующий уголовный закон не предусматривает такое условие освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 76.1 УК РФ – возмещение ущерба, причиненного преступлением до начала судебного заседания. Однако в апелляционном определении Верховного суда Чувашской Республики было справедливо указано, что в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа вправе прекратить уголовное преследование лишь в том случае, если до назначения судебного заседания ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме [8].

Заметим, что рассматриваемое условие прекращения уголовного дела обосновано критиковалась в научной литературе. Так, например, И. Э. Звечаровский, А. Л. Иванов верно, на наш взгляд, ставили вопрос: «Почему в отличие от общего порядка освобождения от уголовной ответственности в данном случае решение о прекращении уголовного преследования принимается «в случае, если до назначения судебного заседания ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме» (ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. еще более конкретизирует это положение: «Частичное возмещение ущерба, равно как и полное возмещение ущерба, произведенное после назначения судом первой инстанции судебного заседания, может быть учтено в качестве обстоятельства, смягчающего наказание» (п. 14). Между тем во всех иных случаях, связанных с возмещением ущерба или проявлением деятельного раскаяния в преступлении в других формах, такие поступки могут приниматься «в зачет» и на более поздних стадиях: на предварительном слушании, в ходе судебного разбирательства, по сути вплоть до момента удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора (п. 4 ч. 1 ст. 236, ч. 2 ст. 239, ст. 257 УПК РФ)» [9, с 13].

Е. В. Благов также считал это «прорехой в уголовно-процессуальной форме освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба»

[10, с. 118]. По мнению исследователя «уголовный закон не дает никаких оснований различать время возмещения ущерба применительно к ч. 1 и 2 ст. 76.1 УК РФ и превращать возмещение ущерба из обстоятельства, освобождающего при прочих равных условиях от уголовной ответственности, в обстоятельство, лишь смягчающее наказание» [10, с 119].

Соглашаясь с вышеуказанными исследователями, заметим, что рассматриваемое основание для прекращения уголовного преследования и освобождения от уголовной ответственности выполняет стимулирующую функцию, подталкивая правонарушителя к полному возмещению ущерба, причиненному им (организацией) бюджетной системе. Нет никаких оснований для вывода о том, что такое возмещение ущерба, осуществленное на досудебных стадиях, чем-то отличается от выплаты аналогичных сумм в судебном разбирательстве до вынесения приговора по делу. В связи с вышесказанным поддерживаем решение законодателя, который Федеральным законом от 15 октября 2020 г. № 336-ФЗ [7] внес изменения в ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, исключив из нее обязательное условие для прекращения уголовного дела – возмещение ущерба до назначения судебного заседания.

Соответствующие изменения необходимо внести и в постановления Пленума Верховного Суда РФ, поскольку рассматриваемая коллизия приводит к ошибкам в толковании закона как в научной литературе, так и в судебной практике.

Так, например, авторы «Энциклопедии судебной практики. Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов (ст. 198 УК)», подготовленной экспертами компании «Гарант», а также Ю. В. Романцом и М. Р. Азымовой и размещенной в справочной правовой системе «Гарант», со ссылкой на вышеуказанные позиции Пленума Верховного Суда РФ делают вывод о юридическом значении момента исполнения обязанности по возмещении ущерба – это должно быть сделано до назначения судом первой инстанции судебного заседания [11].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды без необходимых изменений цитируют и применяют данную позицию Пленума Верховного Суда РФ в 2023–2024 г. [12; 13].

Предлагаем исключить из п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 [5] и п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 [6] обязательное условие освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 76.1 УК РФ: лицо или организация обязаны уплатить недоимку, пени и штрафы до назначения судом первой инстанции судебного заседания.

2. Новое основание для прекращения уголовного преследования, введенное в ст. 28.2 УПК РФ Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ [14]**, должно быть распространено на производство в суде первой инстанции**

Взаимосвязанные положения ст. 28.2 УПК РФ и 78.1, 80.2 УК РФ закрепили и расширили уже фактически существующую на основании Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ [15] практику освобождения от наказания осужденных лиц, которые в период мобилизации или военного положения (времени) заключают контракт о прохождении военной службы или призываются на военную служ-

бу, ввели аналогичную возможность для подозреваемых, обвиняемых в период предварительного расследования, сняли ограничение по тяжести совершенных преступлений (предыдущим законом такая возможность предусматривалась лишь при совершении преступлений небольшой и средней тяжести).

Безусловно, данные изменения еще будут подвергнуты серьезному научному исследованию, мы же хотим обратить внимание на то обстоятельство, что законодатель исключает возможность в связи с наличием вышеуказанных обстоятельств приостановления судебного разбирательства и прекращения уголовного преследования на судебных стадиях уголовного процесса.

Выше мы уже приводили доводы о необоснованности введения временных ограничений для прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба: для бюджетной системы России одинаково общественно полезным будет возмещение ущерба на любой стадии до вынесения итогового судебного решения. На наш взгляд, вводя аналогичные ограничения в ст. 28.2 УПК РФ и ст. 78.1 УК РФ законодатель «наступает на те же грабли».

Несмотря на отсутствие в пояснительной записке к проекту данного закона [16] какого-либо обоснования вносимых изменений, очевидна, общественная полезность поведения подозреваемого, обвиняемого, осужденного, «смывающего кровью» вину за совершенные преступления, а также востребованность таких добровольцев в период проведения СВО, что подтверждается принятием закона за 17 дней с момента внесения законопроекта.

В ходе рассмотрения законопроекта был внесен ряд изменений, в том числе убрано ограничение в виде преступлений лишь небольшой и средней тяжести, по которым уголовное преследование может быть прекращено. В связи с этим тем более непонятно, почему закон не предусматривает возможности приостановить производство по уголовному делу в стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию или приостановить судебное разбирательство в ситуации, когда обвиняемым будет заключен контракт о прохождении военной службы или он будет призван на военную службу в период СВО, а также прекратить уголовное преследование в отношении данных лиц на данных стадиях при наличии оснований, указанных в ст. 78.1 УК РФ. Предлагаем предусмотреть такую возможность и внести изменения в ст. 238, 239, 253, 254 УПК РФ и ст. 78.1 УК РФ.

3. Коллизия норм УПК РФ и УК РФ о полномочиях суда в стадиях подготовки к судебному заседанию и в судебном разбирательстве прекратить уголовное преследование по основанию, предусмотренному ст. 28.1 УПК РФ, ст. 76.1 УК РФ

Данная коллизия заключается в следующем. Уголовное законодательство в ч. 1 ст. 76.1 не конкретизирует должностное лицо, уполномоченное освободить от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. В соответствии с ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ решение о прекращении уголовного преследования по данному основанию вправе принять не только следователь с согласия руководителя следственного органа, но и суд.

Однако в силу особенностей каждого из оснований для прекращения уголовного преследования, законодатель применительно к стадиям подготовки уголовного

дела к судебному заседанию и судебному разбирательству устанавливает ограниченный перечень оснований, по которым уголовное преследование (дело) может быть прекращено на конкретной стадии уголовного судопроизводства. Применительно к стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию данный перечень определен ст. 239 УПК РФ, в судебном разбирательстве – ст. 254 УПК РФ. К сожалению, ни в одной из вышеуказанных статей не предусмотрена возможность прекращения уголовного преследования (дела) по основанию, указанному в ст. 28.1 УПК РФ.

Тем не менее судебная практика устраняет данный пробел путем системного толкования норм УПК РФ. Так, например, постановлением Приморского районного суда Санкт-Петербурга прекращено уголовное дело и уголовное преследование в отношении М. А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, на основании ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, в связи с возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе РФ. Данное решение было принято по ходатайству стороны защиты о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении М. А. в связи с возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе РФ, заявленного в ходе предварительного слушания. В ходе предварительного слушания по результатам рассмотрения указанного ходатайства суд первой инстанции пришел к выводу о соблюдении условий, предусмотренных ст. 76.1 УК РФ, и прекратил уголовное дело и уголовное преследование. Судебное решение было проверено Судебной коллегией по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда, и судом апелляционной инстанции сделан вывод о том, что оснований для его отмены не усматривается [17].

Прекращают уголовное преследование (дело) по данному основанию и в судебном разбирательстве [18; 19]. При этом суды ссылаются на ст. 28.1, 254 УПК РФ, ст. 76.1 УК РФ, хотя ст. 254 УПК РФ такого основания для прекращения уголовного дела в судебном разбирательстве не предусматривает.

Полагаем, что рассматриваемая коллизия должна быть устранена, путем включения ст. 28.1 УПК РФ в перечень оснований для прекращения уголовного дела (преследования) в ст. 239, 254 УПК РФ.

Заключение

Проведенный анализ позволяет предложить ряд изменений в законодательство и правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ.

Во-первых, для исключения ошибок в толковании и применении закона предлагаем внести изменения в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 [5] и п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 [6], убрав противоречащее действующему законодательству условие освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 76.1 УК РФ: лицо или организация обязаны уплатить недоимку, пени и штрафы до назначения судом первой инстанции судебного заседания.

Во-вторых, предлагаем внести изменения в ст. 238, 239, 253, 254 УПК РФ и ст. 78.1 УК РФ, предусмотрев возможность приостановить производство по уголовному делу в стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию или приостановить судебное разбирательство в ситуации, когда обвиняемым (подсудимым) будет заклю-

чен контракт о прохождении военной службы или он будет призван на военную службу в период СВО, а также прекратить уголовное преследование в отношении данных лиц на данных стадиях при наличии оснований, указанных в ст. 78.1 УК РФ.

В-третьих, предлагаем включение ст. 28.1 УПК РФ в перечень оснований для прекращения уголовного дела (преследования) в ст. 239, 254 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. *Русман Г. С.* Прекращение уголовного дела в стадии назначения судебного заседания: доводы против // Российский судья. 2023. № 3.
2. Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве : монография. Краснодар : КубГУ, 2023.
3. *Журавлева Н. М., Соколов И. А.* О роли назначения судебного штрафа как основания прекращения уголовного дела // Правоохранительные органы: теория и практика. 2021. № 2 (41).
4. *Стельмах В. Ю.* Прекращение уголовного преследования по диспозитивным основаниям: компромисс или прощение? // Правосудие. 2022. Т. 4. № 1.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС «Гарант».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «Гарант».
7. Федеральный закон от 15 октября 2020 г. № 336-ФЗ «О внесении изменения в статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
8. Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 25 августа 2016 г. по делу № 22-1715/2016 // СПС «Гарант».
9. *Звечаровский И. Э., Иванов А. Л.* Освобождение от уголовной ответственности // Уголовное право. 2015. № 4.
10. *Благов Е. В.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8.
11. Энциклопедия судебной практики. Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов (ст. 198 УК) // СПС «Гарант».
12. Приговор Первомайского районного суда Оренбургской области от 3 апреля 2024 г. по делу № 1-15/2024 // СПС «Гарант».
13. Определение СК по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12 октября 2023 г. по делу № 7У-10104/2023[77-4687/2023] // СПС «Гарант».
14. Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

15. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // СПС «Гарант».

16. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 569651-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

17. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 30 августа 2022 г. № 22-6150/2022 // СПС «Гарант».

18. Постановление Альметьевского городского суда Республики Татарстан от 1 февраля 2023 г. по делу № 1-3/2023 // СПС «Гарант».

19. Постановление Центрального районного суда г. Калининграда Калининградской области от 19 ноября 2021 г. по делу № 1-532/2021 // СПС «Гарант».

References

1. *Rusman G. S.* Termination of a Criminal Case at the Stage of Scheduling a Court Hearing: Arguments Against. *Russian Judge*, 2023, no. 3. (In Russ.)

2. Criminal Procedural Activity in Pre-Trial Proceedings: Monograph. Krasnodar: Kuban State University, 2023. (In Russ.)

3. *Zhuravleva N. M., Sokolov I. A.* On the Role of the Appointment of a Judicial Fine as the Basis for the Termination of a Criminal Case. *Law Enforcement Agencies: Theory and Practice*, 2021, no. 2 (41). (In Russ.)

4. *Stelmakh V. Iu.* Termination of Criminal Prosecution on Dispositive Grounds: Compromise or Forgiveness? *Justice*, 2022, vol. 4, no. 1. (In Russ.)

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2016 No. 48 "On the Practice of Applying by Courts the Legislation Regulating the Specifics of Criminal Liability for Crimes in the Sphere of Entrepreneurial and Other Economic Activities" (SPS "Garant"). (In Russ.)

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 No. 19 "On the Application by Courts of Legislation Regulating the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability" (SPS "Garant"). (In Russ.)

7. Federal Law of October 15, 2020 No. 336-FZ "On Amending Article 28.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "Garant"). (In Russ.)

8. Appellate Ruling of the Supreme Court of the Chuvash Republic of August 25, 2016 in case No. 22-1715/2016 (SPS "Garant"). (In Russ.)

9. *Zvecharovskii I. E., Ivanov A. L.* Release from Criminal Liability. *Criminal Law*, 2015, no. 4. (In Russ.)

10. *Blagov E. V.* Release from Criminal Liability in Connection with Compensation for Damage. *Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 8. (In Russ.)

11. Encyclopedia of Judicial Practice. Evasion of an Individual from Paying Taxes, Fees and (or) an Individual – Payer of Insurance Premiums from Paying Insurance Premiums (Article 198 of the Criminal Code) (SPS "Garant"). (In Russ.)

12. Verdict of the Pervomaisky District Court of the Orenburg Region of April 3, 2024 in case No. 1-15/2024 (SPS "Garant"). (In Russ.)

13. Determination of the Criminal Cases Panel of the First Cassation Court of General Jurisdiction of October 12, 2023 in case No. 7U-10104/2023[77-4687/2023] (SPS "Garant"). (In Russ.)

14. Federal Law of March 23, 2024 No. 64-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "Garant"). (In Russ.)

15. Federal Law of June 24, 2023 No. 270-FZ "On the Peculiarities of Criminal Liability of Persons Involved in Participation in a Special Military Operation" (SPS "Garant"). (In Russ.)

16. Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 569651-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "Garant"). (In Russ.)

17. Appellate Ruling of the St. Petersburg City Court of August 30, 2022 No. 22-6150/2022 (SPS "Garant"). (In Russ.)

18. Resolution of the Almetyevsk City Court of the Republic of Tatarstan of February 1, 2023 in case No. 1-3/2023 (SPS "Garant"). (In Russ.)

19. Resolution of the Central District Court of Kaliningrad, Kaliningrad Region of November 19, 2021 in case No. 1-532/2021 (SPS "Garant"). (In Russ.)

Сведения об авторах:

М. М. Васягина – кандидат юридических наук, доцент.

А. В. Шигуров – кандидат юридических наук, доцент.

Е. И. Шигурова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

M. M. Vasyagina – PhD in Law, Associate Professor.

A.V. Shigurov – PhD in Law, Associate Professor.

E. I. Shigurova – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.05.2024; одобрена после рецензирования 04.07.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 30.05.2024; approved after reviewing 04.07.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Научная статья
УДК 343.985.7
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-226-236

ТАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ СО СПЕЦИАЛИСТОМ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ, НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Василий Николаевич Семелев

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске, 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

vasily.semelev@yandex.ru

Аннотация

Случаи использования в целях излечения недоброкачественного медицинского оборудования имеют место, что приводит к непоправимым опасным для человека последствиям. Каждый подобный случай подлежит расследованию, сложность которого состоит в том, что полную картину имевшего место события можно восстановить только при привлечении лиц, обладающих специальными познаниями. Взаимодействие между следователем и этими лицами в настоящее время является проблемой, которая должна решаться на методологическом уровне. Целью проведенного исследования является определение круга задач, для решения которых необходимо установление взаимодействия с лицами, обладающими специальными познаниями. Методологию проведенного исследования составили диалектический и иные общенаучные метода, а также специальные методы: системно-деятельностный и ситуационного моделирования. В предлагаемой вниманию статье проанализированы наиболее проблемные ситуации, возникающие в ходе проводимого расследования обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных медицинских изделий, и направления их решения. В результате исследования в работе предложены рекомендации по взаимодействию со специалистами в сфере использования медицинского оборудования.

Ключевые слова: расследование; медицинские изделия; взаимодействие; специальные знания; специалист; следователь; противодействие расследованию; доказательства.

Для цитирования: *Семелев В. Н.* Тактика взаимодействия следователя со специалистом при расследовании обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных медицинских изделий // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 226–236. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-226-236

Research Article

TACTICS OF INTERACTION BETWEEN AN INVESTIGATOR AND A SPECIALIST IN THE INVESTIGATION OF THE CIRCULATION OF FALSIFIED, SUBSTANDARD AND UNREGISTERED MEDICAL DEVICES

Vasily N. Semelev

Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

vasily.semelev@yandex.ru

Abstract

Cases of the use of substandard medical equipment for the purpose of healing take place, which leads to irreparable dangerous consequences for humans. Each such case is subject to investigation, the complexity of which lies in the fact that the full picture of the event can be restored only with the involvement of persons with special knowledge. The interaction between the investigator and these individuals is currently a problem that must be solved at the methodological level. The purpose of the study is to determine the range of tasks for which it is necessary to establish interaction with persons with special knowledge. The methodology of the research was made up of dialectical and other general scientific methods, as well as special methods: system-activity and situational modeling. The article analyzes the most problematic situations that arise during the ongoing investigation of the circulation of counterfeit, substandard and unregistered medical devices, and the directions for their solution. Based on the research underlying the article, recommendations for interaction with specialists in the field of medical equipment use are proposed.

Keywords: investigation; medical devices; interaction; special knowledge; specialist; investigator; counteraction to the investigation; evidence.

For citation: *Semelev V. N.* Tactics of Interaction Between an Investigator and a Specialist in the Investigation of the Circulation of Falsified, Substandard and Unregistered Medical Devices. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 226–236. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-226-236

Введение

Жизнь и здоровье – это основные ценности в Российской Федерации. Они являются базовыми в системе правовых отношений, в системе организации и функционирования государства. Они являются исходными ценностями в определении системы принципов, в соответствии с которыми определяется государственная политика и государственная идеология. По этой причине жизнь и здоровье имеют конституционную защиту. Так, провозглашением в ст. 20 Конституции РФ права на жизнь устанавливается один из важнейших принципов государственного устройства, деятельности органов государства, системы норм права. Это является основой государственной идеологии, суть которой состоит в том, что действия против жизни человека недопустимы. Причем не имеет значение жизнь это гражданина или лица, которое гражданином не является. Тесно связанной с жизнью является другая ценность – здоровье. Оно всегда является условием для жизни, а также обеспечивает его качество. В связи с этим, в Российской Федерации уделяется значительное внимание охране здоровья. Для этого существуют целая система учреждений здравоохранения, специальные государственные программы, проводится соответствующая социальная политика. По поводу охраны здоровья складывается множество правоотношений, в которых принимают участие самые различные субъекты.

1. Уголовно-правовая защита от использования в процессе оказания медицинской помощи фальсифицированных и недоброкачественных медицинских изделий

Одним из аспектов охраны здоровья является его уголовно-правовая защита, предполагающая уголовную ответственность лиц, виновных за преступное посягательство на него. Уголовно правовая защита состоит в применении специальных, предусмотренных уголовным законодательством, средств к лицам виновным в совершении преступлений, которые посягают на правоотношения, сложившиеся в связи с охраной здоровья. При этом, для того чтобы посягательство было признано преступным необходимо, чтобы оно характеризовалось, как общественно-опасное. Помимо этого, в отношении далеко не всех правоотношений, связанных с охраной здоровья, применяются меры уголовно-правовой защиты, а только тех из них, которые с точки зрения государства и общества являются наиболее значимыми. Уголовно-правовая защита применяется только в отношении тех правоотношений, которые являются наиболее значимыми для государства и общества [1, с. 21]. Как известно, уголовно-правовая защита состоит не только в деклариро-

вании соответствующих запретов и уголовной ответственности за соответствующие деяния. Она также состоит в привлечении к уголовной ответственности конкретных виновных в совершении преступных посягательств названного вида лиц. Однако это возможно лишь при условии успешного выявления, раскрытия и расследования этих преступлений.

Преступные посягательства на правоотношения в сфере охраны здоровья принято называть ятрогенными. При этом акцент в уголовном преследовании делается на деяниях, непосредственно связанных с проводимым лечением. В связи с этим, к уголовной ответственности привлекаются в основном лица, на которых возложена обязанность по оказанию медицинской помощи. Однако эффективность охраны здоровья зависит не только от действия врачей и других медицинских работников. Правильной диагностики болезни, определения стратегии лечения и ухода часто бывает недостаточно для того, чтобы лечение было успешным [2, с. 34]. Также необходимо, чтобы были качественными прописанные лекарственные средства, применяемое медицинское оборудование. В том случае если медицинское оборудование будет низкого качества, то здоровье пациента может оказаться под угрозой. То есть вместо пользы может иметь место очевидный вред, вместо охраны здоровья может быть угроза ему. Недопустимо, чтобы отношения, которые должны способствовать охране здоровья превращались в прямую противоположность в преступное посягательство на здоровье людей. Как видно, поставка и применение медицинского оборудования низкого качества в лечебных целях имеют высокую общественную опасность, которая состоит в необратимых последствиях от лечения, в котором названное медицинское оборудование применялось. Это указывает на то, что подобного рода деяния являются преступными. Они являются ятрогенными, поскольку связаны с нарушением процедуры излечения людей и ставят под угрозу их жизнь и здоровье [3]. Их ятрогенность обусловлена тем, что медицинское оборудование применяется в рамках проводимого медицинского лечения, оказания медицинской помощи [4, с. 292].

Нормой, в которой прямо названо преступное посягательство, за которое наступает уголовная ответственность за обращение недоброкачественным или фальсифицированным медицинским оборудованием, является норма, предусмотренная ст. 238.1 УК РФ. Однако следует отметить то, что используемое в процессе лечения медицинское оборудование может оказаться недолжного качества не только, как следствие действий, названных в ст. 238.1 УК РФ, но и в результате иных деяний. К примеру, это может быть результат мошеннических действий, когда определенное лицо вводит в заблуждение медицинское учреждения относительно качества и предназначения изделия, которое выдается за медицинское и отвечающее вполне определенным качествам. Здесь также можно усмотреть признаки посягательства не только на собственность соответствующего медицинского учреждения, но и на здоровье тех лиц, которые проходят курс лечения в этом учреждении. Все эти посягательства отличаются общественной опасностью, поскольку их совершение направлено против значимой для общества ценности – здоровья его членов. Поэтому общество и государство стремятся защититься от этих посягательств посредством в том числе методов и средств уголовно-правовой защиты.

2. Особенности расследования фактов использования в ходе оказания медицинской помощи фальсифицированных и недоброкачественных медицинских изделий

Уголовно-правовая защита может претендовать на эффективность только в том случае, если достоверно установлены все обстоятельства преступного посягательства. Выявить эти обстоятельства возможно лишь посредством деятельности правоохранительных органов. Данная деятельность предполагает получение информации и доказательств, на основании которых можно делать выводы о наличии или отсутствии обстоятельств, указывающих на наличии в соответствующих действиях признаков преступления. Добиваться этого можно с помощью хорошо продуманного расследования, когда имеется возможность установления даже скрываемых фактов, знание которых направляет познание следователя к истине. Хорошее расследование – это установление с помощью предусмотренных законом средств имевших место фактов, на основании знания которых можно вынести справедливое процессуальное решение. Хорошее расследование – это преодоление всех трудностей, которые способны помешать в установлении истины. Для того, чтобы гарантировать то, чтобы расследование было хорошим следователю необходимо исходить не только из собственного опыта, но и из опыта других следователей, которые сталкивались с расследованием аналогичных преступлений. Такой опыт в обобщенном виде является основой криминалистических методик расследования, представляющих собой систему рекомендаций, которые гарантируют проводимое расследование [5, с. 215]. В этом смысле криминалистические методики расследования представляют собой своеобразный концентрат идей относительно того, как следователь может преодолеть самые сложные ситуации, в которых он оказался. При этом, данные идеи не абстрактны, а максимально конкретны и являются ответом, который дается на вопросы реального расследования.

Основной проблемой расследования незаконного оборота медицинскими изделиями является то, что следователь – это юрист. Он имеет необходимые знания в области права и опыт по применению права в ходе проводимого расследования. Но он не имеет медицинских знаний, в частности, знаний в области использования соответствующих медицинских изделий при лечении болезней. У него нет специальных знаний, ни в сфере медицины, ни в сфере техники, которые были бы необходимыми для выяснения вопросов, связанных с определением признаков состава названных преступлений [6, с. 251]. Из-за этого ему достаточно сложно не только квалифицировать соответствующее деяние, но и выявить его в массе действий, которые внешне схожи с этим преступным деянием, но в которых нет ничего криминального. Выявление данных преступлений, так же как и их раскрытие и расследование, является сложной для следователя задачей, поскольку лица, совершающие эти преступления, стремятся замаскировать их под обычные, соответствующие закону действия по приобретению и продаже медицинского оборудования. Виновные в совершении лица всегда стремятся даже в случае обнаружения признаков преступления представить все так, будто обнаруженное, не соответствующее требованиям качество медицинского изделия – это случайность, которую нельзя было избежать. Акцент в этом случае в ходе защиты делается на том, что купля-продажа – это

всегда риск приобретения некачественного товара, в чем не всегда вина продавца, а иногда и производителя. Более того, иногда лицо, продавшее непригодный медицинский товар стремится представить себя, как пострадавшего, поскольку он сам был убежден в высоком качестве товара. Все это создает сложности в восприятии обстоятельств, знание которых позволяет сделать вывод о наличии в соответствующих действиях признаков преступления [7, с. 174]. Это ставит перед расследованием проблему, которую необходимо решать посредством определения тактики, которая способна позволить получить совокупность данных, из которых можно сделать вывод о том, в чем состоит истина в данном уголовном деле.

3. Привлечение к расследованию оборота фальсифицированных и недоброкачественных медицинских изделий специалистов

Тактика расследования незаконного оборота медицинскими изделиями может быть успешной при условии того, что она основана на привлечении специальных знаний в области медицины и технологий использования медицинского оборудования [8, с. 123]. То есть, по сути, необходимы специалисты в двух областях знания. Желательно для проводимого расследования, чтобы знаниями в этих двух областях обладал один специалист. Этот специалист желательно, чтобы мог помогать дать ответы, как на вопросы медицинского характера, так и на вопросы технических особенностей соответствующего изделия медицинского назначения [9, с. 108]. При этом желательно, чтобы такой специалист обладал не только специальными знаниями, но и навыками, опытом в использовании этих знаний. Наличие навыков и опыта может помочь оказать более качественную помощь следователю, оптимизировать те действия, которые он выполняет. Навыки и опыт – это, по существу, тоже знания, но знания особого рода, ориентированные на конкретное применение определенных положений соответствующей науки или ремесла. Эти знания позволяют объединить теорию и практику, благодаря чему увидеть ситуацию такой, какая она есть на самом деле.

К сожалению, практика расследования такова, что найти специалиста со знанием, как медицины, так и технологии функционирования медицинского оборудования достаточно сложно. Поэтому чаще всего привлекаются к расследованию, как специалист в области медицины, так и специалист в области использования медицинского оборудования. При этом, проблема в привлечении этих специалистов состоит в том, чтобы они обладали не только названными знаниями, но и имели представление, как они должны применяться в здравоохранении. Традиционно эта проблема решается посредством обращения следователя в территориальные органы Росздравнадзора. В качестве специалиста привлекается либо сотрудник этого государственного органа, либо иное лицо по рекомендации должностных лиц этого органа. Данная практика вполне себя оправдывает, поскольку благодаря этому к расследованию привлекаются специалисты, обладающие как специальными знаниями, так и навыками их применения. Случается даже так, что привлекаемое в качестве специалиста к участию в расследовании лицо ранее уже оказывало помощь при расследовании других преступлений. Таким образом, привлекаемое лицо имеет опыт участи в оказании помощи по расследованию преступлений рассматриваемого вида.

Для расследования важно, чтобы специалист принимал участие не только в проведении отдельных следственных действий, но и при планировании расследования и даже при анализе наиболее сложных следственных ситуаций, которые складываются в ходе проводимого расследования. В некоторых случаях необходимо, чтобы следователь привлекал специалиста для планирования тактических приемов, результатом которых могло бы стать получение недостающей информации относительно события совершенного преступления. В частности, таким тактическим приемом может быть демонстрация того, что медицинское оборудование не функционирует или функционирует, но не так, как это оговаривалось в имеющихся договоренностях. Такой прием преследует цель демонстративно, явно показать лицу, которое предполагается виновным то, что медицинское оборудование не соответствует предъявляемым к нему требованиям. Это может способствовать тому, что такое лицо, убедившись в бесперспективности отрицания своей вины, даст показания, которые помогут воссоздать картину совершенного деяния. Возможно даже то, что оно захочет оказывать содействие проводимому расследованию.

Ключевым моментом в расследовании в расследовании фальсифицированных и недоброкачественных медицинских изделий является выяснение возможности этого изделия функционировать так, чтобы благодаря этому достигались вполне определенные цели в проводимом излечении конкретного человека. Как показывает практика, имеются случаи, когда медицинское оборудование изначально непригодно для использования в решении, поставленных задач излечения. Бывает даже так, что такое оборудование находится в нерабочем состоянии, а потому сразу по его получении складируется. В таких случаях для следователя это сигнал к проверке наличия в действиях должностных лиц учреждения здравоохранения признаков составов таких преступлений, как получение взятки (ст. 290 УК РФ) или мошенничество (ст. 159 УК РФ). Для выявления обстоятельств, которые могут позволить максимально объективно оценить соответствующие деяния, привлекается специалист, который способен помочь разобраться в особенностях работы соответствующего медицинского оборудования. Специалист в данном случае необходим в связи со сложностью осмотра такого оборудования. При осмотре это оборудование необходимо осматривать не только в статическом (нерабочем) состоянии, но и в состоянии, когда оно должно работать, выполняя определенные задачи медицинской помощи. Без привлечения специалиста такой осмотр сделать следователю самостоятельно достаточно сложно.

Выяснение возможности медицинского изделия функционировать – это ключевой вопрос всего проводимого расследования. Его решение непосредственно связано с квалификацией соответствующего деяния. Но не только для этого необходим ответ на этот вопрос. Следователь, выясняя его, определяет механизм совершенного преступления, его технологическую составляющую, которая состоит в пригодности соответствующего медицинского изделия быть использованным при оказании медицинской помощи. Также важным является установление наличия (либо отсутствия) вредного воздействия на организм человека соответствующего медицинского изделия. Для решения данного вопроса приглашенный к участию в его проведении специалист помогает выявить в конкретном изделии

технические приспособления, с помощью которых может осуществляться лечение, оказание медицинской помощи. Исходя из конструктивных особенностей он может оказать следователю помощь в функциональных свойствах соответствующего изделия и возможности использования его для применения в процессе лечения. На это, в частности, было указано в Апелляционном постановлении Ростовского областного суда, в котором было обращено особое внимание на показания специалиста, который сообщил, что медицинское изделие «*Laser Touch*» производства «*Beijing Stelle Laser Technology Co., Ltd*.» не соответствует заявленным в руководстве по эксплуатации свойствам в силу отсутствия в нем таких конструктивных элементов, которые бы могли оказывать лечебное воздействие на организм человека [10]. Из данного решения суда очевидно то, что данный вопрос мог быть и должен был бы быть решен еще на стадии предварительного расследования.

При расследовании рассматриваемых преступлений следователь должен сосредотачивать внимание не только на медицинском оборудовании, которое используется при оказании медицинской помощи. Он должен также обращать внимание и на пациентах, в отношении которых использовалось названное оборудование. Важно выяснить: оказало ли позитивное воздействие на здоровье применение названного оборудование и не повлекло ли его использование ухудшения здоровья пациентов. В том случае, если выяснится то, что применяемое в ходе лечения оборудование оказало негативное влияние на состояние здоровья пациента, то следователь исходя из установления данного факта должен делать вывод о наличии в действиях лица состава преступления, охватываемого соответствующими нормами уголовного закона о причинении вреда здоровью человека. Поэтому следователю необходимо изъять и осмотреть соответствующие медицинские документы, из которых может стать понятным то, насколько было удачным избранное лечение и какое значение в нем имело соответствующее медицинское оборудование. Тем более из анализа этих документов можно сделать вывод о качестве использованного медицинского оборудования. Но в этом следователю может помочь только специалист, который может подсказать то, на какие документы следует обратить особое внимание и к чему следует в этих документах присмотреться, как можно более пристально.

Привлекаемый к проводимому расследованию специалист ценен также и тем, что может оказать помощь следователю в распознавании противодействия, которое оказывается ему лицами, незаинтересованными в установлении истины [11, с. 21]. Он может обратить внимание на такое противодействие еще на стадии его подготовки, когда только готовятся действия, могущие стать препятствием проводимому расследованию. При выявлении признаков подготовки или начала оказания такого противодействия специалист может оказать помощь в определении наиболее оптимальной тактики его нейтрализации. Он может также дать рекомендации следователю по упреждению такого вида противодействия, как уничтожение доказательств. Упреждающими противодействие мерами является выявление и фиксация доказательств, которые могут быть целенаправленно уничтожены лицами, которые не заинтересованы в правосудии. В связи с этим, следователь имеет возможность определить последовательность выполнения следственных дейс-

твий, с помощью которых фиксируются наиболее значимые для расследования доказательства. Такая последовательность сама по себе является достаточно эффективным приемом, который следователь способен предоставить тем лицам, которые не желают установления истины.

Значимой при расследовании обращения фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных медицинских изделий является такая форма взаимодействия следователя со специалистом, как консультирование. Эта форма не является процессуальной, но она достаточно распространена, поскольку позволяет снимать ту неопределенность, которая возникает на отдельных этапах расследования (особенно на начальном). Специалист помогает своими консультациями систематизировать ту информацию и те данные, которые стали доступны следователю. Он объясняет следователю значение тех следов, с которыми он столкнулся, и их место в общей картине совершенного преступления. Своими консультациями специалист помогает следователю определить наиболее оптимальное направление проводимого расследования. Они позволяют следователю понять механизм совершенного преступного деяния и на основе этого определить следовую картину, знание которой важно для проводимого расследования. Консультирование важно также и для решения вопроса о проведении соответствующей судебной экспертизы, а также решения о том, какие вопросы следует перед ней поставить.

Заключение

Криминалистическая методика расследования оборота фальсифицированных и недоброкачественных медицинских изделий должна включать в себя рекомендации по взаимодействию следователя со специалистом, который обладает соответствующими познаниями. К расследованию этих преступлений должны привлекаться лица, не только знающие то, как функционирует медицинское оборудование, но и имеющие соответствующий опыт и навыки, наличие которых позволяет понять имевшую место криминальную ситуацию.

Пристатейный библиографический список

1. *Подольный Н. А.* Отдельные проблемы расследования ятрогенных преступлений // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 2.

2. *Подольная Н. Н.* Исследование формирования ответственного поведения потребителей медицинских услуг в России // Проблемы права. 2020. № 1 (75).

3. *Подольный Н. А., Кулешова Г. П., Коваль Е. А., Матюшкина А. В., Подольная Н. Н.* Ятрогенные преступления: уголовно-правовой, криминологический и криминалистический аспекты. М. : Юрлитинформ, 2020.

4. *Подольный Н. А.* Некоторые методологические вопросы расследования ятрогенных преступлений // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2019.

5. *Подольный Н. А.* Отдельные особенности расследования ятрогенных преступлений // Первые чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные 100-летию образования экспертно-криминалистической службы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : сборник материалов Всероссийской научно-практической видеоконференции. Чебоксары : Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2019.

6. *Стаценко В. Г.* О межведомственном взаимодействии в сфере противодействия обороту фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий // Академическая публицистика. 2018. № 5.

7. *Варданян А. В., Варданян Г. А.* Криминалистически значимые особенности незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92).

8. *Берова Д. М., Карданов Р. Р.* Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 2.

9. *Варданян Г. А.* Противодействие нарушению правил оборота лекарственных средств, медицинских изделий, биодобавок: вопросы правовой регламентации и доказывания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 2.

10. Апелляционное постановление № 22-3299/2023 Ростовского областного суда по делу № 1-106/2023 от 4 декабря 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/o5ZViTdzt31p/ (дата обращения: 19.08.2024).

11. *Подольный Н. А.* Критерий разумности срока получения заключения эксперта как требование по обеспечению качества проверки сообщения о преступлении // Эксперт-криминалист. 2024. № 1.

References

1. *Podolny N. A.* Some Problems of Investigation of Iatrogenic Crimes. *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2019, no. 2. (In Russ.)

2. *Podolnaia N. N.* Research on the Formation of Responsible Behavior of Consumers of Medical Services in Russia. *Problems of Law*, 2020, no. 1 (75). (In Russ.)

3. *Podolny N. A., Kuleshova G. P., Koval E. A., Matiushkina A. V., Podolnaia N. N.* Iatrogenic Crimes: Criminal Law, Criminological and Criminalistic Aspects. Moscow: Iurlitinform, 2020. (In Russ.)

4. *Podolny N. A.* Some Methodological Issues of Investigation of Iatrogenic Crimes. In Criminal Law Impact and its Role in Crime Prevention (IV Saratov Criminal Law Readings): Collection of Articles Based on the Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Saratov: Saratov State Law Academy Publishing House, 2019. (In Russ.)

5. *Podolny N. A.* Certain Features of the Investigation of Iatrogenic Crimes. In The First Cheboksary Criminal Procedure and Criminalistic Readings Dedicated to the 100th Anniversary of the Formation of the Forensic Expert Service in the System of the Min-

istry of Internal Affairs of the Russian Federation: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Videoconference. Cheboksary: I. N. Ulyanov Chuvash State University, 2019. (In Russ.)

6. *Statsenko V. G.* On Interdepartmental Cooperation in the Field of Countering the Turnover of Counterfeit Medicines and Medical Devices. *Academic Journalism*, 2018, no. 5. (In Russ.)

7. *Vardanian A. V., Vardanian G. A.* Criminalistically Significant Features of Illegal Production of Medicines and Medical Devices. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (92). (In Russ.)

8. *Berova D. M., Kardanov R. R.* Features of the Use of Special Knowledge in the Investigation of Crimes Related to the Illegal Trafficking of Counterfeit Medicines, Medical Devices and Biologically Active Additives. *Gaps in Russian Legislation*, 2022, vol. 15, no. 2. (In Russ.)

9. *Vardanian G. A.* Countering Violations of the Rules of Turnover of Medicines, Medical Devices, Dietary Supplements: Issues of Legal Regulation and Evidence. *Proceedings of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2022, no. 2. (In Russ.)

10. Appeal Ruling No. 22-3299/2023 of the Rostov Regional Court in case No. 1-106/2023 of December 4, 2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/o5ZViTdzt31p/ (date of the application: 19.08.2024). (In Russ.)

11. *Podolny N. A.* The Criterion of the Reasonableness of the Period for Obtaining an Expert Opinion as a Requirement to Ensure the Quality of Verification of a Crime Report. *Forensic Expert*, 2024, no. 1. (In Russ.)

Сведения об авторе:
В. Н. Семелев – преподаватель.

Information about the author:
V. N. Semelev – Teacher.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 09.09.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 347
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-237-245

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ

Роман Александрович Сорочкин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

roman4789@rambler.ru

Аннотация

Актуальность исследования определяется необходимостью научной разработки предложений по совершенствованию процессуальных и содержательных особенностей доказывания различных видов обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу. Цель исследования – совершенствование современной модели правового регулирования установления указанных обстоятельств и принятия законных и обоснованных уголовно-процессуальных решений по результатам их оценки, максимально исключающей возможность неограниченного усмотрения правоприменителя, юридические ошибки и злоупотребления. Научная новизна исследования состоит в выработке научно обоснованной позиции по совершенствованию практики уголовно-процессуального регулирования доказывания ряда обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Предмет статьи составляет теоретическое исследование некоторых особенностей уголовно-правового и уголовно-процессуального толкования указанных обстоятельств, особенностей доказывания этих обстоятельств, на основе всеобщего диалектического метода и метода системного толкования комплекса подлежащих применению норм отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства; результаты исследования представляют собой предложения об изменении правоприменительной практики в целях повышения эффективности уголовного судопроизводства в рассматриваемой сфере. Самостоятельность сделанных выводов определяется впервые предложенными оригинальными инициативами о дополнении руководящих разъяснений Пленума высшей судебной инстанции страны по результатам анализа выявленных лично автором уголовно-правовых и уголовно-процессуальных детерминант, иных содержательных и процессуальных особенностей и проблем доказывания.

Ключевые слова: смягчающие наказание обстоятельства; освобождение от уголовной ответственности; наложение судебного штрафа; примирение с потерпевшим; назначение судебного штрафа; прекращение уголовного дела.

Для цитирования: *Сорочкин Р. А.* Проблемы доказывания обстоятельств, смягчающих наказание // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 237–245. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-237-245

Research Article

PROBLEMS OF PROVING CIRCUMSTANCES MITIGATING PUNISHMENT

Roman A. Sorochkin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

roman4789@rambler.ru

Abstract

The relevance of the research is determined by the need for scientific development of proposals to improve the procedural and substantive features of proving various types of circumstances that constitute the subject of proof in a criminal case. The purpose of the study is to improve the modern model of legal regulation of the establishment of these circumstances and the adoption of legitimate and justified criminal procedural decisions based on the results of their assessment, which maximally excludes the possibility of unlimited discretion of the law enforcement officer, legal errors and abuses. The scientific novelty of the study consists in developing a scientifically sound position on improving the practice of criminal procedural regulation of proving a number of circumstances included in the subject of proof in a criminal case. The subject of the article is a theoretical study of some features of the criminal law and criminal procedure interpretation of these circumstances, the peculiarities of proving these circumstances, based on the universal dialectical method and the method of systematic interpretation of the complex of norms of domestic criminal and criminal procedure legislation to be applied; the results of the study are proposals to change law enforcement practice in order to increase the effectiveness of criminal proceedings in the area under consideration. The independence of the conclusions drawn is determined by the original initiatives proposed for the first time to supplement the guidance clarifications of the Plenum of the highest judicial instance of the country based on the results of the analysis of criminal law and criminal procedure determinants personally identified by the author, other substantive and procedural features and problems of proof.

Keywords: mitigating circumstances; exemption from criminal liability; imposition of a court fine; reconciliation with the victim; imposition of a court fine; termination of a criminal case.

For citation: *Sorochkin R. A*. Problems of Proving Circumstances Mitigating Punishment. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 237–245. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-237-245

Введение

Предлагаемая публикация предлагает дискуссию о возможном ограничении усмотрения правоприменителя в оценке наличия (отсутствия) некоторых смягчающих наказание обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, имеющих существенное уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение, путем внедрения более широкого применения современных специальных знаний о социальной и психологической стороне личности человека в практику уголовного судопроизводства.

1. Недостаточность уголовно-правового регулирования

Действующий уголовный закон предусматривает одни и те же фактические обстоятельства как определяющие характер и степень общественной опасности совершенного преступления и личности виновного, как средства дифференциации уголовной ответственности, как средства дифференциации наказания (смягчения), а также как основания освобождения от уголовной ответственности.

Можно согласиться с мнением А. В. Зарубина об эффективности такого средства дифференциации ответственности: «Смягчающие обстоятельства участвуют в образовании привилегированных и квалифицированных составов преступлений, являясь средством дифференциации уголовной ответственности (Особенная часть УК РФ). В этом случае смягчающие обстоятельства приобретают качественно новое значение, поэтому их следует рассматривать как средства дифференциации уголовной ответственности» [1, с. 19]. Использование системы квалифицирующих признаков в целом успешно обеспечивает решение задач должной криминализации и дифференциации наказания за совершение преступлений, а также существование понятного населению страны правопорядка, в котором правоприменитель разумно ограничен в своем усмотрении законом.

Одновременно закон позволяет правоприменителю трактовать одни и те же обстоятельства как смягчающие наказание или как одни из обязательных условий освобождения от: 1) уголовной ответственности: в связи с деятельным раскаянием: явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба, заглаживание иным образом вреда, причиненного преступлением (пункты «и», «к» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75 УК РФ); в связи с примирением с потерпевшим: заглаживание причиненного потерпевшему вреда и примирение с потерпевшим (п. «к» ч. 1, ч. 2 ст. 61, ст. 76 УК РФ); с назначением судебного штрафа: возмещение ущерба или заглаживание иным образом причиненного преступ-

лением вреда (п. «к» ч. 1, ч. 2 ст. 61, ст. 76^2 УК РФ); 2) отбывания дополнительного вида наказания: возмещение вреда (п. «к» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 79 УК РФ).

В уголовно-правовой доктрине подчеркивается, что эти обстоятельства не являются единственными условиями такого освобождения: «Конечно же, значение исследуемых обстоятельств не ограничивается сферой назначения наказания, в ряде случаев наличие определенной совокупности смягчающих обстоятельств может служить основанием освобождения лица от уголовной ответственности. Однако основанием освобождения от ответственности служат не только смягчающие обстоятельства, но и другие факторы. Кроме того, смягчающие обстоятельства, в совокупности с другими факторами, образуют качественно новое понятие. Следует обратить внимание на то, что в этом случае уголовная ответственность не смягчается, а полностью исключается» [2, с. 16].

Действительно, в перечисленных случаях уголовный закон оставляет решение о подобном освобождении на усмотрение правоприменителя, прямо указывая, что последний «может» так поступить, но ограничивает его лишь одним таким «другим фактором», а именно категорией тяжести совершенного преступления (речь идет о преступлениях небольшой и средней тяжести). Правоприменитель уполномочен по своему личному усмотрению решить, являются ли смягчающие наказание обстоятельства достаточными основаниями для освобождения от уголовной ответственности или отбывания дополнительного вида наказания. По нашему мнению, в рассматриваемых случаях уголовный закон не предусматривает фактический состав, наличие которого являлось бы императивным, бесспорным основанием для названного освобождения, обязательным для судов.

На наш взгляд, названное ограничение усмотрения лишь категорией тяжести содеянного не должно быть единственным, поскольку по уголовному делу о преступлении соответствующей категории тяжести правоприменитель практически свободен в принятии решения, что чревато перспективами юридических ошибок и злоупотреблений. Доктрина и законодатель должны создать понятный уголовно-правовой механизм признания и разграничения смягчающих обстоятельств и обстоятельств – оснований для освобождения от ответственности или отбывания дополнительного вида наказания. А пока уголовно-правовое регулирование этой коллизии не предусматривается, необходимы дополнительные разъяснения высшей судебной инстанции, ориентирующие правоприменителя на принятие законных, обоснованных и справедливых решений в рамках существующего уголовного закона, а также уголовно-процессуальный механизм, позволяющий до совершенствования уголовно-правового регулирования в этой сфере по возможности предупредить перспективные ошибки и злоупотребления.

2. Противоречия правоприменительной практики

Полагаем, что существующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не предлагают системного, полного, непротиворечивого подхода к толкованию одних и тех же обстоятельств как оснований для смягчения наказания и оснований для освобождения от уголовной ответственности и отбывания дополнительного вида наказания.

Можно заключить, что судебная власть страны видит наличие анализируемой проблемы, основываясь на ее действующих разъяснениях практики. Так, постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» не содержит общих разъяснений о том, в каких случаях указанные обстоятельства следует признавать смягчающими наказание либо основаниями для освобождения от ответственности. Но в отношении освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) указывается, что судам следует «учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, *изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление*, *после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим*, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание [курсив наш. – *Р.С.*]» (п. 9 вышеуказанного Постановления Пленума ВС РФ).

В том же Постановлении косвенно признается и различие вышеуказанных обстоятельств как оснований смягчения наказания и освобождения от ответственности применительно к освобождению от ответственности с назначением судебного штрафа: «Судья принимает решение об удовлетворении ходатайства при отсутствии обстоятельств, препятствующих освобождению лица от уголовной ответственности и назначению ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа… В случае отказа в удовлетворении ходатайства в постановлении судьи должны быть приведены конкретные мотивы и основания принятого решения» (п. 25^5 вышеуказанного Постановления Пленума ВС РФ).

Можно согласиться с подходом Пленума ВС РФ: изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, указывает на отсутствие оснований для привлечения такого лица к уголовной ответственности, для его исправления путем применения к нему уголовного наказания. Вместе с тем разъяснения Пленума ВС РФ не указывают на примерный перечень или содержание доказательств, на основании которых судам рекомендуется делать выводы о наличии или отсутствии факта такого изменения.

В доктрине обоснованно отмечается, что единообразный подход к перечню и содержанию таких доказательств также не сформировался. Судебные решения по конкретным делам как правило противоречат разъяснениям Пленума ВС РФ и не содержат результатов исследования судом вопроса об изменении степени общественной опасности подсудимого и доказательств по этому вопросу, ограничиваясь фиксацией в описательно-мотивировочной части решения наличия юридических фактов – приведенных выше обстоятельств, смягчающих наказание [3, с. 42–44; 4, с. 157].

Исследование судом указанного выше вопроса могло бы положительно сказаться на показателях профилактике преступности: за 12 месяцев 2023 г. удельный вес ранее судимых лиц составил 31,2% (в 2022 г. – 30,8%) [5, с. 5].

Представляется, что одним из важнейших фактов, наличие (отсутствие) которых должно анализироваться в подобных судебных решениях, является именно

названный факт изменения степени общественной опасности лица, совершившего преступление. Его анализ должен производиться отдельно от исследования обстоятельств, смягчающих наказание.

3. Перспективы уголовно-процессуального регулирования

Существующее такое регулирование представляется возможной правовой основой для решения исследуемой проблемы и отчасти восполняет недостаточность уголовно-правового регулирования.

УПК РФ требует доказать при производстве по уголовному делу в том числе обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 73), смягчающие наказание (п. 6 ч. 1 ст. 73), обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7 ч. 1 ст. 73).

Полагаем, что обстоятельства, подтверждающие изменение (в ту или иную сторону) степени общественной опасности лица, совершившего преступление, можно трактовать в соответствии с п. 3, 6 или 7 ст. 73 УПК РФ.

Вместе с тем обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, не указываются как подлежащие обязательному указанию ни в обвинительном заключении, ни обвинительном акте в по уголовному делу, в отличие от обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого и смягчающих наказание (п. 2, 7 ч. 1 ст. 220; п. 3, 7 ч. 1 ст. 225 УПК РФ). Важная составляющая предмета доказывания не называется в законе как обязательная часть «процессуальных итогов» работы органов предварительного расследования. Отсутствие такого указания позволяет не придавать должного внимания доказыванию в этой части, возлагая тем самым бремя такового на обвиняемого и его защитника, не всегда имеющих должные процессуальные возможности для того; при этом приобщение к уголовному делу представленных ими доказательств является предметом исключительного усмотрения, а не обязанностью дознавателя или следователя.

Тем не менее обвинительное заключение и обвинительный акт предусматривают перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты (п. 6 ч. 1 ст. 220, п. 6 ч. 1 ст. 225 УПК РФ), что все-таки позволяет, при активной позиции участников процесса с этой стороны, формально отразить результаты доказывания в анализируемой части в процессуальном решении по итогам предварительного расследования.

УПК РФ требует исследования по уголовному делу всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, в том числе и исследуемых в настоящей публикации, и оставление таких обстоятельств без юридической оценки будет являться существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену состоявшихся решений по делу (см., напр., п. 2 ст. 389^{15} УПК РФ). Возможность такой отмены есть должная процессуальная гарантия права обвиняемого на защиту.

4. Проблема содержательных особенностей доказывания

Во многом предмет доказывания по уголовному делу определяется типичными обстоятельствами того или иного вида преступлений. В данном случае речь идет

о преступлениях небольшой и средней тяжести, по уголовным делам о которых обвиняемые освобождаются от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, назначением судебного штрафа. В основном это дела о деяниях, воспринимаемых населением страны как «бытовые драки»: семейные скандалы с взаимным рукоприкладством, «дележ» мест на парковке с применением предметов в качестве оружия, конфликты на автодорогах и в увеселительных заведениях и т.п. На основании исследований криминологов можно утверждать, что субъекты таких преступлений как правило склонны к разрешению обыденных социальных конфликтов с применением аморальной и неправомерной агрессии, неверной морально-психологической оценки действий других людей, излишне вспыльчивы, т.е. обладают проблемами социализации в обществе [6, с. 184]. Так, «каждое пятое регистрируемое преступление раздела VII УК РФ является преступлением, предусмотренным ст. 119 УК РФ» [7, с. 299–300].

На наш взгляд, отсутствие или уменьшение этих психологических особенностей личности обвиняемого и должно представлять собой содержание доказательств, подтверждающих изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, достаточное для освобождения этого лица от уголовной ответственности или отбывания дополнительного вида наказания.

Преодоление таких особенностей является возможным в том числе путем добровольного прохождения лицом, совершившим преступление, курса психологической помощи, при необходимости по назначению врача – психолога – курса лечения. Результаты такой помощи или лечения могут быть отражены в заключении специалиста, заключении судебной психологической экспертизы; относимость, достоверность и допустимость таких доказательств и должна являться предметом оценки правоприменителя.

В этом случае усмотрение последнего будет базироваться на объективных источниках, которые будут предметом именно сугубо юридической оценки, если потребуется, и вышестоящих судебных инстанций, исключая возможность сугубого субъективизма, ограничивая возможность юридических ошибок и злоупотреблений.

Подобный подход к доказыванию в исследуемой части, как представляется, будет способствовать и возвращению лиц, совершивших преступления, к нормальному взаимному существованию с другими членами общества. А необходимость оплаты подобных издержек уголовного процесса дополнительно убедит этих лиц воздерживаться от агрессивных действий, да и экономически поспособствует развитию в стране практики психологической помощи таким лицам.

Заключение

На наш взгляд, участники уголовного процесса, и прежде всего защитники – адвокаты, могут широко использовать предлагаемый подход к доказыванию изменения степени общественной опасности лица, совершившего преступление, привлекая необходимых специалистов, в целях принятия законных и обоснованных процессуальных решений, и в том числе приговоров без излишне жестокого наказания.

Предлагаем также предусмотреть соответствующие разъяснения путем следующего дополнения п. 3 указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ:

«При разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 75, ст. 76, 76^2 УК РФ, отбывания дополнительного вида наказания на основании ч. 1 ст. 79 УК РФ судам при оценке изменения степени общественной опасности лица, совершившего преступление, в период после совершения такового, следует учитывать доказательства о характеристике личности этого лица, в том числе полученные с применением специальных знаний в области наук о социальной и психологической стороне личности человека».

Пристатейный библиографический список

1. *Зарубин А. В.* Смягчающие обстоятельства в уголовном праве России : учебное пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2022.

2. *Мясников О. А.* Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике. М. : Юрлитинформ, 2002.

3. *Мишин В. В.* Проблемы обоснованности и мотивированности решений о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 4 (62).

4. *Боярская А. В.* Судебный штраф: проблемы материально-правового базиса и правоприменения // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 1.

5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ.

6. *Ильянова О. И.* Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как разновидность семейно-бытовых преступлений // Проблемы в российском законодательстве. 2014. № 1.

7. *Шутова Ю. А.* О некоторых аспектах уголовно-правовой и криминологической характеристики угрозы убийством или причинением вреда здоровью // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223).

8. *Жиров Р. М., Жугов А. А.* Криминологический анализ криминогенных детерминант побоев и истязаний // Государственная служба и кадры. 2020. № 3.

9. *Баранчикова М. В.* Типология личности преступника, совершившего хулиганство в сфере функционирования пассажирского транспорта // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1 (48).

10. *Третьяков И. Л.* Типология лиц, склонных к поджогам и хулиганству во время проведения уличных протестов // Право и государство: теория и практика. 2019. № 4 (58).

References

1. *Zarubin A. V.* Mitigating Circumstances in Russian Criminal Law: Study Guide. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2022. (In Russ.)

2. *Miasnikov O. A.* Mitigating and Aggravating Circumstances in Theory, Legislation and Judicial Practice. Moscow: Iurlitinform, 2002. (In Russ.)

3. *Mishin V. V.* Problems of Validity and Motivation of Decisions on Termination of a Criminal Case in Connection with Reconciliation of the Parties. *Legal Sciences and Law Enforcement Practice*, 2022, no. 4 (62). (In Russ.)

4. *Boiarskaia A. V.* Judicial Fine: Problems of the Material and Legal Basis and Law Enforcement. *Law Enforcement*, 2018, vol. 2, no. 1. (In Russ.)

5. The State of Crime in Russia for January - December 2023. Federal State Institution "Main Information and Analytical Center" of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (In Russ.)

6. *Ilianova O. I.* Threatening with Murder or Causing Serious Harm to Health as a Type of Domestic Crimes. *Problems in Russian Legislation*, 2014, no. 1. (In Russ.)

7. *Shutova Iu. A.* On Some Aspects of the Criminal Law and Criminological Characteristics of the Threat of Murder or Harm to Health. *Law and the State: Theory and Practice*, 2023, no. 7 (223). (In Russ.)

8. *Zhirov R. M., Zhugov A. A.* Criminological Analysis of Criminogenic Determinants of Beatings and Torture. *State Service and Personnel*, 2020, no. 3. (In Russ.)

9. *Baranchikova M. V.* Typology of the Personality of a Criminal Who Committed Hooliganism in the Field of Passenger Transport Functioning. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (48). (In Russ.)

10. *Tretiakov I. L.* Typology of Persons Prone to Arson and Hooliganism During Street Protests. *Law and the State: Theory and Practice*, 2019, no. 4 (58). (In Russ.)

Сведения об авторе:
Р. А. Сорочкин – доктор юридических наук.

Information about the author:
R. A. Sorochkin – Doctor of Law.

Статья поступила в редакцию 29.11.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 29.11.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 341
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-246-255

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ: ОПЫТ СТРАН ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО РЕГИОНА

Виктор Анатольевичи Шестак

Московская академия Следственного комитета РФ им. А. Я. Сухарева,
125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

viktor_shestak@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме противодействия незаконным миграционным потокам в Латиноамериканском регионе в целом и отдельных государствах данного региона в частности. Целью работы является анализ основных причин и факторов, провоцирующих миграционные потоки. Для достижения указанной цели автор использует такие методы, как доктринально-нормативный анализ, логический метод, сравнительно-правовой и другие. Новизна материала проявляется в содержании, где рассматриваются существующие методы и стратегии борьбы с незаконной миграцией, применяемые как на национальном, так и на региональном уровне. В заключение автор приходит к выводу о целесообразности гармонизации национальных законодательств стран Латинской Америки в сфере обеспечения борьбы с незаконной миграцией.

Ключевые слова: незаконная миграция; организованная преступность; противодействие преступности; Латинская Америка.

Для цитирования: *Шестак В. А.* Противодействие незаконной международной миграции: опыт стран Латиноамериканского региона // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 246–255. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-246-255

Research Article

COMBATING ILLEGAL INTERNATIONAL MIGRATION: THE EXPERIENCE OF THE LATIN AMERICAN REGION

Victor A. Shestak

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ia. Sukharev, 12 Vrubel St., Moscow, 125080, Russia

viktor_shestak@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the urgent problem of countering illegal migration flows in the Latin American region in general and individual states of this region in particular. The purpose of the work is to analyze the main causes and factors provoking migration flows. To achieve this goal, the author uses such methods as doctrinal and normative analysis, logical method, and others. The novelty of the material is manifested in the content, which examines existing methods and strategies to combat illegal migration, applied both at the national and regional levels. In conclusion, the author concludes that it is advisable to harmonize the national legislations of Latin American countries in the field of combating illegal migration.

Keywords: illegal migration; organized crime; crime control; Latin America.

For citation: *Shestak V. A*. Combating Illegal International Migration: The Experience of the Latin American Region. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 246–255. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-246-255

Введение

В условиях международной глобализации наблюдается тенденция постоянного изменения и усложнения миграционных процессов. Сама по себе миграция является общественным явлением, которое может внести существенный вклад в социально-экономическое развитие и функционирование как стран происхождения мигрантов, так и государств, их принимающих. В частности, урегулированная миграция представляется эффективным инструментом для решения проблемы перенаселенности или, наоборот, демографического кризиса в отдельных регионах. В то же время незаконная миграция является одной из наиболее масштабных проблем, угрожающих мировому сообществу, потому что представляет собой значительную угрозу безопасности не только отдельных граждан, но и всего общества и государства, в том числе стимулируя обострение межнациональных конфликтов, создавая угрозу международного терроризма и транснациональной преступности.

В XXI в. многие страны оказались вынуждены искать пути решения возникших демографических проблем, вызванных значительным снижением рождаемости и увеличением доли пожилых людей в составе населения. Это в свою очередь объясняет заинтересованность государств в притоке из-за рубежа в первую очередь новой рабочей силы и необходимость совершенствования миграционной политики. Вместе с тем миграционные процессы как непредсказуемо протекающее социальное явление требуют контроля со стороны государства.

1. Международно-правовое регулирование противодействия незаконной международной миграции

Проблема международной миграции приобрела центральную роль в политике большинства стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Практически все страны региона являются участниками миграционных циклов, выступая в качестве страны происхождения, назначения, возвращения или транзита. Особенное ухудшение криминогенной ситуации наблюдается в городах-мегаполисах и приграничных территориях. Так, по оценкам ООН, в 2020 г. 43 млн человек в регионе жили за пределами стран своего рождения, что составляет 15% мирового населения мигрантов [1]. Соединенные Штаты остаются основным направлением миграции, хотя и отдельные страны Южной Америки привлекают большое число мигрантов, значительную часть из которых составляют венесуэльцы. Так, по оценкам Региональной платформы реагирования для беженцев и мигрантов Венесуэлы, в регионе насчитывается 6 млн венесуэльских мигрантов и беженцев, которые живут в основном в Колумбии, Перу, Эквадоре, Чили и Бразилии [2].

В современных условиях основными международно-правовыми инструментами по предотвращению и борьбе с незаконным ввозом мигрантов продолжают оставаться Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [3] и Дополнительный протокол к ней против незаконного ввоза мигрантов [4], выдвигающие требование перед странами, ратифицирующими этот договор, обеспечить криминализацию незаконного ввоза мигрантов в национальном законодательстве.

Вспомогательной предупредительной мерой реагирования агентства ООН, специализирующегося на борьбе с преступностью (Управление ООН по наркотикам и преступности), явилась выдвинутая совместно с Канадой инициатива, направленная на борьбу с организованными преступными группировками, занимающимися контрабандой мигрантов по межконтинентальным маршрутам в Северную Америку. Этот проект получил название *STARSOM* и был рассчитан на два года (на период 2021–2023 гг.), в течение которых оказывалась помощь тринадцати странам. Данная инициатива предоставляла поддержку государствам в противодействии контрабанде мигрантов и защите жизни и прав мигрантов на маршрутах, ведущих в Северную Америку и пересекающих несколько стран Южной Азии, Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна. При этом в качестве одного из предложений по урегулированию миграционного кризиса была выдвинута идея не криминализировать деяния мигрантов. Основные действия были направлены на лиц, организующих незаконное перемещение, а не на самих миг-

рантов. Предполагалось найти способ защиты и обеспечения соблюдение прав человека тех лиц, которые оказались в опасной ситуации. Проект финансировался правительством Канады [5].

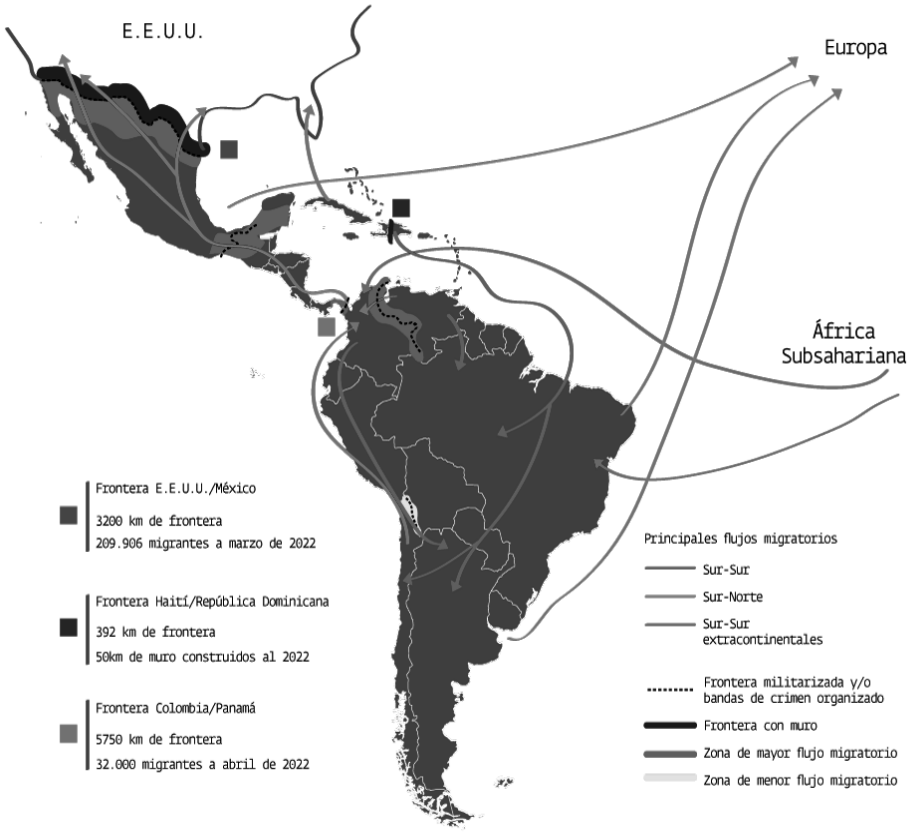

Рис. 1. Основные миграционные потоки в Латинской Америке[1]

Однако, по своему завершению, проект *STARSOM* существенных результатов не дал, масштабного позитивного влияния не оказал, в связи с чем, продлен не был. Проект выявил недостаток сведений о том, как действуют отдельные злоумышленники и преступные группы при организации операций по перемещению лиц на трансрегиональных маршрутах. Участники проекта подчеркивали недостаточность сотрудничества между властями пострадавших государств для борьбы с рассматриваемым видом преступлений [6].

[1] Derribando muros. Migraciones, políticas y luchas migrantes en América // Tricontinental: Institute for Social Research : сайт. URL: https://thetricontinental.org/wp-content/uploads/2022/08/20220508_OBSAL_Cuaderno-Migraciones_Web.pdf (дата обращения: 18.08.2024).

2. Общая характеристика противодействия международной миграции в Латиноамериканском регионе

Латиноамериканский регион характеризуется сложной и многогранной динамикой международной миграции, включая значительные потоки как легальной, так и незаконной миграции. Анализ опыта стран региона в рассматриваемой сфере позволил выделить несколько ключевых аспектов.

Во-первых, незаконная миграция в Латинской Америке носит преимущественно транснациональный характер, зачастую включающий несколько стран-транзитеров. Это обусловливает необходимость регионального сотрудничества для эффективного противодействия. Примером может служить Организация американских государств (далее – ОАГ), включающая 35 независимых государств Северной и Южной Америки, имеющая своей официальной целью установление и поддержание мира и справедливости, содействие солидарности, укрепление сотрудничества и защиту своего суверенитета, территориальную целостности и независимости [7]. В рамках ОАГ странами заключаются двусторонние соглашения о сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью, включающей незаконную миграцию, что является обычной практикой между странами Латинской Америки. Эти соглашения обычно включают следующие положения:

– обмен информацией (страны обмениваются информацией о преступных организациях, занимающихся незаконной миграцией, о потоках мигрантов и методах их переправки);

– совместные операции (государства проводят совместные операции по борьбе с незаконной миграцией, например, совместные патрулирование границы);

– экстрадиция (соглашения регулируют процедуру экстрадиции лиц, обвиняемых в преступлениях, связанных с незаконной миграцией);

– возвращение нелегальных мигрантов (соглашения определяют процедуры возвращения нелегальных мигрантов в страны их происхождения).

Вместе с тем эффективность таких инициатив часто ограничивается отсутствием унифицированных подходов и неравномерным уровнем ресурсов у участвующих стран.

Во-вторых, незаконная миграция тесно связана с организованной преступностью, которая извлекает значительную прибыль из контрабанды людей. Преступные организации обеспечивают поддельные документы, организуют переправку мигрантов, а также зачастую подвергают их эксплуатации. Эффективное противодействие требует комплексного подхода, включающего борьбу с коррупцией и отмыванием денег, усиление правоохранительных органов и развитие международного сотрудничества в области расследования преступной деятельности.

В-третьих, многие страны региона уделяют большое внимание усилению пограничного контроля, включая установку технических средств (системы видеонаблюдения, датчики движения), увеличение численности пограничной охраны и сотрудничество с соседними странами в области пограничной безопасности. Вместе с тем такие меры часто критикуются общественностью за нарушение прав человека и неэффективность в долгосрочной перспективе, поскольку нелегальные мигранты находят новые способы обхода пограничного контроля.

В-четвертых, отдельные страны региона пытаются регулировать миграционные потоки, разрабатывая более гибкие и честные системы легальной миграции. Это включает расширение программ трудовой миграции, предоставление виз для гуманитарных целей и упрощение процедуры легализации для нелегальных мигрантов. Такие меры могут способствовать снижению привлекательности незаконной миграции.

В-пятых, незаконная международная миграция, как правило, является результатом глубоких социально-экономических проблем в странах происхождения. Бедность, неравенство, отсутствие рабочих мест и насилие заставляют людей рисковать своей жизнью и искать лучшей доли в других странах. В этой связи, эффективное противодействие незаконной миграции должно включать меры по содействию развитию стран происхождения, улучшению условий жизни населения и созданию новых рабочих мест.

3. Национальные особенности противодействия незаконной международной миграции в Мексике

Несмотря на меры, принимаемые на наднациональном уровне, среди подходов к национальному законодательному регулированию противодействия незаконной международной миграции наблюдаются существенные различия. Так, в Мексике до 2008 г. нелегальная миграция, называемая «недокументированной» – квалифицировалась в соответствии с Общим законом о народонаселении (*Ley General de Población*) в качестве преступления [8]. Однако впоследствии, а именно с момента вступления в силу Закона о миграции (*Ley de Migración*) в 2011 г. [9], соответствующие деяния перестали составлять преступление. Национальным институтом миграции – подразделением, подчиняемым Министерству внутренних дел Мексики, указывается, что основными принципами закона являются «неограниченное соблюдение прав человека» и «некриминализация нелегальных мигрантов». Однако на практике происходит обратное. В современных условиях в этой стране фиксируется наличие целой индустрий нелегальной миграции, в которую вовлечены государственные, неправительственные организации, а также частные лица, оказывающие различные услуги, способствующие перемещению лиц внутри государства и через государственную границу, в том числе юристы, продавцы, владельцы отелей, перевозчики и проч.

Тем не менее, несмотря на существование явно выраженных пробелов в правовом регулировании применительно к внутренней миграционной политике, на межгосударственном уровне очевидна положительная динамика. Так, в первой половине 2024 г. наблюдалось существенное снижение мигрантов, пребывающих на границу Мексики и США. Если на декабрь 2023 г. их общее число составляло почти 250 тыс. человек, то в марте 2024 г. тот же показатель был равен 125 тыс. Несмотря на то что доля незаконно мигрировавших граждан Мексики стабильно равна 50 тыс. человек в рассматриваемые периоды (как в 2023, так и в 2024 г.), потоки граждан других государств (Никарагуа, Эквадор, Колумбия, Гондурас и др.) существенно замедлились. В качестве основной причины изменившейся ситуации выделяют именно ужесточение мер, принимаемых со стороны правительства Мексики в от-

ношении лиц, следующих транзитом. Вместе с тем это также свидетельствует и о том, что на данный момент в Мексике пребывает значительное число мигрантов из вышеуказанных государств региона [10].

4. Национальные особенности противодействия незаконной международной миграции в Боливии

Подход законодателя Боливии при определении преступления торговли людьми не совпадает с международными договорами о незаконном ввозе мигрантов, что существенно осложняет его применение. При этом Боливия является важным субъектом рассматриваемого противодействия в связи с регулярными периодическими потоками незаконной торговли мигрантами, количество которых увеличивается вследствие экономических кризисов в различных государствах, которые вынуждают мигрантов въезжать в страну с целью добраться до Чили или Перу, используя Боливию в качестве транзитной страны.

В то же время законодательство этой страны, в частности Закон № 263 в области незаконной миграции, остается одним из наиболее противоречивых [11]. В соответствии с международным стандартом перемещенное лицо воспринимается в качестве потерпевшего и, следовательно, к нему должны быть применимы все меры защиты, предусмотренные вышеуказанным законом. Однако норма предусматривает уголовную ответственность за незаконный въезд или выезд из одного субъекта государства в другой. Также устанавливается, что перемещение лиц, потерпевших от таких действий, будет осуществляться за счет государства в том случае, если они решат вернуться в место происхождение или на территорию третьего государства. Такое решение может привести к сложностям на уровне дипломатического взаимодействия государств. Основным предложением по совершенствованию законодательства Боливии является изменение статуса мигрантов с потерпевших от преступления на уязвимую категорию населения [12].

Заключение

Противодействие незаконной международной миграции в Латинской Америке – сложная задача, требующая комплексного подхода, включающего региональное сотрудничество, борьбу с организованной преступностью, совершенствование пограничного контроля, регулирование миграционных потоков и учет социально-экономических факторов. Эффективность применяемых мер зависит от учета специфики региона и усилий всех заинтересованных сторон. В современных условиях государства Латинской Америки, в своем большинстве, хотя и не в полной мере, выполняют минимальные стандарты по решению проблемы незаконной миграции, но прилагают значительные усилия для достижения этой цели. Основными сложностями на данном этапе выступают существенные различия в национальном законодательстве стран региона, а также увеличивающиеся с каждым годом потоки мигрантов.

В результате нелегальных перемещений населения под угрозой оказывается безопасность не только граждан принимающих стран, но и самих мигрантов, которые не могут пользоваться значительным объемом прав, предусмотренных зако-

нодательством конкретного государства, ввиду своего незаконного пребывания на его территории. Пересекая государственную границу с нарушением установленного порядка, они образуют уязвимую категорию населения, добровольно лишая себя возможности для правовой защиты. Привлечь незаконно иммигрировавших лиц к выполнению большинства обязанностей, предусмотренных законом, также не представляется возможным, что подрывает любую экономическую систему.

Пристатейный библиографический список

1. Especialistas destacan las múltiples contribuciones de las personas migrantes al desarrollo sostenible en América Latina y el Caribe // Cepal.org : сайт. URL: https://www.cepal.org/es/noticias/especialistas-destacan-multiples-contribuciones-personas-migrantes-al-desarrollo-sostenible (дата обращения: 18.08.2024).

2. Situación de Venezuela // ACNUR : сайт. URL: https://www.acnur.org/emergencias/situacion-de-venezuela (дата обращения: 18.08.2024).

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г.) // United Nations : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 18.08.2024).

4. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

5. STARSOM // United Nations Office on Drugs and Crime : сайт. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/human-trafficking/migrant-smuggling/starsom.html (дата обращения: 18.08.2024).

6. Un nuevo proyecto luchará contra el tráfico ilícito de migrantes hacia Estados Unidos y Canadá // UN News : сайт. URL: https://news.un.org/es/story/2021/11/1500012 (дата обращения: 18.08.2024).

7. Organization of American States (OAS) // NTI : сайт. URL: https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/organization-american-states-oas/ (дата обращения: 18.08.2024).

8. Artículo 138 de la Ley General de Población // Justia México : сайт. URL: https://docs.mexico.justia.com/federales/ley_general_de_poblacion.pdf (дата обращения: 18.08.2024).

9. Ley de Migración // Unidad de Política Migratoria : сайт. URL: http://www.gobernacion.gob.mx/work/models/SEGOB/Resource/2218/1/images/Ley_Migracion_c.pdf (дата обращения: 18.08.2024).

10. *Isacson A.* ¿Por qué ha bajado la migración en la frontera entre EE.UU. y México a principios de 2024? // WOLA : сайт. URL: https://www.wola.org/es/analisis/bajado-migracion-frontera-ee-uu-mexico-principios-2024/ (дата обращения: 18.08.2024).

11. Ley No. 263 // Tribunal Supremo de Justicia : сайт. URL: https://tsj.bo/wp-content/uploads/2019/11/ley-263-integral-contra-la-trata-y-tra%CC%81fico-de-personas.pdf (дата обращения: 18.08.2024).

12. Política Plurinacional contra la Trata de Personal, Tráfico Ilícito de Migrantes y Delitos Conexos 2021–2025 // Ministerio de Justicia : сайт. URL: https://www.justicia.gob.bo/files/vjdf/trataPersonasTr%C3%A1fico2021_2025.pdf (дата обращения: 18.08.2024).

References

1. Especialistas destacan las múltiples contribuciones de las personas migrantes al desarrollo sostenible en América Latina y el Caribe. URL: https://www.cepal.org/es/noticias/especialistas-destacan-multiples-contribuciones-personas-migrantes-al-desarrollo-sostenible (date of the application: 18.08.2024).

2. Situación de Venezuela. URL: https://www.acnur.org/emergencias/situacion-de-venezuela (date of the application: 18.08.2024).

3. United Nations Convention Against Transnational Organized Crime (adopted by UN General Assembly resolution 55/25 of 15 November 2000). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (date of the application: 18.08.2024). (In Russ.)

4. Protocol Against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, Supplementing the United Nations Convention Against Transnational Organized Crime (adopted in New York on 15 November 2000 by Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

5. STARSOM. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/human-trafficking/migrant-smuggling/starsom.html (date of the application: 18.08.2024).

6. Un nuevo proyecto luchará contra el tráfico ilícito de migrantes hacia Estados Unidos y Canadá. URL: https://news.un.org/es/story/2021/11/1500012 (date of the application: 18.08.2024).

7. Organization of American States (OAS). URL: https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/organization-american-states-oas/ (date of the application: 18.08.2024).

8. Artículo 138 de la Ley General de Población. URL: https://docs.mexico.justia.com/federales/ley_general_de_poblacion.pdf (date of the application: 18.08.2024).

9. Ley de Migración. URL: http://www.gobernacion.gob.mx/work/models/SEGOB/Resource/2218/1/images/Ley_Migracion_c.pdf (date of the application: 18.08.2024).

10. *Isacson A.* ¿Por qué ha bajado la migración en la frontera entre EE.UU. y México a principios de 2024? URL: https://www.wola.org/es/analisis/bajado-migracion-frontera-ee-uu-mexico-principios-2024/ (date of the application: 18.08.2024).

11. Ley No. 263. URL: https://tsj.bo/wp-content/uploads/2019/11/ley-263-integral-contra-la-trata-y-tra%CC%81fico-de-personas.pdf (date of the application: 18.08.2024).

12. Política Plurinacional contra la Trata de Personal, Tráfico Ilícito de Migrantes y Delitos Conexos 2021–2025. URL: https://www.justicia.gob.bo/files/vjdf/trataPersonasTr%C3%A1fico2021_2025.pdf (date of the application: 18.08.2024).

Сведения об авторе:
В. А. Шестак – доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:
V. A. Shestak – Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 18.11.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 340.68
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-256-266

КВАЛИФИКАЦИЯ ДОГОВОРА НА ИЗГОТОВЛЕНИЕ ВЕЩЕЙ ПУТЕМ 3D-ПЕЧАТИ

Андрей Александрович Ушаков

Общество с ограниченной ответственностью «Медтэк»,
119421, Россия, Москва, ул. Новаторов, д. 6

Ushakov@medtechcis.com

Аннотация

В статье автор рассуждает о правовом регулировании отношений, возникающих при использовании трехмерной печати. Дается определение трехмерной печати, определяются ее отличия от иных способов создания вещей. Рассматриваются этапы выполнения 3D-печати, начиная с изготовления трехмерной CAD-модели завершая непосредственным изготовлением. Делается вывод, что каждый этап может рассматриваться как отдельное правоотношение. Правоотношения по изготовлению CAD-модели квалифицируются как договор подряда или договор поставки. Если изготавливается серийная модель, то данные правоотношения квалифицируются как договор постаки. Если же происходит печать индивидуально-определенного объекта – договор подряда.

Ключевые слова: 3D-печать; трехмерная печать; аддитивные технологии; договор на изготовление 3D-модели; договор подряда; цифровые технологии.

Для цитирования: *Ушаков А. А.* Квалификация договора на изготовление вещей путем 3D-печати // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 256-266. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-256-266

Research Article

QUALIFICATION OF A CONTRACT FOR THE MANUFACTURE OF THINGS BY 3D PRINTING

Andrey A. Ushakov

Medtek Limited Liability Company, 6 Novatorov St., Moscow, 119421, Russia

Ushakov@medtechcis.com

Abstract

In the article, the author discusses the legal regulation of relationships arising from the use of three-dimensional printing. A definition of three-dimensional printing is provided, along with its distinctions from other methods of creating objects. The stages of 3D printing are examined, starting from the creation of a three-dimensional CAD model and culminating in the actual manufacturing process. It is concluded that each stage can be viewed as a separate legal relationship; therefore, the relationship concerning the creation of the CAD model is classified as a contract for work and services, while the actual manufacturing can be regarded as a supply contract if a series model is produced, or as a contract for work and services if an individually defined object is printed.

Keywords: 3D printing; three-dimensional printing; additive technologies; contract for the creation of a 3D model; contract for work and services; digital technologies.

For citation: *Ushakov A. A.* Qualification of a Contract for the Manufacture of Things by 3D Printing. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 256–266. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-256-266

Введение

Современный мир характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, появлением новых технических средств, способных выполнять различные функции и тем самым облегчать жизнь человека, существенно ускорять решение целого ряда задач. Фактически в современном обществе превалирует концепция технодетерминизма, которая предполагает все более широкое внедрение современных цифровых технологий в жизнь общества [1]. Многие современные авторы обращают внимание на данное явление, например, А. А. Шутова пишет, что «на современном этапе развития технологий наблюдается непрерывный процесс внедрения новейших технологий во все сферы жизнедеятельности человека» [2]. А. В. Михайлов подчеркивает: «в самых развитых странах сформировался и развивается шестой экономический уклад, к которому относятся нанотехнологии, тех-

нологии искусственного интеллекта, генно-инженерные и клеточные технологии, 3D-печать и т.п.» [3]. При этом Российская Федерации является одной из передовых стран в вопросе внедрения цифровых современных технологий в жизнь общества. Ярким примером является развитие интернет-банкинга, где Россия признается одним из мировых лидеров [4; 5]. Также мы можем наблюдать появление роботов-доставщиков, значительное развитие электронного взаимодействия человека и государства, возможность получения различных государственных услуг через интернет. Особо стоит отметить распространение искусственного интеллекта, который также получил большую популярность в последнее время.

1. Определение понятия 3D-печати

Отдельно следует отметить развитие технологий 3D-печати (трехмерной печати), которая также широко используется в различных сферах и имеет существенные перспективы в будущем. В отечественной юридической литературе данная технология начала привлекать внимание исследователей, которые предлагают свои варианты определения. Например, А. Ю. Чурилов отмечает, что «3D-печать, или аддитивное производство, в общем виде представляет собой собирательный термин для обозначения группы технологических методов производства изделий и прототипов, основанных на создании требуемого объекта с использованием трехмерной модели, полученной в системах автоматизированного проектирования (САПР)» [6]. Другие авторы говорят о том, что под 3D-печатью можно понимать «любые процессы создания физических объектов путем послойного нанесения материала, что отличает их от традиционных производственных процессов, в которых объекты создаются путем отделения части материала, как при машинной обработке, или путем изменения формы заданного объема материала, как при отливке из пластика или металла» [7]. А. А. Галлямова подчеркивает, что «3D-печать (трехмерная печать) представляет собой технологию, позволяющую путем добавления различных материалов из трехмерных компьютерных моделей получать трехмерные структуры» [8]. Как видим, авторы в целом обращают внимание на одни и те же свойства данной технологии, которые заключаются в особом способе ее изготовления, путем печати на 3D-принтере.

Также в отдельных правовых актах появились определения 3D-печати. Например, в распоряжении Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» говорится, что «аддитивные технологии в строительстве» – технологии создания объектов капитального строительства путем их послойного наращивания и синтеза с помощью электронных геометрических моделей (3D-печать)» [9].

Таким образом, сущность 3D-печати сводится к тому, что объект материального мира создается с помощью специальных 3D-принтеров путем послойного нанесения материала. То есть фактически технология является аналогом 2D-печати, которая осуществляется с использованием привычных нам принтеров и также предполагает материализацию виртуальных изображений, но объект создается в трехмерном пространстве.

2. Сферы использования 3D-печати. Преимущества применения данной технологии

Непосредственно печать осуществляется без приложения физического труда человека, так как весь процесс производства выполняется на принтере, при этом все изготовление происходит в один этап и в одном месте. На данный момент технология 3D-печати получила распространение в строительстве, медицине, при изготовлении различных бытовых вещей, пищевых продуктов, и в будущем, очевидно, получит развитие биопечать органов человека и другие сферы.

Такие технологии создания объектов материального мира могут быть гораздо дешевле, экологичнее и удобнее, нежели классическое промышленное производство. А. Ю. Чурилов на этот счет также отмечает, что «3D-печать позволяет производить товары более децентрализованно, минуя посредников и крупные производственные предприятия, с использованием электронных чертежей, схем, которые используются 3D-принтерами для создания объектов материального мира» [6]. В распоряжении Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» [10] говорится о том, что дешевая и качественная 3D-печать зданий и сооружений на основе материалов с новыми свойствами также приведет к удешевлению строительства объектов транспортной инфраструктуры, например мостов, терминальных мощностей и т.д.

Описанные преимущества, которые дает трехмерная печать, действительно могут позволить существенно снизить издержки на изготовление различных вещей, сделать их более доступными для широких слоев населения. Безусловно, развитие таких технологий будет вести к трансформации экономики, вытеснению ряда промышленных производств, которые станут нерентабельными, сокращении потребности в определенных группах профессий. Но такие отрицательные последствия можно рассматривать как плату человечества за право пользования новыми технологиями, человеческое общество на протяжении всего своего развития сталкивается с такими тенденциями.

3. 3D-печать: правовой аспект

Говоря о техническом, социальном и экономическом аспекте 3D-печати нельзя не затронуть и правовой аспект, поскольку своевременное и адекватное правовое регулирование являются залогом развития соответствующих технологий. Одной из основных задач права в данной ситуации состоит в недопустимости использования технологии в ущерб обществу или отдельным людям. Как справедливо подчеркивается в научной литературе: «на современном этапе развития человечества ключевую роль в изменении системы общественных отношений играют инновационные технологии. Но, как правило, развитие права отстает от развития общественных отношений» [11]. Действительно, право как социальной регулятор так или иначе следует за общественными отношениями, юристы не могут предугадать вектор развития современных технологий и заранее предусмотреть соответствующие правовые регуляторы, а вынуждены реагировать на их развитие и появление. Это наглядно демонстрируют ситуации, которые возникали и ранее

в законодательстве, например, цифровые права сначала начали использоваться в гражданском обороте, только затем были внесены соответствующие изменения в законодательство (в ст. 128 ГК РФ Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ [12] цифровые права были прямо закреплены как разновидность объектов гражданских прав, в 2020 г. был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13]). Тем самым правовое регулирование в таких ситуациях выступает в роли «догоняющего». Д. Е. Богданов пишет, что «технология 3D-печати порождает серьезные вызовы правовой системе, которая в своем развитии отстает от научно-технического прогресса. Развитие технологии 3D-печати ведет к «дигитализации» объектов материального мира, происходит стирание границ между физическим миром и цифровым пространством» [14].

Безусловно, право должно реагировать на развитие технического процесса, вводить новые категории, которые позволят определить место различных явлений, связанных с новыми технологиями в системе действующего правового регулирования. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что введение новых категорий должно основываться на уже имеющихся институтах права. Больше того, правоприменители, которые сталкиваются с правоотношениями, касающимися новых технологий, вынуждены использовать имеющийся инструментарий, находить те правовые конструкции, которые наибольшим образом подходят для объяснения существа складывающихся отношений и возникающих явлений. Если снова обратиться к примеру с цифровыми правами, то примечательно, что законодатель отнес цифровые прав не к отдельным самостоятельным объектам гражданских прав, а рассматривает их в качестве разновидности имущественных прав, т.е. вписал их в уже сформировавшуюся систему объектов гражданских прав.

Внедрение 3D-печати также поставило перед наукой и правоприменительной практикой целый ряд вопросов. Наиболее остро на данный момент обсуждается проблема 3D-печати органов человека (биопечать) [1; 7; 14], а также защита интеллектуальных прав в процессе трехмерной печати [11; 15; 16]. В первом случае весьма актуален вопрос защиты интересов личности от неправомерного изготовления органов из его биологического материала. Относительно второго вопроса много дискуссий возникает в части охраны авторских прав, недопустимости произвольного копирования защищаемых патентным правом изобретений, полезных моделей и промышленных образцов.

4. Вопрос гражданско-правовой квалификации правоотношений, возникающих при изготовлении различных объектов путем 3D-печати

Как представляется, помимо названных проблем также требует своего исследования вопрос гражданско-правовой квалификации правоотношений, возникающих при изготовлении различных объектов, а именно по какой модели должны строиться соответствующие гражданско-правовые отношения, нормы о каких договорах могут применяться к ним, влияет ли такой способ изготовления вещи на правовое регулирование.

Для определения применимых норм, необходимо определиться с тем какие действия совершаются при изготовлении соответствующего изделия путем 3D-печати. В самом общем виде полный цикл изготовления вещей путем 3D-печати включает три этапа: 1) создание цифровой модели, т.е. определение в цифровом формате параметров изготовляемого объекта. Такая модель может быть создана в том числе путем 3D-сканирования; 2) происходит обработка цифровой модели и создание так называемого CAD-файла, на основании которого осуществляется непосредственно печать; 3) заключительным этапом является сама печать на основании имеющейся цифровой модели [17]. Данные этапы могут выступать в качестве отдельных самострельных правоотношений с несовпадающими субъектами, например, изготовление 3D-модели может осуществляться одним субъектом, а печать может быть произведена другим.

Если говорить об изготовлении 3D-модели, то такие отношения напоминают по своей сути правоотношения по изготовлению проектной документации, на основании которой осуществляют создание объекта. В научной литературе является дискуссионным вопрос о правовой природе CAD-файла. По одной из точек зрения возможно его признание в качестве программы для ЭВМ, однако в научном сообществе такой подход не нашел значительной поддержки, так как он «не содержит команд, в то время как в соответствии с ее легальным определением программа для ЭВМ – это именно совокупность данных и команд» [17]. Тем самым такая модель выступает объектом гражданских прав и может быть рассмотрена как виртуальная вещь. Отметим, что понятие виртуальной вещи не имеет легального закрепления, однако многие исследователи их упоминают в своих работах. С.А. Суслова пишет, что «сейчас все чаще можно говорить о возможностях приобретения и распоряжения нематериальными объектами, в том числе и виртуальным имуществом» [18]. Фактически указанная модель является своего рода чертежом, но существующим в виртуальном пространстве.

Если говорить о квалификации отношений по созданию 3D-модели, то, как представляется, наиболее близкой конструкцией является договор подряда. Договор подряда представляет собой соглашение, по которому одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его (ст. 702 ГК РФ). Цель договора подряда состоит в изготовлении подрядчиком по заданию заказчика определенных материальных благ. Тем самым основной отличительной особенностью договора подряда является то, что подрядчик не просто обязуется передать результат, а должен получить такой результат путем выполнения работ самостоятельно или с привлечением третьих лиц (субподрядчиков), в соответствии с заданием заказчика. При этом наиболее релевантным видом, подходящим для квалификации отношений по созданию 3D-модели можно назвать договор на выполнение проектных работ, который предусматривает изготовление определенной технической документации.

Относительно этапа непосредственной печати, то в данном случае необходимо учитывать, что отечественное законодательство предусматривает два типа договора, обусловливающих изготовление вещи. Помимо договора подряда, кото-

рый был назван выше, также договор поставки предполагает изготовление вещи. В силу ст. 506 ГК РФ по договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием. То есть договор поставки в своем предмете может предусматривать производство (изготовление) определенных вещей.

Проблема разграничения договора поставки и договора подряда вызывает оживленные споры как в научной литературе, так и в правоприменительной практике. Так, М. И. Брагинский писал, что «договор купли-продажи имеет место лишь тогда, когда изготовление или производство товаров, по поводу которых возник спор, ведется иждевением подрядчика полностью или в существенной части» [19]. Ю. В. Романец говорит о наличии сходства у договоров подряда и купли-продажи, что в свою очередь находит отражение в унификации некоторых правил, однако сам автор не указывает четко на квалифицирующие признаки данных договоров [20].

В судебной практике несколько иной критерий предлагается, так суд отметил, что «предметом договора подряда является изготовление индивидуально-определенного изделия, в то время как предметом договора поставки обычно выступает имущество, характеризуемое родовыми признаками» [21]. В другом постановлении суд указал, что «исходя из предмета договора поставки, покупателю передается приобретенная у третьих лиц или изготовленная поставщиком вещь, не имеющая индивидуальных особенностей (серийная модель)» [22]. Также суды подчеркивают, что «условия договора подряда направлены прежде всего на определение взаимоотношений сторон в процессе выполнения обусловленных работ, а при купле-продаже главное содержание договора составляет передача (поставка) предмета договора покупателю» [23]. То есть в судебной практике при разграничении договоров подряда и поставки исходят из того, что подряд предполагает изготовление вещи по индивидуальному заданию, тогда как купля продажа может предусматривать изготовление вещи, но такая вещь не имеет каких-либо уникальных свойств, индивидуальных характеристик, определяемых заказчиком.

Возвращаясь к вопросу о квалификации договор на изготовление вещей путем 3D-печати, то, как представляется, эти отношения могут быть квалифицированы как в качестве договора подряда, так и в качестве договора поставки. В том случае, если путем 3D-печати изготавливается индивидуально-определенная, уникальная вещь по специально разработанной для соответствующего заказчика модели, то применяются правила о договоре подряда, в том случае если по договору передается какая-либо серийная вещь, изготавливаемая путем трехмерной печати, то данные отношения следует рассматривать как договор купли-продажи.

Вместе с тем, поскольку для договора купли-продажи сам по себе процесс изготовления не имеет принципиального значения, М. И. Брагинский подчеркивал, что для подряда характерно урегулирование отношений по изготовлению, тогда как для купли-продажи это не имеет какого-либо значения [19, с. 35]. Тем самым, если правоотношения построены по модели купли-продажи, то способ изготовле-

ния не влияет на подходы к правовому регулированию таких отношений. В свою очередь для подряда это имеет принципиальное значение, так как трехмерная печать предполагает изготовление объекта исключительно иждевением подрядчика, процесс изготовления осуществляется в один этап и т.д.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Технология трехмерной печати, предполагающая изготовление вещей на основании цифровых моделей путем послойного нанесения материала, получает все более широкое распространение в таких сферах, как строительство, медицина, промышленное производство.

2. Правовое регулирование изготовление вещей путем 3D-печати должно строиться на уже имеющихся в праве конструкциях и институтах, с учетом специфики данной технологии.

3. Процесс изготовления вещей путем 3D-печати является сложным, предполагающим несколько этапов, начиная от разработки CAD-модели и заканчивая непосредственно ее изготовлением. Каждый этап является самостоятельным гражданским правоотношением. В том случае, если путем 3D-печати изготавливается индивидуально-определенная, уникальная вещь по специально разработанной для соответствующего заказчика модели, то применяются правила о договоре подряда, в том случае если по договору передается какая-либо серийная вещь, изготавливаемая путем трехмерной печати, то данные отношения следует рассматривать как договор купли-продажи.

Пристатейный библиографический список

1. *Богданов Д. Е.* Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4.

2. *Шутова А. А.* 3D-биопринтинг: этико-правовой аспект // Безопасность бизнеса. 2022. № 4.

3. *Михайлов А. В.* Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 3.

4. Россия вошла в топ-5 лидеров цифрового банкинга в Европе // РБК : сайт. URL: https://www.rbc.ru/finances/17/04/2018/5ad473779a7947ebfc5fa05e (дата обращения: 24.08.2024).

5. Internet Banking Rank 2020 – исследование и рейтинг интернет-банков для частных лиц в России // Markswebb.ru : сайт. URL: https://www.markswebb.ru/report/internet-banking-rank-2020/ (дата обращения: 24.08.2024).

6. *Чурилов А. Ю.* Интеллектуальная собственность в эпоху трехмерной печати // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3.

7. *Аюшеева И. З.* Проблемы правового регулирования договорных отношений в сфере создания биопринтных человеческих органов // Lex Russica. 2019. № 6.

8. *Галлямова А. А.* Биопринтинг и право человека на цифровой образ: правовые проблемы // Право и бизнес. 2023. № 2.

9. Распоряжение Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» // СЗ РФ. 2022. № 45. Ст. 7815.

10. Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8613.

11. *Гурко А.* 3D-печать и право интеллектуальной собственности: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 5.

12. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

13. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

14. *Богданов Д. Е.* Технология биопринтинга как легальный вызов: определение модели правового регулирования // Lex Russica. 2019. № 6.

15. *Гуляева Н. С.* Авторское право в информационном обществе: вызовы и возможности // Закон. 2016. № 5.

16. *Сухарева А. Е.* Некоторые вопросы охраны интеллектуальных прав при создании объектов путем 3D-печати // Вестник гражданского права. 2018. № 1.

17. *Ахобекова Р. А., Загородная А. А., Наумов В. Б.* Проблемы правового регулирования трехмерной печати // Закон. 2017. № 4.

18. *Суслова С. А.* Реализация внутриигрового имущества при банкротстве гражданина // Право и бизнес. 2024. № 2.

19. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Кн. 3 : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М. : Статут, 2011.

20. *Романец Ю. В.* Система договоров в гражданском праве России. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2019.

21. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 января 2023 г. № Ф04-8232/2022 по делу № А27-21070/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30 января 2018 г. № Ф10-6228/2017 по делу № А09-10341/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 сентября 2021 г. № Ф07-10932/2021 по делу № А52-3394/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Bogdanov D. E.* Technodeterminism in Private Law: The Influence of Bioprinting on the Development of the Concept of Protecting the Right to a Digital Image. *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*, 2020, no. 4. (In Russ.)

2. *Shutova A. A.* 3D Bioprinting: Ethical and Legal Aspect. *Business Security*, 2022, no. 4. (In Russ.)

3. *Mikhailov A. V.* Prospects for the Development of Legislation on Entrepreneurial Activity in the Digital Economy. *Entrepreneurial Law. Supplement "Law and Business"*, 2019, no. 3. (In Russ.)

4. Russia Entered the Top 5 Leaders of Digital Banking in Europe. URL: https://www.rbc.ru/finances/17/04/2018/5ad473779a7947ebfc5fa05e (date of the application: 24.08.2024). (In Russ.)

5. Internet Banking Rank 2020 – Research and Rating of Internet Banks for Individuals in Russia. URL: https://www.markswebb.ru/report/internet-banking-rank-2020/ (date of the application: 24.08.2024). (In Russ.)

6. *Churilov A. Iu.* Intellectual Property in the Era of 3D Printing. *Actual Problems of Russian Law*, 2020, no. 3. (In Russ.)

7. *Aiusheeva I. Z.* Problems of Legal Regulation of Contractual Relations in the Field of Creation of Bioprinted Human Organs. *Lex Russica*, 2019, no. 6. (In Russ.)

8. *Galliamova A. A.* Bioprinting and the Human Right to a Digital Image: Legal Issues. *Law and Business*, 2023, no. 2. (In Russ.)

9. Order of the Government of the Russian Federation of October 31, 2022 No. 3268-R "On Approval of the Strategy for the Development of the Construction Industry and Housing and Communal Services of the Russian Federation for the Period up to 2030 with a Forecast up to 2035". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 45, art. 7815. (In Russ.)

10. Order of the Government of the Russian Federation of November 27, 2021 No. 3363-R "On the Transport Strategy of the Russian Federation Until 2030 with a Forecast for the Period up to 2035". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 50 (part IV), art. 8613. (In Russ.)

11. *Gurko A.* 3D Printing and Intellectual Property Law: A Look into the Future. *IP. Copyright and Related Rights*, 2016, no. 5. (In Russ.)

12. Federal Law of March 18, 2019 No. 34-FZ "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2019, no. 12, art. 1224. (In Russ.)

13. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 31 (part I), art. 5018. (In Russ.)

14. *Bogdanov D. E.* Bioprinting Technology as a Legal Challenge: Defining a Legal Regulation Model. *Lex Russica*, 2019, no. 6. (In Russ.)

15. *Guliaeva N. S.* Copyright in the Information Society: Challenges and Opportunities. *Law*, 2016, no. 5. (In Russ.)

16. *Sukhareva A. E.* Some Issues of Intellectual Property Protection When Creating Objects by 3D Printing. *Civil Law Review*, 2018, no. 1. (In Russ.)

17. *Akhobekova R. A., Zagorodnaia A. A., Naumov V. B.* Problems of Legal Regulation of Three-Dimensional Printing. *Law*, 2017, no. 4. (In Russ.)

18. *Suslova S. A.* Sale of In-Game Property in Case of Bankruptcy of a Citizen. *Law and Business*, 2024, no. 2. (In Russ.)

19. *Braginskii M. I., Vitrianskii V. V.* Contract Law. Book 3: Contracts for the Performance of Work and the Provision of Services. Moscow: Statut, 2011. (In Russ.)

20. *Romanets Iu. V.* The System of Contracts in the Civil Law of Russia. Moscow: Norma; Infra-M, 2019. (In Russ.)
21. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of January 31, 2023 No. F04-8232/2022 in case No. A27-21070/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
22. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of January 30, 2018 No. F10-6228/2017 in case No. A09-10341/2016 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
23. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of September 16, 2021 No. F07-10932/2021 in case No. A52-3394/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
А. А. Ушаков – генеральный директор.

Information about the author:
A. A. Ushakov – General Director.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 09.12.2024.
The article was submitted to the editorial office 26.08.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Научная статья
УДК 347
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-267-285

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОБЛЮДЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ И СЕМЬИ ДОЛЖНИКА В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ

Егор Валерьевич Землянкин

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

evzemlyankin@mail.ru

Аннотация

Актуальность данной работы обусловлена важностью института банкротства и проблемы игнорирования интересов семьи должника в нем. Значение института банкротства обусловливается следующими аспектами: экономическая стабилизация, защита прав кредиторов, возможность для должника начать предпринимательскую деятельность сначала, социальная защита, содействие оздоровлению бизнеса. Институт банкротства становится более и более популярным, а следовательно, и востребованным. Настоящая статья посвящена проблемам, возникающим в ходе процедур банкротства гражданина и затрагивающих права и интересы семьи должника. Цель исследования – анализ механизмов обеспечения интересов кредиторов и некоторой правоприменительной практики в контексте защиты интересов семьи должника, а также формулирование выводов по обозначенному исследованному материалу и предложения по совершенствованию законодательства. Методология представлена всеобщим диалектическим методом, а также общенаучными и частнонаучными методами, включая метод правового моделирования. Сформулирован вывод о недостаточной проработке данного вопроса в действующем законодательстве, отсутствие единообразия судебной практики и необходимость в дальнейшей проработке и совершенствовании способов защиты интересов семьи должника. Полученные результаты и выводы могут в дальнейшем применяться для совершенствования действующего законодательства в сфере банкротства граждан и защиты интересов членов их семей.

Ключевые слова: банкротство должника-гражданина; единственное жилье; дети; супруги; раздел имущества; права кредиторов; алиментные обязательства; оспаривание сделок.

Для цитирования: *Землянкин Е. В.* Обеспечение соблюдения интересов кредиторов и семьи должника в делах о банкротстве // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 267–285. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-267-285

Research Article

ENSURING THAT THE INTERESTS OF CREDITORS AND THE DEBTOR'S FAMILY ARE RESPECTED IN BANKRUPTCY CASES

Egor V. Zemlyankin

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklaia St., Moscow, 117198, Russia

evzemlyankin@mail.ru

Abstract

The relevance of this work is due to the principle of bankruptcy and the problems of ignoring the interests of the family debtor in it. The importance of the institution of bankruptcy is due to the following aspects: economic stabilization, protection of the rights of laws, the opportunity for the debtor to start entrepreneurial activity first of all, social protection, further recovery of business. The institution of bankruptcy is becoming increasingly popular, and, therefore, in demand. This article is devoted to the problems arising during the bankruptcy procedures of a citizen and affecting the rights and interests of the debtor's family. The purpose is to study the mechanisms of ensuring the interests of creditors and some law enforcement practices in the context of protecting the interests of the debtor's family, as well as to formulate conclusions on the designated studied material and proposals for improving legislation. The methodology is represented by a universal dialectical method, as well as general scientific and private scientific methods, including the method of legal research. A conclusion has been formulated on the insufficient development of this issue in the current legislation, the lack of uniformity in fundamental practice and the need for further development and improvement of methods for protecting the interests of a family debtor. The results and conclusions obtained may have consequences for the application of current legislation in the field of bankruptcy of citizens and the protection of the interests of their family members.

Keywords: bankruptcy of individuals; only housing; children; spouses; partition of property; creditors' rights; alimony obligations; contesting transactions.

For citation: *Zemlyankin E. V.* Ensuring That the Interests of Creditors and the Debtor's Family Are Respected in Bankruptcy Cases. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 267–285. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-267-285

Введение

Указом Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 2024 г. объявлен в России годом семьи. Поддержка семьи неоднократно становилась основной темой в речах Президента РФ. Укрепление традиционных ценностей, поддержка материнства, отцовства и детства является важной составляющей частью нашего общества.

Данный Указ должен служить неким «маяком» для законодателя и правоприменителя в контексте рассмотрения вопросов, связанных с интересами семьи, соблюдать баланс интересов членов семьи во всех правовых сферах. Одной из таких сфер является банкротство.

Институт банкротства граждан является крайне востребованным и эффективным инструментом по освобождению лиц, от ставших непосильными долговых обязательств. По данным единого федерального реестра сведений о банкротстве на 1 января 2024 г., в России насчитывается 1 189 799 граждан-должников. Такая популярность обусловливается нестабильным экономическим состоянием в стране вызванных рядом факторов, например, пандемия *COVID*-19, а также экономические санкции, введенные в 2022–2023 гг. Проблема усугубляется недееспособностью граждан правильно распределять долговую нагрузку, бесконтрольным получением кредитов, а зачастую этому способствуют неудачно сложившиеся жизненные обстоятельства, а также другие причины.

Основной целью процедуры банкротства является освобождение гражданина от долгов. Помимо этого целями являются соразмерное удовлетворение требований кредиторов и недопущение возникновения новых заведомо неисполнимых обязательств.

Указанные цели неизбежно порождают конфликт интересов между должником, заинтересованным в первую очередь в освобождении от долгов с сохранением максимального количества имущества и небольшим по своим объемам расчетом с кредиторами, и кредиторами, заинтересованными не только в продаже всего имущества должника, но и в получении имущества семьи должника для удовлетворения своих интересов.

Здесь следует уточнить, что «интерес» в каждом отдельном случае может меняться. Тут впору говорить о принципе добросовестности участников дела, когда, с одной стороны, должник не препятствует реализации «излишнего» имущества, соглашаясь на оставление за собой лишь минимально приемлемого количества объектов, а с другой стороны, кредитор не пытается оставить должника и членов его семьи без средств к существованию и имущества, пригодного для проживания.

С целью защиты прав должника был разработан механизм исполнительского иммунитета, внедренный в институт банкротства, с помощью которого у должника появляется возможность сохранить за собой единственное жилье и минимальный доход. Тем не менее, несмотря на то, что Верховный Суд РФ неоднократно ука-

зывал на необходимость должника добросовестно сотрудничать с кредиторами и управляющим, не допуская сокрытия имущества (п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»), последний зачастую игнорирует данные предписания, предпочитая заключать мнимые по своей правовой природе сделки с членами семьи и иными близкими родственниками для недопущения взыскания [1].

С учетом данных обстоятельств должник совместно с членами семьи, становится единым субъектом, интерес которого заключается уже не только в освобождении от долгов, но и в обеспечении имущественного благосостояния семьи. В связи с этим, члены семьи должника напрямую заинтересованы в исходе дела о банкротстве последнего.

Ввиду вышеуказанного, при проведении процедуры банкротства гражданина следует учитывать, что тот имеет обязательства финансового характера не только перед кредиторами, но и непосредственно перед членами своей семьи, выражающиеся в сохранении определенной части дохода и жилья.

Частноправовая составляющая института банкротства играет ключевую роль в регулировании взаимоотношений между должником и его кредиторами. В условиях банкротства юридические и физические лица сталкиваются с необходимостью пересмотра и реорганизации своих обязательств, что требует четкого правового регулирования. Основополагающим элементом в этом процессе является правовой статус сторон, включая права и обязанности как должников, так и кредиторов. Важную роль играет арбитражное управление, где арбитражные управляющие выступают в качестве посредников, обеспечивая соблюдение прав и законных интересов всех участников. Кроме того, процедура заключения мирового соглашения между должником и кредиторами, а также судебная практика по этим вопросам, оказывают значительное влияние на развитие частноправовых отношений в сфере банкротства.

В процедуре банкротства, все участники имеют два процессуальных статуса. С одной стороны, это лица участвующие в деле о банкротстве, к которым относятся кредиторы, должник, арбитражный управляющий, данная категория лиц обладает всеми процессуальными правами, АПК РФ наделяет истца и ответчика. С другой стороны, у нас также есть и другая категория – лица, участвующие в арбитражном процессе по делу о банкротстве, к которым относят кредиторов по текущим обязательствам, представителя собрания работников, представителей собрания кредиторов, представителей участника должника. Указанные лица не обладают таким спектром прав, как лица участвующие в деле о банкротстве и могут лишь ознакамливаться с делом о банкротстве, а в случае с текущими кредиторами подавать жалобу на действия (бездействия) управляющего, касающиеся их требований и участвовать в обособленном споре относительно своего требования, законодатель определяет таких лиц как пассивных наблюдателей и сильно ограничивает их возможность на участие в процессе. Члены семьи должника не относятся ни к одной из перечисленных категорий, более того, их статус не урегулирован даже в специальной главе, посвященной банкротству физических лиц, это в свою очередь су-

щественно затрудняет возможность защиты своих прав, так как подразумевается, что в случае если член семьи должника считает, что данный спор может затронуть его права, то ему нужно обращаться в рамках данного спора в суд, с ходатайством о вступлении в дело в качестве третьего лица.

1. Алиментные обязательства

В первую очередь в качестве такой обязанности представляется возможным выделить необходимость материального обеспечения несовершеннолетних членов семьи. Ввиду отсутствия возможности самостоятельно получать доход, а также полной зависимости от воли своих законных представителей, последние представляют из себя наиболее уязвимую группу, нуждающуюся в особой защите как со стороны судебной, так и со стороны законодательной ветвей власти.

Юридическим выражением защиты несовершеннолетних детей являются алиментные обязательства. Они могут быть согласованы между родителями как в добровольном порядке и выражены в соглашении об уплате алиментов, так и в принудительном порядке, путем вынесения соответствующего судебного акта, устанавливающего необходимые критерии выплаты алиментов.

Соглашение об уплате алиментов, по смыслу гражданского и семейного законодательства является сделкой, которая при необходимости может быть оспорена и признана недействительной. Пользуясь данным правовым инструментом, должник часто заключает мнимые алиментные соглашения, единственной целью которых является вывод имущества из конкурсной массы. Тем не менее в подобных ситуация следует быть особенно осторожными, так как при соблюдении баланса интересов кредиторов и семьи должника следует исходить из того, что часть перечисляемой суммы действительно может в дальнейшем пойти на финансовое обеспечение несовершеннолетнего.

Так, Арбитражный суд г. Москвы в деле о банкротстве № А40-144662/2020 своим определением от 29 декабря 2021 г. признал недействительной сделкой переводы денежных средств бывшей супруге должника в размере 17 864 219 руб. 52 коп. в качестве уплаты алиментов и применил реституцию в виде возврата данных средств в конкурсную массу должника [2]. Однако Верховный Суд с этим не согласился и в определении от 26 июня 2023 г. по данному делу указал на то, что наличие обязательств перед кредиторами не освобождает должника от уплаты алиментов, просто в таком случае размер алиментов должен представлять из себя лишь необходимую сумму для содержания ребенка. Дополнительно Верховный Суд обратил внимание, что взыскание с должника такой суммы противоречит смыслу банкротства, потому как превышает совокупный размер требований кредиторов [3].

В данном случае, соотнеся интересы кредиторов и должника, Суд пришел к выводу, что, несмотря на отсутствие доказательств использования денежных средств на нужды ребенка, тем не менее нельзя полностью отрицать то обстоятельство, что как минимум часть из этих средств может быть в дальнейшем использована в целях обеспечения интересов несовершеннолетнего, при этом большая часть все равно должна уйти в пользу кредиторов. Несмотря на обоснованность данного определения, Верховный Суд тем не менее опустил вопрос того, как и кем бу-

дет контролироваться процесс использования денежных средств в каком именно объеме денежные средства должны пойти на расчет с кредиторами, а в каком на обеспечение интересов детей должника.

Алиментные обязательства, являясь предметом сделки, зачастую становятся способом злоупотребления должником своих прав. К примеру, определением Арбитражного суда г. Москвы от 1 октября 2020 г. по делу № А40-173621/18 судом была признана недействительной сделка по уплате алиментов [4]. По мнению суда, должник действовал в сговоре со своей супругой с целью вывода имущества из конкурсной массы. К таким выводам суд пришел исходя из наличия у должника на момент совершения сделки существенного объема кредиторской задолженности, а также отсутствия у сторон реальной воли на исполнение соглашения, выразившееся с одной стороны, в отсутствие каких-либо платежей от должника, с другой стороны, супруга должника не предпринимала никаких действий, направленных на принудительное исполнение алиментного соглашения. С учетом обстоятельств дела, данное определение видится правильным и обоснованным, однако судом не был изучен вопрос исполнения должником алиментных обязательств в дальнейшем.

Алиментные обязательства часто становятся «краеугольным камнем» в делах о банкротстве, законодатель уделяет повышенное внимание интересам несовершеннолетних членом семьи должника ввиду отсутствия у тех возможностей по самостоятельной защите своих прав ввиду объективных причин и интересы ребенка ставятся однозначно выше интересов кредиторов [5].

Судами указывается, что само по себе соглашение об уплате алиментов не может нарушать права кредиторов даже в случае изменения очередности, для установления признаков недействительной сделки, необходимо доказать, что размер выплачиваемых алиментов является чрезмерным и направлен не на создание ребенку условий для нормального физического, умственного и иного видов воспитания, а имеет своей целью вывод активов из конкурсной массы. Кроме того, необходимо также учитывать, что соглашение об уплате алиментов не может быть признано недействительным в случае, если размер таких алиментов не превышает пределы, установленные ст. 81 Семейного кодекса РФ [6].

Представляется обоснованным, что при рассмотрении вопроса о признании соглашения об уплате алиментов недействительным следует обязательно рассматривать вопрос о финансовой возможности самого должника уплатить требуемые суммы. Ввиду нежелания должника отдавать денежные средства в конкурсную массу он осуществляет мероприятия по «выводу» своих доходов в тень, в случае необходимости дальнейшей легализации доходов и заключается соглашение об уплате алиментов. Более того, уплата алиментов в размере, превышающем требования иных кредиторов, само по себе свидетельствует о намерении должника причинить своими действиями вред кредиторам [7].

2. Вопросы жилого имущества

Действующее нормативно-правовое регулирование не содержит юридически обязательного определения жилого помещения, однако опираясь на правопри-

менительную практику, а также на нормы Жилищного кодекса в части определения жилого здания, можно сформулировать следующее определение. Под жилым помещением предполагается индивидуально-определенный объект, служащий гражданам для проживания и удовлетворения бытовых нужд.

Существует ряд ситуаций, при которых защитой интересов семьи могут пренебречь в пользу кредиторов. К подобным случаям в первую очередь относят вовлеченность семьи в вывод активов должника, так, в случае, если супруга должника, действуя в сговоре с последним, имея своей целью вывод ликвидного имущества из конкурсной массы, должна осознавать, что в дальнейшем правами и интересами супруга будут пренебрегать с целью соблюдения интереса кредиторов и восстановления баланса интересов сторон.

Например, в деле № 02-1121/2023 решением Зюзинского районного суда г. Москвы от 23 июня 2023 г. супруге должника было отказано в разделе совместно нажитого имущества, поскольку судом с учетом обстоятельств дела о банкротстве ее супруга было установлено, что они имеют общий имущественный интерес и действуют с единой целью – вывод ликвидного имущества из конкурсной массы и со ссылкой на ст. 10 ГК РФ [8], суд отказал ей в защите права, решив, что предмет спора, фактически отсутствует [9].

Это касается не только дел о личном банкротстве должника, но и дел о банкротстве юридических лиц, участником которых является должник и его супруга, подобный подход был отражен в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 10 июня 2019 г. № Ф05-19328/2015 по делу № А40-187351/2013, где суд указал на противоправность действий супруги и возможность ее привлечения к субсидиарной ответственности [10].

2.1. Единственное жилье

Одним из конституционно охраняемых прав гражданина является его право на жилище, оно в той же степени распространяется на несовершеннолетнего, как и на взрослых членов семьи [11]. В связи с этим до момента совершеннолетия обязанность на обеспечение ребенка жильем возлагается на его родителей (иных законных представителей). В соответствии со ст. 31 Жилищного кодекса РФ дети наделены правом пользования жилым помещением, принадлежащим его родителям, и могут совместно проживать с ними. Ввиду этого дети заинтересованы в сохранении данного жилья в собственности у родителей [12]. Для этих целей ст. 446 ГПК РФ было установлено, что не может выступать объектом взыскания помещение, являющееся для должника и членов его семьи единственным, пригодным для проживания [13]. В таком случае суд обязан защитить их конституционное право на жилище (определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 456-О; п. 3 ст. 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ; п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48) [14–16].

В постановлении от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина

И. И. Ревкова» Конституционный Суд РФ допустил возможность взыскания на единственное жилье при соблюдении ряда необходимых критериев:

– жилое помещение, выбранное в качестве единственного пригодного для постоянного проживания для него и членов его семьи, совместно в нем проживающих, должно по объективным характеристикам значительно превышать разумно достаточное для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище;

– соотношение рыночной стоимости жилого помещения с величиной долга, погашение которого в существенной части могло бы обеспечить обращение взыскания на жилое помещение, поскольку отказ от исполнительского иммунитета должен иметь реальный смысл именно как способ и условие удовлетворения требований кредиторов, а не карательная санкция (наказание) за неисполненные долги и не средство устрашения должника угрозой отобрания у него и членов его семьи единственного жилища [17].

Между тем, как отмечает Е. А. Лагунова, в настоящий момент отсутствует нормативно-правовое закрепление минимальных стандартов жилья, на основании которых правоприменитель мог бы определять какое именно жилье может быть предоставлено должнику в качестве замещающего [18]. Автор согласен с данной позицией, так как отсутствие четких критериев развязывает суду руки в вопросе определения замещающего жилья, что может привести к неправильной классификации жилья, как пригодного для проживания.

Отмечается, что правоприменитель самостоятельно, следуя принципу баланса интересов сторон, определяет достаточный для должника уровень обеспеченности жильем, нивелируя его возможность выбора с учетом необходимого ему и членам его семьи уровня комфорта. Определение более скромного жилого помещения в качестве, защищенного исполнительским иммунитетом, означает защиту интересов кредиторов, а выбор дорогостоящего жилья – защиту интересов должника, который стремится завершить банкротство, сохранив за собой максимум имущества. Очевидно, необходимы более проработанные юридические механизмы баланса интересов сторон.

Не решен данный вопрос и в правоприменительной практике. Так, определением Арбитражного суда Оренбургской области от 14 сентября 2022 г. по делу № А47-13520/2017 установлено, что жилой дом соответствует критериям роскошного жилья по следующим признакам:

– дом имеет четыре этажа (т.1 л.д.123 кадастровый паспорт; поэтажный план – т.6 с л.д.42-45), в том числе один подземный этаж (т.е. по уровню благоустройства, фактически, пять этажей), что по сравнению с широко распространенным строительством пятиэтажных домов с тремя квартирами на лестничной площадке (как минимум, хотя более распространены четыре квартиры на одной лестничной площадке). Соответственно, оценочно уровень благоустройства превышает в 15 раз обычный уровень жизни;

– площадь дома 852,9 кв. м (т.1 л.д.123 кадастровый паспорт) является значительной, что более чем в 12 раз превышает площадь квартир из расчета трехкомнатной квартиры по 65 кв. м (в то время как большинство семей обеспечено жилищными условиями менее чем трехкомнатной квартирой);

– исходя из фотографий внутреннего состояния дома, хотя бы заинтересованные лица (со стороны заявителей) и старались выбрать наихудшие ракурсы (для понижения цены в целях обоснования отсутствие необходимости выделения замещающего жилья), стиль строительства в большей мере относится к дворцовому стилю (т.6 л.д.81, 73, 75);

– по периметру дома (или с одной стороны) имеется продолжительная терраса, на придомовой территории оборудован бассейн (фотография – т.6 л.д.73);

цена рассматриваемого объекта кратно превышает обычную цену жилого помещения, пригодного для обеспечения жильем граждан, проживающих в г. Оренбурге [19].

В других случаях суд обращает внимание на то, что общая площадь может и превышать необходимые для проживания нормы, тем не менее учитывать нужно именно жилую площадь. Так, постановлением Арбитражного суда Московского округа от 27 июня 2023 г. № Ф05-6949/2022 по делу № А41-57751/2020 было указано, что хоть и спорный жилой дом имеет общую площадь 173,6 кв. м, только 44,5 кв. м относятся к жилой площади [20].

Кроме того, в некоторых случаях суд указывает, что сам по себе размер общей площади жилого дома с учетом конкретных обстоятельств дела не являлся безусловным основанием для удовлетворения иска и не свидетельствовал о явном превышении предельных минимальных размеров предоставления земельных участков [21].

Также периодически возникает вопрос, кого именно можно считать членом семьи. Для целей определения единственного пригодного для проживания помещения правоприменительная практика понимает лиц, которые непрерывно проживают с должником и находятся у него на иждивении, к таким в первую очередь относят несовершеннолетних детей, а также престарелых родителей и инвалидов.

2.2. Правовой статус единственного жилья

В области защиты прав кредиторов и возможности лишения должника единственного имущества, весьма знаковым стало определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 июля 2021 г. № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019. В нем Верховный Суд делает интересный вывод, указывая на то, что в случае если члены семьи должника уже обладают квартирой, принадлежащей им на праве собственности, то осуществление взыскания на иное имущество должника – возможно [22].

Отчасти это упростило жизнь финансовым управляющим, которым ранее необходимо было самостоятельно обращаться в суд с ходатайством об исключении имущества из конкурсной массы, теперь же, в случае наличия у управляющего сведений, объективно доказывающий возможность проживания должника в ином жилом помещении, принадлежащем его родственникам, то и отпадает необходимость обращаться в суд с ходатайством об исключении имущества из конкурсной массы.

Теперь суды, делая прямую ссылку на определение Экономической коллегии Верховного Суда РФ от 26 июля 2021 г., стали чаще указывать на необходимость

рассмотрения возможности должника проживания в ином помещении в соответствии со ст. 31 Жилищного кодекса РФ, так, например, было в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 2 августа 2022 г. № Ф05-25855/2021 по делу № А40-193794/2020 [23], в котором суд отменил судебные акты первой и апелляционной инстанции, сославшись на не изученность возможности проживания должника в ином жилом помещении, не рассмотрении вопроса о предоставлении должнику замещающего жилья.

Представляется разумным рассмотреть и иные случаи. Так, в деле № А40-173621/2018 Арбитражный суд Московского округа своим постановлением от 6 июля 2023 г. отменил судебные акты нижестоящих инстанций об отказе в исключении имущества из конкурсной массы [24]. Суд указал на то, что ст. 446 ГПК РФ предусмотрено право собственности должника на помещение, о праве пользования, предусмотренного ст. 31 ЖК РФ в указанной норме речи не идет, суд также отклонил доводы о многочисленных случаях злоупотребления должника правом, сославшись на то, что в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П должник и члены его семьи в любом случае не могут быть лишены права на жилье, гарантированное конституцией [25].

Таким образом, сложившаяся правоприменительная практика носит весьма неоднозначный характер и требует учитывать множество факторов, в том числе и вопрос жилья для семьи должника.

Неопределенность судебной практики и отсутствие четких критериев открывает должнику широкий спектр возможностей по злоупотреблению своим правом при помощи родственников. Например, в деле № А40-151530/2018 определением Арбитражного суда г. Москвы от 1 марта 2023 г. была исключена из конкурсной квартира площадью 123,3 кв. м ввиду того, что в ней были прописаны дети должника, при этом вопрос фактического их проживания по другому адресу судом не рассматривался, не исследовался и вопрос о возможности предоставления замещающего жилья, не указывалось на то, какую финансовую выгоду получат кредиторы при реализации спорного недвижимого имущества [26].

3. Соблюдение баланса интересов сторон

Еще одним из правовых механизмов защиты семьи является ст. 38 Семейного кодекса РФ, которая позволяет супругу произвести раздел совместно нажитого имущества и оставить его часть за собой, чтобы в дальнейшем не допустить взыскания кредиторов. Тем не менее раздел имущества часто выступает как способ злоупотребления правом со стороны должника и направлен на вывод ликвидного имущества из конкурсной массы.

Под совместно нажитым имуществом, подлежащим разделу, действующее законодательство понимает любое имущество, нажитое супругами в период брака вне зависимости от того, каким именно супругом данное имущество было приобретено, к исключениям можно отнести случаи, когда имущество было куплено на личные денежные средства супруга, полученные им еще до вступления в брак, к таким исключениям относят также и получение наследства.

На необходимость обеспечения справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника (в том числе его права-

ми на достойную жизнь и достоинство личности) содержится указание в п. 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» [27]. Между тем указанное Постановление не содержит четких критериев определения баланса конкурирующих интересов должника, лиц, находящихся на его иждивении, и кредиторов. Можно предположить, что в каждом конкретном случае суд должен самостоятельно обеспечить справедливый баланс между такими интересами. Одним из наиболее эффективных правовых инструментов, препятствующих незаконному уменьшению конкурсной массы, является оспаривание сделок должника-банкрота и последующий возврат полученного по такой сделке в конкурсную массу. Это позволяет защитить права кредиторов несостоятельного должника на получение справедливого удовлетворения. По справедливому замечанию С. Ю. Чашковой, договорное регулирование имущественных отношений супругов по поводу общего имущества, в числе прочего, характеризуется необходимостью учета интересов других участников гражданского оборота [28]. По мнению автора, учет интересов кредиторов также имеет существенное значение и при решении имущественных вопросов, учет их прав также является обязательным для поддержания баланса интересов.

Объектом оспаривания в рамках дела о банкротстве могут являться не только семейно-правовые договоры, заключаемые супругами, в отношении одного из которых возбуждено производство по делу, но и сделки по отчуждению имущества третьим лицам, совершенные как самим должником, так и его супругом. В обоих случаях супруги под видом реализации субъективного права общей совместной собственности, содержащего правомочия владения, пользования и распоряжения, реализуют свой противоправный интерес.

4. Имущество, приносящее доход или обеспечивающее нормальное существование семьи

Вопрос также поднимается относительно иного имущества должника, как правило, речь идет о лично транспортном средстве.

Очень часто должник пытается применить положения исполнительского иммунитета для исключения своего авто из конкурсной массы, однако не менее часто суды отказывают.

В качестве основания для исключения имущества из конкурсной массы приводится необходимость в его использовании для заработка денежных средств. Должник в таком случае приводит максимальный набор доказательств, что он долго и последовательно использует транспортное средство в качестве источника дохода, делает это на протяжении длительного периода времени и иных источников дохода не имеет. Как правило, данный пункт имеет отношение к лицам, чья деятельность напрямую связана с извозом пассажиров на автомобиле (например, такси или личный водитель) и приносит основной доход должнику и его семье. Иногда в качестве обоснования в пользу исключения имущества приводится его необходимость для использования самим должником, так как в силу здоровья он не может нормально передвигаться самостоятельно или с использованием об-

щественного транспорта, и посещение медицинских учреждений и аптек является для должника постоянной необходимостью.

4.1. Отказ как способ соблюдения прав кредиторов

В качестве отказа применяется формальный критерий в виде стоимости имущества, которое превышает 10 000 руб., а соответственно может быть исключено из конкурсной массы.

Данная категория дел характеризуется, несвойственно для банкротства граждан, единообразием судебной практики, суды единодушно, за редким исключением, отказывают должнику в исключении такого имущества из конкурсной массы.

В подобной категории дел, как правило, гражданин сам обратился с заявлением о введении процедуры реализации имущества ввиду отсутствия достаточного дохода и невозможности восстановления платежеспособности в обозримом будущем, а раз подобное заявление стало следствием волеизъявления должника, то и все последствия подобного шага должником также осознавались.

Если же гражданин желал оставить транспортное средство за собой, то следовало обратиться с заявлением о введении процедуры реструктуризации долга и предоставить план реструктуризации, согласно которому гражданин, в том числе при использовании своего транспортного средства, не более чем за пять лет сможет восстановить свою платежеспособность и произвести расчет с кредиторами.

Примером подобного подхода может служить дело № А40-257249/2022. Арбитражный суд Московского округа своим постановлением от 16 ноября 2023 г. оставил без изменения судебные акты нижестоящих инстанций, отказавших должнику в исключении транспортного средства из конкурсной массы. Все ссылки должника на то, что он является инвалидом II группы, ему необходим автомобиль для посещения медицинских учреждений и постоянного наблюдения врачей судом были признаны недостаточными, либо недоказанными. Суд округа повторно указал на то, что реализация имущества является реабилитационной процедурой, целью которой является расчет с кредиторами и освобождение гражданина от обязательств, естественным последствием такого развития событий является наличие неблагоприятных последствий в виде ухудшения привычных жизненных условий, однако добросовестный должник заинтересован в максимально полном расчете с кредиторами, в противном случае его добросовестность ставится под сомнение [29].

Подобный подход не является исключением и прослеживается во всей правоприменительной практике. Суд часто полностью игнорируют положения ст. 10 ГК РФ, прямо определяющей добросовестность каждого участника гражданских правоотношений до тех пор, пока не будет доказано иное. Автору представляется, что суд в некоторой степени игнорирует презумпцию добросовестности и исходит из обратного, автоматически определяя должников, обратившихся с подобными заявлениями как недобросовестных.

Представляется очевидным, что в данном контексте требуются серьезные законодательные доработки, устанавливающие критерии добросовестности должника при обращении с подобными заявлениями, позволяющие исключить любую двусмысленность и недосказанность.

Подобная категория дел характеризуется также полным игнорированием других обстоятельств, помимо использования имущества с целью заработка.

Одним из таких обстоятельств является необходимость обеспечения интересов семьи должника. Так, например, транспортное средство принадлежит должнику и используется его семьей для перевозки детей в школу, детский сад, поликлинику, спортивную секцию и в иные социально-значимые учреждения. Особенно чувствительно аспект в данном вопросе проявляется, когда речь заходит о многодетных семьях.

4.2. Семейная необходимость

В качестве примера соблюдения баланса интересов и семьи должника можно привести дело № А06-4099/2020. Суд первой инстанции посчитал существенными и доказанными обстоятельства, подтверждающие доводы должника о многодетной семье, необходимости регулярного посещения социальных учреждений и невозможности соблюдения прав несовершеннолетних в достаточном объеме и, руководствуясь необходимостью соблюдения интересов детей как наиболее уязвимой социальной группы, удовлетворил ходатайство должника об исключении имущества и конкурсной массы [30].

Затем, в суде апелляционной инстанции, судом было озвучено иное мнение. Суд указал, что в случае реализации транспортного средства, часть денежных средств подлежит перечислению супругу должника и, в теории, они смогут приобрести новый автомобиль, в случае если денежных средств окажется достаточно. Кроме того, суд посчитал недоказанным обстоятельства, указывающие не необходимость использования автомобиля для обеспечения прав детей, в частности, по мнению суда, могут быть использованы и другие транспортные средства, например, общественный транспорт. Также суд сослался на отсутствие в действующем законодательстве запрета на реализацию транспортного средства, а именно на ст. 446 ГПК РФ, которая не содержит прямого указания на подобное обстоятельство [31]. Указанные вывода суда апелляционной инстанции остались без изменения в кассации [32].

Суды апелляционной и кассационной инстанций подошли к указанному спору с формальной точки зрения и в очередной раз своеобразно истолковали ст. 446 ГПК РФ, упустив такой важный социальный аспект, как интересы несовершеннолетних, по сути, они руководствовались буквой закона, в то время как суд первой инстанции брал в расчет дух закона.

Экономическая коллегия Верховного Суда РФ в своем определении от 25 декабря 2023 г. № 306-ЭС23-17596 по делу № А06-4099/2020 отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе судебный акт первой инстанции.

Верховный Суд указал, что повсеместное применение формального подхода, когда все случаи рассматриваются одинаково – недопустимо, суд первой инстанции верно указал, что оспариваемое транспортное средство является единственным для четырех несовершеннолетних детей. Более того, часть имущества Должника уже было реализовано, а еще часть только планировалась для реализации, деньги от их продажи пойдут в конкурсную массу и на расчет с кредиторами ввиду чего будет соблюден баланс интересов кредиторов и семьи должника [33].

Указанное Определение Верховного Суда является скорее исключением, нежели правилом, поскольку обоснованно полагаем, что суды по-прежнему подходят к рассмотрению подобных споров с формальной точки зрения, предпочитая не обращать внимания на интересы семьи должника, отдавая явное предпочтение букве закона, что приводит к нарушению таких неотъемлемых принципов судопроизводства как правильность и справедливость судебного разбирательства. Представляется, что данное обстоятельство может быть связано в том числе с известной загруженностью судов и отсутствием времени на «погружение» судей в обстоятельства каждого должника и его семьи, а также всестороннее изучение дела.

Более того, поскольку подобная практика идет вразрез с указом Президента РФ, о котором говорилось в самом начале, автор выражает мнение, что после вынесения подобного определения, суды будут более охотно прислушиваться к доводам должника.

Однако, как в случае с жильем и алиментами, случаются ситуации, когда должник намеренно использует интересы семьи дабы избежать продажи автомобиля с торгов и оставить его за собой.

Имея возможность распоряжения имуществом с помощью привлечения членов своей семьи, должник прибегает к способам формального отчуждения транспортного средства путем заключения гражданско-правовых сделок, например, брачного договора, договора дарения и иных [34].

Например, в деле № А60-8281/2022 должник обратился с ходатайством об исключении имущества из конкурсной массы. В качестве аргументации он сослался на брачный договор, заключенный между ним и его супругой в соответствии с которым автомобиль переходил в собственность супруги. Определением Верховного Суда РФ от 18 декабря 2023 г. № 309-ЭС23-5009(2) по делу № А60-8281/2022 были оставлены без изменения акты нижестоящих инстанций, которыми было отказано в исключении имущества из конкурсной массы. Суды ссылались на то, что должник, действуя в едином имущественном интересе со своей супругой, пытался вывести имущество из конкурсной массы, заключая данный договор уже после возбуждения дела о банкротстве, при этом никаких доказательств в пользу того, что данное имущество было куплено на личные денежные средства супруги, приведено не было, а потому оно является совместно нажитым и подлежит включению в конкурсную массу в дело о банкротстве супруга [35].

Заключение

По мнению автора, баланс интересов кредиторов должника и членов его семьи на сегодняшний день во многом не соблюдается и нарушается и одной, и другой стороной. Несмотря на это, в правоприменительной практике разработан широкий спектр механизмов, позволяющих соблюсти этот баланс; к таковым относятся оспаривание сделок и повышенные требования к добросовестности должника, и в случае злоупотребления последним своими правами суд может завершить процедуру банкротства, не применяя правила об освобождении от долгов. С другой стороны, это обильное применение исполнительского иммунитета и раздел совместно нажитого имущества.

Введение института банкротства физических лиц не только позволило решить острые социальные вопросы, учитывая закредитованность населения страны, но и в процессе правоприменения обнажило другие проблемы, требующие дальнейшей проработки. Проблема поиска баланса до настоящего времени остается актуальной как на законодательном, так и на правоприменительном уровне.

В целом представляется возможным выделить недостаточную проработанность вопроса защиты интересов семьи должника, отсутствие единообразия судебной практики по данному вопросу и полное несоответствие декларируемым в нашей стране ценностям семьи. Как уже упоминалось выше, 2024 г. объявлен годом семьи, в России действует множество программ, направленных на социальную защиту и улучшение финансовых и жилищных условий для семей с детьми. Так, например, существует программа материнского капитала, целью которой является улучшение положения ребенка, возможность оплаты обучения или улучшения жилищных условий, программа семейной ипотеки, направленной на улучшение жилищных условий и т.д. Вопрос о поддержке и укреплении семей регулярно звучит из уст различного уровня чиновников. Все принимаемые меры направлены на создание стабильной и благоприятной обстановки для семьи, формирование чувства защищенности, в том числе и в правовой сфере. Однако необработанность законодательства, выражающаяся в отсутствие законодательного определения имущества, которое подлежит разделу, критериев при которых имущество подлежит исключению из конкурсной массы, отсутствие специального процессуального статуса, позволяющего членам семьи полноценно участвовать в деле о банкротстве, отсутствие конкретного указания на того, кто может считаться членом семьи должника, идет вразрез с декларируемыми государством целями защиты семьи.

Данный вопрос характеризуется отсутствием инициативы со стороны законодательной ветви власти вносить соответствующие поправки в действующее нормативно-правовое регулирование, что в свою очередь открывает широкий спектр для злоупотреблений с разных сторон и снижает привлекательность института банкротства в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 29 декабря 2021 г. по делу № А40-144662/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 июня 2023 г. по делу № А40-144662/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 1 октября 2020 г. по делу № А40-173621/18 // СПС «КонсультантПлюс».

5. *Герасимова О. А.* Оспаривание соглашения об уплате алиментов в деле о банкротстве гражданина // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5.

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Верховного Суда РФ от 17 июня 2019 г. № 301-ЭС19-2784(2); постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20 февраля 2019 г. по делу № А43-20053/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

9. Решение Зюзинского районного суда г. Москвы от 23 июня 2023 г. по делу № 02-1121/2023 // Зюзинский районный суд г. Москвы : сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zyuzinskij (дата обращения: 05.05.2024).

10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 июня 2019 г. № Ф05-19328/2015 по делу № А40-187351/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 456-О // СПС «КонсультантПлюс».

15. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» // СПС «КонсультантПлюс».

18. *Лагунова Е. А.* О действии принципа исполнительского иммунитета в делах о банкротстве граждан в аспекте конституционных положений о защите семьи и праве на жилище // Российский судья. 2021. № 10.

19. Определение Арбитражного суда Оренбургской области от 14 сентября 2022 г. по делу № А47-13520/2017 // Электронное правосудие : сайт. https://kad.arbitr.ru/card/1aaa28fb-4b3a-4d21-b931-1365e66a3b57 (дата обращения: 04.05.2024).

20. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 июня 2023 г. № Ф05-6949/2022 по делу № А41-57751/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

21. *Фролов И. В.* Потребность в формировании модели конкурсного иммунитета в сфере несостоятельности и банкротства граждан и ее достоинства по отношению к модели исполнительского иммунитета // Предпринимательское право. 2021. № 3.

22. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 июля 2021 г. № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 августа 2022 г. № Ф05-25855/2021 по делу № А40-193794/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 июля 2023 г. по делу № А40-173621/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // СПС «КонсультантПлюс».

26. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 1 марта 2023 г. по делу № А40-151530/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

28. *Чашкова С. Ю.* Правовые режимы имущества супругов: вопросы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2023. № 6.

29. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 ноября 2023 г. № Ф05-27726/2023 по делу № А40-257249/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Определение Арбитражного суда Астраханской области от 7 марта 2023 г. по делу № А06-4099/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

31. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 апреля 2023 г. по делу № А06-4099/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

32. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 июля 2023 г. по делу № А06-4099/2020 по делу № А06-4099/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

33. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 декабря 2023 г. № 306-ЭС23-17596 по делу № А06-4099/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

34. *Немова А. В.* Исполнительский иммунитет единственного жилья должника-гражданина по делу о несостоятельности (банкротстве): проблема определения пределов // Семейное и жилищное право. 2022. № 4.

35. Определение Верховного Суда РФ от 18 декабря 2023 г. № 309-ЭС23-5009(2) по делу № А60-8281/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2015 No. 45 “On Certain Issues Related to the Introduction of Procedures Applied in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Citizens” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

2. Determination of the Arbitration Court of Moscow of December 29, 2021 in case No. A40-144662/2020 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

3. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of June 26, 2023 in case No. A40-144662/2020 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

4. Determination of the Arbitration Court of Moscow of October 1, 2020 in case No. A40-173621/18 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

5. *Gerasimova O. A.* Challenging an Agreement on the Payment of Alimony in a Citizen’s Bankruptcy Case. *Arbitration and Civil Procedure*, 2020, no. 5. (In Russ.)

6. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

7. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of June 17, 2019 No. 301-ES19-2784 (2); resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of February 20, 2019 in case No. A43-20053/2017 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

8. Civil Code of the Russian Federation (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

9. Decision of the Zyuzinsky District Court of Moscow of June 23, 2023 in case No. 02-1121/2023. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zyuzinskij (date of the application: 05.05.2024). (In Russ.)

10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of June 10, 2019 No. F05-19328/2015 in case No. A40-187351/2013 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

11. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) (SPS "ConsultantPlus").

12. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 188-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

14. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 4, 2003 No. 456-O (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

15. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 48 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of the Provisions of Paragraph Two of Part One of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Paragraph 3 of Article 213.25 of the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)' in Connection with the Complaint of Citizen I. I. Revkov" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

18. *Lagunova E. A.* On the Effect of the Principle of Executive Immunity in Cases of Bankruptcy of Citizens in the Aspect of Constitutional Provisions on the Protection of the Family and the Right to Housing. *Russian Judge*, 2021, no. 10. (In Russ.)

19. Determination of the Arbitration Court of the Orenburg Region of September 14, 2022 in case No. A47-13520/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/card/1aaa28fb-4b3a-4-d21-b931-1365e66a3b57 (date of the application: 04.05.2024). (In Russ.)

20. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of June 27, 2023 No. F05-6949/2022 in case No. A41-57751/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

21. *Frolov I. V.* The Need to Form a Model of Competitive Immunity in the Field of Insolvency and Bankruptcy of Citizens and Its Advantages in Relation to the Model of Executive Immunity. *Entrepreneurial Law*, 2021, no. 3. (In Russ.)

22. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of July 26, 2021 No. 303-ES20-18761 in case No. A73-12816/2019 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

23. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of August 2, 2022 No. F05-25855/2021 in case No. A40-193794/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

24. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of July 6, 2023 in case No. A40-173621/2018 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

25. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 14, 2012 No. 11-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of the Provision of Paragraph Two of Part One of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Complaints of Citizens F. Kh. Gumerova and Yu. A. Shikunov" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

26. Determination of the Arbitration Court of Moscow of March 1, 2023 in case No. A40-151530/2018 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

27. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2015 No. 45 "On Certain Issues Related to the Introduction of Procedures Applied in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Citizens". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2015, no. 12. (In Russ.)

28. *Chashkova S. Iu.* Legal Regimes of Property of Spouses: Issues of Theory and Practice. *Family and Housing Law*, 2023, no. 6. (In Russ.)

29. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of November 16, 2023 No. F05-27726/2023 in case No. A40-257249/2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

30. Determination of the Arbitration Court of the Astrakhan Region of March 7, 2023 in case No. A06-4099/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

31. Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal of April 25, 2023 in case No. A06-4099/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

32. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of July 11, 2023 in case No. A06-4099/2020 in case No. A06-4099/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

33. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2023 No. 306-ES23-17596 in case No. A06-4099/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

34. *Nemova A. V.* Executive Immunity of the Only Home of a Citizen Debtor in an Insolvency (Bankruptcy) Case: The Problem of Determining the Limits. *Family and Housing Law*, 2022, no. 4. (In Russ.)

35. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of December 18, 2023 No. 309-ES23-5009(2) in case No. A60-8281/2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
Е. В. Землянкин – аспирант.

Information about the author:
E. V. Zemlyankin – Post-Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 27.05.2024; approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Научная статья
УДК 347.9
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-286-298

О СОРАЗМЕРНОСТИ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ТРЕБОВАНИЯМ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА

Александр Сергеевич Маренков

Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Россия, г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 104, стр. 3

iskanders-m@yandex.ru

Аннотация

Соразмерность как понятие присутствует как в общеправовых, так и в отраслевых исследованиях, однако единого ее понимания юридической наукой пока не выработано. В гражданском исполнительном праве соразмерность чаще всего отождествляется с соотносимостью, являющейся легальным принципом исполнительного производства. Цель исследования – выработка критериев соразмерности при исполнении требований неимущественного характера, не имеющих стоимостной оценки. Методология исследования: общенаучные методы – системный анализ, дедукция, частнонаучные – формально-юридический метод. Новизна работы состоит в том, что путем анализа общеправовых, специальных исследований, судебной практики автор приходит к выводу о том, что именно соразмерность должна выступать принципом исполнительного производства, и предлагает варианты критериев соразмерности при реализации неимущественных требований, среди которых: факт неисполнения юрисдикционного акта в срок для добровольного исполнения; поведение должника и обстоятельства дела; связь между характером требования и воздействием на должника; релевантность и целесообразность принудительных мер.

Ключевые слова: соразмерность в праве; исполнительное производство; исполнение требований неимущественного характера; принудительное исполнение; требования неимущественного характера; принципы исполнительного производства.

Для цитирования: *Маренков А. С.* О соразмерности в исполнительном производстве по требованиям неимущественного характера // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 286–298. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-286-298

Research Article

ON PROPORTIONALITY IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS ON NON-PROPERTY CLAIMS

Alexander S. Marenkov

Saratov State Law Academy, 104, Bldg. 3 N. G. Chernyshevskii St., Saratov, 410056, Russia

iskanders-m@yandex.ru

Abstract

Proportionality as a concept is present in both general legal and industry research, but its unified understanding by legal science has not yet been developed. In civil enforcement law, proportionality is most often identified with comparability, which is the legal principle of enforcement proceedings. The purpose of the study is to develop criteria of proportionality in the performance of non–property requirements that do not have a value assessment. Research methodology: general scientific methods – system analysis, deduction, private scientific – formal legal method. The novelty of the work is that by analyzing general legal, special studies, and judicial practice, the author comes to the conclusion that it is proportionality that should act as the principle of enforcement proceedings, and offers options for criteria of proportionality in the implementation of non-property claims, including: the fact of non-fulfillment of a jurisdictional act in time for voluntary execution; the behavior of the debtor and the circumstances of the case; the relationship between the nature of the claim and the impact on the debtor; relevance and expediency of coercive measures.

Keywords: proportionality in law; enforcement proceedings; execution of non-property claims; enforcement; non-property claims; principles of enforcement proceedings.

For citation: *Marenkov A. S.* On Proportionality in Enforcement Proceedings on Non-Property Claims. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 286–298. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-286-298

Введение

Категория «соразмерность» в последние годы активно исследуется юридической наукой как на общеправовом [1], так и на отраслевом [2] уровне. Хотя сама по себе соразмерность не является изобретением новой эпохи, сегодня она получает особое содержание в связи с необходимостью поиска баланса в отношениях государства и невластных субъектов. Соразмерность имеет место там и тогда, где и когда сталкиваются публичные и частные интересы. В то же время соразмерность не ограничивается только кругом частно-публичных отношений, а проявляется и в сфере цивилистической (в широком смысле).

К понятию соразмерности нередко обращаются и высшие судебные инстанции при разрешении конфликтов, связанных с толкованием и применением отечественного законодательства. По оценке А. В. Должикова, в 2020 г. Конституционный Суд РФ ссылался на соразмерность (пропорциональность) как на принцип в 34 из 50 постановлений [3, с. 110].

1. Общеправовое и отраслевое понимание соразмерности

В публично-правовых отношениях под соразмерностью понимается адекватность, соответствие предпринимаемых государством в отношении гражданина или иного невластного субъекта мер совершенному ими деянию либо ситуации, требующей возложения некоторых правоограничений. Как правило, соразмерность исследуется в контексте применяемых к правонарушителю мер юридической ответственности, однако она становится критерием допустимости в любых ситуациях, в которых государство вмешивается в реализацию частным субъектом своих прав [1, с. 3]. Таким образом, соразмерность рассматривается как одно из начал осуществления государственной власти, требующее анализа социальных последствий принятия публичными субъектами различных решений [3, с. 510].

Соразмерность изучается и в доктрине гражданского исполнительного права, предметом которого выступает исполнительное производство как процесс принудительного исполнения требований юрисдикционных актов. В исполнительном производстве реализуются различные меры ответственности, поэтому вопрос о соразмерности применяемого государственного принуждения требованию, ради исполнения которого это принуждение и осуществляется, возникает сам собой.

Соразмерность в настоящее время не имеет статуса принципа или основного начала исполнительного производства. Федеральным законом «Об исполнительном производстве» (далее также – ФЗИП) закреплен принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения, который на страницах научной литературы довольно часто отождествляется с соразмерностью. Такое же понимание соотносимости демонстрирует судебная практика.

Об основополагающем статусе соразмерности говорит и мировой опыт исполнительного производства. Например, ст. 27 Глобального кодекса принудительного исполнения требует соблюдения соразмерности мер принудительного исполнения объему требований взыскателя [4, с. 83]. Согласно Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О принудительном исполнении» [5] процедуры принудительного исполнения должны быть соразмерны исковому требованию, сумме иска и интересам ответчика. Зарубежные теоретики и практики отмечают, что «выбор способа исполнения исполнительного производства зависит от судебного пристава и тесно связан с принципом соразмерности» [6, с. 61] и что «принудительные меры должны быть соразмерны с интересами тех, кто подает иск о принудительном исполнении» [7, с. 100].

На необходимость соблюдения в отечественном исполнительном производстве требования соразмерности одним из первых указал Конституционный Суд РФ. В постановлении от 12 июля 2007 г. № 10-П соразмерность и пропорциональность были названы основными началами защиты права собственности и иных вещных

прав, а также ограничений данных прав. Повторив данную мысль в постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П, Конституционный Суд РФ вывел соразмерность из общеправового принципа справедливости, назвав саму соразмерность конституционным принципом. Границей соразмерности, согласно идеям обоих постановлений, является невозможность произвольного ограничения основных конституционных прав гражданина-должника. В указаниях Суда о необходимости установления законодательных пределов принудительного взыскания, минимизирующих негативные последствия неисполнения своих обязательств должником и одновременно не затрагивающих содержания его основных прав, ученые также видят признаки принципа соразмерности [8, с. 84].

В целом же соразмерность неоднократно была в центре внимания Конституционного Суда РФ. В постановлениях разных лет повторяется идея о том, что соразмерность (причем в связке со справедливостью) предполагает необходимость дифференциации юридической ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обусловливающих индивидуализацию при выборе той или иной меры государственного принуждения.

2. Соразмерность в доктрине исполнительного права

В теории исполнительного права к моменту вынесения данных знаковых постановлений уже произошло начальное осмысление соразмерности. В частности, Д. Х. Валеев, опираясь на наличие имущественного иммунитета в исполнительном производстве, пишет о том, что усмотрение судебного пристава-исполнителя при осуществлении принудительных мер должно быть соразмерным. При этом соразмерность включается в содержание принципа справедливости процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве, а справедливость в свою очередь требует «соответствия между действиями и их социальными последствиями» [9, с. 92–94]. К. А. Малюшин в своем диссертационном исследовании, изучая соразмерность мер принудительного исполнения и проступка должника как международный принцип исполнительного производства, нашел ее российский аналог в легально закрепленном принципе соотносимости [10, с. 105, 112].

О соразмерности в контексте социально-ориентированных мер принудительного исполнения пишет и К. С. Морковская. Анализируя вносимые в Государственную Думу РФ законопроекты, предусматривающие возможность внедрения в исполнительное производство ограничений различных неимущественных прав должника, она отмечает, что «соразмерность предполагает очередность применения мер исполнения в зависимости от степени ограничения прав должника и правовой природы, характера ограничиваемого права» [11, с. 170].

Нормативное выражение соразмерность находит в ч. 2 ст. 69 ФЗИП, согласно которой взыскание на имущество должника обращается в размере задолженности с учетом взыскания исполнительских расходов. На данной норме основывается и разъяснение Пленума ВС РФ, выраженное в его Постановлении от 17 ноября 2015 г., о несоразмерности ареста в случае, когда стоимость арестованного имущества значительно превышает сумму задолженности.

Наконец, Минюст РФ в декабре 2023 г. предложил законопроект, по которому в ФЗИП следует закрепить принцип соразмерности исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц. Вместе с тем понятие соразмерности раскрывается в пояснении Министерства через самое себя: «подлежащий взысканию долг должен быть соразмерен объему совершаемых судебными приставами исполнительных действий» [12].

3. Соразмерность и принцип соотносимости

Как мы уже отметили, через соразмерность в доктрине и правоприменении рассматривается принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения. Ранее данный принцип именовался «справедливостью удовлетворения», в свою очередь справедливость также называлась как одно из начал исполнительного производства, в частности, в актах Конституционного Суда РФ. Вместе с тем не все ученые придерживаются мысли о тождестве категорий соразмерности и соотносимости. Так, по мнению И. С. Сидорова, соотносимость и соразмерность предполагают разный характер ограничений, налагаемых на действия взыскателя и судебного пристава-исполнителя. Вместе с тем позиция автора о соотношении двух указанных понятий представляется весьма неопределенной, поскольку он не дает содержательной характеристики ни одному из них. Из анализа доводов ученого можно выявить только то, что соотносимость он связывает с ситуациями, когда налагаемое ограничение не может выражаться в денежном эквиваленте [8, с. 84].

Схожую точку зрения высказывает и Е. И. Выстороп. Она считает, что соразмерность важна «для неоднозначных случаев», в частности при неимущественном исполнении, а также для определения имущественного иммунитета [13, с. 58].

На разделении терминов «соотносимость» и «соразмерность» настаивает М. Л. Гальперин. По его словам, соотносимость «определяет количественные пределы воздействия (взыскания) на должника при принудительном исполнении, тогда как «соразмерность» («пропорциональность») – качественные» [14, с. 209], и именно соразмерность, а не соотносимость должна выступать принципом исполнительного производства.

4. Соразмерность и исполнение требований неимущественного характера

Таким образом, соразмерность уже достаточно прочно закрепилась в исполнительном производстве как на доктринальном, так и на законодательном уровне (хотя в последнем случае – опосредованно). Вместе с тем мы не можем не обратить внимание на высокую долю оценочности в содержании данного понятия. Особенно ярко это заметно при исполнении требований неимущественного характера. Если рассматривать легальный принцип соотносимости через соразмерность, то в имущественном исполнительном производстве она определяется через сравнение суммы задолженности и стоимости имущества, на которое обращается взыскание. В частности, в одном из судебных дел апелляционная инстанция правильно отметила, что обращение взыскания на все земельные доли должника, стоимость которых многократно превышает его задолженность перед взыскателем, не отвечает принципам соразмерности и разумности [15]. Иными словами, здесь есть стоимос-

тная оценка как требованию, так и применяемому принуждению. Обратная ситуация наблюдается при исполнении требований неимущественного характера, поскольку оно не предполагает обращения взыскания на имущество должника. Ввиду этого, как справедливо отмечает В. П. Кудрявцева, практически сложно определить случаи нарушения принципа соотносимости на практике [16, с. 63], поскольку нет критериев соразмерности (и соотносимости) ни для имущественных, ни для неимущественных требований. Отметим, что основные научные исследования соразмерности и соотносимости опираются именно на порядок исполнения имущественных взысканий (об этом же говорит и упомянутый законопроект Минюста РФ).

Специфика исполнительного производства по требованиям неимущественного характера заключается в лаконичности законодательного порядка исполнения данных предписаний, что не в последнюю очередь обусловлено их многообразием. Действительно, разноплановость предъявляемых требований обусловливает минимальное применение общих правил исполнения, содержащихся в ФЗИП. Вместе с тем это вызывает ситуацию, при которой участникам исполнительного производства, должностным лицам органов принудительного исполнения и судам приходится исходить из существующих правил и практического опыта, накопленного во время работы в службе судебных приставов. Хотя меры принудительного исполнения не только в России, но и в зарубежных странах, носят в большинстве своем имущественный характер, поскольку приоритеты смещаются с личности должника на его имущество [11, с. 169], при реализации неимущественных требований они, очевидно, неприменимы, что актуализирует проблему поиска новых средств воздействия на должника. При реализации неимущественных взысканий не используются привычные для исполнительного производства инструменты – розыск имущества должника, его арест и удовлетворение требований взыскателя из стоимости данного имущества. Здесь от судебного пристава-исполнителя требуется добиться того, чтобы должник совершил определенное действие или воздержался от совершения определенных действий. Для этого ему предоставлен целый арсенал средств воздействия на должника. Перечень исполнительных действий является незакрытым, поэтому судебный пристав-исполнитель вправе предпринимать любые меры, направленные на достижение цели исполнительного производства (п. 17 ч. 1 ст. 64, ст. 2 ФЗИП). Зачастую приставы действуют инициативно, исходя из собственного опыта, привычной методики ведения исполнительного производства, сложности ситуации. Вариативность способов исполнения требований неимущественного характера непосредственно влияет на эффективность исполнительного производства [17, с. 223]. Совершаемые должностными лицами ФССП действия, направленные на побуждение должника к исполнению, нередко отличаются оригинальностью (например, красноярские судебные приставы-исполнители печатали портреты должников на картонных подставках под пивные кружки [18]). Соразмерность таких действий предъявленному требованию оценить затруднительно даже при исполнении требований имущественного характера, ведь в данной ситуации затрагивается еще один принцип – уважения чести и достоинства гражданина. Кроме того, нельзя забывать, что в силу ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только

в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Очевидно, поиск критериев соразмерности в исполнительном производстве по требованиям неимущественного характера должен осуществляться с учетом содержания соразмерности в целом как правовой категории, существующей в частно-публичных отношениях.

5. Критерии соразмерности в праве и применение мер косвенного принуждения

По мнению А. А. Бажанова, соразмерность наказания совершенному деянию должна включать запрет чрезмерного государственного вмешательства в жизнь человека и общества. При оценке соразмерности ученый предлагает учитывать наличие легитимной цели государства на применение ограничительных мер, релевантность этих мер названной цели, целесообразность применения конкретных правоограничений (и отсутствие иных, менее обременительных), соблюдение или несоблюдение правового баланса между необходимостью достижения данной цели и последствиями, которые претерпевает обязанное лицо [1, с. 153–154].

Использование подобного «теста» на соразмерность при исполнении неимущественных взысканий приобретает особую актуальность в связи с применением мер косвенного принуждения, т.е. мер воздействия на личные права и свободы должника. Именно здесь необходим поиск баланса между ограничениями, налагаемыми государством на обязанное лицо, и требованием, которое это лицо должно исполнить [11, с. 169]. О потенциале таких мер в исполнительном производстве ученые и практики говорят уже не один десяток лет [19, с. 124–125; 20, с. 8]. Как отмечают исследователи, именно при исполнении требований неимущественного характера косвенные меры оказываются наиболее эффективным и чаще всего единственным способом принуждения, особенно в ситуации, когда добиться исполнения можно только активными действиями (либо бездействием) должника, а не в результате действий иных лиц [21, с. 127]. Спектр исполнительных действий в случае незаменимости должника ограничен, поэтому меры косвенного принуждения становятся инструментом, побуждающим его исполнить требования самостоятельно [16, с. 140–143]. При этом правовая природа данных мер по-прежнему дискуссионна, многие из применяемых на практике мер не закреплены в ФЗИП, что ставит их применение на границу законности и произвола [17, с. 221]. Принимая во внимание позиции специалистов о том, что меры косвенного принуждения занимают, образно говоря, свой собственный пьедестал среди различных средств воздействия на должника (мер принудительного исполнения, исполнительных действий, мер ответственности), следует учитывать, что применение данных мер невозможно без четко обозначенных условий и критериев их допустимости. Ведь, в частности, такая косвенная мера, как временное ограничение права на выезд из России, затрагивает конституционную свободу перемещения, а ограничение на пользование, например, транспортным средством или разрешением на охоту может лишить должника заработка, что нельзя считать соразмерным принуждением.

6. Условия соразмерности в исполнительном производстве

Первым условием можем назвать факт неисполнения юрисдикционного акта в срок для добровольного исполнения. Прежде чем применять меры косвенного принуждения, необходимо выяснить причины неисполнения должником требования, содержащегося в исполнительном документе. Требования неимущественного характера, как правило, являются достаточно сложными, и их неисполнение в пятидневный срок не всегда можно расценивать как виновное бездействие должника. Кроме того, важно учитывать, что ряд неимущественных требований предполагает длящийся характер исполнения. Поэтому меры косвенного принуждения нельзя считать обеспечительными и применять не только до истечения срока на добровольное исполнение, но и до возбуждения исполнительного производства [22, с. 176–178].

В связи с этим вторым условием можно считать поведение должника, которое имеет принципиальное значение в случае его незаменимости. Для должника, готового исполнить требование, но сталкивающегося с затруднениями в виде необходимости предоставления большего срока на его исполнение или препятствий организационного плана, есть институты рассрочки, отсрочки исполнения, возможность заключения мирового соглашения с взыскателем на взаимовыгодных условиях и иные правовые средства. Применение мер косвенного принуждения к такому должнику неоправданно, поскольку он и без них фактически приступил к исполнению. Что же касается недобросовестного должника, то воздействие на него косвенными мерами возможно и даже необходимо, но только при соблюдении положений ст. 105 ФЗИП: истечении срока на добровольное исполнение и привлечении к административной ответственности на основании составленного судебным приставом-исполнителем протокола об административном правонарушении. Именно факт привлечения к административной ответственности снимает проблему доказывания злостного уклонения должника от исполнения требования, из-за которой исследователи критически относились к условию учета поведения должника при наложении личных ограничений [21, с. 157]. Таким образом, судебный пристав-исполнитель в целях соблюдения принципа соразмерности должен учитывать все фактические обстоятельства конкретного исполнительного производства, включая поведение должника, его личность, объективную возможность исполнения требования, содержащегося в юрисдикционном акте, и проч.

Ввиду того, что, как считает А. А. Парфенчикова, к нарушению принципа соразмерности приводит не избыточное государственное вмешательство в сферу личных прав, а наоборот «чрезмерная боязнь ущемить интересы должника» [21, с. 185], то следующим условием можно считать связь между характером требования и совершаемым исполнительным действием (действиями) и (или) мерами косвенного принуждения. Речь здесь может идти о том, что применяемое принуждение обусловлено самим требованием. Такая трактовка соразмерности является модификацией формулировки легального принципа соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения. Но из-за того, что, во-первых, при неимущественном исполнении определить объем требований взыскателя едва ли возможно, во-вторых, соотносить (или соизмерять) нужно не меры принуди-

тельного исполнения, так как они уже предписаны исполнительным документом, а инструменты, лежащие в сфере дискреции судебного пристава-исполнителя, – исполнительные действия и меры косвенного принуждения, – то соразмерность при исполнении требований неимущественного характера как раз и должна быть мерилом в оценке количества и качества предпринимаемых судебным приставом-исполнителем мер (в широком смысле) для исполнения конкретного требования. Вследствие этого, следует подвергать оценке как чрезмерное, так и недостаточное воздействие пристава на должника, что создает гарантии защиты и для взыскателя [16, с. 64], который вправе оспаривать незаконное бездействие судебного пристава-исполнителя. Любопытна в этом отношении эволюция позиции Конституционного Суда РФ. Если в Постановлении 2007 г. он хотя и признал соразмерность, но поставил ее в зависимость от соблюдения принципа преимущественной защиты интересов взыскателя, то в последующих постановлениях (2012 и 2016 гг.) указал на необходимость предоставления соразмерной защиты обеим сторонам во имя соблюдения баланса конституционных ценностей.

Считаем, что приведенное нами понимание соразмерности вполне допустимо и для реализации требований имущественного характера.

Четвертым условием, с учетом предложенного А. А. Бажанова теста на соразмерность, можно назвать релевантность мер цели исполнительного производства и их целесообразность (т.е. отсутствие иных действенных способов). Соблюдение данного условия позволяет оценить не только количественные (так называемый объем исполнительных действий), но и качественные пределы воздействия на должника: насколько конкретное совершаемое исполнительное действие или мера косвенного принуждения способны в конечном счете привести к исполнению судебного или иного юрисдикционного акта. На необходимость учета качественных пределов обращается внимание и в научной литературе [14, с. 209; 13, с. 62], и в судебной практике.

Полагаем, что названные условия допустимости применения мер косвенного принуждения в полной мере можно включить в содержание принципа соразмерности.

Заключение

Следовательно, принцип соразмерности заслуживает включения в плеяду принципов исполнительного производства при условии законодательной регламентации критериев соразмерности в правоприменительной деятельности судебного пристава-исполнения. Такими критериями можно назвать факт неисполнения юрисдикционного акта в срок для добровольного исполнения; поведение должника и характеристики его личности, а также объективную возможность исполнения требования, содержащегося в исполнительном документе; связь между характером требования и применяемым воздействием на должника; релевантность мер принуждения цели исполнительного производства и их целесообразность (уместность в конкретной ситуации). Соответственно, он может заменить легально закрепленный принцип соотносимости, который ввиду неудачности формулировки и ограниченности своего действия является достаточно спорным.

Пристатейный библиографический список

1. *Бажанов А. А.* Соразмерность как принцип права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

2. *Дедов Д. И.* Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании предпринимательской деятельности : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005.

3. *Должиков А. В.* Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав) : дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2022.

4. Глобальный кодекс принудительного исполнения / пер. с англ. и коммент. А. А. Парфенчиковой. М. : Статут, 2016.

5. Рекомендация № Rec (2003) 17 Комитета министров Совета Европы «О принудительном исполнении» (принята 9 сентября 2003 г. на 851-м заседании представителей министров) // СПС «КонсультантПлюс».

6. *Плашил В.* Эффективность принудительного исполнения ограничением водительских прав в Чешской Республике // Ограничение прав должника: новеллы законодательства и практика применения : сборник материалов 6-й Международной научно-практической конференции, 8–10 сентября 2015 года, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия / отв. ред. А. О. Парфенчиков, В. А. Гуреев. М. : Статут, 2016.

7. *Тоукола Ю.* Ограничение прав должника и последние события в области принудительного исполнения в Финляндии // Ограничение прав должника: новеллы законодательства и практика применения : сборник материалов 6-й Международной научно-практической конференции, 8–10 сентября 2015 года, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия / отв. ред. А. О. Парфенчиков, В. А. Гуреев. М. : Статут, 2016.

8. *Сидоров И. С.* Теоретико-методологические проблемы необходимости закрепления принципов соразмерности и разумности в исполнительном производстве в Российской Федерации // Современное право. 2019. № 10.

9. *Валеев Д. Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве. М. : Статут, 2009.

10. *Малюшин К. А.* Принципы гражданского исполнительного права: теоретические проблемы понятия и системы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

11. *Морковская К. С.* Гражданские процессуальные средства повышения эффективности исполнительного производства. Саратов : Изд-во СГЮА, 2021.

12. Разработан законопроект, направленный на защиту прав граждан при обращении взыскания на денежные средства // Минюст России : сайт. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/49896/ (дата обращения: 02.02.2024).

13. *Высторроп Е. И.* Принцип соразмерности исполнения // Вестник исполнительного производства. 2016. № 4.

14. *Гальперин М. Л.* Ответственность в исполнительном производстве : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019.

15. Апелляционное определение СК по гражданским делам Ульяновского областного суда от 13 августа 2013 г. по делу 33-2920/2013 // СПС «Гарант».

16. *Кудрявцева В. П.* Исполнение требований неимущественного характера. М. : Статут, 2015.

17. *Юдин А. В.* Опыт юридической оценки «экзотических» способов исполнения судебных актов органами принудительного исполнения // Эффективность принудительного исполнения судебных решений и актов других органов : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., г. Казань, К(П)ФУ / отв. ред. А. О. Парфенчиков, Д. Х. Валеев. М. : Статут, 2011.

18. Красноярские приставы напечатают портреты должников на подставках под пивные кружки // Рязань-инфо : сайт. URL: https://www.rzn.info/news/2013/1/29/krasnoyarskie-pristavy-napechatayut-portrety-dolzhnikov-na-podstavkah-pod-pivnye-kruzhki.html (дата обращения: 23.02.2024).

19. *Невский И. А.* Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в контексте задач гражданского судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

20. *Закарлюка А. В.* Найти управу на должника. Действующая система принудительного исполнения судебных решений несовершенна // Юридическая газета. 2011. № 3.

21. *Парфенчикова А. А.* Меры косвенного принуждения в исполнительном производстве / под ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2017.

22. *Шварц М. З.* К вопросу о правовой природе личных ограничений в исполнительном производстве // Принудительное исполнение актов судов и иных органов. Полномочия должностных лиц при осуществлении исполнительных действий : сборник материалов Межд. науч.-практ. конференции. СПбГУ, 2010 / отв. ред. А. О. Парфенчиков, Н. М. Кропачев, Д. Х. Валеев. М. : Статут, 2013.

References

1. *Bazhanov A. A.* Proportionality as a Principle of Law: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2019. (In Russ.)

2. *Dedov D. I.* Implementation of the Principle of Proportionality in the Legal Regulation of Entrepreneurial Activity: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2005. (In Russ.)

3. *Dolzhikov A. V.* Proportionality as a General Legal Principle in the Constitutional Justice of Russia (on the Example of Fundamental Social Rights): Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2022. (In Russ.)

4. *Parfenchikova A. A. (trans.).* Global Code of Enforcement. Moscow: Statut, 2016. (In Russ.)

5. Recommendation No. Rec (2003) 17 of the Committee of Ministers of the Council of Europe "On Enforcement" (adopted on September 9, 2003 at the 851st Meeting of the Ministers' Deputies) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

6. *Plašil V.* The Effectiveness of Enforcement by Restricting Driving Licenses in the Czech Republic. In *Parfenchikov A. O., Gureev V. A. (eds.).* Limitation of the Debtor's Rights: Legislative Innovations and Application Practice: Collection of Materials from the 6th International Scientific and Practical Conference, September 8–10, 2015, Ulan-Ude, Republic of Buriatia. Moscow: Statut, 2016. (In Russ.)

7. *Toukola Iu.* Limitation of the Debtor's Rights and the Latest Developments in the Field of Enforcement in Finland. In *Parfenchikov A. O., Gureev V. A. (eds.).* Limitation of the Debtor's Rights: Legislative Innovations and Application Practice: Collection of Materials from the 6th International Scientific and Practical Conference, September 8–10, 2015, Ulan-Ude, Republic of Buriatia. Moscow: Statut, 2016. (In Russ.)

8. *Sidorov I. S.* Theoretical and Methodological Problems of the Need to Consolidate the Principles of Proportionality and Reasonableness in Enforcement Proceedings in the Russian Federation. *Modern Law*, 2019, no. 10. (In Russ.)

9. *Valeev D. Kh.* The System of Procedural Guarantees of the Rights of Citizens and Organizations in Enforcement Proceedings. Moscow: Statut, 2009. (In Russ.)

10. *Maliushin K. A.* Principles of Civil Executive Law: Theoretical Problems of the Concept and System: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Yekaterinburg, 2010. (In Russ.)

11. *Morkovskaia K. S.* Civil Procedural Means of Increasing the Efficiency of Enforcement Proceedings. Saratov: SGLA Publishing House, 2021. (In Russ.)

12. A Bill Aimed At Protecting the Rights of Citizens in the Event of Foreclosure on Funds Has Been Developed. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/49896/ (date of the application: 02.02.2024). (In Russ.)

13. *Vystorop E. I.* The Principle of Proportionality of Execution. *Bulletin of Enforcement Proceedings*, 2016, no. 4. (In Russ.)

14. *Galperin M. L.* Liability in Enforcement Proceedings: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2019. (In Russ.)

15. Appellate Ruling of the Civil Cases Judicial Committee of the Ulyanovsk Regional Court of August 13, 2013 in case 33-2920/2013 (SPS "Garant"). (In Russ.)

16. *Kudriavtseva V. P.* Enforcement of Non-Property Claims. Moscow: Statut, 2015. (In Russ.)

17. *Iudin A. V.* Experience of Legal Assessment of "Exotic" Methods of Enforcement of Judicial Acts by Enforcement Bodies. In *Parfenchikov A. O., Valeev D. Kh. (eds.).* Efficiency of Enforcement of Court Decisions and Acts of Other Bodies: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference, Kazan, K(P)FU. Moscow: Statut, 2011. (In Russ.)

18. Krasnoyarsk Bailiffs to Print Portraits of Debtors on Beer Coasters. URL: https://www.rzn.info/news/2013/1/29/krasnoyarskie-pristavy-napechatayut-portrety-dolzhnikov-na-podstavkah-pod-pivnye-kruzhki.html (date of the application: 23.02.2024). (In Russ.)

19. *Nevskii I. A.* Enforceability of Decisions of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts in the Context of Civil Proceedings: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2005. (In Russ.)

20. *Zakarliuka A. V.* Finding a Way to Deal with the Debtor. The Current System of Compulsory Execution of Court Decisions Is Imperfect. *Legal Newspaper*, 2011, no. 3.

21. *Parfenchikova A. A.; Iarkov V. V. (ed.).* Measures of Indirect Coercion in Enforcement Proceedings. Moscow: Statut, 2017. (In Russ.)

22. *Schwartz M. Z.* On the Legal Nature of Personal Restrictions in Enforcement Proceedings. In *Parfenchikov A. O., Kropachev N. M., Valeev D. Kh. (eds.).* Compulsory

Execution of Acts of Courts and Other Bodies. Powers of Officials in the Implementation of Enforcement Actions: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg State University, 2010. Moscow: Statut, 2013. (In Russ.)

Сведения об авторе:
А. С. Маренков – аспирант.

Information about the author:
A. S. Marenkov – Post-Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 13.03.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Научная статья
УДК 343
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-299-306

ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА, СОВЕРШЕННОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Дарья Александровна Тарасова

Московская академия Следственного комитета РФ им. А. Я. Сухарева,
125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

tarasova0w0@ya.ru

Аннотация

Специфика современного расследования уголовных дел о реабилитации нацизма заключается в том, что такие преступления все чаще совершаются с использованием информационных технологий. В данной статье дается определение специальных знаний в судебной экспертизе, перечислены их формы использования. Поскольку обозначенная проблематика требует комплексного исследования, необходимо расширить арсенал методов расследования, что требует постоянного обучения следователей и экспертов, а также совершенствования нормативно-правовой базы, регламентирующей такие преступления, в том числе используя международный опыт борьбы с киберпреступлениями.

Ключевые слова: реабилитация нацизма; экстремизм; киберпреступность; информационные технологии; судебная экспертиза; специальные знания.

Для цитирования: *Тарасова Д. А.* Формы использования специальных знаний при расследовании уголовных дел о реабилитации нацизма, совершенной с использованием информационных технологий // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 299–306. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-299-306

Research Article

FORMS OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES ON THE REHABILITATION OF NAZISM COMMITTED USING INFORMATION TECHNOLOGY

Daria A. Tarasova

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ia. Sukharev, 12 Vrubel St., Moscow, 125080, Russia

tarasova0w0@ya.ru

Abstract

The specificity of the modern investigation of criminal cases on the rehabilitation of Nazism lies in the fact that such crimes are increasingly committed using information technology. This article defines special knowledge in forensic examination, lists the forms of using special knowledge. It is concluded that it is necessary to expand the arsenal of investigative methods, which requires constant training of investigators and experts, as well as improving the regulatory framework governing such crimes.

Keywords: rehabilitation of Nazism; extremism; cybercrime; information technology; forensic examination; special knowledge.

For citation: *Tarasova D. A.* Forms of Using Special Knowledge in the Investigation of Criminal Cases on the Rehabilitation of Nazism Committed Using Information Technology. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 299–306. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-299-306

Введение

Современная цифровая эпоха предоставляет как новые возможности для коммуникации и распространения информации, так и угрозы, связанные с использованием информационных технологий для противоправных действий. Одним из таких преступлений является реабилитация нацизма, когда информационные технологии становятся инструментом для распространения идеологий, искажения истории и оправдания преступлений, совершенных нацистским режимом. Недостоверная информация чаще всего размещается в социальных сетях, блогах и интернет-форумах. В связи с этим встает необходимость в применении специальных знаний, которые позволяют расследовать такие преступления с учетом их технических и правовых особенностей.

1. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма

В соответствии с российским законодательством реабилитация нацизма является уголовно наказуемым деянием. Согласно ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) реабилитация нацизма представляет собой «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично» [1]. О важности сохранения памяти об исторических событиях Великой Отечественной войны указывается и в Федеральном законе от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [2]. В частности, данный нормативный правовой акт регламентирует запрет на «использование, в том числе публичное демонстрирование, нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных до степени смешения с нацистской атрибутикой или символикой, а также являющихся экстремистскими материалами изображений руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными». Особое внимание в настоящее время уделяется преступлениям, совершенным с использованием современных информационных технологий. В таких случаях расследование требует применения как общепринятых форм специальных знаний, так и специфических для анализа данных в цифровой среде. Применение экспертных познаний в области лингвистики, истории, психологии позволяет определить сам факт наличия осознанной и намеренной попытки реабилитации нацизма. Это в свою очередь является одним из признаков состава преступления и дает достаточно оснований для возбуждения по данному факту уголовного дела, а затем производства предварительного расследования.

В связи со сложной геополитической обстановкой настоящего времени в Российской Федерации наблюдается неизбежный рост подобной категории преступлений. Статистика Главного информационно-аналитического центра МВД России подтверждает данный факт: в 2022 г. было возбуждено 131 уголовное дело по фактам реабилитации нацизма (ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма»). Из них направлено в суд только 69 уголовных дел [3]. Известно, что в уголовно-правовое поле понятие «реабилитация нацизма» вошло уже в 2014 г., однако на данный момент до сих пор не существует единой системы работы с подобными уголовными делами как с точки зрения проведения предварительного расследования, так и с точки зрения применения специальных знаний при его осуществлении. Предполагается, что разработка теоретических и методических основ работы с таким родом преступлений позволит значительно повысить эффективность при их предварительном расследовании.

2. Определение понятия «специальные данные»

Специфика расследования уголовных дел о реабилитации нацизма заключается также в том, что такие преступления все чаще совершаются с использованием информационных технологий. Пространство сети Интернет является оптималь-

ным для преступников с точки зрения фактора анонимности. Лицо, совершающее реабилитацию нацизма с использованием информационных технологий, зачастую обладает несколькими устройствами и несколькими учетными записями, которые были зарегистрированы под никнеймом. Соответственно, сложность соотношения подобных деяний и использования информационных технологий являются подтверждением актуальности и необходимости дальнейших научно-теоретических и научно-методических исследований в данной области.

Для того чтобы определить формы использования специальных знаний при расследовании реабилитации нацизма, совершенного с использованием информационных технологий, необходимо дать определение понятию «специальные знания». Исследователи имеют достаточно различные точки зрения на это понятие. В частности, Е. В. Бойко определяет специальные знания как «механизм для получения дополнительной информации, которая имеет значение для расследования уголовного дела» [4]. А. А. Ярков полагает, что специальные знания представляют собой «профессиональные знания в области науки, техники, искусства или ремесла, которые необходимы для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел» [5]. А. А. Эйсман, определяя понятие специальных знаний, упоминал в этом контексте «знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения. Это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов» [6; см. также: 7]. Обобщая и суммируя мнение вышеперечисленных ученых, мы может вывести отдельное определение для этого термина. Специальные знания представляют собой совокупность профессиональных знаний, требующихся для расследования обстоятельств, выходящих за пределы общих познаний и профессиональной подготовки следователя. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ) привлечение экспертов и специалистов для использования их знаний в уголовном процессе осуществляется в форме экспертиз, консультаций и участия в следственных действиях [8].

Статья 57 УПК РФ указывает на экспертов как на лиц, обладающих специальными знаниями, чья задача заключается в предоставлении заключений на основе исследований материалов дела. Для уголовных дел, связанных с реабилитацией нацизма и использованием информационных технологий, важны несколько видов экспертиз: историческая, лингвистическая и компьютерно-техническая. Кроме того, на практике может использоваться психологическая и социокультурная экспертиза.

3. Основные формы использования специальных знаний

По мнению исследователей, формы использования специальных знаний можно разделить на процессуальные и непроцессуальные. Процессуальные формы включают в себя участие специалиста в следственных действиях и проведение судебной экспертизы. Непроцессуальными формами являются проведение предварительных исследований, а также справочно-консультационная деятельность специалиста.

Для того чтобы перечислить и охарактеризовать формы использования специальных знаний при расследовании уголовных дел о реабилитации нацизма в информационно-коммуникационной среде, необходимо для начала привести

их классификацию. Как справедливо полагает А. В. Туленев, сущность классификации форм использования специальных знаний заключается прежде всего в закреплении таких форм в законодательстве [9]. Вопрос процессуального использования форм специальных знаний остается наиболее актуальным для научного сообщества, поскольку полученная во время расследования информация может использоваться либо как средство доказывания, либо как результат, который имеет исключительно ориентирующее значение.

На данный момент в научной среде существует несколько точек зрения относительно классификации форм применения специальных знаний. Несмотря на обширное количество научных трудов в этой области, мнения ученых относительно данного явления представляют собой недостаточно полную картину для абсолютного понимания указанной проблематики.

Одной из существующих форм использования специальных знаний является назначение экспертиз. Экспертиза является основным практическим методом получения фактов, имеющих важное доказательственное значение в рамках расследования уголовных дел. В контексте реабилитации нацизма и использования информационных технологий особую значимость приобретают сразу несколько видов экспертиз.

В контексте расследования преступлений о реабилитации нацизма неотъемлемой его частью является назначение исторической экспертизы. Важной задачей эксперта-историка является анализ материалов на предмет достоверности представленных в них исторических данных и выявление фактов искажения исторической правды. В российской практике подобные экспертизы проводятся для оценки степени искажения событий Великой Отечественной войны и оправдания преступлений нацистского режима в ходе Второй мировой войны.

Следующая экспертиза, которая является не менее важной при расследовании реабилитации нацизма в контексте информационно-коммуникационных технологий – лингвистическая экспертиза. В рамках данного вида экспертных исследований текстовые материалы проходят анализ на предмет наличия скрытых или явных призывов к реабилитации нацизма. Эксперты рассматривают используемые преступником термины, стилистические приемы, направленные на оправдание нацистской идеологии, а также исследуют возможные скрытые смыслы.

Поскольку в большинстве случаев реабилитация нацизма осуществляется с использованием информационных технологий, то для получения наиболее полных и достоверных доказательств следователям необходимо назначать компьютерно-техническую экспертизу. Этот вид экспертизы важен для выявления цифровых следов преступлений, совершенных в интернете, таких как публикация материалов, пропагандирующих различные формы экстремизма. Эксперты восстанавливают удаленные данные, анализируют файлы, устанавливают принадлежность аккаунтов и *IP*-адресов. Однако, как справедливо отмечает Е. И. Скороделова, работа с цифровыми следами имеет свои сложности и особенности, поскольку сами научные подходы к подобному виду следов на данный момент находятся в стадии разработки [10].

На практике часто используется комбинированный подход, когда историческая и лингвистическая экспертизы проводятся совместно для установления контекста

и смысла конкретных публикаций в цифровой среде. Компьютерно-техническая экспертиза помогает установить авторов и источники незаконного контента.

Следующей формой использования специальных знаний при расследовании уголовных дел о реабилитации нацизма является консультация специалистов. Специалисты, не являясь экспертами в формальном смысле, могут быть привлечены для оказания консультаций следователям по отдельным вопросам. Например, в деле о реабилитации нацизма, где преступление было совершено с использованием сети интернет, специалисты в области *IT* могут проконсультировать следствие по вопросам, связанным с анонимностью в сети, методами сокрытия информации и возможными способами извлечения данных. Историки могут давать заключения о том, какие конкретные факты из истории нацистской Германии были искажены или использованы для реабилитации нацизма. Лингвисты могут объяснить, каким образом те или иные языковые приемы использовались для оправдания преступлений нацизма.

Привлечение специалистов для участия в следственных действиях также является одной из важнейших форм применения специальных знаний, используемых при расследовании реабилитации нацизма. На практике специалисты могут привлекаться для проведения следственных действий, таких как обыски, выемки цифровой информации, фиксация цифровых доказательств и их анализ. Это особенно актуально при работе с цифровыми устройствами (компьютеры, смартфоны) и с интернет-ресурсами. Специалисты помогают следователям корректно изымать и обрабатывать цифровые доказательства, не нарушая их целостности и юридической значимости. Например, при обысках у подозреваемых могут быть изъяты цифровые устройства, содержащие информацию, связанную с реабилитацией нацизма. Специалисты проводят анализ содержимого таких устройств, выявляют попытки скрытия или удаления материалов, а также устанавливают способы распространения противоправной информации в сети.

Помимо форм использования экспертных знаний, перечисленных выше, необходимо отметить и использование специальных программных средств и технологий, поскольку преступления, связанные с реабилитацией нацизма, достаточно часто совершаются с использованием киберпространства. Современные технологии играют важную роль в расследовании преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. К примеру, использование программных средств для анализа социальных сетей, форумов и интернет-сайтов помогает следствию отслеживать действия преступников, фиксировать публикации, идентифицировать участников противоправных действий. Программы для восстановления удаленных данных и анализа цифровых следов (например, логов действий в сети) позволяют обнаружить следы преступлений даже в тех случаях, когда преступники пытались скрыть свои действия. Это может включать восстановление переписок, изображений и других файлов, удаленных из социальных сетей или с персональных устройств.

Заключение

Российская судебная и следственная практика по делам о реабилитации нацизма, особенно с использованием информационных технологий, демонстрирует сложность таких расследований и важность использования специальных знаний.

Поскольку чаще всего преступления, связанные с распространением контента, оправдывающего действия нацистов, совершаются через Интернет и социальные сети, преступники, их совершающие, очень тщательно подходят к созданию и сохранению собственной анонимности в киберпространстве. Зачастую следствием устанавливаются факты использования лицом *VPN*-сервисов для того, чтобы скрывать свою идентичность и с помощью этого продолжать совершение преступных деяний. В таких случаях привлечение экспертов и специалистов по кибербезопасности, а также назначение судебных компьютерно-технических экспертиз позволяет значительно продвинуться в расследовании уголовных дел о реабилитации нацизма. Подобная тактика позволяет следователем быстро и точно определить *IP*-адреса устройств, с которых производились противоправные действия, провести анализ технических данных и с помощью этого успешно выявить личность преступника.

Важным примером является также сотрудничество российских правоохранительных органов с зарубежными коллегами в вопросах киберпреступлений, включая реабилитацию нацизма. Это связано с тем, что преступники часто используют серверы, находящиеся за пределами России, что затрудняет расследование. В таких случаях международное сотрудничество играет важную роль.

Расследование уголовных дел о реабилитации нацизма, совершенной с использованием информационных технологий, требует комплексного подхода с привлечением широкого спектра специалистов. Применение экспертиз, консультаций, технических средств анализа цифровых данных и участие специалистов в следственных действиях позволяют правоохранительным органам эффективно раскрывать подобные преступления. Развитие информационных технологий приводит к необходимости расширения арсенала методов расследования, что требует постоянного обучения следователей и экспертов, а также совершенствования нормативно-правовой базы, регламентирующей такие преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года // МВД России : сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (дата обращения: 23.10.2024).

4. *Бойко Е. Е.* Место и роль специальных знаний в решении научно-исследовательских задач в судебной экспертизе // Юридическая наука. 2022. № 7.

5. *Ярков А. А.* Понятие «специальные знания»: дискуссионные аспекты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 8-2.

6. *Эйсман А. А.* Заключение эксперта. М. : Юрид. лит., 1967.

7. *Малютин М. А.* Специальные знания как признак экспертизы // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

9. *Туленев А. И.* К вопросу о правовой регламентации использования специальных знаний в расследовании таможенных преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2.

10. *Скороделова Е. И.* Актуальные проблемы расследования реабилитации нацизма // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2023. № 2.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

2. Federal Law of May 19, 1995 No. 80-FZ "On the Perpetuation of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War of 1941–1945" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

3. The State of Crime in the Russian Federation for January–December 2022. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (date of the application: 23.10.2024). (In Russ.)

4. *Boiko E. E.* Place and Role of Specialized Knowledge in Solving Scientific Research Problems in Forensic Examination. *Legal Science*, 2022, no. 7. (In Russ.)

5. *Iarkov A. A.* The Concept of "Special Knowledge": Debatable Aspects. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 8-2. (In Russ.)

6. *Eisman A. A.* Expert Opinion. Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1967. (In Russ.)

7. *Maliutin M. A.* Special Knowledge as a Feature of Expertise. *Bulletin of OSU*, 2012, no. 3 (139). (In Russ.)

8. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

9. *Tulenev A. I.* On Legal Regulation of the Use of Special Knowledge in the Investigation of Customs Crimes. *Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2013, no. 4-2. (In Russ.)

10. *Skorodelova E. I.* Actual Problems of Investigation of Rehabilitation of Nazism. *Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2023, no. 2. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Д. А. Тарасова – магистрант 2-го курса.

Information about the author:
D. A. Tarasova – Second-Year Master's Student.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 11.11.2024; approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Научная статья
УДК 331
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-307-316

РАЗДЕЛЕНИЕ ОТПУСКА НА ЧАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

Екатерина Александровна Чулкова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

ekaterina.gneusheva@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы реализации права работника на отдых в случаях использования отпуска по частям, что является актуальным для сегодняшней России. Представлена оценка современного состояния норм Трудового кодекса РФ, регулирующих порядок предоставления отпусков по частям. Обращено внимание на дискуссионные и проблемные моменты в указанной теме. Автором предложены решения проблем, возникающих в практике, а также сделан вывод о необходимости государственного стимулирования сторон трудовых отношений к использованию отпуска без разделения его на части для достижения целей времени отдыха. Целью работы является комплексное изучение правового регулирования разделения отпуска на части, осмысление проблем и особенностей отношений работника и работодателя в данной сфере. Методологию проведенного исследования составляют общенаучный диалектический метод познания объективной действительности, сравнительно-правовой, логико-юридический методы, а также наблюдение, анализ, обобщение и некоторые другие.

Ключевые слова: время отдыха; отпуска; ежегодный основной оплачиваемый отпуск; ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск; ежегодные оплачиваемые отпуска; право на отдых.

Для цитирования: *Чулкова Е. А.* Разделение отпуска на части: проблемы и возможные пути решения // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 307–316. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-307-316

Research Article

SPLITTING VACATIONS INTO PARTS: PROBLEMS AND POSSIBLE SOLUTIONS

Ekaterina A. Chulkova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

ekaterina.gneusheva@rambler.ru,

Abstract

The article discusses the issues of implementing the employee's right to rest in cases of using vacation in parts, which is relevant for today's Russia. An assessment of the current state of the norms of the Labor Code of the Russian Federation regulating the procedure for granting vacations in parts is presented. Attention is drawn to the controversial and problematic points in this topic. The author proposes solutions to problems that arise in practice, and also concludes that there is a need for state incentives for the parties to labor relations to use vacation without dividing it into parts to achieve the goals of rest time. The purpose of the work is a comprehensive study of the legal regulation of the division of leave into parts, understanding the problems and peculiarities of employee-employer relations in this area. The methodology of the conducted research consists of a general scientific dialectical method of cognition of objective reality, comparative legal, logical-legal methods, as well as observation, analysis, generalization and some others.

Keywords: rest time; vacations; annual basic paid vacation; annual additional paid vacation; annual paid vacations; the right to rest.

For citation: *Chulkova E. A.* Splitting Vacations into Parts: Problems and Possible Solutions. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 307–316. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-307-316

Введение

Тема разделения ежегодного оплачиваемого отпуска, регламентации правил предоставления его по частям, а также имеющиеся проблемы в данной области являются весьма актуальными вопросами в современных реалиях. Бизнес все более ориентирован на непрерывность процессов. Отсутствие работника в организации почти месяц уже не отвечает запросам работодателей.

В то же время разделение ежегодного оплачиваемого отпуска на части может повлечь за собой неполноценный отдых работников, невозможность восстанов-

ления затраченных ими в процессе трудовой деятельности сил и ресурсов в полном объеме.

Все это негативно может отразиться на эффективности деятельности организаций, с которыми такие работники состоят в трудовых отношениях.

В свою очередь это влечет за собой уменьшение прибыли указанных предприятий, недостижение стратегических целей, стоящих перед ними, а также невыполнение каких-либо государственных задач.

В этой связи автор находит необходимым исследовать проблемы, возникающие в практике, и предложить возможные пути их решения на законодательном уровне. Также эффективным видится проведение анализа позиций государственных органов и учет их мнения по рассматриваемым вопросам при совершенствовании законодательства в области предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков работникам.

1. Международные и национальные правовые основы предоставления отпуска по частям

Трудовое законодательство России предусматривает возможность разделения ежегодного оплачиваемого отпуска на части (ч. 1 ст. 125 Трудового кодекса РФ [1] (далее – ТК РФ)). Данное положение следует рассматривать в двух аспектах.

С одной стороны, это в большей степени выгодно работодателю. И в данном смысле работник оказывается в худшем положении, поскольку вынужден использовать данный вид времени отдыха не полностью, а по частям.

С другой стороны, зачастую такая возможность распределить отпуск удобным образом в течение рабочего года вполне выгодно и работнику, который получает право некоторым образом подстроить отпуск под свои жизненные обстоятельства в тот или иной период времени.

Еще положения ст. 2 Конвенции № 52 Международной организации труда «Относительно ежегодных оплачиваемых отпусков» (заключена в г. Женеве 24 июня 1936 г.) [2] предусматривали, что национальные законы или правила могут разрешить в особых обстоятельствах деление ежегодного оплачиваемого отпуска, но лишь той части, которая превышает минимальную продолжительность, предписанную указанной статьей. При этом важно обратить внимание на то, что Международная организация труда (далее – МОТ) допускала деление отпуска на части исключительно в особых обстоятельствах.

Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г., введенный в действие Постановлением ВЦИК от 9 ноября 1922 г. [3] (далее – КЗОТ 1922 г.), предусматривал возможность использования работником отпуска не полностью, а по частям, но не устанавливал при этом каких-либо правил его разделения (ст. 120 КЗОТ 1922 г. [3]).

Конвенция МОТ № 132 «Об оплачиваемых отпусках», принятая в г. Женеве 24 июня 1970 г. на 54-й сессии Генеральной конференции МОТ [4] (далее – Конвенция МОТ № 132), определяет, что разбивка ежегодного оплачиваемого отпуска на части может быть разрешена компетентным органом власти или другим соответствующим органом в каждой стране (ст. 8 Конвенции МОТ № 132 [4]).

Национальное законодательство нашей страны в полной мере отвечает правилам, установленным Конвенцией МОТ № 132: ч. 1 ст. 125 ТК РФ определяет, что

по соглашению между работником и работодателем ежегодный оплачиваемый отпуск может быть разделен на части.

Как видно, речи об «особых обстоятельствах» уже не идет. И обновленный подход МОТ, и вслед за ним российское законодательство позволяют сторонам трудовых отношений самостоятельно определить случаи возможного деления ежегодного отпуска на части, отдавая этот вопрос на усмотрение сторон.

В этом видится недостаток указанной концепции, поскольку работник, как известно, является более слабой стороной в трудовых отношениях [5–7]. При таком положении дел работодателю не составит особого труда обличить фактически свою волю в форму «соглашения сторон».

При этом, разумеется, российскому законодателю следует стимулировать бизнес к предоставлению работникам возможности использования ежегодного оплачиваемого отпуска полностью и целиком, исключая или хотя бы в достаточной степени минимизируя случаи разделения его на части. Необходимо отметить, что это не только выгодно самому работнику, который может полноценно отдохнуть, уделить достаточное количество времени семье, близким, своему здоровью, развитию и т.п. В дальнейшей перспективе такое положение дел окажет положительное воздействие на экономические показатели отдельно взятой организации и, как следствие, экономики нашей страны в целом.

2. Форма соглашения о разделении отпуска на части

Вопросы разделения отпуска на части порождают немало споров на практике.

В частности, норма ТК РФ дословно предусматривает возможность деления отпуска «по соглашению сторон». Вместе с тем формы такого соглашения закон не предусматривает. Соответственно, по большому счету, сторонам не запрещено разрешить этот вопрос устно. Вместе с тем, разумеется, в отсутствие подтверждающих документов работодателю будет сложно доказать факт наличия воли работника на использование ежегодного оплачиваемого отпуска по частям и, как следствие, соблюдение прав такого работника при последующем оспаривании им и (или) при проверках контрольно-надзорных органов.

В силу правовой неопределенности по вопросу формы соглашения сторон трудовых отношений относительно разделения отпуска на части, в последнее время широкое распространение получила практика отражения в графике отпусков соответствующих временных периодов, на которые приходятся части разделенного ежегодного оплачиваемого отпуска. Многие работодатели предусматривают в графике отдельную графу, свидетельствующую об ознакомлении каждого работника лично и подпись с ним.

Представляется, что такое поведение работодателя вполне возможно рассматривать как злоупотребление, оно направлено на обход закона и ущемляет права работника.

Когда работник ставит подпись в графе «ознакомлен», он подтверждает лишь факт ознакомления. Иными словами, процесс ознакомления работника с графиком отпусков необходимо рассматривать не иначе, как буквально, т.е. как ознакомление. Работнику в данном случае не предлагают выразить свое мнение по воп-

росу, не получают согласие или несогласие на разделение отпуска на части, а это ключевой момент, в отсутствие которого законодатель не предоставляет возможность использовать ежегодный оплачиваемый отпуск по частям.

Большинство работников не обладают юридическим образованием и соответствующими знаниями в области трудового права. В этой связи автор настаивает на бесспорной обязанности работодателя разъяснить работнику его право отказаться от разделения отпуска на части, когда инициатором использования ежегодного оплачиваемого отпуска по частям выступает работодатель, т.е. как в рассматриваемом случае. Поскольку график отпусков составляется именно работодателем, и, если такой график предусматривает деление отпуска, это свидетельствует о намерении именно работодателя не предоставлять работнику отпуск целиком.

Соответственно, верным представляется подход, при котором, предусмотрев разделение ежегодного оплачиваемого отпуска на части в графике отпусков, работодатель не только знакомит работника с информацией, содержащейся в таком графике, а выясняет согласие работника на использование указанного отпуска по частям.

Некоторые специалисты допускают возможность выражения мнения работника по рассматриваемому вопросу путем добавления отдельной графы в графике отпусков «согласен/не согласен» с проставлением работником соответствующей отметки.

В целом, не возражая против подобных предложений, автор находит такой порядок действий не совсем удобным с точки зрения реализации в случае несогласия работника с предложенным вариантом использования ежегодного оплачиваемого отпуска. Получается, что работодатель должен в таком случае вносить изменения в график отпусков, поскольку он уже утвержден.

Более логичным видятся варианты получения согласия либо на стадии проекта графика отпусков, либо путем оформления соответствующего соглашения сторон в письменной форме.

В этой связи обоснованным представляется подход судов при разрешении споров, вставших на сторону работника [8].

3. Неопределенность требований о минимальной продолжительности одной из частей разделенного отпуска

При анализе правовых норм ТК РФ, регламентирующих разделение отпуска на части стоит отметить наличие правовой неопределенности в ст. 125 ТК РФ.

Часть 1 указанной нормы дословно устанавливает следующее: «По соглашению между работником и работодателем ежегодный оплачиваемый отпуск может быть разделен на части. При этом хотя бы одна из частей этого отпуска должна быть не менее 14 календарных дней».

В практике работодатели нередко сталкиваются с вопросом: отпуск за какой период необходимо учитывать при определении правил деления? Многие представители бизнеса, пользуясь недостаточной правовой грамотностью своих работников, нарушают их право на отдых.

Так, нередки случаи переноса ежегодного оплачиваемого отпуска на другой рабочий год на основании ст. 124 ТК РФ. Соответственно, к моменту, когда встает воп-

рос о разделении ежегодного оплачиваемого отпуска на части, у работника могут иметься неиспользованные отпуска и (или) их части за прошлые периоды.

График отпусков составляется на календарный год (ч. 1 ст. 123 ТК РФ). И, учитывая запрет, установленный ч. 4 ст. 124 ТК РФ, работодателю следует в графике отпусков на будущий календарный год предусмотреть время использования, в том числе и «остатков» отпусков за предыдущий период.

Таким образом, складывается ситуация, когда работодатель, пытаясь соблюсти условия о том, чтобы одна из частей разделенного отпуска была минимальной продолжительностью 14 календарных дней, предоставляет часть отпуска на период, равный 14 календарным дням, но такая его часть состоит из отпусков за разные рабочие годы (см. Пример 1).

Пример 1.

Работник трудится в организации с 26.07.2021. *В соответствии с условиями трудового договора ему предоставляется ежегодный основной оплачиваемый отпуск продолжительностью* 28 *календарных дней. Требования о составлении графиков отпусков организацией соблюдаются. При этом по соглашению между работником и работодателем отпуск предоставляется работнику по частям. Так, ежегодный основной оплачиваемый отпуск за* 2023–2024 *рабочий год предоставлялся в следующем порядке:*

– 7 календарных дней в сентябре 2023 *г.;*

– 7 календарных дней в январе 2024 *г.;*

– 7 календарных дней в марте 2024 *г.;*

– 5 календарных дней в мае 2024 *г.*

По окончании 2023–2024 *рабочего года, т.е. по состоянию на* 26.07.2024*, у работника остались не использованными два календарных дня ежегодного основного оплачиваемого отпуска за* 2023–2024 *рабочий год.*

В сентябре 2024 *г. работнику был предоставлен ежегодный основной оплачиваемый отпуск продолжительностью* 14 *календарных дней непрерывно. Вместе с тем указанный отпуск состоял из двух календарных дней за* 2023–2024 *рабочий год и из* 12 *календарных дней за* 2024–2025 *рабочий год.*

Таким образом, несмотря на то, что в 2024 календарном году работник фактически использовал отпуск продолжительностью 14 календарных дней, требования ч. 1 ст. 125 ТК РФ работодатель при предоставлении ежегодного основного оплачиваемого отпуска по частям не выполнил, и право работника на отдых было нарушено. Аналогичной позиции придерживаются и специалисты Минтруда России [9].

Важно отметить, что наличие согласия на использование ежегодного отпуска указанным образом или даже заявления самого работника о разделении отпуска на части не является основанием для освобождения работодателя от ответственности и не исключает факт нарушения.

Ответственность за данное правонарушение предусмотрена ч. 1 ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях [10] и влечет предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 1000 до

5000 руб.; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от 1000 до 5000 руб.; на юридических лиц – от 30 000 до 50 000 руб.

Таким образом, представляется, что нормы ТК РФ об условиях, при которых допускается разделение отпуска на части, недостаточно четко сформулированы. Это порождает споры на практике и создает почву для нарушения прав работников. Российскому законодателю следует конкретизировать указанные правовые нормы.

4. Отзыв из отпуска при предоставлении его по частям

Еще одним проблемным моментом является применение положений ч. 2 ст. 125 ТК РФ в их взаимосвязи с ограничением, установленным ч. 1 ст. 125 ТК РФ.

Так, ч. 2 ст. 125 ТК РФ установлено, что с согласия работника допускается отзыв его из отпуска, за исключением случаев, предусмотренных ТК РФ. Неиспользованная в связи с этим часть отпуска должна быть предоставлена по выбору работника в удобное для него время в течение текущего рабочего года или присоединена к отпуску за следующий рабочий год.

Вместе с тем в практике зачастую возникают ситуации, когда ежегодный оплачиваемый отпуск за рабочий год уже предоставлялся по частям. Причем такие части были продолжительностью меньше 14 календарных дней. В данных условиях, когда работодатель отзывает работника из части отпуска продолжительностью 14 календарных дней, а потом предоставляет неиспользованную в связи с этим часть, он нарушает требования ч. 1 ст. 125 ТК РФ.

Автору видится, что, несмотря на отсутствие прямого запрета в ч. 2 ст. 125 ТК РФ на отзыв из отпуска в данном случае, работодатель не вправе производить его, поскольку тем самым нарушает право работника на отдых: на использование ежегодного оплачиваемого отпуска продолжительностью, минимально допустимой для однократного предоставления за рабочий год. Аналогичной позиции придерживается и Минтруд России [11].

5. Предоставление отпуска исключительно на выходные дни по графику работника

Предоставление отпуска исключительно на выходные дни по графику работника – такие случаи также возникают.

Стоит отметить, что запрета ТК РФ не устанавливает. Строго говоря, если хотя бы одна часть отпуска была предоставлена продолжительностью, равной 14 календарным дням, то оставшаяся часть отпуска может быть поделена на неограниченное количество частей, абсолютно любой продолжительности (например, даже по одному дню).

Аналогично и с конкретным периодом, в который предоставляется такие части ежегодного оплачиваемого отпуска – если соглашение достигнуто, предоставление части отпуска исключительно в выходные дни формально отвечает требованиям действующего законодательства.

Вместе с тем такое положение дел нельзя признать обоснованным и соответствующим сути предоставления работнику различных видов времени отдыха. Со-

вершенно однозначно можно заключить, что использование ежегодного оплачиваемого отпуска в рассматриваемом порядке не будет способствовать достижению основной цели времени отдыха – восстановление сил, затраченных работником в процессе осуществления трудовой деятельности.

В этой связи трудно не согласиться со специалистами Минтруда России, которые также подчеркивают, что предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска исключительно в выходные дни не будет соответствовать требованиям трудового законодательства РФ [12].

Несмотря на то что объяснений, по какой именно причине Минтруд России приходит к данному выводу, не представлено, полагаем это вполне обоснованным. Кроме того, на наш взгляд, это и подчеркивает необходимость разрешения данного вопроса на законодательном уровне. Полагаем необходимым закрепление соответствующих норм в правовых актах нашей страны.

Заключение

Таким образом, автору представляется, что соблюдение права работника на отдых в полной мере может быть реализовано только при использовании им отпуска полностью, без разделения его на части.

Кроме того, автор находит необходимым отметить, что работодатель не вправе разрешать вопрос относительно деления отпуска на части самостоятельно, без получения выражения воли на то работника и получения от него соответствующего согласия.

Государством должны быть созданы правовые механизмы, препятствующие работодателю формально подходить к учету мнения работника по вопросу разделения отпуска на части. Наша страна должна стремиться к стимулированию сторон трудовых отношений отказаться от разделения ежегодных оплачиваемых отпусков на части и популяризации практики использования таких отпусков целиком.

К тому же нормы о разделении отпуска на части несовершенны, не решают достаточное количество вопросов, возникающих в практике. Автор полагает, что применительно к некоторым ситуациям они сформулированы неоднозначно, что порождает противоречия, а в определенных случаях и вовсе отсутствует правовая регламентация.

За счет таких правовых пробелов создаются «серые» зоны, негативно отражающиеся, во-первых, на деятельности работодателей, лишенных возможности полностью соблюсти закон. Во-вторых, это приводит к нарушению прав работников. Использование «живого» труда без соблюдения основных гарантий провоцирует повсеместное профессиональное выгорание работников. Все это оказывает отрицательное влияние на экономику России.

Государство должно проявлять должную заботу о гражданах и обеспечивать такие правовые механизмы, которые однозначно гарантировали бы право работников на отдых.

Пристатейный библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция № 52 Международной организации труда «Относительно ежегодных оплачиваемых отпусков» (заключена в г. Женеве 24 июня 1936 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIX. М., 1960.
3. Кодекс Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р., изд. в 1922 г., введ. в действие Постановлением ВЦИК от 9 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
4. Конвенция МОТ № 132 «Об оплачиваемых отпусках (пересмотренная в 1970 году)» (принята в г. Женеве 24 июня 1970 г. на 54-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7451.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 марта 2022 г. № 10-П // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Верховного Суда РФ от 29 июня 2020 г. № 16-КГ20-6 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда РФ от 31 мая 2021 г. № 41-КГ21-14-К4 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 6 июля 2018 г. № 12-285/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Письмо Минтруда России от 24 сентября 2019 г. № 14-2/ООГ-6958 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
11. Письмо Минтруда России от 3 октября 2019 г. № 14-2/ООГ-7286 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Письмо Минтруда России от 7 декабря 2018 г. № 14-2/ООГ-9754 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
2. Convention No. 52 of the International Labor Organization "Concerning Annual Paid Leaves" (concluded in Geneva on June 24, 1936). In Collection of Current Treaties, Agreements and Conventions Concluded by the USSR with Foreign States. Issue XIX. Moscow, 1960. (In Russ.)
3. Labor Code of the RSFSR, published in 1922, put into effect by the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 9, 1922. *Collection of Laws of the RSFSR*, 1922, no. 70, art. 903. (In Russ.)
4. ILO Convention No. 132 "Concerning Paid Holidays (Revised 1970)" (adopted in Geneva on June 24, 1970 at the 54th session of the ILO General Conference). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 51, art. 7451. (In Russ.)

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 10, 2022 No. 10-P (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
6. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of June 29, 2020 No. 16-KG20-6 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of May 31, 2021 No. 41-KG21-14-K4 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
8. Decision of the Court of the Khanty-Mansiisk Autonomous Okrug – Iugra of July 6, 2018 No. 12-285/2018 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
9. Letter of the Ministry of Labor of Russia of September 24, 2019 No. 14-2/OOG-6958 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
10. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
11. Letter of the Ministry of Labor of Russia of October 3, 2019 No. 14-2/OOG-7286 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
12. Letter of the Ministry of Labor of Russia of December 7, 2018 No. 14-2/OOG-9754 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
Е. А. Чулкова – соискатель.

Information about the author:
E. A. Chulkova – Applicant.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 09.12.2024.
The article was submitted to the editorial office 15.10.2024; approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Научная статья
УДК 34.037
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-317-325

ПЕНСИОННЫЕ НАКОПЛЕНИЯ УМЕРШИХ ЗАСТРАХОВАННЫХ ЛИЦ КАК ПРЕДМЕТ СПОРА В СУДЕБНЫХ ОРГАНАХ

Иван Сергеевич Ярыгин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

ivan.yaryngin@yandex.ru

Аннотация

Автором статьи проанализировано законодательство, регулирующее формирование пенсионных прав граждан, сформированных за счет страховых взносов на накопительную пенсию. Особое внимание уделено теме выплат средств пенсионных накоплений умерших застрахованных лиц его правопреемникам. Аргументировано, почему к правоотношениям по выплате пенсионных накоплений умерших не могут применяться нормы наследственного права. Проведен анализ судебной практики при рассмотрении споров с участием правопреемников застрахованных лиц. Акцентировано внимание на соблюдении баланса частных и публичных интересов при реализации данных прав.

Ключевые слова: средства пенсионных накоплений; правопреемники умерших застрахованных лиц; восстановление пропущенного срока.

Для цитирования: *Ярыгин И. С.* Пенсионные накопления умерших застрахованных лиц как предмет спора в судебных органах // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 317–325. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-317-325

Research Article

PENSION SAVINGS OF DECEASED INSURED PERSONS AS A SUBJECT OF DISPUTE IN THE JUDICIAL AUTHORITIES

Ivan S. Yarygin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

ivan.yaryngin@yandex.ru

Abstract

The author of the article analyzes the legislation regulating the formation of pension rights of citizens formed at the expense of insurance contributions to a funded pension. Special attention is paid to the topic of payments of pension savings of deceased insured persons to their legal successors. It is argued why the norms of inheritance law cannot be applied to legal relations for the payment of pension savings of the deceased. Special attention is paid to the analysis of judicial practice in the consideration of disputes involving the legal successors of insured persons. Attention is focused on maintaining a balance of private and public interests in the exercise of these rights.

Keywords: pension savings funds; legal successors of deceased insured persons; restoration of the missed deadline.

For citation: *Yarygin I. S.* Pension Savings of Deceased Insured Persons as a Subject of Dispute in the Judicial Authorities. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 317–325. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-317-325

Введение

Изучение истории пенсионных реформ в нашей стране приводит к закономерному выводу, что изменение пенсионного законодательства началось после распада СССР и прошло через множество этапов изменений и формирований в итоговый вариант, который мы наблюдаем на данный момент.

С 1990-х гг. наша страна столкнулась с множеством проблем, таких как экономический и демографический кризис, обесценение денежных средств, безработица, и другими социальными проблемами. После этого был впервые принят пенсионный закон Российской Федерации – Закон РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-I «О государственных пенсиях в Российской Федерации», который вступил в силу в полном объеме с 1 января 1992 г. Данный Закон утратил свою силу с 1 января 2002 г. с принятием Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 173-ФЗ).

В ст. 2 Федерального закона № 173-ФЗ впервые было введено такое понятие, как пенсионные накопления, закрепляющее за собой совокупность учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета либо на пенсионном счете накопительной части трудовой пенсии средств, сформированных за счет поступивших страховых взносов на финансирование накопительной части трудовой пенсии по старости, дополнительных страховых взносов на накопительную часть трудовой пенсии, взносов работодателя, уплаченных в пользу застрахованного лица, взносов на софинансирование формирования пенсионных накоплений, дохода от их инвестирования [1].

Впервые данным Федеральным законом было предусмотрено деление пенсии на страховую и накопительную.

Одновременно в декабре 2001 г. был принят Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 167-ФЗ), которым было установлено, что тарифы страховых взносов уплачиваются в бюджет Пенсионного фонда РФ, отдельно на накопительную и страховую часть пенсии.

Таким образом, начиная с 2002 г., был введен в действие новый механизм формирования пенсионных прав граждан. При этом данное нововведение, по мнению законодателя, имело целью заинтересовать граждан в получении «белой» заработной платы, в контроле за отчислениями работодателей и, как следствие, в получении впоследствии пенсии в наибольшем размере.

Необходимо также подчеркнуть, что в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» данные средства пенсионных накоплений являются собственностью Российской Федерации, не подлежат изъятию в бюджеты всех уровней, не могут являться предметом залога или иного обеспечения обязательств собственника указанных средств и субъектов отношений по формированию и инвестированию средств пенсионных накоплений, а также других участников процесса инвестирования средств пенсионных накоплений [2].

Справедливо утверждение, что по своей экономической сущности страховые взносы, уплачиваемые в обязательном порядке работодателем, являются «отложенной» частью заработной платы работника [3, с. 153–162].

Нельзя не согласиться с позицией Ю. В. Воронина о том, что правопреемники «наследуют» не имущество умершего застрахованного лица, а ограниченную искусственными рамками часть федеральной государственной собственности, что абсолютно беспрецедентно не только для пенсионного права, где никогда не существовало института наследования, но и для гражданского права, где можно наследовать только то имущество, которое реально принадлежало наследодателю [4].

Оплата страховых платежей по накопительной составляющей трудовой пенсии, а с 2015 г. – по накопительной пенсии, предусмотрена для лиц, родившихся в 1967 г. и позднее. При этом следует отметить, что в период с 2002 по 2004 г. страховые взносы по накопительной составляющей пенсии выплачивались для мужчин, родившихся с 1952 по 1966 г., и женщин, родившихся с 1957 по 1966 г.

1. Основные нормативные правовые акты, регулирующие порядок выплат за счет средств пенсионных накоплений граждан

Главным законом, определяющим отношения по выплате пенсионных накоплений, является Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 360-ФЗ «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений».

Статьей 2 этого Закона устанавливается, что за счет пенсионных накоплений застрахованного лица осуществляются следующие виды выплат:

1) единовременная выплата;

2) срочная пенсионная выплата;

3) накопительная пенсия;

4) выплата средств пенсионных накоплений правопреемникам умершего застрахованного лица [5].

В данной статье мы подробно рассмотрим порядок выплаты пенсионных накоплений правопреемникам умершего застрахованного лица.

Постановлением Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 711 были утверждены Правила выплаты фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации правопреемникам умерших застрахованных лиц средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуальных лицевых счетов (далее – Правила № 711).

Также было принято постановление Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 710 «Об утверждении правил выплаты негосударственным пенсионным фондом, осуществляющим обязательное пенсионное страхование, правопреемникам умерших застрахованных лиц средств пенсионных накоплений, учтенных на пенсионных счетах накопительной пенсии».

В основных понятиях данных правил используются следующие термины:

– «правопреемники» – правопреемники по заявлению и по закону;

– «правопреемники по заявлению» – лица, указанные в заявлении о распределении пенсионных накоплений;

– «правопреемники по закону» – родственники умершего застрахованного лица, которым выплата пенсионных накоплений производится независимо от возраста и состояния трудоспособности.

Первая очередность правопреемников по закону включает детей, супруга(у), родителей(ей) и усыновителей(ниц), а вторая очередность – братьев, сестер, дедушек, бабушек и внуков.

Как справедливо отмечено Л. А. Галаевой, в действующем законодательстве отсутствуют нормы, связывающие возникновение права на получение данных выплат с нетрудоспособностью правопреемников и нахождением их иждивении умершего застрахованного лица, как это предписано среди основных условий получения пенсии по случаю потери кормильца [6].

По мнению специалистов, отсутствие в действующем законодательстве права несовершеннолетних детей и нетрудоспособных членов семьи умершего застрахованного лица на обязательную долю при распределении средств пенсионных накоплений является пробелом и противоречит принципам социального обеспечения [7].

Важно отметить, что пенсионные накопления не являются собственностью застрахованного лица и не входят в состав наследства поэтому, положения Гражданского кодекса РФ по наследственным правоотношениям на них не распространяются [8].

В юридическом сообществе существует и иная точка зрения, основанная на том, что пенсионные накопления относятся к имущественным правам и поэтому могут быть переданы по наследству. Аналогичная позиция высказана А. И. Райлян, по мнению которого закрепление общегражданских правил наследования пенсионных накоплений позволит применять в отношении последних также правила о недостойных наследниках, обязательной доле и т.д. [9, с. 56–61].

Однако, по мнению автора данной статьи, природа пенсионных накоплений и их источник свидетельствует о том, что данные средства не могут быть отнесены к имущественным правам. Они формируются за счет страховых взносов работодателей, имеют целевое назначение и могут быть получены гражданами только в прямо предусмотренных законом случаях (достижение пенсионного возраста или смерть застрахованного лица до его достижения).

Правопреемники могут обратиться за выплатой пенсионных накоплений до истечения шести месяцев с даты смерти застрахованного лица, подав заявление в орган фонда по своему выбору.

В этом заявлении указывается степень родства с умершим застрахованным лицом, а также информация о других родственниках, таких как дети, супруг(а), родители, братья, сестры, дедушки, бабушки, внуки.

Эта информация необходима для правильного распределения пенсионных накоплений и исключения выплаты только одному правопреемнику, если есть другие претенденты на эти средства.

Срок для обращения с заявлением о выплате пенсионных накоплений может быть восстановлен в судебном порядке по заявлению правопреемника, пропустившего такой срок. Остановимся на этом вопросе более подробно.

2. Пенсионные накопления граждан как предмет спора в судебных органах

Прежде чем обратиться к интересующей нас судебной практике необходимо определить, в каких судебных органах рассматриваются судебные споры, связанные с выплатой средств пенсионных накоплений.

Очевидно, что одной из сторон будут являться физические лица, поэтому спор должен рассматриваться в судах общей юрисдикции. При этом в соответствии со ст. 28 Гражданского процессуального кодекса РФ иск предъявляется по месту нахождения юридического лица – ответчика по делу. Таким ответчиком будет являться соответствующий территориальный орган Социального фонда России (до 1 января 2023 г. – ПФР).

Пропущенный правопреемником срок на обращение за выплатой средств пенсионных накоплений умершего застрахованного лица может быть восстановлен судом при наличии уважительных причин, каждая из которых подлежит обязательной судебной оценке. На это прямо указано в Обзоре судебной практики Верхов-

ного Суда Российской Федерации № 4 за 2020 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2020 г.) [10]. Поскольку какого-либо перечня уважительных причин законом не установлено, вопросы о причинах пропуска срока обращения за выплатой правопреемникам умершего застрахованного лица и об уважительности этих причин подлежат разрешению судом по каждому делу с учетом его конкретных обстоятельств.

Гражданское законодательство относит неграмотность к уважительным причинам пропуска установленного срока, связанных с личностью истца, поэтому вышестоящая инстанция – Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила ранее вынесенное судебное решение и направила дело о восстановлении срока на выплату средств пенсионных накоплений умершего застрахованного лица на новое рассмотрение в суд первой инстанции (определение от 25 апреля 2022 г. № 18-КГ22-12-К4) [11]. Необходимо отметить, что заявителем по данному делу являлась дочь умершего, только окончившая среднюю образовательную школу, и в силу возраста она не была осведомлена о требованиях действующего пенсионного законодательства относительно установленного срока обращения в пенсионный орган за выплатой средств пенсионных накоплений умершего застрахованного лица.

Еще одним примером из судебной практики, когда юридическая неграмотность заявителя была признана уважительной причиной пропуска установленного срока для обращения за выплатой средств пенсионных накоплений умершего застрахованного лица, является определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 ноября 2020 г. № 5-КГ20-84-К2 [12].

Как было указано выше, какого-либо перечня уважительных причин, дающих суду право восстановить пропущенный срок, законодательство не содержит и этот вопрос решается судом по каждому делу с учетом его конкретных обстоятельств. Как правило, такими причинами являются: болезнь, длительность командировки, ненадлежащее исполнение законными представителями правопреемников, не обладающих дееспособностью в полном объеме, возложенных на них законодательством функций и тому подобное (определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 июня 2020 г. № 93-КГ20-1) [13].

Кроме рассмотрения дел о восстановлении пропущенного срока, в судебных органах рассматриваются и дела по искам к правопреемникам застрахованных лиц о взыскании данных сумм в порядке регресса.

Как следует из п. 31 Правил № 711, в случае принятия решения о выплате средств пенсионных накоплений правопреемникам по закону, восстановившим в судебном порядке срок для обращения с заявлением о выплате средств пенсионных накоплений после выплаты средств пенсионных накоплений другим правопреемникам, возврат (восстановление) соответствующих сумм с последующим их зачислением в резерв Фонда по обязательному пенсионному страхованию осуществляется за счет правопреемников, которым выплачены средства пенсионных накоплений (в случае их согласия), или в судебном порядке (в случае отсутствия их согласия).

Одним из примеров по данной категории судебных споров с участием правопреемников умерших застрахованных лиц, является следующее гражданское

дело. Решением Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 1 июля 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда от 20 ноября 2019 г., с С. в пользу ГУ – Отделение Пенсионного фонда РФ по Архангельской области взыскана сумма в размере 315 271 руб. 75 коп. в счет возврата средств пенсионных накоплений, выплаченных ей как правопреемнику умершего П., и 6353 руб. в счет возврата уплаченной государственной пошлины, а всего – 321 624 руб. 75 коп. Не согласившись с вынесенными судебными актами, ответчик обжаловал их в Судебную коллегию по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции, которая определением от 17 июня 2020 г. по делу № 8Г-6029/2020 указанные судебные акты нижестоящих судов оставила в силе, а кассационную жалобу С. без удовлетворения, отметив при этом, что при подаче заявления от своего имени о выплате средств пенсионных накоплений умершего брата, С. не указала сведения об иных его близких родственниках, а именно об отце.

Аналогичная правовая позиция изложена в определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2021 г. по делу № 8Г-23449/2021 [14].

Заключение

Подведя итог изложенному выше, можно сделать следующий вывод.

Как показывает правоприменительная практика, далеко не всем известно, что в случае смерти человека до назначения ему пенсии его близкие родственники могут рассчитывать на получение его пенсионных накоплений. В круг близких родственников (правопреемников умершего застрахованного лица) входят дети, супруг и родители, а также сестры, братья, дедушки, бабушки и внуки.

Гражданам, которые оказались в такой жизненной ситуации, необходимо уточнить в любом территориальном органе Социального фонда России информацию о пенсионных накоплениях умершего близкого родственника. За выплатой данных средств правопреемники могут обратиться в течение шести месяцев со дня смерти застрахованного лица. Если указанный срок истек, законом предусмотрена возможность его восстановления в судебном порядке.

Также необходимо подчеркнуть, что при подаче соответствующего заявления о выплате средств пенсионных накоплений умершего необходимо в заявлении указать иных лиц, относящихся к числу его близких родственников. Это необходимо для правильного распределения подлежащих выплате сумм между всеми правопреемниками и исключит возможные судебные споры, связанные с взысканием излишне полученных денежных сумм по искам пенсионного органа.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4920.

2. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3028.

3. *Миронова Т. К.* Новации в понятийном аппарате права социального обеспечения и их влияние на предмет отрасли // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9.

4. *Воронин Ю. В.* Частное в публичном, или Некоторые размышления о методологии научных исследований накопительного компонента пенсионной системы Российской Федерации в праве социального обеспечения // Журнал российского права. 2019. № 3.

5. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 360-ФЗ «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7038.

6. *Галаева Л. А.* Страховые выплаты за счет средств пенсионных накоплений в обязательном пенсионном страховании: каковы основания и условия назначения? // Журнал российского права. 2018. № 10.

7. *Машкова А. Д., Таганцева Н. В.* Конституционные основы наследственного законодательства в РФ: история и современность // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. № 3.

8. Гражданское право. Особенная часть / под ред. М. В. Карпычева, О. Б. Сиземовой, А. М. Хужина. М. : Проспект, 2023.

9. *Райлян А. И.* К вопросу о наследовании средств пенсионных накоплений // Гражданин и право. 2010. № 7.

10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2022 г. № 18-КГ22-12-К4 // СПС «Гарант».

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 ноября 2020 г. № 5-КГ20-84-К2 // СПС «Гарант».

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 июня 2020 г. № 93-КГ20-1 // СПС «Гарант».

14. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2021 г. по делу № 8Г-23449/2021 // СПС «Гарант».

References

1. Federal Law of December 17, 2001 No. 173-FZ "On Labor Pensions in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 52 (part I), art. 4920. (In Russ.)

2. Federal Law of July 24, 2002 No. 111-FZ "On Investing Funds to Financing Funded Pensions in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 30, art. 3028. (In Russ.)

3. *Mironova T. K.* Innovations in the Conceptual Apparatus of Social Security Law and Their Impact on the Subject of the Industry. *Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 9. (In Russ.)

4. *Voronin Iu. V.* Private in Public, or Some Reflections on the Methodology of Scientific Research of the Funded Component of the Pension System of the Russian Federation in Social Security Law. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 3. (In Russ.)

5. Federal Law of November 30, 2011 No. 360-FZ "On the Procedure for Financing Payments from Pension Savings". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 49 (part I), art. 7038. (In Russ.)

6. *Galaeva L. A.* Insurance Payments from Pension Savings in Compulsory Pension Insurance: What Are the Grounds and Conditions for Appointment? *Journal of Russian Law*, 2018, no. 10. (In Russ.)

7. *Mashkova A. D., Tagantseva N. V.* Constitutional Foundations of Inheritance Legislation in the Russian Federation: History and Modernity. *Bulletin of the Law Faculty of Southern Federal University*, 2023, no. 3. (In Russ.)

8. *Karpychev M. V., Sizemova O. B., Khuzhin A. M. (eds.).* Civil Law. Special Part. Moscow: Prospekt, 2023. (In Russ.)

9. *Railian A. I.* On Inheritance of Pension Savings. *Citizen and Law*, 2010, no. 7. (In Russ.)

10. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 23, 2020). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2021, no. 5. (In Russ.)

11. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of April 25, 2022 No. 18-KG22-12-K4 (SPS "Garant"). (In Russ.)

12. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 23, 2020 No. 5-KG20-84-K2 (SPS "Garant"). (In Russ.)

13. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 22, 2020 No. 93-KG20-1 (SPS "Garant"). (In Russ.)

14. Determination of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction of November 30, 2021 in case No. 8G-23449/2021 (SPS "Garant"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
И. С. Ярыгин – магистрант.

Information about the author:
I. S. Yarygin – Master's Student.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 06.03.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Обзорная статья
УДК 340
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-326-341

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»: ОБЗОР ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ (ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ), 18 ЯНВАРЯ 2024 г.). ЧАСТЬ 2

Алексей Павлович Альбов[1]
Инна Сергеевна Барзилова[2]
Иван Владимирович Дворянсков[3]
Татьяна Владимировна Милушева[4]
Владислав Юрьевич Панченко[5]
Ольга Валентиновна Романовская[6]
Ольга Ивановна Цыбулевская[7]
Елена Николаевна Чекушкина[8]

[1,5] Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская д. 2, корп. 1

[1] Российская таможенная академия, 140015, Россия, г. Люберцы, Комсомольский проспект, д. 4

[2] Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1

[3] Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15А, стр. 1

[4,7] Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

[5] Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79

[6] Пензенский государственный университет, 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

[8] Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

[1] aap62@yandex.ru

[2] isbarzilova@msal.ru

[3] diw@yandex.ru

[4] mtv62@mail.ru

[5] panchenkovlad@mail.ru

[6] pgu-gpd@yandex.ru

[7] olga77.54@mail.ru

[8] elenachekushkina@yandex.ru

Аннотация

18 января 2024 г. во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) состоялся Всероссийский научно-практический круглый стол «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы». В пленарном заседании выступили ведущие российские ученые-юристы, которые сформулировали выводы о юридическом конфликте как феномене правовой реальности, конвергенции частного и публичного права как основополагающем факторе, взаимосвязи коллизий в праве и правоприменении и конфликтов в правовой сфере, семиотических проблемах уголовного закона, участии государства как особенности юридического конфликта, праве и пациентском экстремизме, репродуктивных технологиях и юридических конфликтах в современной биомедицине, балансе интересов как способе преодоления юридического конфликта, социальной рефлексии как способе разрешения конфликтов.

Ключевые слова: юридическая конфликтология; юридический конфликт; частное право; публичное право; правовая коллизия; семиотика; семантика; язык уголовного закона; пациентский экстремизм; репродуктивные права; биомедицина; баланс интересов; социальная рефлексия.

Для цитирования: *Альбов А. П., Барзилова И. С., Дворянсков И. В., Милушева Т. В., Панченко В. Ю., Романовская О. В., Цыбулевская О. И., Чекушкина Е. Н.* Всероссийский научно-практический круглый стол «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы»: обзор пленарного заседания (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 18 января 2024 г.). Часть 2 // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 326–341. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-326-341

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL ROUND TABLE "LEGAL CONFLICTOLOGY: PROBLEMS AND PROSPECTS": REVIEW OF THE PLENARY SESSION (ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE, 18 JANUARY 2024). PART 2

Alexey P. Albov[1]
Inna S. Barzilova[2]
Ivan V. Dvoryanskov[3]
Tatyana V. Milusheva[4]
Vladislav Yu. Panchenko[5]
Olga V. Romanovskaya[6]
Olga I. Tsybulevskaya[7]
Elena N. Chekushkina[8]

[1,5] All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

[1] Russian Customs Academy, 4 Komsomolskii Ave., Liubertsy, 140015, Russia

[2] Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9 Sadovaia-Kudrinskaia St., Moscow, 125993, Russia

[3] Research Institute of the Federal Penitentiary Service, 15A, Bldg. 1 Narvskaia St., Moscow, 125130, Russia

[4,7] Volga Region Institute of Management named after P. A. Stolypin – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 164 Moskovskaia St., Saratov, 410012, Russia

[5] Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia

[6] Penza State University, 40 Krasnaia St., Penza, 440026, Russia

[8] Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

[1] aap62@yandex.ru

[2] isbarzilova@msal.ru

[3] diw@yandex.ru

[4] mtv62@mail.ru

[5] panchenkovlad@mail.ru

[6] pgu-gpd@yandex.ru

[7] olga77.54@mail.ru

[8] elenachekushkina@yandex.ru

Abstract

On January 18, 2024, the All-Russian scientific and practical round table "Legal Conflictology: Problems and Prospects" was held at All-Russian State University of Justice. Leading Russian legal scholars spoke at the plenary session and formulated conclusions about legal conflict as a phenomenon of legal reality, the convergence of private and public law as a fundamental factor, the relationship between conflicts in law and law enforcement and conflicts in the legal sphere, semiotic problems of criminal law, state participation as features of legal conflict, law and patient extremism, reproductive technologies and legal conflicts in modern biomedicine, balance of interests as a way to overcome legal conflict, social reflection as a way to resolve conflicts.

Keywords: legal conflictology; legal conflict; private law; public law; legal conflict; semiotics; semantics; language of criminal law; patient extremism; reproductive rights; biomedicine; balance of interests; social reflection.

For citation: *Albov A. P., Barzilova I. S., Dvoryanskov I. V., Milusheva T. V., Panchenko V. Yu., Romanovskaya O. V., Tsybulevskaya O. I., Chekushkina E. N.* All-Russian Scientific and Practical Round Table "Legal Conflictology: Problems and Prospects": Review of the Plenary Session (All-Russian State University of Justice, 18 January 2024). Part 2. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 326–341. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-326-341

Продолжая пленарное заседание Всероссийского научно-практического круглого стола «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы», **А. П. Альбов** в выступлении на тему «Теоретические основы конфликтологии: частноправовые и публично-правовые аспекты» отметил, что теория конфликта представляет собой широкий спектр концепций, описывающих различные аспекты и динамику столкновений интересов в общественной жизни. Различные концепции конфликта посвящены анализу условий возникновения, развития и урегулирования конфликтных ситуаций, а также факторов, эскалирующих конфликт или способствующих снижению напряженности. Конфликт является видом социального взаимодействия, но которое отличается наличием ситуации соперничества, «прямым и осознанным столкновением его участников» [1, с. 143].

Конфликтология, являясь междисциплинарной областью, синтезирует знания из различных наук – психологии, социологии, антропологии, политологии и др., для формирования эффективных методов анализа и разрешения конфликтов. Применение этих методов помогает достичь взаимопонимания между участниками конфликта, способствует согласованию их интересов. Философской основой современной конфликтологии являются разнообразные теоретические концепции, разработанные в античной и новоевропейской философии. Они посвящены анализу онтологии конфликта и его социально-исторической роли.

Философия Гераклита представляет собой одну из первых попыток осмысления природы конфликта как «двигателя» мировой истории. Согласно Гераклиту веч-

ное становление и борьба противоположностей являются основой всего сущего, война выступает «отцом всего». Противоречия не только неизбежны, но и необходимы для жизни, поскольку они способствуют изменению и развитию как общества, так и мироздания. Философия конфликта Гераклита предполагает, что из борьбы противоположностей возникает гармония, и что конфликт сам по себе является способом достижения баланса в мире. В контексте философии Платона принципиально важной для понимания его взглядов на природу конфликта становится идея об идеальном государстве. Его философия идеального государства предполагает разделение общества на разные классы, каждый из которых имеет свои специфические обязанности, что способствует идеальному общественному порядку. Классы в идеальном государстве, как представлял Платон, функционируют в строгой иерархии: правители-философы на вершине, защитники или воины, оберегающие государство как среднее звено, и класс, включающий в себя крестьян и ремесленников, на нижней ступени.

Древнейшие представления о природе конфликта получают своей развитие в новоевропейской философии. Согласно философскому учению Т. Гоббса естественное состояние человечества – это «война всех против всех». От этого состояния зависят «необузданные конфликты частных интересов и порождаемая ими смута социальной анархии» [2, с. 17].

Люди, движимые инстинктом самосохранения и достижения собственного блага, неизбежно становятся врагами друг для друга, поскольку ресурсы ограничены, а желания неуемны. Гоббс известен своим выражением «человек человеку – волк» (*homo homini lupus*), которое подчеркивает враждебность и конкуренцию, характерную для первобытного состояния человечества. В своем труде под названием «Левиафан» Гоббс развивает идею, что для этой вражды необходим союз всех людей, заключаемый для создания государства. Этот союз, представленный в образе «Левиафана» – всесильного библейского морского чудовища, становится гарантом социального порядка и мира.

Диалектический подход к пониманию природы конфликта получает свое завершенное оформление в философии Г. Гегеля, который рассматривает конфликт как противоречие. Г. Гегель изложил свою стройную систему философии, в рамках которой развитие мироздания осуществляется через конфликты и противоречия, описав его формулой «тезис – антитезиз – синтез» (тезис противостоит антитезису, что приводит к синтезу). Каждый этап развития содержит в себе противоречия, которые стимулируют последующее развитие исторической реальности. Единство и борьба противоположностей, согласно Г. Гегелю, не являются хаотичным или случайным процессом, а направленным и целенаправленным движением к высшему порядку – реализации Абсолютного Духа.

Философия Нового времени способствовала возникновению конфликтологии как социальной науки. Предмет конфликтологии охватывает широкий спектр вопросов, связанных с конфликтами различной природы: от личностных и межличностных конфликтов до крупномасштабных социальных, политических и международных конфликтов. Эта наука изучает причины возникновения конфликтов, механизмы их развития и эскалации, а также системы и средства для их предотвра-

щения и разрешения. Применение конфликтологического знания в юриспруденции обеспечивает правоведение надлежащим пониманием природы конфликтов в юридической сфере. Развитие правового знания невозможно без осмысления правовых конфликтов как формы взаимодействия участников общественных отношений. Юридическая конфликтология изучает способы разрешения правовых конфликтов, а также прогнозирование конфликтных ситуаций. Правовой конфликт рассматривается как стадия «развития правоотношения, на которой правоотношение перестает быть саморегулируемым» [3, с. 11]. Возникновение конфликтов часто связано с противоречием между публичными интересами и частными правами или между различными публичными интересами – «не могут быть урегулированы дела, в которых отсутствует спор о праве» [4, с. 64].

Перспективы дальнейшего исследования вопросов юридической конфликтологии связаны с анализом эффективности существующих средств и методов разрешения правовых конфликтов. Общепризнанным фактором развития правовой системы является последовательная конвергенция частного и публичного права, что приводит к взаимному обогащению механизмов частноправового и публично-правового регулирования. В результате формируется единый механизм разрешения правовых конфликтов, представляющий общий набор правовых средств для разрешения как частноправовых, так и публично-правовых конфликтов. Преодоление указанных трудностей, а также разработка общей теории разрешения правовых конфликтов составляет перспективное направление для исследований в области юридической конфликтологии.

И. С. Барзилова обратилась к проблеме «Диалектика взаимосвязи коллизий в праве и правоприменении и юридических конфликтов». Она отметила, что юридический конфликт можно отнести к разновидностям социальных конфликтов, поэтому при анализе его участников, объектов, мотивации необходимо учитывать как социально-экономические, политические и иные факторы, так и факторы сугубо юридические. Возникновение конфликтов именно в юридической среде нельзя, думается, связывать с действиями исключительно правовых обстоятельств, так как глубинные причины конфликта могут находиться вне правовой сферы, например в экономике или политике, а разрешаться конфликт может в сфере именно правовой.

Когда мы рассматриваем конфликт как порождение существующих коллизий в праве, то должны обращать внимание на то, что противоречие (разногласие) возникло между правилами поведения, в большинстве случаев объемом субъективных прав и юридических обязанностей и нормативно установленным порядком их реализации определенными субъектами. Иными словами, конфликт возник при выполнении правом своей регулятивной статической функции. Здесь процедуры разрешения юридических конфликтов в большей или меньшей степени определены в рамках общей теории права, например, способы разрешения иерархических коллизий, коллизий между общими и специальными нормами, официальное толкование и т.д.

На уровне применения права юридические конфликты уже связаны с реализацией права, право выполняет свою регулятивную динамическую функцию, например, коллизии между полномочиями государственных органов. Субъекты выполняют законодательно установленные юридические обязанности, используют свои

субъективные права с применением нормативно закрепленных процедур. Первоначально конфликт может и не проявляться, т.е. он носит скрытый (латентный) характер или возникать в строго очерченных сферах правового регулирования. И здесь возникают проблемы, причины которых находятся в неточном закреплении полномочий или порядка реализации субъективных прав и юридических обязанностей в законодательстве. Необходимо вносить изменения в действующее законодательство и разрешать юридические конфликты, возникшие в рамках правовых отношений, регулируемых с помощью норм, содержащих противоречия.

Необходимо отметить, что юридический конфликт можно рассматривать как крайнее проявление существующих в праве и правоприменении противоречий, когда согласие не достигнуто, недостаточно использованы превентивные примирительные процедуры, отсутствует ясность по поводу реализации юридических норм, нет необходимых официальных актов толкования права; возникают новые общественные отношения, а право не успевает их урегулировать; определенные социальные силы резко отстаивают свои интересы с помощью права и т.д.

Поэтому крайне важным представляется изучение причин возникновения юридических конфликтов, роли различного рода коллизий в этом процессе, что обязательно должно учитываться учеными-теоретиками при определении тематик своих научных исследований.

И. В. Дворянсков посвятил свое выступление проблемам семиотики уголовного закона. В последнее время наблюдается тенденция рассмотрения уголовного закона исключительно как инструмента для решения насущных (с позиции законодателя) социальных проблем. Такой подход основан на довольно простой схеме: наличие триггерного явления – придание ему криминальной окраски – криминализация этого явления. Следствием этого является очевидное уже не только для специалистов, но и простых обывателей чрезмерное раздувание объема уголовного закона [5, с. 84; 6, с. 76]. Очевидно такое количество изменений, к тому же принимаемых ситуативно, с высокой скоростью не способствует сохранению качества уголовно-правового регулирования. Более того, чрезмерно интенсивное введение новых составов преступлений увеличивает энтропию, которая в свою очередь ведет к деструкции уголовного закона.

Следует говорить не только о тексте, но и шире – о семиотике, имея в виду цифровую и знаковую составляющие. Изложение уголовно-правового материала осуществляется с помощью целого комплекса семиотических (знаковых) средств. Само по себе можно оценить позитивно, поскольку чем богаче язык, тем точнее может быть описано явление. А точность изложения, безусловно, является залогом эффективности применения закона. Однако анализ сложной семиотики уголовного закона приводит к возникновению ряда неочевидных на первый взгляд вопросов.

Во-первых, почему вообще в УК РФ сочетаются арабские и римские цифры, причем последние выше по иерархии, ибо обозначают наиболее крупные структурные элементы – разделы? Такая же смешанная нумерация наблюдается и в других кодексах, в частности в ГК РФ или КоАП РФ. Очевидно, что на протяжении истории законодатель хоть и не всегда, но периодически прибегал к римской нумерации как в сочетании с арабской, так и безальтернативно. Нельзя дать однозначного от-

вета о причинах этого. Однако римская нумерация в сочетании с арабской всегда использовалась для обозначения структурных элементов закона высшего порядка. Последняя же носила подчиненный характер. Это в свою очередь может косвенно свидетельствовать о европейских корнях и традициях российского законодательства, рецепции *ius romanum* как протоосновы современного права.

Еще одной проблемой является оппозиция изначальной нумерации в действующем уголовном законе и цифровых обозначений вносимых изменений. Сплошная (сквозная) нумерация структурных элементов УК РФ символизирует его стабильность, незыблемость, говорит о провидческой мудрости закона, который будучи принят однажды, устремляется в будущее, фиксируя преступность и наказуемость на протяжении существенного отрезка времени.

Автор утверждает, что юридическая техника негласно подчиняется *принципу красоты*, который предполагает стремление к совершенству формы и содержания правового текста.

Что же касается вопроса индексов одномерных статей, то о нем в научной литературе практически ничего не говорилось. Речь идет о проблеме цифрового обозначения статей, включаемых в качестве дополнения в УК РФ с одним и тем же номером (пример, ст. 159–159.6 УК РФ).

Утверждается, что язык уголовного закона, чтобы быть понятным и доступным для правоприменителя, должен соответствовать определенным правилам, в частности, оперировать единообразными унифицированными средствами выражения. Нумерация статей играет существенную роль в квалификации преступлений и применении уголовно-правовых норм. Залогом эффективности этих процессов является в том числе и правильное обозначение этих норм, как в письменной, так и в устной речи. Следует сказать, что зачастую в профессиональной среде специалистов в области уголовного права встречаются ошибки индексируемых дополнений одномерных статей УК РФ. Их можно свести к следующим: индекс называется «значком»; латинское числительное «*prim*» («первый»), используется для обозначения дополнительно введенных одномерных статей. Между тем термином «значок» или «знак» обозначаются графические символы. Числовые (или буквенные) показатели, располагающиеся, как правило, справа и сверху от основной цифры (пример – ст. 159[1] УК РФ), обозначаются термином «индекс».

В научных публикациях и выступлениях, а нередко – и в профессиональном общении ошибочно используется латинское числительное «*prim*». Так, можно встретить такое речевое обозначение дополнительно введенных одномерных статей как «статья такая-то прим один, прим два» и т.д. Следует обратиться к значению данного слова, которое означает – первый. Соответственно, термин «прим» может обозначать только статью с индексом один. При этом не нужно, как часто бывает, добавлять к латинскому также и русское числительное (например, «статья такая-то прим один»). Это не придает силы или ясности высказыванию, а делает его просто неграмотным. Кроме того, необходимость создания машиночитаемого текста закона, а также допустимая в перспективе возможность распознавания устной речи в судопроизводстве с помощью искусственного интеллекта обусловливает необходимость грамотного и единообразного воспроизведения текста уголовного (и

не только) закона. Таким образом, исследование отражения текста уголовного закона, как в официальных источниках, так в коммуникации, прежде всего, профессиональной, выявляет целый спектр проблем, от решения которых, очевидно, зависит эффективность его применения.

Продолжил дискуссию **В. Ю. Панченко**, который отметил, что в юридической литературе высказана позиция о том, что «в специальном термине, обозначающем подобного рода юридический конфликт, нет никакой необходимости. Право вообще регулирует общественные отношения в конфликтном состоянии, ибо в бесконфликтном состоянии они не нуждаются в особом регулировании со стороны государства, они протекают сами по себе», «юридического конфликта как особого вида социального конфликта, протекающего в правовой сфере, не существует. <…> О конфликте можно вести речь исключительно в социологическом понимании», «как не существует в реальности и некоего особого правового пространства, правовой сферы» [7, с. 163–165]. Такие суждения отрицают устоявшиеся в науке представления о членении типов реальности, их иерархии – в таком случае нет смысла говорить о политической, экономической, религиозной, морально-этической, духовной, виртуальной и т.п. сферах жизни человека и общества, однако четко ориентируют нас на тот факт, что причины юридических конфликтов лежат в вне правовой жизни – изначально возникнув в сфере экономических, межличностных и т.д. отношений, на определенном этапе существования они «входят» в правовую форму, развиваются по присущим правовой жизни закономерностям, затем ее покидают либо вновь возвращаются в правовую плоскость и т.д. во множестве вариантов. Особенностью, которая придает юридическому конфликту собственно правовой характер, является участие в них государства, его органов. Юридический конфликт представляет собой всегда публичное социальное взаимодействие, связанное с реальным либо с потенциально возможным участием органов публичной власти (так, хозяйствующие субъекты оформляют договоры с соблюдением предусмотренных правом требований рассчитывая, что в случае споров государство обеспечит их исполнение) и в этом плане к правовым конфликтам вполне применимо ленинское выражение: «для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное».

О. В. Романовская посвятила свое выступление юридическим мерам противодействия пациентскому экстремизму, плотно вошедшему в медицинскую сферу. С одной стороны, объяснимо, что граждане страны предъявляют претензии к качеству оказания медицинской помощи. Но, с другой стороны, не всегда эти претензии носят обоснованный характер. Нередки случаи, когда жалобы строятся лишь по принципу нанести урон деловой репутации медицинской организации, чести и достоинству конкретного медицинского работника. Зачастую подача претензии основана на единственном желании либо вернуть денежные средства, потраченные на медицинское обслуживание, либо еще и оказаться в прибыли – заработать нетрадиционным способом на собственном здоровье. Именно такое агрессивное поведение пациентов (не обусловленное дефектами качества оказанной медицинской услуги) и получило общее название – «пациентский экстремизм».

Одной из основных причин такого явления выступает понимание медицинской помощи как разновидности медицинской услуги, что находит свое прямое подтверждение в Гражданском кодексе РФ (ст. 779) и в Федеральном законе

от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 2). Следствием этого также выступает распространение на здравоохранительные правоотношения Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей». По общему правилу пациент приобретает статус потребителя, а значит, все права и гарантии, которые ему предоставлены указанным законом (а также общее представление о взаимодействии с врачом сквозь призму принципа – потребитель-пациент всегда прав).

Справедливости ради необходимо отметить, что аналогичные проблемы присутствуют и за рубежом. В США разбирательства по искам, связанным с медицинским ошибками, обходятся в 55,6 млрд долл. в год. Большая часть сумм тратится на примирительные процедуры, экспертизу, дополнительное обследование [8]. В США имеется даже такое понятие как «перестраховочная медицина», когда врач назначает дополнительные обследования или лечение, не исходя из состояния здоровья пациента, а «на всякий случай» – во избежание возможных юридических претензий [9]. Осознавая себя лишь как обладателем значительного объема прав, не представляя личную ответственность за собственное здоровье, гражданин ожидает чуда от медицинских работников, волшебства от таблетки или операции. Когда происходит неисполнение завышенных ожиданий, то виновными оказываются, прежде всего, врач и медицинская организация.

Какие формы может приобретать пациентский экстремизм и как им противостоять? В трудовых отношениях появился новый термин – моббинг – психологическая травля в трудовом коллективе. В данном случае можно говорить и о пациентском моббинге по отношению к медицинским работникам. Виды такого давления заключаются в следующем:

1) придирки. Пациент, изначально нацеленный на конфликт, к тому же если он получил юридические инструкции, будет пытаться создать определенное информационное поле вокруг оказания ему медицинской услуги. Это будет заключаться в подаче мелких жалоб по любому удобному случаю. Каждое обращение должно быть оперативно разобрано, по нему должен быть дан ответ. Нельзя делать видимость, что ничего не происходит, поскольку это дальше может привести к серьезным искам, когда пациент будет указывать не столько на дефекты в медицинском обслуживании, а на то, что на него никто не реагировал. Отсутствие ответа потребителю услуги также является нарушением законодательства. Наибольшие сложности возникают с видеофиксацией процесса оказания медицинской услуги самим пациентом. В большинстве медицинских организаций утвержден запрет на видеосъемку, что связано с обеспечением врачебной тайны. Однако пациент, фиксируя свое взаимодействие с медицинским работником, не посягает на неприкосновенность собственной частной жизни. С другой стороны, внедряется видеофиксация со стороны медицинской организации. При этом пациент зачастую не предупреждается, что выступает объектом съемки. Требования безопасности вступают в конфликт с границами частной жизни, что выступает серьезной методологической проблемой, поскольку затрагивает баланс конституционных ценностей;

2) бойкот. У пациента может быть собственное представление о ходе лечения. В случае несогласия с медицинским работником пациент может либо устраивать «тихую забастовку», делая видимость согласия с назначенными процедурами, но

искренне их саботируя. Возможен прямой отказ: от приема как к лечащему врачу, так и к специалисту, к которому направил лечащий врач; от сдачи анализов; от прохождения дополнительной диагностики.

Основой конфликта выступает сама возможность пациента определять ход лечения, его методику, что обусловлено концепцией его автономии. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривает обязанности пациента (ст. 27), но их содержание носит отчасти формальный характер, не предполагая меры ответственности за их нарушение. В отличие от пациента оказание медицинской помощи – обязанность медицинского работника, реализация которой должно происходить даже в отсутствие терапевтического сотрудничества. При этом, как отмечает Г. Б. Романовский [10, с. 19], необходимо проводить грань между обязанностью медицинского работника и обязанностью лечащего врача;

3) дезинформация. Пациент в силу каких-то причин может не сообщать все данные о своем здоровье, представить «параллельную» медицинскую карточку, в которой отражены не все заболевания и не все результаты ранее проведенных исследований. Участились случаи подделки тех или иных документов, которые предваряют, например, направление на госпитализацию;

4) доносительство. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» предусматривает широкие возможности по организации государственных проверок по инициативе граждан. При этом отсутствует ответственность за представление в государственные органы сведений, не соответствующих действительности. Следует учитывать, что жалобы могут касаться не только самой медицинской услуги, но и качества сопутствующих услуг, не являющихся в полном смысле слова медицинскими. Так, потребитель может ссылаться на плохие бытовые условия, некачественное питание.

При создании системы противодействия пациентскому экстремизму, необходимо учитывать, что, при травле медицинской организации, медицинского работника происходит изъятие времени, ресурсов и сил, которые могли быть потрачены на тех граждан, которые нуждаются в оказании квалифицированной медицинской помощи. Защищенный врач – это такая же ценность, как и защищенный пациент.

О. И. Цыбулевская и **Т. В. Милушева** посвятили свое совместное выступление проблеме баланса интересов личности, общества, государства с целью преодоления конфликта интересов. Было отмечено, что социальные противоречия в современной России имеют глубокие корни, они выражены в конфликте личных и общественных интересов, системе организации власти, законодательстве, морали и т.п.

В отечественной гуманитарной науке выработано понятие «конфликт интересов», который имеет множество трактовок. Представляется возможным выделить две основные точки зрения: в широком смысле конфликт интересов понимается как противоречия, например, в военной, социальной и т.п. сферах. В «узком», специально-юридическом смысле речь идет, например, о конфликте интересов в системе государственной гражданской службы. Где бы ни возникал конфликт интересов, какого бы свойства ни была коллизия – морального, правового или иного характера, имеет место противоречие между интересами: личными, государственными и личными, общественными и государственными и т.д.

Теоретические и практические вопросы баланса интересов находится в фокусе современных юридических исследований: уточняется содержание понятий публичного, общественного, частного, государственного интересов, баланса интересов; вырабатываются критерии такого баланса.

Раскрывая взаимодействие личного и общественного интереса, подчеркнем: диалектика их отношений проявляется в том, что каждый человек преследует свой личный интерес, реализует свои собственные возможности для удовлетворения личных потребностей, но при этом каждый включен в общую систему социальных отношений, которая основана на интересах и личности, и общества, и государства. В таком, казалось бы противоречивом взаимодействии и осуществляется интеграция общественного и личного; общественные потребности и интересы становятся личным делом каждого. Таким образом, личные интересы субъектов, включенных в систему общественных отношений под влиянием внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов постепенно трансформируются в публичные (общественные и государственные). В условиях демократии соотношение интересов личности, общества и государства основано на принципах свободы и взаимной ответственности, а функцией демократии является удовлетворение потребностей всех включенных в нее субъектов [11, с. 37].

Следует в то же время оговориться, что публичный интерес нельзя понимать сугубо как интерес государства, отделенный от интересов граждан, корпораций и общества. Публичный интерес есть общесоциальный интерес, отражающий в концентрированной форме весь спектр интересов в обществе. В идеале при таком подходе нет места противоречию между личными, групповыми и общественными (публичными) интересами, поскольку они находятся в диалектическом единстве. Необходимо разграничивать интересы государства, общества и отдельных граждан, поскольку они объективно различаются. Однако такое разграничение вовсе не означает, что интересы названных субъектов непременно должны быть противоположными, конфликтующими. Ведь государство функционирует в интересах гражданского общества и отдельной личности, поэтому интересы государства должны отражать интересы общества и отдельных граждан.

Полагаем, что баланс интересов государства, общества и личности представляет собой состояние системы отношений, правовой режим, при котором: наиболее полно удовлетворяются права и законные интересы граждан; развиваются институты гражданского общества; обеспечивается национальная безопасность; имеет место взаимовыгодное сотрудничество субъектов во всех сферах общественной жизни; ограничение прав, свобод и законных интересов субъектов отношений соразмерно поставленным целям достижения социально-полезных результатов и принципам законности и справедливости.

Хотя критерии такого баланса в науке недостаточно разработаны, ими можно считать следующие показатели: бесконфликтная реализация основных прав и свобод граждан; наличие эффективной системы защиты прав граждан; институтов гражданского общества, способных доносить до власти интересы общества, сформированность системы общественного контроля; взаимная ответственность государства, общества и личности, выражающаяся в конкретных взаимоувязанных

нормах юридической ответственности всех субъектов общественных отношений; реализация принципов законности и справедливости.

Баланс публичных и частных интересов не носит абсолютного характера, не представляет полного равенства указанных интересов. Более того, можно предположить, что такое равенство условно, так как отдельный гражданин, отдельная общность людей никогда не могут быть равны государству как властно-политической организации, обладающей к тому же разнообразными средствами и ресурсами принуждения, что ставит государство над обществом [12, с. 86–87]. Учитывая означенное, Конституционный Суд РФ в своих постановлениях использует такую терминологию, как «справедливый баланс интересов», «разумный баланс интересов», «рациональное сочетание публичных и частных интересов», имея в виду то, что полного равенства такого рода интересов не может быть в принципе.

Преодолеть конфликт интересов, негативные «эффекты» социальной аномии возможно путем диалога государства и общества, уравновешивания интересов, формирования понятных всем целей государственно-правового развития; повышения авторитета нравственных и правовых норм, значимости правомерного поведения субъектов в соответствии с официально одобряемыми целями, минимизации «двойных стандартов» в правоприменении.

Е. Н. Чекушкина посвятила свое выступление теме «Социальная рефлексия как способ разрешения конфликтов». Она отметила, что неотъемлемой частью многовековой истории человечества является конфронтация мнений, целей и жизненных установок различных социальных страт – классов, наций, религиозных сообществ и др. В значительной степени это относится и к современному миру, буквально раздираемому противоречиями – как межгосударственными, так и внутри социумов отдельных стран. Конфликты во всем их разнообразии являются непреходящей темой для исследований самых разных отраслей гуманитарного и общественного научного знания – философии, социологии, политологии, психологии, исторических дисциплин.

Возникновение конфликта неразрывно взаимосвязано с состоянием напряженности в обществе. Конфликт начинается не сразу. Причиной его возникновения являются деструктивные отступления от существующих норм. Конфликт формируется в определенной социальной среде, которая как бы создает фон конфликта. В этот фон входят самые разные сегменты жизни социума: СМИ, Интернет, общественное мнение, общественные настроения и страхи, реакция на конфликт со стороны государства и права, разного рода политических сил, организаций и структур и т.д.

Полагаем, что жизнь отдельного человека и общества «вне конфликта» в принципе невозможна, является утопией, и на основании этого тезиса можно сделать заключение о необходимости выработки «цивилизованного» пути их преодоления.

На современном этапе развития общества можно выделить основные направления в исследовании способов разрешения конфликтов: разработка и изучение различных конфликтов; выявление причин и анализ факторов его возникновения; применение компьютерных технологий, моделирования, прогнозирования, цифровой среды; разработка и реализация на практике эффективных и успешных моделей урегулирования конфликтов всех видов.

По нашему мнению, социальная рефлексия является необходимым способом разрешения конфликтов. Она способствует эффективному выходу из конфликтов с ми-

нимальными утратами. Полагаем, что социальная рефлексия обладает огромным потенциалом в культурных, идеологических, мировоззренческих и других конфликтах. Она имеет огромное значение в таких видах конфликта, где имеется недостаток межличностного общения, диалога ценностных и мировоззренческих систем [13, с. 56].

Взаимопонимание, аргументация, консенсус являются важными структурными элементами взаимодействия людей. Социальная рефлексия, осуществляемая в самосознания субъекта, предполагает диалог. Рефлексия предполагает длительное согласование позиций конфликтующих сторон с постепенной выработкой взаимоприемлемого решения. Целью социальной рефлексии является профилактика и предотвращение конфликтов. Она представляет собой важный способ выявления, управления, преодоления, разрешения конфликтов в наиболее оптимальной форме.

Таким образом, социальная рефлексия направлена на понимание, осознание целей и задач общих действий и поступков в конфликтных ситуациях. Она позволяет формировать, развивать, расширять и реализовывать созидательные возможности человеческого сознания; способствует диалогу, сочетанию конструктивности, ориентирована на согласование и учет интересов противоположных сторон. Она является базисным основанием коммуникационных позиций процессов развития, преодоления, управления, разрешения конфликтов, поскольку предполагает осознание себя, своей деятельности, общества и т.д.

Пристатейный библиографический список

1. *Боженко В. А.* Определение понятия «конфликт» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2000. № 2.

2. *Шадрина Е. Н.* «Общественный договор» Томаса Гоббса: историко-философская реконструкция концепции // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 7.

3. *Степин А. Б.* Правовой конфликт в механизмах защиты гражданских прав // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 4.

4. *Михайлова Е. В.* Виды примирительных процедур по российскому законодательству // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1 (37).

5. *Назаренко Г. В., Ситникова А. И.* Качество Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективы его повышения // Актуальные проблемы государственно-правовых преобразований в России: история и современность : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля, реформатора и ученого М.М. Сперанского / под ред. Е. Е. Тонкова, В. Ю. Туранина. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022.

6. *Лопашенко Н. А.* Уголовно-правовые скрепы перед глобальными вызовами человечества // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами : сб. тр. по матер. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. в рамках III Сарат. юрид. форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России» (9 июня 2023 г.) / под общ. ред. А. Г. Блинова, Е. В. Кобзевой, Н. С. Мановой. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023.

7. *Филиппова С. Ю.* Инструментальный подход в науке частного права. М. : Статут, 2013.

8. *Mello M. M., Chandra A., Gawande A. A., Studdert D. M.* National Costs of the Medical Liability System // Health Affairs. 2010. Vol. 29. No. 9.

9. *Horton J. B., Hollier L. H.* The Current State of Health Care Reform: The Physicians' Burden // Aesthet Surg Journal. 2012. Vol. 32.

10. *Романовский Г. Б.* Обязанности медицинских работников // Медицинское право. 2014. № 4.

11. *Магомедов Г.* Конфликт интересов в системе государственной гражданской службы: социологический аспект исследования проблемы // Государственная служба. 2005. № 6.

12. *Морозова Л. А.* Баланс публичных и частных интересов как средство достижения компромисса в праве // Компромисс в праве: теория, практика, техника : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, А. В. Парфенова. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2014.

13. *Чекушкина Е. Н., Родина Е. Н., Митяева Р. А.* Роль рефлексии в преодолении социальных конфликтов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 5 А.

References

1. *Bozhenko V. A.* Definition of the Concept of "Conflict". *Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series: Legal Sciences*, 2000, no. 2. (In Russ.)

2. *Shadrina E. N.* "The Social Contract" of Thomas Hobbes: Historical and Philosophical Reconstruction of the Concept. *Bulletin of Vyatka State University*, 2017, no. 7. (In Russ.)

3. *Stepin A. B.* Legal Conflict in Mechanisms for the Protection of Civil Rights. *Arbitration and Civil Procedure*, 2021, no. 4. (In Russ.)

4. *Mikhailova E. V.* Types of Conciliation Procedures Under Russian Legislation. *Prologue: A Magazine About Law*, 2023, no. 1 (37). (In Russ.)

5. *Nazarenko G. V., Sitnikova A. I.* The Quality of the Criminal Code of the Russian Federation and Prospects for its Improvement. In *Tonkov E. E., Turanin V. Yu. (eds.)*. Current Problems of State and Legal Reforms in Russia: History and Modernity: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 250th Anniversary of the Birth of the Outstanding Statesman, Reformer and Scientist M.M. Speransky. Belgorod: National Research University Belgorod State University Publishing House, 2022. (In Russ.)

6. *Lopashenko N. A.* Criminal Legal Bonds in the Face of Global Challenges of Humanity. In *Blinov A. G., Kobzeva E. V., Manova N. S. (eds.).* Modern Global Challenges and Their Neutralization by Criminal Legal, Criminological and Criminal Procedural Means: Collection of Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation Within III Saratov Legal Forum "Legislative Policy and Law Enforcement in Modern Russia" (June 9, 2023). Saratov: Saratov State Legal Academy Publishing House, 2023. (In Russ.)

7. *Filippova S. Yu.* Instrumental Approach in the Science of Private Law. Moscow: Statut, 2013. (In Russ.)

8. *Mello M. M., Chandra A., Gawande A. A., Studdert D. M.* National Costs of the Medical Liability System. *Health Affairs*, 2010, vol. 29, no. 9. (In Russ.)

9. *Horton J. B., Hollier L. H.* The Current State of Health Care Reform: The Physicians' Burden. *Aesthet Surg Journal*, 2012, vol. 32. (In Russ.)

10. *Romanovskii G. B.* Responsibilities of Medical Workers. *Medical Law*, 2014, no. 4. (In Russ.)

11. *Magomedov G.* Conflict of Interests in the System of State Civil Service: Sociological Aspect of the Study of the Problem. *State Service*, 2005, no. 6. (In Russ.)

12. *Morozova L. A.* Balance of Public and Private Interests as a Means of Achieving Compromise in Law. In *Tolstik V. A., Baranov V. M., Parfenov A. V. (eds.)*. Compromise in Law: Theory, Practice, Technology. In 2 vols. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. (In Russ.)

13. *Chekushkina E. N., Rodina E. N., Mitiaeva R. A.* The Role of Reflection in Overcoming Social Conflicts. *Context and Reflection: Philosophy About the World and Man*, 2019, vol. 8, no. 5 A. (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. П. Альбов – доктор юридических наук, профессор.

И. С. Барзилова – доктор юридических наук.

И. В. Дворянсков – доктор юридических наук, профессор.

Т. В. Милушева – доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования РФ.

В. Ю. Панченко – доктор юридических наук.

О. В. Романовская – доктор юридических наук, профессор.

О. И. Цыбулевская – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Е. Н. Чекушкина – доктор философских наук.

Information about authors:

A. P. Albov – Doctor of Law, Professor.

I. S. Barzilova – Doctor of Law.

I. V. Dvoryanskov – Doctor of Law, Professor.

T. V. Milusheva – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of the Education Sphere of the Russian Federation.

V. Yu. Panchenko – Doctor of Law.

O. V. Romanovskaya – Doctor of Law, Professor.

O. I. Tsybulevskaya – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.

E. N. Chekushkina – Doctor of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 12.09.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 09.12.2024.

Обзорная статья
УДК 340
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-342-350

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ФОРМАТЕ КРУГЛОГО СТОЛА «ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ», 18 НОЯБРЯ 2023 ГОДА, СРЕДНЕ-ВОЛЖСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ) ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ) В г. САРАНСКЕ

Михаил Александрович Елдин[1]

Александр Валерьевич Логинов[2]

Владислав Юрьевич Панченко[3]

Виталий Данусович Саттаров[4]

Елена Николаевна Чекушкина[5]

Андрей Викторович Шишканов[6]

[1] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 430005, г. Саранск, Россия, ул. Большевистская, д. 68

[2,5,6] Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске, 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

[3] Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

[3] Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79

[4] Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 614012, Россия, Пермь, ул. Карпинского, д. 125

[1] eldin1974@yandex.ru

[2] Loginov77@rambler.ru

[3] panchenkovlad@mail.ru

[4] sattarov_@mail.ru

[5] elenachekushkina@yandex.ru

[6] shishkanov044@mail.ru

Аннотация

В выступлениях участников Всероссийской научно-практической конференции в формате круглого стола «Проблемы происхождения и будущего государства и права в современных политико-правовых воззрениях», которая состоялась 18 ноября 2023 г. в Средне-Волжском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске, обоснованы выводы: об учете опыта византийского права в развитии европейской и русской социальной и нравственной эволюции государств; о необходимости комплексного анализа современной политики на основе сетевой логики и сетевых образов; об объективности государства, его обусловленности природой человека; о направлениях развития современной теории правосубъектности; о значении лжи как социального политического фактора; о необходимости исследования современных концепций цивилизационного развития России.

Ключевые слова: византинизм; циклические концепции; сетевая структура политики; политогенез; правосубъектность; ложь; многополярность; теория государства и права.

Для цитирования: *Елдин М. А., Логинов А. В., Панченко В. Ю., Сатаров В. Д., Чекушкина Е. Н., Шишканов А. В.* Обзор Всероссийской научно-практической конференции в формате круглого стола «Проблемы происхождения и будущего государства и права в современных политико-правовых воззрениях», 18 ноября 2023 года, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 342–350. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-342-350

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE IN A ROUND TABLE FORMAT "PROBLEMS OF THE ORIGIN AND FUTURE OF STATE AND LAW IN MODERN POLITICAL AND LEGAL VIEWS", NOVEMBER 18, 2023, MIDDLE VOLGA INSTITUTE (BRANCH) OF ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE IN SARANSK

Mikhail A. Eldin[1]
Alexander V. Loginov[2]
Vladislav Yu. Panchenko[3]
Vitaly D. Sattarov[4]
Elena N. Chekushkina[5]
Andrey V. Shishkanov[6]

[1] National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev, 68 Bolshevistskaia St., Saransk, 430005, Russia

[2,5,6] Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

[3] All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

[3] Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia

[4] Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 125 Karpinskii St., Perm, 614012, Russia

[1] eldin1974@yandex.ru

[2] Loginov77@rambler.ru

[3] panchenkovlad@mail.ru

[4] sattarov_@mail.ru

[5] elenachekushkina@yandex.ru

[6] shishkanov044@mail.ru

Abstract

In the speeches of the participants of the All-Russian scientific and practical conference in the format of a round table "Problems of the Origin and Future of the State and Law in Modern Political and Legal Views", which took place on November 18, 2023 at the Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice in Saransk, the following conclusions are substantiated: on taking into account the experience of Byzantine law in the development of European and Russian social and moral evolution of states; on the need for a comprehensive analysis of modern politics based on network logic and network images; on the objectivity of the state, its determinacy by hu-

man nature; on the directions of development of the modern theory of legal personality; on the significance of lies as a social political factor; on the need to study modern concepts of the civilizational development of Russia.

Keywords: Byzantinism; cyclical concepts; network structure of politics; politogenesis; legal personality; lies; multipolarity; theory of state and law.

For citation: *Eldin M. A., Loginov A. V., Panchenko V. Yu., Sattarov V. D., Chekushkina E. N., Shishkanov A. V.* Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference in a Round Table Format "Problems of the Origin and Future of State and Law in Modern Political and Legal Views", November 18, 2023, Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice in Saransk. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 342–350. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-342-350

18 ноября 2023 г. в Средне-Волжском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске состоялась Всероссийская научно-практическая конференция в формате круглого стола на тему «Проблемы происхождения и будущего государства и права в современных политико-правовых воззрениях».

М. А. Елдин, выступая на тему «Влияние византийской нравственно-правовой традиции на российское политико-правовое пространство», обратил внимание участников конференции на тот факт, что ценности государства выражены в каждой сфере общества, для правовой сферы это права человека, судебная система, право собственности и др.

В сегодняшней динамично меняющейся ситуации времени важно понимать те узы, которые позволили византийцам сохранить «Второй Рим» изначально отрицал эгоцентризм и ориентировался не на узкие этнические традиции, а теорию общегосударственной пользы.

Правовое регулирование в Византии позволяло выстроить оптимальные продуктивные отношения в обществе. Ценности внутреннего мира личности в правовой сфере характеризовались наличием определенных прав и законов, регулирующих деятельность человека в Советском государстве. Эти права были прямым отражением особенностей правового регулирования государства и его политического строя.

Указанная специфика византийской традиции сохранялась как долговременный фактор общественного сознания в среде православных государств. Право в виде установленных законом норм и правил регулирует поведение человека в рамках общечеловеческих ценностей, приводит к соблюдению и уважению в обществе установленных культурой духовных ценностей. Благодаря византийскому законодательству ценности, правила морали приобретают стандартные общеобязательные для исполнения нормы поведения в традиционном номократическом государстве.

Для культуры России было характерно преобладание духовных начал с опорой на раскрытие душевности и человеколюбия посредством искусства, также

через культуру воплощалось отношение населения к проистекающим событиям и мировосприятие населения. На смену церковно-византийской идее русского Средневековья как социальной доминанте пришел принцип государственного этатизма Нового Времени, где главными ценностными категориями были бюрократический империализм и целесообразность. Де-юре и де-факто, только после того, как Российская империя включила крымские территории, где находились византийские владения, русские получили право считаться духовными преемниками византийцев.

А. В. Логинов посвятил свое выступление теме «Проблемы научной функциональности циклического подхода при исследовании процесса развития политической системы государства». Он отметил, что в рамках циклически-процессуального подхода политический процесс рассматривается как некая последовательность изменений или перемен. Последние можно исследовать с двух доктринальных позиций. Во-первых, с позиции достижения определенной совокупности политических целей и содержания. В таком случае целесообразно будет применение линеарных теорий, которые позволяют измерить, насколько политическая система того или иного государства достигла или продвинулась к заветной цели, а также соответствуют ли политические изменения в системе заданному направлению общественного развития. Во-вторых, можно акцентировать исследовательский интерес на внутренних механизмах политических изменений, этапности политического процесса, периодическом воспроизводстве зарекомендовавших себя традиционных укладов элитарного и массового политического сознания.

В практическом срезе политическое развитие, как правило, представляет собой комбинацию традиционного уклада, заключенного в историческом опыте, и новаций, привнесенных научно-техническим прогрессом, прогрессивными политическими веяниями, что в своей совокупности далеко не всегда встраивается в линеарную парадигму. В данном контексте циклически-волновые теории более точно отражают реальную механику политических изменений, приближенную к ранее открытым законам синергетики, а также политическому моделированию, основанному на этих законах.

Комплексный анализ представленных в науке циклически-волновых концепций политической динамики позволил нам прийти к выводу о том, что имеющиеся в политической науке циклические теории далеко не всегда обладают необходимым для объяснения политической механики прогностическим потенциалом. Одной из причин сложившейся ситуации является низкая степень инструментализации и малофункциональность представленных в политической науке концепций цикличности. В циклически-волновых концепциях не всегда подвергается исследованию сложная сетевая составляющаяся современной политики. Как следствие этого, уровень инструментальности современных концепций по-прежнему оставляет желать лучшего. Феномены объективного сжимания темпоральной составляющей циклов и усложнения самой политики объективно требуют своего отражения в современных циклически-волновых теориях.

Учитывая то обстоятельство, что современная политика – это не только система, в основе которой лежат традиционно-иерархические и конфликтогенные со-

ставляющие и взаимосвязи, но и сетевые маркеры и отношения, можно сделать вывод о том, что для ее комплексного анализа необходима концепция, которая акцентирует внимание на сетевой логике и сетевых образах. В этой связи для современной политической науки представляется актуальным разработка теорий фундаментального типа, в основе которых на уровне закономерностей и законов ставилась бы задача панорамного исследования и объяснения текущего состояния политической системы, а также определения магистральной направленности политического процесса. Разработка и применение синергетической модели политического цикла имеют вполне осязаемые научные перспективы, связанные не только с комплексным исследованием современного политического процесса, но и с потенциалом дальнейшего совершенствования системной методологии политической науки.

Продолжил дискуссию **В. Ю. Панченко**, который остановился на теме «Объективность государства», отметив, что проблема происхождения (возникновения) государства и права – один из центральных вопросов политологии и юриспруденции. Полагаем, что основными препятствиями к научному консенсусу по обозначенным вопросам, выступают, во-первых, отсутствие конвенциональности в вопросах об определении понятий государства (политическая организация общества, полития и т.д.) и права; во-вторых, гносеологическое искажение – когда государство и право объекты реальной действительности подменяются вопросами их осмысления, представлениями о них в ту или иную эпоху, включающими в себя описание не только (а иногда и не столько) сущего, реальности, данной нам в ощущениях, а добавлением идеальных элементов, – соображений о том, какими должны быть государство и право.

На наш взгляд, наиболее полно, обстоятельно и аргументировано позиция, адекватно отражающая место и роль государства и права как явлений социальной эволюции, в отечественной теории государства и права представлена в работах профессора С. А. Дробышевского, согласно представлениям которого «возникновение политической организации общества и права – аспект социогенеза, а не процесс, который совершился в уже сложившихся человеческих коллективах на одном из этапов их эволюции», «политическая организация общества и право не только функционируют на протяжении всей человеческой истории, но и имеют с человечеством общую судьбу» [1, с. 9–10]. Такой подход подтвержден новейшим исследованием, проведенным с позиций синергетики, одним из выводов которого явилось утверждение о государстве как универсальной самоорганизационной политической системе, продукте социальной эволюции, возникшем в качестве института, который способен обеспечить самосохранение определенному контингенту людей [2, с. 12–13].

Отсюда государство есть самообусловленное [3] объективное, вызванное природой человека как биосоциального существа, состояние включенности людей в социальные организмы, которые в силу действия объективной закономерности складывания иерархических структур, деления на лидеров и последователей, управляющих и управляемых, возникают в силу естественных причин одновременно с появлением общества и человека. При этом терминологическое обозначение

таких структур (государство, политическая организация общества и т.д.) принципиального значения не имеет.

Для утверждения такого понимания возникновения государственности в перспективе необходимо последовательное и научно обоснованное преодоление мифа о первобытном равенстве, который не находит подтверждения на практике, но продолжает играть негативную стереотипную роль в отечественной теории государства и права.

В. Д. Саттаров посвятил свое выступление теме «Теория правосубъектности: актуальное состояние и развитие», в котором выделил основные направления ее возможного будущего совершенствования: во-первых, правосубъектность искусственного интеллекта (в научных спорах по вопросу признания искусственных интеллектуальных систем и роботов (если эти системы в них интегрированы) полноценными участниками правоотношений, обладающими правами и обязанностями и способными нести юридическую ответственность, отрицание уступает место осторожным предположениям по поводу того, что в будущем существует потенциальная, хотя и малая вероятность изменения правового статуса указанных технологических систем); во-вторых, определение правового статуса виртуального субъекта, под которым понимается участник информационных правоотношений в сети Интернет, получивший права и обязанности в результате создания виртуального сетевого образа (аватара), а также обладающий значительно меньшей в сравнении с иными субъектами степенью конкретизации и персонификации; в-третьих, правосубъектность животных; в четвертых, правосубъектность непризнанных государственно-правовых образований. Таким образом, теория правосубъектности в современных условиях продолжает активное совершенствование и объективно нуждается в разрешении противоречий, возникающих на фоне значительных изменений правовой действительности, научно-технического прогресса.

Е. Н. Чекушкина в своем выступлении раскрыла тему «Ложь – феномен социальной действительности». Она отметила, что в социальной действительности ложь и обман становятся константами нравственной жизнедеятельности человека. Феномен обмана (лжи) в гуманитарном знании анализируется как индивидуальный, общественный и стереотипический. Изучая проявления лжи как социокультурного феномена важно определить ложь как намеренное заблуждение, подавление истины, намеренное внушение ложных убеждений для достижения социальных целей и т.д. Поскольку в научной литературе нет четкого разграничения понятий «обман» и «ложь», полагаем возможным рассматривать их как взаимозаменяемые.

Проблема обмана является феноменом социокультурной действительности и составной частью человеческой коммуникации. Феномен лжи в социуме, государстве, экономике, политике, семье, СМИ и т.д. обнаруживается в процессе их коммуникативности. Полагаем, что феномен обмана необходимо анализировать и рассматривать как деструктивный, функциональный, необходимый элемент нравственной культуры и социальной действительности. Он имеет созидательный и разрушительный характер, является важным личностным и социальным аспектом жизнедеятельности институтов, представляет собой деструкцию, но без нее не без нее невозможна человеческая коммуникация и взаимодействие [4, с. 95–104].

Феномен обмана можно рассматривать как явление социального порядка, средство защиты, проявления социальных противоречий, реализации интересов. Ложь может поддерживать организацию государства и социума. Уже в «Государстве» Платон узаконивает право. Идея лжи и обмана, рассматривается как необходимость достижения блага и свободы государства и гражданского общества. Аристотель утверждает, что ложь дурна и заслуживает порицания. Антиподы правдивости: притворство и хвастовство, а также проявления душевных движений: страсть, зависть, радость, обман и т.д.

Правительство, правители, правящие группы широко используют различные функции обмана. Данный феномен – это характеристика и атрибут правительства, официального органа, СМИ и т.д. Современные СМИ предлагают огромное количество информации и очень часто применяют приемы, которые являются обманными. Измерить объем недостоверных сведений практически невозможно. Растет количество сообщений, направленных на привлечение внимания, а не на информирование. Считаем, что важным инструментом защиты от потока ложной информации является критическое мышление.

Завершая работу конференции, **А. В. Шишканов** выступил на тему «Построение государства в рамках идей А. Г. Дугина». Он подчеркнул, что анализ перспектив развития России А. Г. Дугиным начинается с исследования двух альтернативных мифов: западничества и патриотического, которые известны с XIX в. и в той или иной форме актуальны и сегодня. Он считает, что оба мифа «крайне несостоятельны» из-за присущих им противоречий, хотя они остаются живучими, несмотря на попытки отделить их друг от друга с течением времени. А. Г. Дугин считает обе точки зрения важными для понимания будущего развития России, но подчеркивает, что ни одна из них не должна рассматриваться как абсолютная истина сама по себе – только через синтез этих двух мифологий мы можем начать понимать, что ожидает наше государство в будущем. Необходимо исследовать и концепцию многополярности А. Г. Дугина, которая основана на идее о том, что не существует единой человеческой цивилизации, а скорее множество различных локальных цивилизаций, которые взаимодействуют друг с другом, формируя мировой порядок. Проект предполагает, что каждая локальная цивилизация обладает абсолютным суверенитетом над своими внутренними делами и отношениями с другими цивилизациями.

Пристатейный библиографический список

1. *Дробышевский С. А.* Правовое регулирование в первобытном обществе: теоретическая возможность и ее практическая реализация : монография. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020.

2. *Зырянов А. В.* Синергетическая концепция государствопонимания : дис. … докт. юрид. наук. М., 2023.

3. *Альбов А. П.* Внутренний суверенитет: самообусловленность, автаркия, иммунитет // Современный юрист. 2022. № 4.

4. *Чекушкина Е. Н., Родина Е. Н.* Социальная рефлексия, взаимодействие, коммуникация, идентификация – творческий диалог субъектов мысли и действия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5. № 5А.

References

1. *Drobyshevskii S. A.* Legal Regulation in Primitive Society: Theoretical Possibility and its Practical Implementation: Monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2020. (In Russ.)

2. *Zyrianov A. V.* Synergetic Concept of State Understanding: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2023. (In Russ.)

3. *Albov A. P.* Internal Sovereignty: Self-Assessment Conditionality, Autarky, Immunity. *Modern Lawyer*, 2022, no. 4. (In Russ.)

4. *Chekushkina E. N., Rodina E. N.* Social Reflection, Interaction, Communication, Identification – Creative Dialogue of Subjects of Thought and Action. *Context and Reflection: Philosophy About the World and Man*, 2016, vol. 5, no. 5A. (In Russ.)

Сведения об авторах:

М. А. Елдин – доктор философских наук, доцент.
А. В. Логинов – доктор политических наук, доцент.
В. Ю. Панченко – доктор юридических наук.
В. Д. Саттаров – кандидат юридических наук.
Е. Н. Чекушкина – доктор философских наук.
А. В. Шишканов – магистрант.

Information about authors:

M. A. Eldin – Doctor of Philosophy, Associate Professor.
A. V. Loginov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor.
V. Yu. Panchenko – Doctor of Law.
V. D. Sattarov – PhD in Law.
E. N. Chekushkina – Doctor of Philosophy.
A. V. Shishkanov – Master's Student.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 12.09.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 09.12.2024.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

– актуальность,

– цель работы,

– методологию проведенного исследования,

– основное содержание и новизну статьи,

– самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случаи получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статьи снимаются с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 4 / 2024

Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 07.03.2025. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Печ. л. 22,13.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
117638, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936
9 772072 993603